

О. (Д. 2Г)

И 71

Учёные записки.

Т. 7.

История

М.-Казань, 1959
1957

3(06)

И712

Дагестанский филиал Академии наук СССР

Институт истории, языка и литературы
им. Г. Цадасы

Ученые записки

Том VII

Махачкала 1960

1972
Дагестанский филиал АН СССР

72/2P-6A

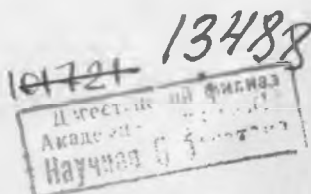
И.И.

Институт истории, языка и литературы
им. Гамзата Цадасы

Ученые записки

Том VII

1961

Махачкала 1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. А. Аликберов, В. Г. Гаджиев, С. Ш. Гаджисва,
Г.-А. Д. Даниялов (ответственный редактор), Ш. А. Микаилов,
Г. Б. Муркелинский, А. С. Омаров, Е. В. Сказин,
Р. Ф. Юсуфов.

ИСТОРИЯ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

РЕВКОМЫ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО УПРОЧЕНИЮ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ

В арсенале разнообразных форм организации и переходных путей борьбы Коммунистической партии за победу и упрочение Советской власти видное место занимали революционные комитеты (ревкомы).

Деятельность ревкомов протекала в различных районах страны по-разному. Продолжительность и размах их работы определялись конкретными объективными и субъективными условиями. Ревкомы, как правило, успешно справлялись с выполнением своей миссии в течение двух-трех, а в некоторых местах — пяти-шести месяцев. В Горской республике ревкомы действовали почти год. В Дагестане же ревкомам пришлось работать в исключительно сложных внутренних и внешних условиях, наложивших свою печать на их деятельность — они существовали здесь около двух лет.

Вот почему изучение специфических условий и особенностей, при которых развернулась деятельность ревкомов, и раскрытие причин, обусловивших продолжительное их существование в Дагестане, представляет научно-исторический интерес. Однако эта тема до сих пор специально никем не исследована. В работах И. Разгона¹, Н. Эмирова², М. Казанбиева³, М. Кичева⁴ и автора этих строк⁵ она затрагивается

¹ И. Разгон. Борьба за власть Советов в Дагестане, Махачкала, 1945.

² Н. Эмиров. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами. М., 1948 г.

³ М. Казанбиев. Образование Дагестанской АССР. «Ученые записки» Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, № 4, 1958.

⁴ М. Кичев. Разгром антисоветского мятежа в Дагестане в 1920—1921 гг. «Ученые записки» Института ИЯЛ, № 3, 1957.

⁵ Г. А. Аликберов. Борьба партии большевиков за упрочение Советской власти в Дагестане (1920—1921 гг.), кандидатская диссертация; главы в «Очерках истории Дагестана», т. I, 1950, т. II, 1957.

только в связи с освещением основных, исследуемых ими, общих вопросов истории того периода. Настоящая работа является первой попыткой специального исследования этой темы.

1.

Возникновение ревкомов в нашей стране неразрывно связано с историей Великой Октябрьской социалистической революции, с историей гражданской войны и иностранной военной интервенции. Ревкомы явились одной из ярких, присутствующих переходному периоду, форм осуществления политической власти трудящихся, выработанных в результате творческого применения тактики большевизма в борьбе за торжество дела Советской власти в нашей стране.

Ревкомы образовывались как временные чрезвычайные органы власти в прифронтовых губерниях, областных, уездных и окружных центрах страны в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Они служили трудящимся классам, защищали их интересы, отстаивая и утверждая власть Советов. Это были органы победившей в нашей стране социалистической революции, когда господство угнетателей было свергнуто и к власти впервые в истории пришел рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством, призванный установить свою диктатуру, сломить сопротивление свергнутых эксплуататорских классов и переустроить общество на новых, социалистических основах.

Ревкомы явились одной из важнейших форм революционного творчества масс. В истории Октябрьской социалистической революции выдающееся место занимает Военно-революционный комитет (ВРК) при Петроградском Совете, созданный по указанию ЦК РСДРП(б). Петроградский ВРК сыграл огромную роль в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания.

В. И. Ленин определил характер и задачи военно-революционных комитетов в грядущей революции. В своей беседе с одним из деятелей Петроградского Военно-революционного комитета Н. И. Подвойским, возражая тем, которые полагали, что ВРК должен быть расширенным бюро Военной организации РСДРП(б), он говорил: «Ни в коем случае не бюро, а такой полномочнейший, но беспартийный орган восстания, который связан с самыми широкими слоями рабочих и солдат. Этот комитет должен обеспечить участие в вооружении и в восстании неограниченным пролетарским и солдатским массам. Чем больше будет проявлять инициативы и активизо-

сти каждый член военно-революционного комитета, тем сильнее и действительнее будет влияние всего Комитета на массы»⁶.

По примеру Петроградского ВРК с первых же дней социалистической революции ВРК стали возникать и на местах. Они явились боевыми штабами развертывающейся социалистической революции. Под руководством Коммунистической партии ревкомы поднимали и организовывали массы на борьбу с контрреволюцией, обуздывали всяких провокаторов, наводили революционный порядок, проводили необходимые социально-экономические, политические и военно-мобилизационные мероприятия по установлению и укреплению Советской власти на местах. Такую именно роль сыграли военно-революционные комитеты и у нас, в Дагестане, в 1917—1918 годах.

В годы гражданской войны ревкомы создавались, главным образом, в местностях, освобождаемых от интервентов и белогвардейцев, а также в прифронтовой полосе. Широкое развитие получили они в 1918—1920 годы. Это было то время, когда трудящиеся массы, под руководством Коммунистической партии, борясь за власть Советов и громя ее врагов, создавали ревкомы, которые до избрания Советов брали на себя всю полноту ответственности за утверждение новой власти. Их деятельность была направлена на подавление сопротивления свергнутых эксплуататорских классов, подготовку и проведение выборов постоянных органов власти — Советов и их исполкомов. Без таких гибких и оперативных органов пролетарской диктатуры трудно было рассчитывать на успех в борьбе с остатками контрреволюции и отстоять завоевания Октябрьской революции, особенно на отдаленных окраинах страны.

В отличие от Советов депутатов и их исполкомов, которые избирались трудящимися, ревкомы были органами, назначаемыми сверху. Сложная военная обстановка и исключительные условия, в которых приходилось действовать ревкомам, определяли специфику форм и методов их работы. Однако по своей сущности ревкомы, как и Советы, являлись органами диктатуры пролетариата, опирались в своей деятельности на широкие массы трудящихся, на их революционную инициативу и энергию.

Еще 28 октября 1919 г. в «Известиях ВЦИК» было опубликовано «Положение о революционных комитетах, образуемых в местностях, освобожденных от неприятеля в прифронтовой полосе и в тылу», утвержденное 24 октября 1919 года председателем ВЦИК М. И. Калининым и председателем

⁶ «Коммунист». 1957, № 1, стр. 37.

Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Лениным. В Положении говорилось: «1. Ревкомы образуются для упорной обороны против врага и поддержания революционного порядка в местностях, освобожденных от неприятеля; 2) Ревкомы в местах, освобожденных от неприятеля, образуются в составе 4—5 лиц Революционным Военным Советом Армии при участии местных органов Советской власти; 3) являясь органами военной и гражданской власти, Ревкомы непосредственно подчинены Революционному Военному Совету Армии и Центральной Советской власти в порядке, указанном в § 4; 4) при Ревкомах образуются по мере надобности и развертывания работы отделы, которые немедленно, по их образовании, входят в обычном порядке в сношения с соответствующими народными комиссариатами, получают от них циркулярные распоряжения и финансируются ими»⁷.

При дальнейшем продвижении Красной Армии и создании возможности перехода к нормальному построению местных органов власти, постановлением центральной власти в местностях, освобожденных от неприятеля, назначались выборы делегатов на съезды Советов или в Советы. По избрании исполнительных комитетов Советов ревкомы передавали им свои полномочия, имущество и дела.

Ревкомы создавались не механически, по общему шаблону, а с учетом конкретной обстановки и соотношения сил в том или ином районе. Положением о ревкомах было установлено три вида ревкомов: 1) ревкомы, создаваемые Реввоенсоветами фронтов на территориях, освобожденных от сил противника, в радиусе 25 км фронтовой полосы. В их обязанность входило установление революционного порядка, содействие частям действующей Красной Армии, выполнение функций власти до создания Советов; 2) ревкомы, создаваемые местными партийными и советскими органами прифронтовой полосы в радиусе 25—60 км от линии фронта, по мере приближения неприятеля, исполкомы прекращали свою деятельность и ревкомы превращались в органы чрезвычайной власти, и вся работа подчинялась потребностям боевых задач фронта; 3) ревкомы, образуемые при исполкомах в качестве военных органов в прифронтовой полосе, в обязанность которых входила всемерная помощь действующим частям Красной Армии, проведение оборонительных работ, мобилизация гражданского населения, заготовка и поставка армии продовольствия, охрана революционного порядка. Ревкомы создавались также в тылу врага как органы подготовки и руководства восстанием против интервентов и белогвардейцев.

⁷ «Известия ВЦИК», № 241, 28 октября 1919 года.

Революционные комитеты, созданные и действовавшие в Дагестане в 1920—1921 гг., относились по своему характеру и функциям к первому виду ревкомов. Они были образованы в апреле-мае 1920 года, после разгрома деникинских полчищ в Дагестане, на основе инструкции Реввоенсовета Кавказского фронта. Но условия работы и их задачи в значительной мере отличались от условий и функций ревкомов, бывших в центральных областях страны. В своей деятельности ревкомы должны были строго учитывать сложность обстановки на Кавказе, особенности межнациональных отношений, культуры и быта народностей Дагестана. Они прошли трудный, но славный путь революционных преобразований, пережили сложный этап революционной борьбы за утверждение и упрочение Советской власти в условиях Дагестана того времени.

Еще в начале апреля 1920 г. член Реввоенсовета фронта и председатель Северокавказского ревкома Г. Орджоникидзе и член Реввоенсовета Кавказского фронта и ревкома С. Киров обратились к трудящимся Дагестана с приветствием в связи с освобождением их от белогвардейской и буржуазно-помещичьей реакции. В этом приветствии были определены задачи ревкомов. «Тяжелые цепи, которыми вас сковали враги трудового народа, — писали они, — разбиты навсегда... Теперь, чтобы закрепить нашу торжественную победу, нам нужно создать твердую революционную власть как на Северном Кавказе, так и в Дагестане. Лучшие люди из вашей среды, честные борцы за дело трудового народа должны стать во главе этой власти»⁸.

После свержения власти белогвардейцев Дагестанский обком РКП(б) под руководством Кавказского крайкома, а затем Кавбюро ЦК РКП(б) развернули работу по утверждению Советской власти.

В инструкции, изданной Реввоенсоветом XI армии, было установлено: «Во всех местностях, освобожденных Красной Армией от белогвардейцев, немедленно восстанавливается Советская власть. Первой формой Советской власти являются ревкомы»⁹. В ней были определены и задачи ревкомов. Являясь временными органами власти впредь до организации Советов, ревкомы обязаны были добить остатки контрреволюции, произвести конфискацию имущества контрреволюционеров, решительно бороться с антисоветскими заговорами отдельных групп или лиц, организовать снабжение армии всем необходимым, обеспечивать продовольствием рабочих и бедноту разоренных врагом районов»¹⁰.

⁸ «Правда», 24 июня 1935 года. «Установление Советской власти в Дагестане». Сб. документов. М. 1958, стр. 422—423.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 54—р, оп. 2, д. 6, л. 9.

¹⁰ Там же.

До 11 апреля 1920 г. революционную власть в Дагестане продолжал осуществлять Революционный Совет обороны Северного Кавказа, который переехал из сел. Левашы в Темир-Хан-Шуру в конце марта. В городах же ревкомы создавались сразу. 30 марта 1920 г., в день вступления в Порт-Петровск, командование экспедиционного корпуса XI армии издало приказ о восстановлении Советской власти в городе и передаче ее в руки революционного комитета. Восстановление строгого революционного порядка в городе Петровске и его окрестностях возлагалось на Революционный военный комитет под председательством тов. Гавриленко, в составе т.т. Г. Далгата, Фрибуса, М. Карабудагова и вр. представителя корпуса т. Соловьева. Городская Управа была объявлена распущенной. Ревкому было предложено немедленно приступить к работе, обратив особое внимание на оказание помощи пострадавшим от «взрывов», произведенных белогвардейцами¹¹ и «на восстановление нормального порядка»¹².

Порт-Петровский ревком, приступив к работе, приказал всем учреждениям и торговым предприятиям, фабрикам и заводам «открыть свою деятельность, всем служащим упомянутых учреждений оставаться на своих местах». Ревком призывал всех граждан соблюдать революционный порядок, задерживать и доставлять в военную комендатуру «всех авантюристов и преступников, какой бы маской они ни прикрывались»¹³.

В Дербенте с 25 по 29 марта действовал временный ревком. Но вскоре был сформирован здесь и совет обороны южного Дагестана в составе Г. Султанова (председатель), С. Дударова (заместитель), Х. Ханмагомедова (секретарь), М. Шахбазова, Эфендиева, Т. Юзбекова и др.¹⁴. 5 апреля, заслушав доклад председателя ревкома о работе и о положении в городе и его районах, Революционный Совет обороны Северного Кавказа решил: «Выразить товарищам дербентцам глубокую благодарность за их деятельную и полезную революционную работу»¹⁵. Этим же решением были назначены от революционного Совета обороны чрезвычайные уполномоченные для установления Советской власти в округах: Самурском — С. Тымчук, А. Эфендиев, Кюринском — Т. Юзбеков, Г. Гаджиев и Кайтаго-Табасаранском — М. Шахбазов, А. Гамринский, А. Далгат. Одновременно было принято реше-

¹¹ Здесь имеются в виду взрывы и пожары в морском порту и на железнодорожной станции, учиненные денкикинцами при отступлении из города 29 марта 1920 г.

¹² ЦГА ДАССР, ф. 54—р, оп. 2, д. 18, л. 2.

¹³ Там же, д. 21, л. 102—104.

¹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 207—р, оп. 1, д. 6, л. 47.

¹⁵ Рукоп. фонд Института ИЯЛ, д. 1500, л. 87.

ние об образовании ревкомов в гор. Темир-Хан-Шуре и в других районах¹⁶.

На заседании от 11 апреля своим постановлением Совет Оборона был упразднен и образован Дагестанский областной революционный комитет. «Ввиду минования надобности в Совете Оборона и вследствие существующих уже ревкомов горских народов Северного Кавказа, — говорилось в постановлении, — Совет Оборона Северного Кавказа переименовать с сего числа в Ревком Дагестана»¹⁷. На этом же заседании, обсудив вопрос «О составе Ревкома Дагестана», было вынесено решение: «В целях скорейшего установления твердого военно-революционного порядка вся полнота власти в Дагестане вручается Революционному Комитету, в состав которого вошли: 1) председателем Ревкома — Д. Коркмасов; 2) заместителем председателя — Сафар Дударов; 3) членами: Магомед Далгат, Осман Османов, Борис Шеболдаев, Мирзабек Ахундов, Магомед Энеев, Саид Габиев, Абас-Ата Эфендиев и Юсуф Магома Мола-оглы»¹⁸.

Вслед за этим был решен вопрос и об организации окружных ревкомов. Но это сделать было нелегко — не было кадров. Поэтому впредь до их подбора в округа были назначены уполномоченные: 1) в Аварский округ — Кибит Гаджиев, Магомед Качалов; 2) в Гунибский округ — Магомед Али, Омаров и Гамза-лау; 3) в Хасавюртовский округ — Ших-Мирза Доветов и Джамбек; 4) в Андийский округ — Мурадис Шелакоев, Джамал и Алу-Булат Гасанов; 5) в Даргинский округ — Алибек Богатырев, Шахбан и Магомед Кайтаев; 6) в Казикумухский округ — Рашкуев Араби и Мута Рамазанов; 7) в Кайтаго-Табасаранский округ — Нух-Кади, Али Гусейнов и Саид Маратханов; 8) в Темир-Хан-Шуринский округ — Абдурашид Меджидов, Магомед Шихов и Али Султанбеков.

Дагревком сразу разрешил и вопрос об отпуске округам средств, необходимых для организации ревкомов. Было отпущено по 100 тысяч рублей на каждый округ¹⁹.

26 апреля на заседании Дагревкома, обсудив вопрос о работе ревкомов, был сформирован Дагестанский революционный комитет в новом составе, причем был учрежден и президиум. Председателем президиума был утвержден Д. Коркмасов, заместителями председателя — С. Дударов и Н. Самурский, членами: М. Энеев, М. Далгат, О. Османов, К. Мамедбеков,

¹⁶ Там же, л. 88.

¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 4—р, оп. 2, д. 15, л. 12.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Н. Тутышкин, Ю. Магомаев²⁰. При Дагревкоме были организованы отраслевые отделы во главе с заведующими²¹.

Обком РКП(б) в апреле-мае проделал огромную работу по строительству и укреплению органов Советской власти в Дагестане. При этом особое внимание обращалось на перестройку и усиление партийной работы, создание в Дагестане крепкой, построенной на принципах большевизма, партийной организации. Постановлением Кавказского крайкома РКП(б) во всех областях Кавказа все стихийно возникшие на местах партийные комитеты были распущены и заменены назначенными сверху организационными бюро РКП(б)²². В Дагестане, например, были созданы областное, окружные и районные (городские) организационные бюро РКП(б), которые развернули большую работу по регистрации коммунистов, созданию и укреплению партийных и комсомольских организаций.

В Дагестане шла интенсивная советская строительная работа. Это, однако, не означало, что борьба с остатками свергнутых эксплуататорских классов окончена, что дело Советской власти можно пустить на самотек. Для прочной победы и упрочения Советской власти потребовалось преодолеть еще много серьезных трудностей, выдержать ряд боевых сражений с врагами трудящихся. Дело в том, что борьба с контрреволюцией, всемерно поддерживаемой империалистами Антанты, была в разгаре. Линия фронта Красной Армии проходила по Дагестану, за которым было Закавказье, где правили еще враждебные Советской России буржуазно-националистические правительства мусаватистов, меньшевиков и дашнаков. Последние вкупе с бывшими горскими правителями стремились всячески спровоцировать горцев против Советской власти.

Существующие на местах органы власти, так называемые «Советы обороны», а в отдельных округах ревкомы были зачастую засорены кулацко-националистическим элементом, всплывшим на поверхность в период всенародной борьбы против Деникина и пытающимся теперь противодействовать установлению власти трудящихся. В своем отчете о работе, касаясь этого вопроса, Дагревком писал: «После очищения от добровольческих войск в конце марта 1920 года Дагестан по построению аппарата революционной Советской власти представлял разношерстную картину: в горных округах существовали комитеты, организованные Советом обороны Северного Кавказа во время борьбы с Деникиным, на части плоскостии и в городах образовались ревкомы, на другой части при помо-

²⁰ Там же, л. 22.

²¹ Там же, л. 23.

²² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 232, л. 53

щи политработников проходящих частей Красной Армии были кое-где образованы Советы, а в некоторых местах органы власти вовсе не были созданы. Вся работа поэтому, вплоть до августа, была направлена, главным образом, на придание власти «единой формы (система ревкомов)»²³. Нужно иметь ввиду и то, что народное хозяйство в результате трехлетней гражданской войны было разорено, а население испытывало неимоверные трудности в быту.

Такова была обстановка в первые дни строительства Советской власти в Дагестане. Было ясно, что в таких условиях отсталые, разобщенные и почти неорганизованные горские народности Северного Кавказа и Дагестана не могли отстоять свою свободу, установить и упрочить Советскую власть без всеобщей братской помощи со стороны Советского правительства. Этим, очевидно, объяснялся тот факт, что Северо-Кавказский ревком указывал на недопустимость преждевременного, без подготовки должных условий, перехода от ревкомов к Советам²⁴.

Для закрепления одержанной победы, утверждения Советской власти в Дагестане необходимо было, прежде всего, ликвидировать остатки контрреволюции в Дагестане и на Северном Кавказе и освободить народы Закавказья от мусавистов, меньшевиков и дашнаков.

28 апреля в Баку и Азербайджане была восстановлена Советская власть. В апреле и мае в горах Дагестана, при активной помощи частей Красной Армии, были разбиты также белогвардейско-клерикальные банды. Остатки их частью спаслись бегством в меньшевистскую Грузию, а части во главе с лжеимамом Гоцинским удалось скрыться в горах. Были ликвидированы также контрреволюционные отряды, действовавшие в Хасавюртовском, Кайтаго-Табасаранском и Кюрийском округах и творившие насилия и беззакония над трудящимися массами.

Таким образом, победа Советской власти в Азербайджане и ликвидация остатков антисоветских банд в отдельных районах Дагестана значительно облегчили дело строительства и укрепления здесь Советской власти, дали возможность развернуть работу и по восстановлению народного хозяйства. Но в этом важном, главном деле серьезным препятствием явилось тяжелое продовольственное положение горцев. Чтобы широким фронтом развернуть советскую строительную работу и вовлечь в нее широкие трудящиеся массы горцев, необходимо было преодолеть и эту трудность.

²³ Ростовский обл. госархив, ф. 156, оп. 1, д. 209, л. 3.

²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 183—р, оп. 4, д. 20, л. 33.

12 сентября Г. К. Орджоникидзе запросил о материально-бытовом положении горской бедноты. В ответ на это именем Президиума Дагревкома было сообщено следующее: «Трехлетняя тяжелая гражданская борьба до того истощила Дагестан, что горская беднота питается травой... Полное отсутствие мануфактуры вынуждает горцев одеваться в шкуры, а женщины почти голые сидят дома. На этой почве развиваются болезни, массовые смертные случаи, самоубийства и недоедания. Голод угрожает и в будущем году, так как вспаханные поля остаются незасеянными вследствие отсутствия семян...»²⁵. О тяжелых материально-бытовых условиях горцев Орджоникидзе сообщил В. И. Ленину и просил его оказать им срочную помощь.

Документы показывают, какую подлинно отеческую заботу проявили Советское правительство, Ленин о горцах. На ходатайство Г. К. Орджоникидзе об оказании им помощи в конце апреля 1920 г. была получена на его имя записка Ленина по прямому проводу: «Уполномочиваю Вас объявить горцам, что я обещаю провести через Совет Народных Комиссаров денежную помощь им. Выдайте им в счет этого до 200 миллионов...»²⁶. Из этой суммы 100 миллионов рублей по распоряжению Ленина было выделено Дагестану.

Одновременно с этим горцам Дагестана была оказана Советским правительством большая помощь хлебом, мануфактурой, деньгами. Ими было получено в 1920 г. миллион аршин мануфактуры, 100 миллионов рублей на восстановление разрушенных во время войны аулов²⁷, 75 миллионов рублей по линии собеса для выдачи семьям красноармейцев и красных партизан, а также инвалидам²⁸. Более того, большая помощь была оказана Дагревкому и областному бюро РКП(б) опытными политическими и техническими кадрами со стороны Кавбюро ЦК, политотдела XI армии, а также Бакинского комитета Коммунистической партии Азербайджана.

В связи с продовольственными затруднениями в Дагестане была организована областная продовольственная комиссия с продкомами во всех округах. В обязанности их входило «строго следить на местах за правильным распределением среди беднейшего населения получаемых продовольственных запасов, налаживанием транспорта, образованием кооперативов, произвести точный учет беднейшего населения..., учитывать количество обрабатываемой земли и получаемых при урожае продуктов»²⁹.

²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 10, оп. 3, д. 14, л. 1.

²⁶ Ленинский сборник. Т. XXXIV, стр. 291.

²⁷ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. М., 1956, стр. 124.

²⁸ Газета «Советский Кавказ», 14 сентября 1920 года.

²⁹ Архив Дагфилнала ИМЛ, ф. 8, св. 5, д. 21, л. 37.

Все это значительно улучшило бытовые условия горской бедноты. Помощь партии и Советского правительства сыграла огромную роль в деле еще более тесного сплочения трудящихся масс вокруг Советской власти, подъема их политической активности и вовлечения их в советское строительство.

Важнейшим мероприятием партии по утверждению и упрочению Советской власти в Дагестане явилось также разоружение буржуазии и контрреволюционных элементов в городах. 27 июля 1920 г. областное бюро РКП(б) вынесло решение «разоружить совершенно местную буржуазию гор. Темир-Хан-Шуры». Для осуществления этого мероприятия была создана специальная комиссия во главе с председателем Даг.ЧК С. Дударовым³⁰. В начале июня 1920 года Областное бюро РКП(б), обсудив вопрос об антисоветских действиях деятелей бывшего «горского правительства», вынесло решение: «всех деятелей бывшего горского правительства, не принявших до сего времени советскую ориентацию, немедленно же выдворить из пределов Кавказского края»³¹. Все эксплуататоры-туземцы привлекались к отбыванию трудовой, подводной и иной повинности. Для обеспечения революционного порядка и внутренней безопасности по решению Дагревкома и облбюро РКП(б) в городах и окружных центрах были сформированы отряды особого назначения³².

Ревкомы сыграли огромную роль в наведении в городах и аулах революционного порядка, в утверждении и укреплении Советской власти. Они принимали меры к ликвидации остатков контрреволюции и их агентов, отдельных разбойничьих групп, воров и грабителей, проявляя заботу о свободе и безопасности, о материально-бытовых и хозяйственных нуждах горской бедноты.

Так, Порт-Петровский и Дербентский ревкомы приняли решения об изоляции от общества контрреволюционных и белогвардейских элементов, активно участвовавших в антисоветских, антинародных выступлениях. Были проведены в жизнь законы Советской власти о национализации крупных фабрик и заводов, банков, различных акционерных обществ и торговых баз, обеспечивалась бесперебойная работа предприятий бытового обслуживания населения³³. Кюринский, Темир-Хан-Шурицкий, Кайтаго-Табасаранский ревкомы объявили о конфискации помещичьих земель и в ряде аулов начали распределять их среди безземельных горцев. Кюринский ревком

³⁰ ЦГА ДАССР. ф. 209—р. оп. 1, д. 2, л. 73.

³¹ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 8, оп. 5, д. 21, л. 43.

³² Там же, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 5.

³³ ЦГА ДАССР. ф. 54—р. оп. 2, д. 6, л. 2; ф. 183—р. оп. 4, д. 2, л. 11; Ростовский облгосархив. ф. 156, оп. 1, д. 209, л. 3.

еще в апреле 1920 г. объявил населению, что «все бекские, ханские, бывшие казенные и крупные частновладельческие земли и оросительные каналы переходят к трудовому народу, и бедным земледельцам будут выдаваться свидетельства на право распахки этих земель»³⁴.

Немалую работу провели многие окружные ревкомы по укреплению и очищению своих аппаратов от чуждых и случайных людей. Самурский окружной ревком, например, обсудив вопрос о расстранживании бывшего крепостного имущества, вынес решение: «всех состоящих на советских должностях бывших членов национального комитета от должности отстранить... и принять против них меры пресечения»³⁵. Еще 30 апреля Дербентский городской ревком, обсудив доклад Гаджиева Г. о ходе работ в Кюринском округе, установил факт большой засоренности этого ревкома и допущения его членами искривления классовой линии в работе. Некоторые члены ревкома округа мешали планомерной работе и выражали свою «симпатию к бывшим сторонникам турок». Поэтому Кюринский ревком был распущен³⁶. Полностью или частично были обновлены составы окружных ревкомов также в Гунибском, Андийском, Хасавюртовском и Кайтаго-Табасаранском округах³⁷.

Однако в деятельности местных ревкомов и их руководителей имели место серьезные недостатки и ошибки, а в отдельных округах допускались искривления директив партии. Этим объяснялось появление еще 3 июля приказа по Дагревкому, в котором говорилось: «С момента установления в Дагестане Советской власти в главную задачу ревкомов должна входить защита интересов беднейшего населения и решительная борьба с паразитами трудового народа: ханами, беками, кулаками и спекулянтами. Между тем замечается, что некоторые ревкомы не принимают никаких мер борьбы против засилия буржуазных классов. Так, например, Дагревкомом замечено, что некоторые ревкомы отправляли на съезды делегатов на лошадях, принадлежащих кулакам, ханам и бекам, причем уплата за лошадей возлагалась на советские учреждения. Другие ревкомы перевозят за плату на лошадях богатого буржуазного класса хлеб и другие продовольственные продукты в горы. Этим самым ревкомы наносят Советской власти двойной ущерб: во-первых, обременяют советскую казну непроизводительными расходами, а, во-вторых,

³⁴ Там же. ф. 209—р, оп. 1, д. 4, л. 3.

³⁵ ЦГА ДАССР. ф. 183, оп. 4, д. 15, л. 10.

³⁶ Там же. ф. 209, оп. 1, д. 16, л. 3.

³⁷ Там же. ф. 4—р, оп. 2, д. 15, л. 97; архив Дагфилнала ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 25.

дают возможность ханам, кулакам и бекам наживаться за счет общенародного достояния»³⁸.

Считая такое явление совершенно недопустимым, Дагревком постановил: установить на всей территории Дагестана натуральную подводную повинность для перевозки продовольственных и других грузов государственного значения. Была установлена также натуральная повинность предоставления верховых лошадей для командирования на съезды делегатов, для поездок по служебным делам в горы советских служащих, агитаторов, организаторов и инструкторов. При этом выполнение означенных выше натуральных повинностей должно было быть произведено «за счет лошадей и перевозочных средств ханов, беков, кулаков и спекулянтов без какой бы то ни было оплаты как деньгами, так и путем выдачи фуража»³⁹.

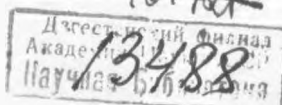
В целях дальнейшего укрепления ревкомов и улучшения их работы Дагревком 18 августа 1920 г. разработал инструкцию о функциях революционных комитетов. В ней говорилось: «Революционные комитеты — временно назначенные органы власти трудовых масс рабочих и крестьян, которые, наряду с повседневной работой по удовлетворению нужд трудящихся, ведут решительную борьбу с остатками контрреволюции, готовят, организуют и воспитывают через своих сотрудников, инструкторов и агитаторов трудовые массы к созданию на выборных началах подлинной власти — исполкомов (Советов) рабочих и крестьян — бедняков по Конституции Российской Федеративной Советской Социалистической Республики... Ревкомы руководят общей работой их, создают власти на местах, и когда ревкомы убеждаются, что трудовые массы достаточно организованы, воспитаны и смогут, как класс, самостоятельно действовать и творить свою новую, социалистическую жизнь, не поддаваясь влиянию врагов революции — ханов, беков, буржуев и т. д., приступают к выборам Советов и исполкомов, передавая всю полноту власти вновь избранным Исполкомам и ликвидируя ревкомы. В Дагестане ревкомы как областной, так и окружные, участковые и сельские будут существовать до тех пор, пока класс бедноты не освободится окончательно и бесповоротно от влияния контрреволюционных элементов...»⁴⁰.

Во всей работе по упрочению Советской власти в Дагестане серьезным препятствием стало отсутствие необходимых политически развитых, образованных кадров из трудовых слоев населения. Если создание и укомплектование кадров отделов Дагревкома, а также городских ревкомов прошло

³⁸ ЦГА ДАССР. ф. 4—р, оп. 2, д. 23, л. 134.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, ф. 183—р, оп. 4, д. 23, л. 121.

более или менее успешно, то сложнее было этого добиться в сельских, особенно в горных округах, где почти вся интеллигенция состояла из представителей мусульманского духовенства и редко из бывшего чиновничества. Значительная часть их, как известно, относилась к Советской власти и ее мероприятиям нелояльно. Но тем не менее в аппараты советских органов на местах брали на работу из этих групп работников.

Жизнь подтвердила правильность указания В. И. Ленина о том, что строительство и упрочение власти трудящихся в отсталых национальных областях было самой сложной задачей революции после взятия власти. Партия поэтому указывала на необходимость использования всех лояльных к Советской власти кадров и из старой интеллигенции. «Мы строим власть, — писал В. И. Ленин еще в 1918 г., — из элементов, оставленных нам капитализмом. Мы не можем строить власть, если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано»⁴¹. Но вместе с тем Ленин указывал, что мы должны старых людей поставить в новые условия, окружить их соответствующим контролем, бдительным надзором рабочего класса и заставлять выполнять необходимую нам работу⁴².

Однако Дагревком совершил в этом деле ошибку, допустив к ответственным работам лиц, принявших активное участие в антисоветских мятежах. Можно привести следующий пример: 4 мая 1920 г. Дагревком, обсудив доклад Б. Шеболаева о приказе Реввоенсовета XI армии об изъятии контрреволюционных офицеров и чиновников, вынес, на наш взгляд, ошибочное решение: запросить Реввоенсовет XI армии об оставлении их (т. е. бывш. офицеров и чиновников — Г. А.) на службе в советских учреждениях⁴³. Этим можно объяснить и факт допущения к советской работе таких бывших активных контрреволюционеров, как М. Джафаров, О. Пиралов, Б. Саидов, С. Куваршалов, З. Темирханов, А.-К. Эфендиев, Г. Султанов, А. Гасанов и др.⁴⁴. Несмотря на то, что Советская власть предоставила им все условия для того, чтобы искупить свою вину и честно служить народу, многие из них не прекращали свою антисоветскую деятельность, держали себя перед населением высокомерно, проявляли бюрократизм и косность.

⁴¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 194—195.

⁴² В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 6.

⁴³ ЦГА ДАССР. ф. 1с/4—р, оп. 2, д. 15, л. 30.

⁴⁴ Там же. ф. 4—р, оп. 2, д. 15, л. 22; ф. 209, оп. 1, д. 14, л. 2.

Это было зло, против которого велась тогда решительная борьба. 31 мая Дагестанский ревком издал по этому поводу специальный приказ.

«Советская власть, — говорилось в нем, — есть власть бедноты, власть трудящихся, в первый раз в истории призванных править своей собственной жизнью. Товарищи, стоящие у власти, должны беспрестанно помнить и каждый день доказывать это народу; они должны быть самым широким образом доступны народу; должны иметь дежурных переводчиков, которые переводили бы народную жалобу или излагали ее письменно и безвозмездно.

Обращение с жалобщиками и просителями должно быть не только вежливое, а ласковое, теплое, братское. Народ залуган и измучен старым режимом, он не знаком еще с новым строительством, он неграмотен; при отсутствии путей сообщения он делает большие переходы, чтобы дойти до власти, неся бремя своей жалобы. Он должен войти в советский дом, как в свое родное убежище, и выйти из него, оставив всю тяжесть, вполне удовлетворенным сознанием. Обращение с народом есть та же агитация, то же строительство Советской власти»⁴⁵.

В результате проведения этих и многих других мероприятий, советское строительство в округах пошло сравнительно лучше и были созданы все условия для укрепления органов власти на местах. К августу 1920 г. Дагревком и Облбюро РКП(б) в основном завершили подбор и утверждение состава окружных, участковых и сельских ревкомов и их отделов. Ревкомы, руководствуясь декретами Советского правительства, в первые же дни национализировали крупные предприятия промышленности, транспорта, связи и коммунального хозяйства. Порт-Петровский ревком еще 1 апреля 1920 г., определяя ближайшие задачи, решил организовать совнархоз и обязать его: «немедленно взять на учет все промышленные предприятия города и его района, произвести учет топлива..., представить данные по национализации электрической станции, типографии, принять меры к учету и ремонту всех мельниц, восстановить хлебопекарни...»⁴⁶. Финансовому отделу было предложено слить отделение русско-азиатского, государственного банков, общество взаимного кредита и ссудо-сберегательное товарищество в один банк, как «зародыш единого народного банка»⁴⁷. В мае Дербентский ревком вынес постановление о национализации коньячных заводов в городе⁴⁸.

⁴⁵ ЦГА ДАССР. ф. 4—р, оп. 2, д. 1, л. 31.

⁴⁶ Там же, ф. 54—р, оп. 2, д. 6, л. 2.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. ф. 209, оп. 1, д. 16, л. 5.

Учитывая специфические условия работы и отсталость населения, в Дагестане для горцев были образованы и функционировали окружные, а также сельские народно-шариатские суды. Для мусульман были организованы шариатские суды также в городах, а для немусульман — народные суды. Для судов обоих типов был учрежден областной кассационный народный суд. Недовольные решениями окружных и городских судов могли подавать кассационные жалобы в областной суд.

С первых же дней Советской власти большое внимание уделялось вопросам народного образования и ликвидации культурной отсталости горцев. В июне 1920 г. Дагревком, обсудив эти вопросы, принял постановление: 1) открыть отделу просвещения кредит в счет будущей сметы 10 миллионов рублей с тем, чтобы эта сумма расходовалась на проведение борьбы с безграмотностью..., на устройство театров, кинематографов и проч. для беднейшего населения; 2) организовать областные педагогические курсы для подготовки учителей; 3) привлечь всех проживающих в Дагестане учителей на учительские курсы; 4) предложить всем отделам городских ревкомов освободить учителей, работающих не по специальности, от занимаемых должностей и передать в распоряжение областного отдела просвещения для определения на работу; 5) предложить военкомату дать указание об освобождении всех школьных зданий от постоя воинских частей⁴⁹.

Перед областной партийной организацией теперь встала задача — укрепить ревкомы, очистить их от случайных элементов, сплотить вокруг них широкие массы трудящихся и обеспечить условия для перехода от ревкомов к советам. Но эту задачу разрешить сразу было нельзя. Для этого необходимо было проделать большую подготовительную работу. В этих целях Дагревком и Областное бюро РКП(б) провели ряд важнейших мероприятий социально-экономического и массово-политического характера. В числе этих мероприятий огромное значение имели подготовка и проведение съездов сельских, участковых, городских и окружных ревкомов и представителей сельской бедноты, съезда красных партизан, а также проведение различных «недель» и «месяца горской бедноты».

Так, в период с 24 июня по 2 июля 1920 г. происходил съезд представителей сельской бедноты и сельских ревкомов, на котором присутствовало до 7 тысяч человек. Этот съезд принял ряд важных революционных решений. Отмечая, что беки, кулаки и спекулянты пытаются мутить горскую бедноту обманом и натравить ее на Советскую власть, съезд заявил:

⁴⁹ Там же, ф. 4—р, оп. 2, л. 15, л. 57—58.

«Эти беки, кулаки и спекулянты, говоря о шариате, справедливости и самостоятельности Дагестана, продолжают обирать и угнетать трудовой народ... поэтому съезд постановляет: отнять у угнетателей их богатство, которым они пользуются для своих темных дел, и передать это богатство в общее пользование»⁵⁰.

Разоблачая проповедь верхушки мусульманского духовенства о шариате и «справедливости», съезд нашел «вполне справедливым передать все продовольственные излишки... князей, ханов, беков, кулаков и спекулянтов в руки окружающих продовольственных организаций, чтобы они были распределены последними между трудящимися и беднейшими массами Дагестана»⁵¹. Для удовлетворения земельных нужд горской бедноты съезд решил «использовать достояние имущего класса, ограничив частновладельческую земельную площадь пятью десятинами на каждую трудовую семью в Хасавюртовском, Темир-Хан-Шуринском, Кайтаго-Табасаранском и Кюринском округах»⁵²: Было решено также конфисковать в этих округах у эксплуататоров излишки сельскохозяйственного инвентаря и мельницы.

Дагревком дал указание ревкомам и земельным отделам поставить перед собой задачу — установление новых земельных отношений и проведение землеустройства на социалистических началах, причем основанием и руководящим принципом деятельности земельных отделов должен служить провозглашенный Российской революцией принцип: «Вся земля трудовому народу». Всякая собственность на землю, недра, леса и силы природы отменяется навсегда... Право пользования землей принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом»⁵³.

Большое политико-воспитательное значение имело проведение «Месяца горской бедноты». По общему плану, утвержденному областным бюро РКП(б), он включал в себя проведение таких особо важных хозяйственно-политических мероприятий, как «Партийная неделя», «Неделя труда—субботников», «Неделя борьбы против Врангеля», «Неделя добровольцев», «Неделя восстановления дорог» и др., которые сливались в один общий порыв города помочь деревне — горской бедноте строить и упрочить Советскую власть в горах. В помощь местным кадрам были посланы в горы руководящие работники, а также много коммунистов из числа рабочих и политработников.

⁵⁰ Газета «Красный Дагестан», 28 июля 1920 года.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Рукоп. фонд ИИЯЛ. д. 19, л. 76.

Это мероприятие явилось яркой демонстрацией преданности горской бедноты партии, верности союзу и дружбе с братским русским и другими народами, готовности грудью встать на защиту Советской власти.

В это самое время классовый враг, пользуясь усложнившейся обстановкой в связи с новым походом Антанты и Врангеля против Советов, начал активизировать свою деятельность. Ревкомы в ряде мест оказались не на высоте своего положения. Чуждые, случайные элементы, пролезшие в ревкомы, пытались дискредитировать органы Советской власти на местах, извращая советские законы, особенно по земельной и налоговой политике. Это вызывало недовольство горской бедноты. На своих собраниях она стала требовать «чистки ревкомов, не отвечающих интересам бедноты» и перехода к Советам. Но этот переход не был осуществлен в 1920 году в связи с антисоветским мятежом в горах: в начале сентября враги народов Дагестана Гоцинский, Алиханов и их компания из полковников и шейхов, подстрекаемые грузинскими меньшевиками и англо-турецкими захватчиками, вторглись в пределы нагорного Дагестана и подняли мятеж против Советской власти.

Антисоветский мятеж Гоцинского был частью общего плана контрреволюции задушить Советскую власть на Кавказе, явился продолжением той контрреволюционной борьбы, которую вела горская помещичье-клерикальная реакция с самого начала революции совместно с иноземными захватчиками против Советской власти. В. И. Ленин указывал на необходимость быстрейшей ликвидации контрреволюционных банд, подготавливаемых и питаемых Антантой, как на «дело абсолютной общегосударственной важности»⁵⁴. Руководя борьбой по ликвидации остатков контрреволюции на Кавказе, Г. К. Орджоникидзе обращал особое внимание на подавление банды Гоцинского. В сентябре и октябре 1920 г. он неоднократно приезжал в Дагестан, проводил совещания ответственных работников, съезд бедноты Дагестана в Левашах.

Большую роль сыграл в деле укрепления Советской власти Чрезвычайный съезд народов Дагестана, на котором от имени Советского правительства И. В. Сталиным была провозглашена советская автономия Дагестана. Заслушав декларацию о советской автономии, делегаты съезда выразили свое удовлетворение тем высоким доверием, которое было оказано народам Дагестана Советской Россией, и поклялись, что они оправдают его, будучи до конца верными нерушимой дружбе с великим русским и другими народами, дружбе,

⁵⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 389.

которая «вырастет в вечные, мощные, неразрывные узы братства и взаимной солидарности на весь долгий путь борьбы и победоносного творчества новой жизни»⁵⁵.

Дагревком и Облбюро РКП(б) под руководством Г. К. Орджоникидзе проделали огромную работу. Для разгрома банды в горах в помощь Красной Армии было мобилизовано более 8 тысяч человек. Части Красной Армии совместно с партизанскими отрядами нанесли банде Гоцинского сокрушительные удары и к концу марта 1921 г. она была уничтожена. После этого трудящиеся Дагестана получили возможность приступить к восстановлению народного хозяйства, к переходу от ревкомов к Советам.

II.

Теперь, когда антисоветский мятеж в горах был ликвидирован и горская беднота получила возможность перейти к мирной работе по ликвидации тяжелых последствий гражданской войны, Дагревком и областное бюро РКП(б) разработали и начали проводить в жизнь план социалистических преобразований, а также мероприятия по осуществлению перехода к Советам.

Переход от системы ревкомов к Советам позволял успешно решить задачу демократизации органов Советской власти на местах, еще теснее сплотить трудящихся вокруг Советов. Это способствовало подъему уровня сознательности горцев, ускоряло процесс их классового расслоения и дальнейшего разложения сохранившихся кое-где в горах патриархально-феодалных отношений и правопорядков и вовлечению, таким образом, горских масс в советское строительство. Это требовала и горская беднота, ибо в Советах, в противовес ревкомам, она видела более близкую к Советской власти форму своей организации и осуществления своей власти над эксплуататорами.

Сущность Советской власти, как отмечал В. И. Ленин, состояла в том, что нерушимой основой всей государственной власти в нашей стране является массовая организация именно тех классов, которые были угнетены при капитализме. «Победа может считаться обеспеченной лишь тогда, — писал он, — когда будут организованы не только городские рабочие, но и сельские пролетарии, и притом организованы не так, как прежде, — в профсоюзы и кооперативы, а в Советы»⁵⁶.

Советы явились наиболее массовой и демократической формой новой власти для всех трудящихся классов. Сила

⁵⁵ Газета «Жизнь национальностей», 8 декабря 1920 года.

⁵⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 450.

Советов состояла, прежде всего, в их доступности для народных масс. И горские народы, находившиеся ранее в феодальной зависимости и под национальным угнетением при царизме, могли успешно усвоить эту форму организации власти и осуществить ее на деле. В июле 1920 года В. И. Ленин указывал, что «угнетенные массы, эксплуатируемые не только торговым капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе, могут применять это оружие, этот вид организации и в своих условиях. Идея советской организации проста, и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»⁵⁷.

Коммунистическая партия, В. И. Ленин указывали коммунистам на основные задачи упрочения и развития Советской власти. В своем историческом письме «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики» 14 апреля 1921 г., горячо приветствуя кавказские советские республики и указывая на особую важность для упрочения Советской власти тесного союза и братской дружбы народов Кавказа, В. И. Ленин подчеркивал: «Как ни важен национальный мир между рабочими и крестьянами национальностей Кавказа, а еще несравненно важнее удержать и развить Советскую власть, как переход к социализму»⁵⁸.

Эти указания В. И. Ленина и определяли программу борьбы Дагревкома и Облбюро РКП(б) по упрочению и развитию Советской власти, как решающее условие строительства социализма. Но для этого необходимо было строить и укреплять органы Советской власти, строить их главным образом за счет местных кадров, знающих обычаи и традиции горских масс, на основах советской автономии.

Партия большевиков уделяла решению этой задачи огромное внимание, требовала от всех органов власти проведения здесь особой политики, учитывающей местные условия и особенности. Необходимо было, как говорилось в решениях X съезда партии, помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им»: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства. органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и

⁵⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 218.

⁵⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 295.

развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке... для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения»⁵⁹.

Еще на Чрезвычайном съезде народов Дагестана, провозгласившем советскую автономию, была выделена специальная делегация в составе Д. Коркмасова, С. Габиева и А. Тахо-Годи для поездки в Москву, чтобы там вместе с представителями высших органов Советской власти разработать конституцию Дагестанской АССР и разрешить ряд других наболевших вопросов. Ввиду военной обстановки, сложившейся в связи с антисоветским мятежом в горах, председатель Дагревкома С. Габиев, по его предложению, был заменен в составе дагестанской делегации в Москву М. Хизроевым. При активном участии этой делегации были разработаны Проект Конституции Дагестанской АССР и Временное положение о выборах в Советы Дагестанской АССР.

20 января 1921 г. Центральным исполнительным комитетом РСФСР был издан Декрет об образовании Дагестанской АССР. В начале февраля дагестанская делегация была принята В. И. Лениным, который внимательно, с большой озабоченностью, выслушал запросы и нужды горцев Дагестана и оказал им огромную помощь продовольствием, мануфактурой, сельскохозяйственными машинами, лекарствами и др.⁶⁰.

Декрет ВЦИК об образовании Дагестанской АССР явился временной конституцией республики. В нем было подчеркнуто, что Дагестанская автономная Советская Социалистическая республика образуется как неразрывная часть РСФСР, в состав коей включается территория всей Дагестанской области в прежних ее административных границах, состоявшая из округов: Аварского, Андийского, Гунибского, Даргинского, Казы-Кумухского, Кайтаго-Табасаранского, Кюринского, Самурского, Темир-Хан-Шурина и Хасав-Юртовского. В Дагестанскую АССР входила также территория Каспийского побережья Дагестана, включая рыболовный район⁶¹.

До созыва учредительного съезда Советов Дагестанской АССР вся полнота власти в Дагестане принадлежала Революционному комитету Дагестанской АССР, «ближайшей задачей которого являлся созыв учредительного съезда Советов Дагестанской Советской Социалистической Республики»⁶².

⁵⁹ «КПСС в резолюциях». Ч. 1, 1953, стр. 559.

⁶⁰ Газета «Советский Юг», 7 апреля 1921 года.

⁶¹ «25 лет Дагестанской АССР». 1945, Даггиз, стр. 161.

⁶² Там же.

15 марта 1921 года по ревкому Дагестанской АССР был издан приказ, в котором говорилось: «Согласно постановлению ВЦИК от 20 января 1921 г. все отделы Дагревкома отныне должны именоваться наркоматами, а заведующие отделами — врид наркоматами»⁶³.

В результате политико-массовой работы, проведенной партийными организациями по разъяснению значения провозглашения советской автономии Дагестана, повысился уровень политической сознательности горской бедноты, расширились ее интересы и требования. Оживилась в аулах классовая борьба. В этом деле огромную работу проделали среди трудящихся масс и политработники частей Красной Армии.

Об этом ярко свидетельствует резолюция съезда бедноты Гунибского округа, принятая по текущему моменту и борьбе с бандами 8 марта 1921 года. В ней говорилось: «Мы — темные жители высоких гор Дагестана. Темнота наша навлекла на нас несчастья и бедствия. Мы, дети гор, теперь поняли и осознали, что из себя представляют эти лже-шейхи, лже-имамы — наймиты международного разбойника Врангеля и предательского меньшевистского правительства Грузии. Глубоко сожалеем о случившемся и раскаиваемся. Клянемся перед Советской властью никогда не изменять ей, крепко держать красный флаг в руках и защищать его от всех могущих быть бедствий, в доказательство чего выставляем на фронт партизан от 2-х до 10-ти от каждого аула, которые рука об руку с доблестными красными частями сумеют раз и навсегда покончить с бандами и поднять на вершинах наших высоких гор красное знамя ДАССР»⁶⁴.

Пребывание частей Красной Армии и их совместная с трудящимися Дагестана борьба против антисоветского мятежа произвела колоссальный переворот в настроениях горской бедноты, бывшей до этого в атмосфере обмана, созданного искусной агитацией клерикально-белогвардейской верхушки. Линия поведения не только руководителей, но и массы бойцов частей Красной Армии, убедила горскую бедноту в правоте Советской власти, в том, что Красная Армия — защитница их интересов. Это был глубокий процесс формирования и укрепления органов власти трудящихся. Надо было руководить этим процессом, не давать возможности враждебным людям тормозить его развитие. А чуждые, антисоветски настроенные элементы, пролезшие в местные ревкомы, не только тормозили этот процесс, но и зачастую подавляли революционную инициативу и активность трудящихся. Это подтверждается многими фактами и примерами из жизни.

⁶³ ЦГА ДАССР. ф. р—4, оп. 3, д. 21, л. 43.

⁶⁴ Там же, оп. 2, д. 80, л. 4.

Так, в январе 1921 г. инструктор Кавбюро ЦК РКП(б) в докладной записке о результатах обследования состояния партийной и советской работы в Дагестане писал: «Ревкомы созданы почти во всех округах и на 75 проц. из местных коммунистов. Во всех участках имеются участковые ревкомы и в аулах аульские, приблизительно состоящие на 75 проц. из беспартийных и на 50 проц. кулацкого элемента... Как более влиятельные, вполне понятно, они и попали в состав первых ревкомов. Работа же по очистке ревкомов от такого элемента в областном масштабе не проводилась»⁶⁵.

В отдельных аулах дошло до столкновений между комячейками и ревкомом. Кулацко-клерикальные элементы, пролезшие в ревкомы, пользуясь своим положением, пытались противопоставлять ревкомы комячейкам, игнорировать последние. Были случаи, когда они чинили произвол и незакония над ячейками и партийными работниками. В отчете о конференции аульских комячеек Темир-Хан-Шуринского округа еще 27 августа 1920 года было указано, что отношения между ревкомом и ячейками обострены, что «в ревкомах заседают ханы, беки, чанки, которые всячески противятся организации в аулах комячеек, доступ в которые открыт только для беднейших, не позволяют собираться собраниям, разгоняют собравшихся...»⁶⁶. В Казикумухском округе окружной ревком на своем заседании вынес решение об отстранении от работы ответственного секретаря окружкома партии⁶⁷. В Гупибском округе даже к концу июля 1921 года существовало лишь 3 комячейки и те работали плохо, во многих ревкомах орудовали темные личности, в сельских ревкомах сидели «люди, понятия не имеющие о том, что они должны делать»⁶⁸.

Чтобы укрепить советские органы и улучшить их работу, нужно было перейти от системы назначенных сверху ревкомов к Советам, выбираемым самими трудящимися массами на основе советского избирательного права. Дагестанское областное бюро РКП(б) и Дагревком с июня 1921 года развернули подготовку к выборам в Советы. Еще 5—6 июня Пленум Дагестанского обкома РКП(б), обсудив доклад Н. Самурского о переходе от ревкомов к советам, принял постановление: «а) приступить к последовательной советизации не позднее как через три недели, начиная с тех городов и округов, где революция дала крестьянам землю, и закончить таковую к 1 сентября для выборов (делегатов) учредительного съезда

⁶⁵ Там же, ф. 54—р, оп. 3, д. 1, л. 18.

⁶⁶ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 5, оп. 5, д. 21, л. 69.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ ЦПА ИМЛ. ф. 17, оп. 8, д. 17, л. 5.

Советов; б) поручить президиуму Дагобкома выработать положение о проведении политической и технической работ, а также об избирательном праве и пресекты таковых представить на утверждение следующего заседания Пленума, который созвать через неделю»⁶⁹.

11 июля президиум Дагобкома РКП(б), обсудив вопрос об образовании комиссии по проведению советизации и разработке положения о выборах в Советы, поручил Наркомвнутдел Дагестанской АССР составить республиканскую избирательную комиссию по разработке Положения о выборах в Советы. Комиссии было предложено приступить к работе с 12 июня⁷⁰. Вопрос о советизации Дагестана и избирательном праве вновь обсуждался на Пленуме Обкома партии 25 июня⁷¹.

В июне и июле 1921 г. проводилась большая работа по формированию как центральной, так и местных избирательных комиссий, по подготовке материально-технической базы и кадров. В августе избирательная кампания развернулась по всему Дагестану. Так, в августе, обсудив вопрос о предстоящих выборах в Советы, Обком РКП(б) принял «Программу подготовительных мероприятий по выборам в Советы». В программе были намечены следующие мероприятия: 1) созвать общedaгестанскую конференцию коммунистов; 2) к началу выборов в Советы всем отделам Дагревкома создать на местах свои отделы, а после выборов — сдать дела Советам; 3) организовать в аулах комитеты и группы бедноты — опорные пункты Советской власти в деревне; 4) закончить раздачу беднякам мануфактуры и организацию на местах продовольственных органов к началу выборов; 5) усилить политическую агитацию и пропаганду (как устно, так и письменно), на родных языках на злободневные темы⁷².

Все это налагало на партийную организацию большую ответственность и требовало серьезного улучшения работы. Вот почему в связи с выборами Обком РКП(б) предлагал окружным, городским партийным организациям: а) организационно укрепить комячейки, усилить политико-воспитательную работу в массах, очистить партийную организацию от чуждых и случайных элементов путем проведения перерегистрации всех коммунистов; б) провести митинги и собрания трудящихся с докладами и лекциями по темам: «Что такое Советская власть», «Советская власть и земельный вопрос», «Советская власть и национальный вопрос», «Советская власть и религия», «Советская власть и ее продовольственная

⁶⁹ Там же. ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 3.

⁷⁰ ЦГА ДАССР. ф. 4—р, оп. 3, д. 11, л. 169.

⁷¹ Архив Дагфилиала ИМЛ. ф. 1, оп. 2, д. 5, л. 4.

⁷² Рукоп. фонд ИИЯЛ. д. 384, л. 546.

политика», «Кто друзья Советской власти и кто ее враги?», «Кто избирается в Советы?»⁷³

21 августа был издан приказ Народного Комиссариата внутренних дел ДАССР об образовании Центральной Избирательной комиссии в составе представителей Дагревкома, Обкома партии, Совпрофа, Обкома комсомола, Наркомвнутдела, политотдела 32 дивизии, а так же о создании окружных и районных комиссий и задачах ревкомов в проведении предвыборной кампании⁷⁴. Обсудив письмо врид Наркомвнутдела ДАССР Н. Самурского о выборах в Советы и назначении срока выборов на 15 октября, президиум Обкома РКП(б) вынес решение: для успешного проведения выборов вменить в обязанность перерегистрационных комиссий по окончании перерегистрации произвести выборы комитетов РКП(б), для чего созвать конференции. А райкомам (горкомам) было предложено не позднее 5 октября произвести выборы комитетов на конференциях с тем, чтобы после этого созвать съезды Советов⁷⁵.

В результате проведенной большой работы по перерегистрации коммунистов и чистке рядов партии парторганизация значительно укрепилась, из ее рядов были исключены враждебные и чуждые элементы, пролезшие в партию с корыстной целью, а также случайные люди, недостойные носить высокое звание члена партии. Это мероприятие, несмотря на отдельные недостатки, серьезно оздоровило партийную организацию, укрепило единство ее рядов, повысило идейно-политический уровень и боеспособность коммунистов в борьбе против кулацко-клерикальных групп и лиц, за успешное решение задач, вставших перед ними в связи с выборами в Советы.

В связи с советизацией Дагестана были приняты меры к улучшению партийного руководства также деятельностью общественных организаций, усилению работы комячеек с беспартийными массами. В апреле проводилась неделя укрепления профсоюзов; в мае—августе состоялись I и II съезды коммунистического союза молодежи Дагестана; в июне успешно прошли окружные и областная беспартийные конференции женщин-горянок; в августе—октябре во всех округах были проведены съезды горской бедноты с докладами о текущем моменте и выборах в Советы Дагестана.

В августе были опубликованы проект Конституции Дагестанской АССР, Временное положение об организации власти Советов Дагестанской АССР и о выборах в Советы,

⁷³ Там же.

⁷⁴ ЦГА ДАССР. ф. Р—183, оп. 5, д. 9, л. 258.

⁷⁵ ЦГА ДАССР. ф. Р—4, оп. 3, д. 11, л. 273.

утвержденное 14 августа на Пленуме Дагобкома РКП(б)⁷⁶, Инструкция о порядке выборов в Советы⁷⁷ и Воззвание Центральной Избирательной комиссии ко всем избирателям⁷⁸.

Таким образом, с августа по всему Дагестану развернулась избирательная кампания. Положения и принципы, изложенные в этих документах, ставшие достоянием народных масс, вызвали среди трудящихся воодушевление и одобрение, убеждали их, чьи интересы защищает и во имя чего борется Советская власть. Положением об организации власти Советов и о выборах в Советы в Дагестанской АССР было установлено, что Вседагестанский съезд Советов составляется из представителей городских и фабрично-заводских поселковых Советов, из расчета 1 депутат на 1000 избирателей из представителей сельских окружных съездов Советов, из расчета 1 депутат на 5000 жителей⁷⁹.

В Положении четко была выражена классовая линия. Правом избирать и быть избранными в Советы и на съезды Советов пользовались следующие граждане ДАССР независимо от пола, вероисповедания, национальности, оседлости и т. п., коим ко дню выборов исполнилось 18 лет: а) трудящиеся, добывающие средства к жизни общественно-полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающие для первых возможность производительного труда, б) красноармейцы и матросы Красной Армии и флота...⁸⁰. Не имели права избирать и быть избранными лица: а) прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) живущие на нетрудовом доходе; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) служащие и агенты бывшей полиции, жандармских и охранных отделений, чиновники бывшей царской службы, начиная с 5 и выше класса по чину и должности, члены бывших окружных судов, бывшие сельские старшины, ханы, беки, князья...; д) осужденные за корыстные и порочащие преступления...⁸¹.

Принципиальное значение имело решение Дагобкома РКП(б) о недопущении духовенства к выборам в Советы. Реакционная верхушка мусульманского духовенства, желая проникнуть в Советы и иметь там большинство, вела среди горцев подпольную подрывную работу, направленную на дезорганизацию избирательной кампании, дискредитацию представителей Коммунистической партии и срыв таких социали-

⁷⁶ ЦГА ДАССР. ф. 54—р, оп. 3, д. 10, л. 30; газета «Советский Дагестан», 1 сентября 1921 года.

⁷⁷ ЦГА ДАССР. ф. 54—р, оп. 3, д. 10, л. 28.

⁷⁸ Там же. ф. Р—210, оп. 5, д. 1, л. 72.

⁷⁹ Газета «Советский Дагестан», 1 сентября 1921 года.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же..

стических мероприятий, как прозналог, гужевая повинность, организация советских школ, народных судов и т. д.⁸². Подобные действия явились основанием для лишения духовенства избирательного права.

Эти принципы советской избирательной системы давали горской бедноте возможность видеть и ощущать величие тех социально-политических и иных перемен, которые происходят в их жизни благодаря Советской власти. Не случайно, что на своих съездах, митингах и собраниях трудящиеся массы повсюду приветствовали эти мероприятия. Так, жители Манасаула, заслушав на своем собрании доклад о выборах в Советы, обязались: «не пропустить в Советы ни одного эксплуататора трудового народа и первыми проводить в Советы наших защитников из партии коммунистов и только преданных делу революции беспартийных»⁸³. Обсудив доклады и выступления по этому вопросу, съезд представителей ревкомов и ответственных работников Гунибского округа 19 сентября вынес постановление: «взять на учет всех паразитических элементов, бывших офицеров, чиновников, крупных кулаков, спекулянтов и всех злостных провокаторов... и если таковые имеются — «изъять их»⁸⁴.

Трудящиеся массы были полны решимости не допустить в Советы контрреволюционные элементы. К этому призывала их Центральная избирательная комиссия по выборам. «Только избрав такие Советы и послав туда своих доподлинных представителей, — говорилось в Воззвании комиссии — дагестанская беднота с уверенностью сможет сказать, что вся ее дальнейшая судьба находится в верных и чистых, не способных на предательство, руках. Только избрав такие Советы, дагестанская беднота сможет уверенно и спокойно, во всеуслышание заявить: сейчас мы доверили нашу жизнь самим себе»⁸⁵.

Днем открытия Вседагестанского съезда Советов был назначен день празднования Октябрьской революции — 7 ноября. Об этом ревкомы должны были объявить населению «на сходах и в мечетях всех сел»⁸⁶. Но в последующем сроки проведения съездов Советов были изменены. Районные и окружные съезды Советов должны быть проведены до 8 ноября и Вседагестанский съезд был перенесен на первое декабря 1921 г.⁸⁷.

⁸² Архив Дагфилнала ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 121, л. 81.

⁸³ Газета «Советский Дагестан», 24 октября 1921 года.

⁸⁴ ЦГА ДАССР, ф. 41—р, оп. 5, д. 47, л. 157.

⁸⁵ Там же, ф. Р—210, оп. 5, д. 1, л. 72. Типографская листовка.

⁸⁶ ЦГА ДАССР, ф. 54—р, оп. 3, д. 10, л. 23.

⁸⁷ Газета «Советский Дагестан», 27 октября 1921 года, Архив Дагфилнала ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 121, л. 81.

В развернувшейся по республике предвыборной работе исключительно важное значение придавалось мобилизации сил и средств на восстановление народного хозяйства. На это ориентировали также решения февральской и ноябрьской областных партийных конференций и ряда пленумов Обкома РКП(б). В июле и Дагребком вынес решение о мерах борьбы с разрухой и развитии народного хозяйства. В этом решении говорилось: «Гражданская война в Советском Дагестане победоносно закончена героическими усилиями Красной Армии и дагестанских красных партизан. Контрреволюционные гнезда уничтожены. Но перед трудящимися массами дагестанской бедноты и ее рабоче-крестьянским правительством грозно стоит другой враг, для победы над которым недостаточно смелой отваги и безудержной храбрости красноармейца и воина-дагестанца, — этот враг — хозяйственная разруха.

Для победы на хозяйственном фронте необходимо вовлечение в трудовую армию всего трудящегося населения Советского Дагестана, необходимо путем использования науки и техники достигнуть наилучших хозяйственных результатов. Необходимо, чтобы каждый рабочий, каждый крестьянин, каждый батрак и каждая работница Дагестана прониклась пониманием, что судьба каждого из них неразрывно связана с хозяйственным положением не только РСФСР, но главным образом Дагестана. И чем выше это положение в хозяйственном отношении, тем обеспеченнее положение каждого трудящегося-дагестанца, его семьи и детей»⁸⁸.

В директивном письме Дагобкома РКП(б) от 13 октября 1921 г. говорилось, что в настоящий момент наша партия выдвинула неотложные задачи по борьбе с разрухой, голодом, болезнями и осуществление их немислимо без активного участия и сочувственного отношения широких трудящихся масс.

Между тем во многих парторганизациях беспартийные массы не только не привлекались к выполнению этих задач, но зачастую, из-за неумелых или неправильных действий некоторых товарищей, отдалялись от советского строительства, кое-где поддавались агитации враждебных нам партий и организаций. «Наша задача, — говорилось в письме, — заключается в том, чтобы там, где между властью и в частности коммунистами и беспартийными, выросла стена, отчужденность была бы во что бы то ни стало уничтожена. Лучшим способом действительного сближения масс с коммунистами является привлечение рабочих и крестьян, безусловно преданных Советской власти и пользующихся влиянием среди населения, к фактической работе в советском аппарате. Помимо того, что осуществление этого укрепит в массе доверие к Со-

⁸⁸ ЦГА ДАССР, ф. 209—р, оп. 1, д. 5, л. 35.

ветской власти и Коммунистической партии, оно увеличит ограниченное количество способных практических работников-организаторов, непосредственно знакомых с условиями жизни и нуждами рабочих и крестьян. Это боевая задача момента, — каждый коммунист обязан помочь ее выполнению»⁸⁹.

После большой организационно-массовой и политико-воспитательной работы в сентябре—ноябре по всему Дагестану проводились съезды Советов, которые превратились в яркую демонстрацию сплоченности горских трудящихся масс вокруг Коммунистической партии, их преданности Советской власти. Выборы в Советы показали растущую активность и рост классового самосознания горской бедноты, ее заботу об укреплении Советов и быстрейшем восстановлении своего хозяйства и развитии своей национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

В период избирательной кампании еще шире и глубже стала разворачиваться классовая борьба как в городе, так и в особенности в ауле. Вот несколько примеров: в Дагревком и Обком РКП(б) поступило много жалоб из Кюринского округа о неправильных действиях земотдела по распределению земли, разбазаривании посевного материала, отпущенного беднякам. На собраниях и съездах бедняки прямо заявляли, что кулаки затирают их, а ревкомы смотрят на это сквозь пальцы. При проверке эти факты подтвердились, и виновные в разбазаривании семян специальным приказом по Дагревкому от 16 апреля 1921 г. были сняты с работы и отданы под суд⁹⁰.

По требованию делегатов съезд представителей бедноты и сельских ревкомов Самурского округа 2 марта 1921 г. принял такое решение: использовать земли кулаков-богачей, «не оставлять ни клочка незасеянной земли»⁹¹. На съезде бедноты Аварского округа делегаты требовали отобрать и засеять земли, использовать пастбища и сады эксплуататоров. После съезда на экстренном заседании окружного ревкома было вынесено решение о национализации всех садов бежавших контрреволюционеров, а также о засеивании их пустующих земель⁹². На съезде бедноты Кутур-Кюринского участка Кюринского округа в январе 1921 г. делегаты в своих речах приводили факты о том, что отдельные члены ревкома раздают мануфактуру кулакам, потворствуют разбойникам и ворам, бедняки не имеют защиты и т. д. Съезд потребовал от ревкома принять против разбойников «решительные меры»⁹³.

⁸⁹ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 122, л. 47.

⁹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 417—р, оп. 1, д. 3, л. 28.

⁹¹ Там же, л. 15.

⁹² Там же, ф. 226, оп. 3, д. 11, л. 30.

⁹³ Там же, ф. 209, оп. 2, д. 8, л. 16.

Выборы в Советы обеспечили победу большевистской партии. Попытки помещичье-клерикальных и мелкобуржуазных групп протащить в состав Советов большое число своих представителей провалились. Горские трудовые массы отдали свои голоса тем, кто боролся и борется за их интересы — за коммунистов и беспартийных большевиков. Отмечая размах и характер политического подъема в Дагестане в связи с выборами, газета «Жизнь национальностей» от 26 ноября писала: «Политическая жизнь в Дагестане за последнее время значительно оживилась. В течение трех месяцев Дагестан живет предвыборной кампанией к Вседагестанскому съезду Советов... В большинстве округов, по имеющимся сведениям, проходят коммунисты. Очень интересны столкновения на выборах молодых коммунистических ячеек с партией иттихадистов. В Дагестане эта партия... нашла себе приверженцев в рядах мелкобуржуазной интеллигенции. В городах никакая партия, кроме коммунистической, не могла выставить своих кандидатов»⁹⁴.

29 октября из Гуниба сообщили, что там выборы закончены и что в Советы прошли бедняки⁹⁵. В этот же день была получена весть из г. Дербента о том, что на участках выборы в Советы завершены и что в Советы «выбирают преимущественно коммунистов»⁹⁶. 27 ноября в докладе председателя Кюринского окружного исполкома сообщалось, что «выборы во всем округе вообще прошли удачно в смысле политическом и социальном и все сельские Советы были избраны под председательством того или иного члена избирательной комиссии. Более удачно прошли выборы по Гюнейскому, Кутур-Кюринскому и Улусскому участкам и наиболее неудачно — в Южно-Табасаранском...»⁹⁷.

20—21 октября состоялись выборы в Махачкалинский (Порт-Петровский) Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. На съезде присутствовали 149 делегатов, в том числе: рабочих 62, крестьян — 66, интеллигенции — 21 чел. На съезде были обсуждены следующие вопросы: 1) о продналоге, 2) о помощи голодающим, 3) о работе ревкома, 4) выборы Совета и исполкома⁹⁸. Обсудив доклад о помощи голодающим, съезд принял решение: «Обязать всех членов съезда, по возвращении на места, повести широкую агитацию по всемерному усилению сбора в пользу голодающих. Вместе с тем произвести отчисление от членов съезда — рабочих,

⁹⁴ Газета «Жизнь национальностей», 26 ноября 1921 года.

⁹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 41—р, оп. 5, д. 58, л. 55.

⁹⁶ Там же. л. 100.

⁹⁷ Там же. ф. 37—р, оп. 22, д. 2, л. 1.

⁹⁸ Газета «Пролетарий», 6 ноября 1921 года.

красноармейцев и служащих 5-дневный заработок, а от крестьян хлебных продуктов в размере от 5 до 20 фунтов, в зависимости от имущественного состояния каждого члена съезда»⁹⁹.

Выборы в сельские, участковые, окружные и городские Советы явились яркой демонстрацией крепнущей организованности, сознательности и сплоченности трудящихся Дагестана вокруг Советов, показателем приемлемости и доступности великих идей Коммунистической партии и в условиях таких отсталых в прошлом окраин, как Дагестан.

III.

Съездам Советов в городах и округах предшествовали районные (городские) и окружные партийные конференции. Так, накануне открытия Первого Вседагестанского учредительного съезда Советов с 28 по 30 ноября 1918 г. в г. Буйнакске (бывш. Темир-Хан-Шура) происходила четвертая (вторая послевоенная) Дагестанская областная партийная конференция. На конференции присутствовало 296 делегатов, в том числе: с решающим голосом 96 и совещательным 200, представляющих по данным на 1 ноября 1921 г. 3068 членов и кандидатов РКП(б), объединенных в 181 ячейке.

После состоявшихся в городах и округах партийных конференций и съездов Советов 1 декабря 1921 г. в г. Буйнакске был открыт Первый Вседагестанский учредительный съезд Советов, завершивший всю работу по образованию Дагестанской Автономной Советской Социалистической республики в составе РСФСР. Съезд продолжал свою работу по седьмое декабря.

Первый Вседагестанский учредительный съезд Советов открылся и проходил в торжественной обстановке. На имя съезда поступили приветствия от Кавказского бюро ЦК РКП(б), ЦИКа Азербайджанской ССР, ЦИКа Татарской АССР, Дагестанской областной партийной конференции, а также от члена ЦК РКП(б) командующего Северокавказским военным округом К. Е. Ворошилова, председателя Совнаркома Азербайджанской ССР Н. Нариманова, героя Октябрьской революции и гражданской войны Подвойского и др. С исключительным подъемом были встречены съездом слова приветствия Н. Подвойского в адрес съезда: «Пусть для вас начинающих создавать советскую государственность у ворот Востока всегда и при всяких обстоятельствах служит примером тот, кого пролетариат научил как искать и отыскивать

⁹⁹ Там же.

действительно революционные выходы из всякого тяжелого положения — великий зодчий нового, Советского мира Владимир Ильич Ленин»¹⁰⁰.

В честь Первого Вседагестанского съезда Советов в г. Буйнакске был установлен бюст великому вождю советского народа В. И. Ленину, а также состоялся на площади Свободы парад войск Красной Армии. В знак укрепления дружественных уз и благодарности от имени Красного Дагестана было поднесено пролетарскому Баку Красное знамя¹⁰¹. Съезд послал приветствия ВЦИК, В. И. Ленину, И. В. Сталину, М. И. Калинину¹⁰².

Вседагестанский съезд Советов обсудил следующие вопросы: 1) о деятельности Дагестанского ревкома за весь период существования; 2) об итогах кампании по оказанию помощи голодающим Поволжья; 3) о деятельности экономического Совета ДАССР; 4) об утверждении Конституции ДАССР; 5) об итогах продналоговой кампании в ДАССР; 6) выборы ЦИКа ДАССР.

Съезд обратил особое внимание на разрешение неотложных вопросов хозяйственного и культурного строительства и проведение в жизнь новой экономической политики. Это и понятно, ибо эти вопросы выдвинулись на первый план, и в их решении необходимо было строго учитывать местные особенности и условия. В. И. Ленин требовал осторожности и уступчивости в отношении к ранее угнетавшимся и отсталым в своем развитии нерусским народам. X съезд РКП(б) поставил задачу: помогать им преодолеть то фактическое неравенство, которое они получили в наследство от прошлого, дать им возможность догнать центральные, ушедшие в своем развитии вперед, области страны и в экономическом, и в политическом, и в культурном отношениях.

Основополагающее значение имели для разработки резолюций съезда Советов и определения неотложных задач хозяйственного и культурного строительства в Дагестане указания, данные В. И. Лениным на приеме дагестанской декларации в феврале 1921 г. и в известном письме товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики. В этом письме В. И. Ленин, выразив надежду, что тесный союз советских республик Кавказа «создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного при буржуазном строе», советовал проявить «больше мягкости, осторожности, уступчивости... более

¹⁰⁰ ЦГА ДАССР. ф. 4, оп. 3, д. 5, л. 5.

¹⁰¹ Газета «Пролетарий», 4 декабря 1921 года.

¹⁰² Газета «Советский Дагестан», 4 декабря 1921 года.

медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму»¹⁰³.

Эти установки легли в основу решений, принятых на съезде Советов. В этих решениях были выдвинуты неотложные задачи: быстрее восстановление рыбной и консервной промышленности, фабрики III Интернационала, строительство стеклозавода «Дагестанские огни»; восстановление разрушенных аулов, мостов и дорог, ремонт старых и строительство новых оросительных каналов, землеустройство и разрешение проблемы о пастбищах для скота и т. д. Советское правительство в то тяжелое для всей страны время проявило отеческую заботу о народах Дагестана, помогло им в восстановлении своего хозяйства.

Заслушав доклад Д. Коркмасова о работе Дагревкома, съезд одобрил его деятельность и констатировал, что несмотря на самые тяжелые условия, в которых протекала деятельность Дагревкома, последний «вполне справился со своей основной задачей в гражданской войне и с честью вышел победителем»¹⁰⁴.

Огромное значение имели обсуждение и принятие на съезде первой Конституции Дагестанской АССР¹⁰⁵. Принятие Конституции явилось важнейшим событием в истории Дагестанской АССР. Конституция законодательно закрепила исторические завоевания трудящихся масс, открыла широкие просторы для развития их национальной государственности, для расцвета их экономики и культуры. В конституции ДАССР было провозглашено: «Дагестанская советская республика является автономной и в качестве таковой входит в состав Российской Социалистической федеративной Советской республики»¹⁰⁶. В ней подчеркивалось, что ее основная задача — закрепить установленную в республике диктатуру пролетариата в виде сильной Советской власти, «в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма...»¹⁰⁷.

В конституции ДАССР было определено правовое положение Дагестана как республики Советов, входящей, на автономных началах в РСФСР, пользующейся поддержкой во всех отношениях со стороны Российской Советской республики. В Конституции ДАССР были определены права и обязанности ЦИКа ДАССР, как высшего законодательного и контролирующего органа республики между съездами Советов. Для общего управления делами республики ЦИК образовал

¹⁰³ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 296.

¹⁰⁴ ЦГА ДАССР. ф. 4—р, оп. 3. д. 5 (стенограмма съезда).

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ ЦГА ДАССР. ф. Р—117, оп. 1. д. 1-а, л. 109.

¹⁰⁷ Там же.

Совет Народных Комиссаров и Народные комиссариаты ДАССР по отдельным отраслям народного хозяйства и культуры.

Первый Вседагестанский учредительный съезд Советов, обсудив вопрос о проекте Конституции Дагестанской АССР, 5 декабря единогласно принял следующую резолюцию: «Заслушав доклад председателя Дагестанского ревкома тов. Коркмасова о проекте Конституции ДАССР, Вседагестанский учредительный съезд Советов утверждает проект Конституции. Съезд предлагает будущему ЦИК ускорить разрешение вопроса о границах с Азербайджаном, Грузией, Горской республикой и пограничными областями РСФСР, дабы присоединить к ДАССР спорные территории, входившие до покорения Кавказа в состав Дагестана и тесно с ним связанные по экономическим условиям, бытовым, этнографическим и другим признакам и тем облегчить испытываемые беднотой пограничных округов затруднения»¹⁰⁸.

Кроме того, съезд Советов издал декрет об амнистии скрывающихся от Советской власти бывших участников контрреволюционного восстания в горах, чтобы те вернулись к общественно-полезной мирной работе¹⁰⁹.

Первый Вседагестанский учредительный съезд Советов избрал Центральный Исполнительный Комитет Дагестанской АССР. На первой сессии ЦИКа ДАССР был избран Президиум ЦИК ДАССР и образовано правительство — Совет Народных Комиссаров ДАССР.

В высшие органы власти в республике представители трудящихся масс избрали лучших из лучших, преданных делу Советской власти людей, которые в течение ряда лет мужественно боролись за свободу и светлое будущее своего народа. В состав Президиума Даг.ЦИКа вошли: Н. Самурский (председателем), А. Нахибашев (секретарем), И. Алиев, Исачкин, М. Хизроев, Г. Гаджиев и др. Первое Советское правительство народов Дагестана возглавили: Д. Коркмасов (председатель), К. Мамедбеков (Наркомвнутдел и предс. ЧК), М. Кундухов (Нарком продовольствия), А. Тахо-Годи (Наркомпрос), Х. Хан-Магомедов (предс. Дагсовнархоза), К. Полин (Наркомрабкрин), М. Ахундов (Наркомзем), И. Маскин (Наркомтруд) и др.¹¹⁰.

Первый съезд Советов ознаменовал собой торжество того дела, во имя которого трудящиеся массы Дагестана, под руководством Коммунистической партии, так упорно и последовательно боролись, — для социального и национального осво-

¹⁰⁸ ЦГА ДАССР, ф. Р—4, оп. 3, д. 5, л. 117.

¹⁰⁹ Там же, лл. 39—40.

¹¹⁰ Газета «Пролетарий», 15 декабря 1921 года.

бождения, победы Советской власти. Он обобщил также огромную работу ревкомов, проделанную ими по упрочению Советской власти и осуществлению перехода от системы ревкомов к Советам. Съезд обеспечил практическое претворение в жизнь ленинской национальной политики по отношению к народам Дагестана, оформил их государственное самоуправление на основах советской автономии. в братской семье народов Российской Федерации.

К исходу 1921 года, завершив работы по укомплектованию республиканских и местных органов власти необходимыми кадрами, Обком РКП(б) и правительство ДАССР приступили к претворению в жизнь решений съезда Советов о социалистическом возрождении Дагестана.

* * *

*

Революционные комитеты действовали в Дагестане около двух лет. В своей деятельности они руководствовались директивами партийных органов, опираясь на поддержку и помощь широких масс трудящихся. Несмотря на сложные условия, при которых им приходилось работать, они сумели выдержать все испытания, выполнили свою историческую миссию по вовлечению трудящихся горцев в русло советского развития.

БОРЬБА РАБОЧИХ ПОРТ-ПЕТРОВСКА И ДЕРБЕНТА ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ (1917—1920 годы)

В октябре 1917 года рабочий класс нашей страны в союзе с трудовым крестьянством под руководством Коммунистической партии одержал победу всемирно-исторического значения — сверг контрреволюционное Временное правительство и установил диктатуру пролетариата.

Весть о победе пролетарской революции в центре дошла до Порт-Петровска 25 октября (7 ноября) 1917 года. В тот же день состоялось историческое заседание объединенного Совета рабочих и военных депутатов города. Заявление председателя заседания Совета о победе пролетарской революции в Петрограде было встречено бурными аплодисментами¹. На заседании была оглашена телеграмма председателя Терского областного Совета солдатских депутатов эсера Момулова, который требовал «... узнать намерения Порт-Петровского большевистского комитета и принять все меры для успокоения гарнизона»². Во время заседания была получена телеграмма и из Тифлиса за подписью грузинского меньшевика Гегечкори, в которой говорилось, что «в Петрограде начались выступления большевиков. По сведениям нами полученным, в Петрограде фактически распоряжаются они. Примите меры»³.

На заседании разгорелась острая борьба между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками и эсерами — с другой. Городской голова эсер Козлов потребовал создания «Комитета спасения революции»⁴ и организации во-

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 1, д. 108, л. 48.

² Там же, л. 49.

³ Там же.

⁴ Там же.

оруженных сил против большевиков. Он пытался уверить рабочих и солдат в том, что для взятия власти Советами условия еще не созрели. Большевики требовали за Советами оставить функции контроля, а Временное правительство превратить в исполнительный орган.

Большевики, выступая против эсеро-меньшевистских руководителей Совета, доказывали необходимость сосредоточения всей власти в руках пролетариата. Они видели в этом единственный выход из того тупика, куда была загнана страна. «Те, кто будет пугать нас, что еще не время взять власть народу, — говорили они, — уже опоздали, т. к. страна на краю гибели и сама жизнь заставляет народ взять власть»⁵. Большевики в своих выступлениях требовали сосредоточить всю власть в руках Советов. «Вся власть, — заявил Сельтнев, — должна перейти в руки Советов как в центре, так и на местах, как более близких к пролетариату»⁶. Беличенко также призвал рабочих и солдат взять власть в свои руки. Он заявил: «Теперь настало время взять власть в свои руки народу-пролетарию, а не идти рука об руку с буржуазией, которая может создать если не Николая, то какого-нибудь президента, подобно французскому»⁷.

Выступавшие требовали также отстранить эсеров и меньшевиков от руководства Советами и «сейчас же избрать президиум Совета рабочих и военных депутатов, который бы действительно сочувствовал настоящему моменту»⁸. Н. Ермошкин заявил, что «с переходом власти к Советам необходимо реорганизовать Советы, так чтобы они могли управляться народом, а не оставлять их такими слабосильными, какие они есть»⁹. Большевик Воинов в своем выступлении требовал, чтобы у власти стали те, «кто сами куят железо и добывают хлеб»¹⁰. Выступавшие также требовали реорганизовать эсеро-меньшевистский совет.

На заседании разгорелась упорная борьба и по аграрному вопросу. Большевики и эсеры, ссылаясь на «сложность» этого вопроса, требовали отложить его решение до созыва Учредительного собрания¹¹. От большевиков выступил Сельтнев. Он разоблачил контрреволюционную сущность предложения меньшевиков и эсеров и потребовал, «чтобы частновладельческие земли были отобраны и розданы беднейшему крестьян-

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 50.

⁷ Там же, л. 51.

⁸ Там же, л. 52.

⁹ Там же, л. 53.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 54.

ству Советами до Учредительного Собрания»¹². Обсуждение аграрного вопроса и выступления большевиков, против меньшевиков и эсеров с требованием разрешения аграрного вопроса в интересах трудового земледельца имело исключительно важное значение. Оно способствовало дальнейшему сплочению трудящихся крестьян области вокруг рабочего класса городов Дагестана. Острая борьба, развернувшаяся на заседании Совета вокруг аграрного вопроса, еще раз показала трудящимся крестьянам, что рабочие городов не ограничиваются только разрешением своих узко классовых задач, а являются единственными и последовательными борцами за уничтожение социального и национального гнета, верными защитниками интересов трудового крестьянства.

5 ноября 1917 г. под давлением революционно-настроенных солдат гарнизона председателем Совета военных депутатов был избран большевик Сельтнев. По предложению Сельтнева Совет избрал новый состав президиума, в который вошли Воинов, Хоперов, Ананченко, Пупков, Сметанин, Морозов, Нестеров и Полупанов¹³. 6 ноября 1917 г. состоялось заседание Совета рабочих депутатов Порт-Петровска. Рабочие также выступили с требованием о перевыборе председателя объединенного Совета эсера Майорова¹⁴.

7 ноября 1917 г. на заседании Порт-Петровского Совета военных депутатов выступил представитель г. Грозного Анисимов, который заявил собранию, что он прибыл из Петрограда со 2-го съезда Советов и после того, как он сделал доклад о съезде Грозненскому Совету, делегирован последним в города Петровск-Порт, Баку и Тифлис для того, чтобы узнать «настроение гарнизонов названных городов, которое создалось в связи с выступлением большевиков в Петрограде»¹⁵. Заслушав сообщение Анисимова, Порт-Петровский Совет военных депутатов принял следующее решение: «Вся власть отныне должна принадлежать трудовому народу. Пусть у власти теперь стоит тот, кто своими руками кует железо, сеет хлеб и защищает родную землю»¹⁶.

Под влиянием победы Октябрьской революции и с установлением Советской власти в Порт-Петровске активизировались рабочие гор. Дербента. «Союз всех профессиональностей», который работал под руководством большевистской организации, решил взять власть в городе в свои руки. К октябрю 1917 г. дербентская большевистская организация еще более окрепла, в ее рядах уже насчитывалось до 30 членов.

¹² Там же, л. 85.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 52.

¹⁵ Там же, л. 88.

¹⁶ Там же.

Был создан партийный комитет в составе Пугина, Маскина, Кобякова и Фангера под председательством А. Измайлова. Большевики усилили работу среди рабочих и солдат. Они пользовались большим авторитетом среди населения города. 27 октября 1917 г. 20 делегатов «Союза всех профессиональностей», среди которых было 12 большевиков и группа рабочих, опираясь на поддержку трудящихся города, пришли в Совдеп и, «представив председателю протоколы собраний и мандаты избранных делегатов, потребовали немедленно ввести их в члены Совдепа. Совдеп принял всех без прений»¹⁷.

Дербентская партийная организация решила создать вооруженный отряд для развертывания дальнейшей борьбы. По решению партийной организации И. Т. Маскин с группой рабочих совершил ночной налет на военный склад местного гарнизона и захватил 100 берданок, 15 ящиков патронов и ручных гранат. Вскоре в городе был создан отряд Красной Гвардии.

Большевики, опираясь на красногвардейский отряд и выражая волю рабочих города, провели в декабре перевыборы в Советы рабочих и военных депутатов. В президиум Совета были избраны большевики и их сторонники: Пугин, Маскин, Рабинович, Ханукаев и др. На следующем заседании Совдепа было принято постановление о том, чтобы союзы железнодорожников, конторских служащих и почтовиков переизбирали своих депутатов. На этом же собрании было постановлено распустить гражданский исполнительный комитет¹⁸, как местный орган Временного правительства. Власть в городе перешла в руки рабочих, руководимых большевиками.

Порт-Петровский военно-революционный комитет и Совет рабочих и солдатских депутатов, сосредоточив в своих руках политическую власть, взяли под контроль промышленные предприятия города. В связи с участившимися случаями саботажа со стороны предпринимателей Советом была выделена на предприятия вооруженная охрана из рабочих и солдат гарнизона. По этому вопросу разгорелась острая борьба между большевистским Порт-Петровским Советом и националистическим Дагестанским областным исполнительным комитетом. Вопреки решениям Совета, Областной исполком и его продовольственный комитет пытались реализовать продукцию промышленных предприятий Порт-Петровска, воспользоваться доходами этих предприятий для сколачивания контрреволюционных отрядов против растущего революционного движения в области. Но Порт-Петровский Совет, выражая волю рабочих, солдат и трудового крестьянства области, решительно пресекал все эти попытки. Так в ноябре 1917 г. Дагестанский

¹⁷ Дагестанский краеведческий музей, п. 15, л. 7.

¹⁸ Там же.

областной исполком пытался отправить в Персию 20 кибязи с фабрики «Каспийская мануфактура». Ночью, втайне от Совета, бязь была вывезена с фабрики на пристань. Рабочие во главе с членом Порт-Петровской продовольственной управы Машковым задержали бязь, помешав ее вывезти¹⁹. Выражая волю рабочих и учитывая тяжелое продовольственное положение города, Совет решил реализовать бязь среди населения области, путем обмена ее на хлеб.

Городская управа и продовольственный комитет, в которых еще сидели меньшевики и эсеры, выступали против справедливых требований рабочих, способствовали предпринимателям и спекулянтам в расхищении и разбазаривании имущества предприятий. Предприниматели, опираясь на поддержку Областного исполкома, саботировали решения Совета, отказывались подчиняться рабочему контролю, не выполняли коллективного договора и под разными предлогами закрывали свои предприятия²⁰.

20 ноября 1917 г. на заседании Совета, при обсуждении вопроса о промыслах Тагиева выяснилось, что «орудия лова имеются на промыслах в большом количестве и они не выдаются ловцам»²¹. Советом была создана комиссия, в которую вошли два члена от объединенного Совета, два от профессионального союза ловцов и два от городского продовольственного комитета. Совет постановил: «Орудия лова, имеющиеся на промыслах Тагиева, реквизировать». Тогда же фирмой Тагиева была сделана попытка закрыть фабрику «Каспийская мануфактура»²². Это могло подорвать промышленность области, повысить цены до неопределенных размеров, вызвать безработицу и голод среди рабочих города. В защиту фирмы Тагиева выступил Дагестанский областной исполком, который в своей телеграмме Петровскому продовольственному комитету требовал «принять меры... к невыпуску бязи без разрешения Областной продовольственной управы»²³. Совет, обсудив вопрос о фирме Тагиева, постановил принять труд на фабрике под охрану городского самоуправления и установить контроль «за производством, а также распределением продуктов...»²⁴.

Центральным вопросом в деятельности обновленного Совета становится рабочий вопрос. Большевистский Совет с первых же дней развернул активную борьбу за улучшение ма-

19 Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 393, оп. 3, д. 53, л. 98.

20 Там же.

21 Там же, л. 103.

22 Там же.

23 Там же.

24 Там же.

териального положения рабочих. В ноябре 1917 г. забастовали бондари фирмы общества «Рыбак». Хозяева отказывались выполнять экономические требования рабочих. Исполком Порт-Петровского Совета рабочих и солдатских депутатов постановил делегировать двух членов комитета — Пупкова и Володина в дворовой комитет бондарей общества «Рыбак» и потребовал от общества «удовлетворить требование рабочих-бондарей в однодневный срок»²⁵. 18 ноября исполком, заслушав просьбу комиссара Молоканского промысла № 1 Дмитриева об увеличении заработной платы женщинам, работающим на промыслах, в связи с повышением цен на продукты и предметы первой необходимости, постановил: «Возвратить заявление комиссару Дмитриеву с предложением выработать коллективный договор, который по выработке немедленно провести в жизнь»²⁶. 20 ноября объединенный Совет, обсудив вопрос о нападении ногайцев на караульщиков фирмы Тагиева, охранявших сулакские воды, и о незаконных действиях промысловой администрации Тагиева, которые игнорировали решения Совета, постановил «предложить центральному комитету промыслов Тагиева прекратить свои функции, а воды объявить свободными для лова»²⁷.

Советом на всех предприятиях были созданы комиссии по охране труда, которые отчитывались перед Советом о нуждах рабочих, следили за выполнением предпринимателями решений Совета. 7 декабря 1917 г. объединенный Совет, обсудив доклад комиссии о рыбном промысле Инчхе, выяснил тяжелое положение рабочих. Фирма Тагиева саботировала решения Совета, рабочих кормили недоброкачественной мукой, отсутствовала медицинская помощь. Совет постановил предложить фирме Тагиева: «1). Доставлять рабочим доброкачественную муку, 2). завести аптечку и фельдшера для оказания медицинской помощи рабочим, 3). предложить комиссии по охране труда сместить комиссара»²⁸.

Многогранной была деятельность Порт-Петровского Совета. Им также был проведен ряд важных мероприятий по охране и установлению революционного порядка на Владикавказской железной дороге. Эта дорога имела исключительно важное значение. Она связывала районы Северного Кавказа и Закавказья с Порт-Петровском, который являлся самым удобным портом в северной части Каспия. По железной дороге доставляли хлеб с Северного Кавказа и Баку, отправляли хлеб и нефть для промышленных центров Советской России.

²⁵ Там же, л. 109.

²⁶ Там же, л. 113.

²⁷ Там же, л. 125.

²⁸ Там же, л. 100.

Перерыв движения на этой линии хотя бы на самое короткое время грозил большими бедствиями. Однако на железной дороге к концу 1917 г. господствовали разруха и анархия. Перевозка грузов без надежной вооруженной охраны была очень рискованной. Контрреволюционные отряды совершали непрерывные набеги на дорогу. Они разбирали рельсы, резали провода, обстреливали поезда, грабили пассажиров, а также хлеб и сырье, отправляемые в Советскую Россию из южных районов страны.

Учитывая важное значение дороги, Порт-Петровский Совет 27 ноября обсудил этот вопрос. Тов. Сельтенев заявил о необходимости немедленного восстановления железнодорожного движения между Хасавюртом, Гудермесом и Грозным и об охране разъездов на этом перегоне. «Владикавказская железная дорога, — говорит он, — является главным путем сообщения с кавказскими фронтами. Если только эта дорога будет отрезана, то тогда наступит голод как для Кавказской армии, так и для Дагестана, что без сомнения вызовет печальные последствия... Постоянные грабежи и перестрелки идут из-за власти, которую хотят захватить в свои руки карауловы»²⁹. На заседании также выступили члены Совета Савчинов и Штень, командированные для ознакомления с положением на железной дороге. Они доложили Совету, что «положение на станции Гудермес угрожающее. Некоторые разъезды на перегоне от Петровска до Гудермеса разграблены и сожжены»³⁰ и предложили привлечь один из проходящих эшелонов для охраны станций Владикавказской железной дороги. «Если же таковые меры не будут приняты Советом, — говорили они, — то тогда Дагестан будет отрезан и наступит голод»³¹. Учитывая это обстоятельство, Совет постановил «послать делегацию в Тифлис, которой поручить выхлопотать разрешение для отправки постоянных частей в Грозный и Гудермес, а также просить распоряжения о распределении нескольких полков по станциям железных дорог для охраны»³².

Совет, заслушав заявление Петровского железнодорожного исполнительного комитета о выделении вооруженных солдат «для борьбы с бесплатным проездом пассажиров и провозом грузов и учреждении охраны водокачки на станции Чирюрт»³³, постановил выделить вооруженную охрану и группу членов Совета и поручить им организовать охрану станций, нефтя-

²⁹ Там же, л. 103.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

ных баков, водокачки и прочих железнодорожных построек, а также следить за порядком на станции: вести борьбу с бесплатным проездом пассажиров и провозом бесплатно груза в воинских поездах³⁴. 5 декабря 1917 г. Совет решил организовать отряд в 100 человек в помощь отряду, находящемуся на станции Гудермес и делегировать туда одного члена Совета³⁵.

В результате решительных действий Порт-Петровского Совета вскоре был наведен порядок на железной дороге, восстановлено нормальное движение пассажирских и товарных поездов.

Порт-Петровский Совет сыграл огромную роль и в борьбе против националистической контрреволюции в Дагестане, которая натравливала горцев против русских и вообще против всех немусульман. Панасламысты, пантюркисты создавали бандитские отряды, совершавшие грабительские набеги на русские поселения, расположенные на территории Хасавюртовского и Темир-Хан-Шурипского округов. В постановлении съезда уполномоченных аулов и русских поселений Хасавюртовского округа говорится: «Ввиду того, что грабежи и насилия над мирными жителями — абреков-разбойников совершенно разорили край и одинаково губительно отражаются на всех жителях Хасавюртовского округа и ведут к вражде и нарушению правильного течения жизни, съезд просит Краевой военный совет и высшую власть края прислать в Хасавюртовский округ войска, как для охраны, так и для возвращения всего награбленного имущества и для поимки абреков»³⁶. Совет решил взять под охрану Порт-Петровского гарнизона все русские поселения, расположенные в Дагестане. Обсудив просьбу представителей ряда русских хуторов, Совет постановил послать команды для охраны селений Преображенки, Царедаровки, Нечаевки, Чирюрта и др. В Хасавюртовский округ Военно-революционным комитетом был послан отряд из 75 красногвардейцев, которому удалось за одну неделю отправить в Грозный по железной дороге несколько тысяч русских беженцев³⁷.

Создание Порт-Петровского Военно-революционного комитета и установление Советской власти в Дербенте было важнейшим этапом в борьбе трудящихся горцев за победу Советской власти в Дагестане. Комитет проводил большую работу по расширению влияния большевиков среди трудового крестьянства в аулах Дагестана. Но работа порт-петровских большевиков проходила в сложных условиях. «Наши враги, — пишет Г. Далгат, — прибежали к провокациям, пытались

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, л. 108.

³⁶ Там же, л. 75.

³⁷ Там же.

разжечь национальную рознь. Дагестанская контрреволюция изображала большевиков как представителей великорусского шовинизма, а нас большевиков-дагестанцев, как предателей и отщепенцев своего народа»³⁸.

Несмотря на клеветнические нападки контрреволюционных сил, Порт-Петровск и Дербент становятся революционными центрами борьбы за торжество Советской власти в Дагестане. Сюда приезжали представители трудящихся крестьян со всех округов и аулов Дагестана, получали вооружения и инструкции. В командировочном удостоверении, выданном Советом солдатских депутатов Порт-Петровского гарнизона от 30 ноября 1917 г. вахмистру Казикумухской окружной гражданской милиции Гаджи Мухаммедову говорится, что «ему разрешается провезти 3 винтовки: одну за № 39027 Ижевского завода, одну австрийскую за № 5767 и одну германскую за № 1227 и шестьдесят патронов трехлинейных. Означенное оружие... выдано для вооружения милиции и следует из Петровска до Темир-Хан-Шуры. Председатель А. Сельтенов»³⁹. При поддержке Порт-Петровского военно-революционного комитета в Казикумухе был образован окружной военно-революционный комитет во главе с Гаджи Тумалаевым. Как свидетельствуют документы, Казикумухский окружной военно-революционный комитет установил связь с Советской Россией⁴⁰.

Связь Порт-Петровского ревкома с аулами осуществлялась разными путями. Огромную помощь ревкому в организации этой связи оказывало Дагестанское студенческое бюро, тесно связанное с рабочими Темир-Хан-Шуры и Порт-Петровска. «Студенческая группа, — пишет в своих воспоминаниях Г. Далгат, — связавшись с Советом рабочих и солдатских депутатов, не раз доставала винтовки и патроны для вооружения революционно-настроенных рабочих Темир-Хан-Шуры (Дахадаевский кинжальный завод, отдельные группы рабочих консервной промышленности и отдельные группы ранее примкнувшие к нам). Это оружие мы привозили из Петровска и передавали в распоряжение социалистической группы (тов. Махача Дахадаева)»⁴¹.

Победа Октябрьской революции и провозглашение Советской власти в Порт-Петровске и Дербенте оказывали огромное революционизирующее влияние на трудовое крестьянство Дагестана. Почти во всех аулах происходят выступления крестьян. Аграрное движение принимает характер социали-

³⁸ Партархив Дагфилнала Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС, ф. 8, д. 3, л. 5

³⁹ ЦГА ДАССР, ф. 57, оп. 1, д. 4, л. 5.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Партархив Дагфилнала ИМЛ, ф. 8, оп. 3, л. 5.

стического. Ведущую роль в этой борьбе трудового крестьянства области играли рабочие городов Дагестана, которые оказывали свое влияние на аул через дагестанцев-отходников. В результате совместного труда и борьбы формируется революционное сознание рабочих и отходников и из их среды вырастает целая плеяда замечательных организаторов и руководителей борьбы трудящихся Дагестана: Джаммалутдин Атаев, Омаров Чохский, Изи Чопанов, Алибек Богатырев, Халимбек Мустафаев, Кара Караев, Шангерей Таркинский, Наби Магомедов, Бахтигирей, Тарикули Юзбеков, Казибек Акимов, Алимурза Османов, Сулейман Сулейманов и др. Десятки тысяч рабочих и отходников, ежегодно уходивших на заработки в Баку, Астрахань, Грозный, Тбилиси, Порт-Петровск, Дербент, Темир-Хан-Шуру, становятся посредниками между рабочим классом и трудовым крестьянством области. Рабочие городов, опираясь на отходников, количество которых к 1917 году доходило до 80 тысяч человек, получают реальную возможность организовать и руководить революционной борьбой крестьянства за победу Советской власти в Дагестане.

Триумфальное шествие Октябрьской революции и победа Советской власти в Порт-Петровске и Дербенте, которые стали маяками, освещающими путь горцам для избавления от социального и национального гнета, усилили ненависть всех контрреволюционных сил области. Националистическая контрреволюция стала сколачивать силы, чтобы задушить Советскую власть в Дагестане в ее центрах — в Порт-Петровске и Дербенте.

За 4 дня до победы Великой Октябрьской социалистической революции 21 октября 1917 года в областном центре — Темир-Хан-Шуре состоялось совещание, созванное областным комиссаром с целью мобилизации сил для подавления возможных революционных выступлений в городе. Совещание решило «признать необходимым назначение ежедневно из состава Темир-Хан-Шуринского гарнизона дежурных частей: одной роты пехоты, одной сотни кавалерии и взвода артиллерии и дежурного по гарнизону ротного или сотенного командира». Был организован «комитет спокойствия»⁴², которому совещание поручило срочно выработать план охраны спокойствия в Темир-Хан-Шуре.

29 октября 1917 г. в Темир-Хан-Шуре состоялось второе заседание особого совещания по выработке мер охраны порядка в Темир-Хан-Шуре. Заслушав резолюцию особого совещания по выработке мер охраны порядка в городе, совещание постановило образовать в Темир-Хан-Шуре особый

⁴² ЦГА ДАССР, ф. 610, оп. 1, д. 6, л. 8.

Комитет спокойствия в составе: областного комиссара, начальника Темир-Хан-Шуринского гарнизона и по одному представителю от Дагестанской секции союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, областного исполкома, дагестанского мусульманского национального комитета, городской думы и трех представителей от Совета депутатов Темир-Хан-Шуринского гарнизона⁴³. В случае возникновения беспорядков Комиссар области должен был передавать власть в городе Комитету спокойствия. «В случае беспорядков в городе, — говорится в постановлении совещания, — областной комиссар или комитет спокойствия, когда власть передана ему областным комиссаром, вызывают через дежурного по гарнизону офицера дежурные части и дают распоряжения относительно подавления беспорядков и установления нормального спокойствия жизни в городе»⁴⁴.

20 ноября 1917 г. областной комиссар Шаханов писал во Владикавказ ген. Половцеву, чтобы он в связи с событиями на линии железной дороги срочно отправил сотни 2-го Дагестанского конного полка в Дербент⁴⁵. Вскоре из Дербента ушли последние русские воинские части, которые являлись серьезной вооруженной опорой большевиков в их борьбе за власть Советов. По решению областного исполкома в Дербенте был расквартирован контрреволюционно настроенный батальон Дагестанского конного полка. «С первого же дня батальон пошел против Совдепа. В день прибытия батальона часть бандитов пыталась арестовать председателя Совдепа Рабиновича, но подоспевшие вооруженные рабочие не допустили этого. Вечером в окно квартиры Рабиновича было произведено несколько винтовочных выстрелов и на другой же день Рабинович выехал в Баку. Союз (всех профессиональностей — А. Г.) устроил совместно с Совдепом демонстрацию, но демонстранты едва не были перестреляны батальоном. Вечером банды пытались арестовать Пугина, Маскина, Фангера и ночью Маскин и Фангер выехали в П.-Петровск. Пугин и другие товарищи скрывались в городе некоторое время и затем уехали. 25 декабря Совдепа в Дербенте не стало и власть перешла к гражданскому исполнительному комитету и банда Гоцинского»⁴⁶.

Реакционные силы решили ликвидировать основной очаг пролетарской революции — Порт-Петровский военно-революционный комитет. Контрреволюционный областной исполком, возглавляемый ярыми буржуазными националистами

⁴³ ЦГА ДАССР, ф. 159с/609, оп. 1, д. 6, л. 7.

⁴⁴ Там же, ф. 609, оп. 1, д. 12, л. 35.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, ф. 175, оп. 1, д. 10, л. 20

З. Темирхановым, Н. Гоцинским и Узун Гаджи, стал сколачивать свои силы. В начале января 1918 г. банды Гоцинского, объявившего себя имамом, двинулись на Темир-Хан-Шуру⁴⁷.

Когда весть о наступлении Гоцинского дошла до Порт-Петровска, состоялось экстренное заседание Петровского ревкома, который решил оказать всоруженную помощь трудящимся горцам. По призыву Порт-Петровского военно-революционного комитета были сформированы отряды в количестве 700 человек из рабочих города и крестьян окрестных аулов — Тарки, Альборукент, Кахулай, Агач-аул, Атлы-боюн. Вооруженные отряды пеших и конных во главе с У. Буйнакским, Д. Атаевым, Г. Далгатом, Захарочкиным, Ш. Таркинским, А. Г. Магомедовым прибыли в Темир-Хан-Шуру по шоссе и железной дороге. Накануне этих событий, когда весть о нашествии имамовцев на Темир-Хан-Шуру дошла до П.-Петровска, Военно-революционный комитет отправил социалистической группе большую партию оружия для вооружения рабочих города и трудящихся крестьян аулов, поднявшихся на борьбу против банд. Как сообщает в своих воспоминаниях Г. Далгат, отряд Порт-Петровского ревкома, прибывший в Темир-Хан-Шуру, «был единственной реальной силой, оказавшейся в распоряжении социалистической группы в тревожные дни. После нашего прибытия, к нам стали присоединяться отряды из окружающих Темир-Хан-Шуру аулов, в результате наступило некоторое равновесие в силах. Это помогло социалистической группе окончательно провалить контрреволюционный поход Гоцинского»⁴⁸.

Большевики совместно с членами соцгруппы, обсудив сложившуюся обстановку, разработали тактический план, рассчитанный на мирную ликвидацию мятежа Гоцинского. При этом они исходили из того обстоятельства, что отряды Гоцинского состоят в большинстве своем из обманутых горцев, приведенных в движение реакционным духовенством, под сильным влиянием которого они находились. Вооруженное столкновение привело бы к ненужному кровопролитию среди трудящихся, случайно оказавшихся на двух противоположных сторонах, что способствовало бы усилению националистической пропаганды и оттолкнуло бы от революции значительные слои населения области.

У. Буйнакский, М. Дахадаев, Д. Коркмасов, Захарочкин, И. Чопанов, М. Хизроев, Д. Атаев, Авербух, Г. Далгат, Ш. Таркинский и др. развернули широкую разъяснительную работу в отрядах Гоцинского. В своих выступлениях на городской площади, где были собраны отряды войск обоих лагерей,

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Партархив Дагфилнала ИМ.Т, ф. 8, оп. 1, д. 3, л. 6.

и на заседании областного Совета они разоблачали авантюру националистической контрреволюции, просто и ясно разъясняли горцам смысл происходящих событий и убеждали их в необходимости сплочения вокруг Порт-Петровского военно-революционного комитета, рабочих городов для организации борьбы за торжество Советской власти в Дагестане.

Большевистская тактика, рассчитанная на мирное разрешение конфликта, являлась в данной конкретной обстановке единственно правильной тактикой. Выступления большевиков и членов соцгруппы оказали огромное влияние на трудящиеся массы, помогли им правильно ориентироваться в происходящих событиях. Так, под влиянием большевистской агитации удалось избежать кровопролития и внести замешательство в ряды банд Гоцинского. Часть сторонников Гоцинского перешла на сторону большевиков, многие разошлись по домам, а «имам» с кучкой бандитов позорно бежал. Так была ликвидирована первая попытка контрреволюции подавить Советскую власть в Дагестане.

Советская власть в Дагестане, существовавшая только в Порт-Петровске, оказывала большое революционизирующее влияние на широкие трудящиеся массы области. Поэтому Порт-Петровск находился под постоянной угрозой нашествия националистических банд, сколачиваемых Дагестанским областным исполкомом. Задача состояла в том, чтобы создать крепкие вооруженные силы, которые могли бы дать решительный отпор контрреволюции, превратить Порт-Петровский военно-революционный комитет в центр борьбы трудящихся масс за торжество Советской власти во всем Дагестане. Из солдат-добровольцев Порт-Петровского и других гарнизонов, солдат, возвращавшихся домой с турецкого фронта через Порт-Петровск, добровольцев из местного населения: аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, лакцев, а также из рабочих города вскоре был создан Интернациональный полк, который насчитывал до 300 бойцов.

Опираясь на эту вооруженную силу, Петровский ревком начал проводить в жизнь ряд социалистических мероприятий. Но эта работа вскоре была прервана новым нашествием националистических банд на Порт-Петровск. В связи с явным превосходством сил контрреволюции и во избежание кровопролития Порт-Петровский военно-революционный комитет решил эвакуироваться в Астрахань. По поводу этих событий газета «Известия Кубанского областного исполкома» от 10 мая 1918 г. писала следующее: «И тут (в Порт-Петровске — А. Г.) засели бекско-хапские отряды Дагестанских полков, действующие по указанию феодальной Турции, и началась в Петровске анархия. В первый же день Петровск стал ареной

грабежей и разбоев. Появились на железнодорожных станциях восточные «джентльмены», которые входили в вагоны и «снимали» пассажиров. Был захвачен этими разбойниками денежный груз, адресованный Советом Народных Комиссаров Бакинскому Совету. Население всего пути от станции Хасавюрт находится во власти ревностных прислужников «джентльменов». Очередная задача революции — суровая, неуклонная и беспощадная борьба с преступными авантюристами, засевшими в Петровске.

Астраханский губисполком совместно с Порт-Петровским военно-революционным комитетом приступил к организации вооруженных сил. За короткий срок был организован добровольческий военный отряд, состоявший из 1000 человек, во главе с Буровым и Ляховым. Астраханский губисполком и Бакинский Совнарком разработали план совместного наступления на Порт-Петровск.

Трудящиеся Дагестана совместно с бакинскими и астраханскими отрядами, посланными им на помощь, начали громить силы контрреволюции. 22 апреля 1918 г. в Порт-Петровске была восстановлена власть Военно-революционного комитета, 25 апреля был освобожден Дербент.

Отряды астраханских и петровских рабочих, а также трудящихся-горцев во главе с У. Буйнакским, Д. Атаевым, Ляховым и др. 2 мая 1918 г. развернули наступление на Темир-Хан-Шуру. Когда отряды из Порт-Петровска стали прибывать в Темир-Хан-Шуру, трудящиеся города с хлебом и солью, с красными знаменами и духовым оркестром вышли на вокзал их встречать. Вскоре в городе был организован Областной Военно-революционный комитет во главе с Д. Коркмасовым. В его состав вошли У. Буйнакский, М. Дахадаев, М. Хизроев, Г. Саидов, С. Габиев, С. С. Казбеков, З. Батырмурзаев, Е. Гоголев и др. В мае 1918 г. создается Порт-Петровский городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет, в который вошли У. Буйнакский, Захарочкин, Атаев, Котров, Косицын, Луцикович, Тутышкин, Маскин, Казбанов, Машков, Коробов, Ананов, Мустанов, Гавриленко, Митин, Лагода и др. Создаются Советы в других городах, аулах и округах Дагестана.

Рабочие Дагестана не ограничились установлением Советской власти в городах Порт-Петровске, Дербенте и Темир-Хан-Шуре. Вооруженные отряды рабочих Порт-Петровска и Дербента под руководством большевиков, сплотив вокруг себя трудовое крестьянство области, громили контрреволюцию и устанавливали Советскую власть в Дагестане. В конце апреля и начале мая 1918 г. трудящиеся крестьяне ряда близлежащих к городам аулов — Тарков, Кахулая, Альборукента,

Карабудахкента и др., опираясь на власть Порт-Петровского ревкома, взяли власть в свои руки. Тогда же по указанию председателя Порт-Петровского военно-революционного комитета У. Буйнакского красные партизаны сел. Утамыш: Амирхан Гамринский, Юсуп Гаджи Хасаев, Муса Мусаев, Идрис Шихшабеков, Абдулов Абдурахман—организовали отряд, свергли в селении прежнюю власть и создали сельский ревком. Как пишет в своих воспоминаниях Ю. Хасаев, «с помощью т. Алексея, посланного Порт-Петровским ревкомом, утамышцы организовали свой отряд должным образом. Был создан штаб отряда, подобран младший командный состав. Проведена некоторая подготовка отряда к военным действиям, налажено снабжение. Одновременно была проведена работа на селе по укреплению революционной власти. Вся земля была отобрана у землевладельцев и обращена в общественный земельный фонд».

В мае 1918 г. трудящиеся крестьяне Кайтаго-Табасаранского округа обратились к Порт-Петровскому военно-революционному комитету за помощью. По решению ревкома в округ был направлен отряд красноармейцев во главе с У. Буйнакским и Дж. Атаевым. Трудящиеся крестьяне округа совместно с этим отрядом стали устанавливать Советскую власть в аулах. Были созданы ревкомы в сел. Мурего во главе с Халимбеком Мустафаевым, Гаджибеком Магомедовым, Арпели Амировым, в сел. Усемикент во главе с Заирбеком Заирбековым, Абдуллой Казбековым, в сел. Алхадмакент во главе с Камалом Абакарсым, в сел. Гиччи Гамри во главе с Али Гамринским, в сел. Буйнак во главе с Гаджи Каранайевым, в сел. Мамма-ауле во главе с Омаровым и др. Для закрепления и расширения завоеваний Советской власти сельские ревкомы стали создавать отряды из трудящихся крестьян. Для вооружения формируемых отрядов Порт-Петровский ревком отпустил сел. Утамыш 120 винтовок, 8 ящиков патронов, 20 ручных бомб; сел. Каранай-аул — 40 винтовок, 40 ручных бомб; сел. Улуббий-аул — 60 винтовок и 60 ручных бомб. Помощь была оказана и другим селениям.

При активном участии Порт-Петровского военно-революционного комитета за короткий срок была установлена Советская власть на территории от Утамыша до Темир-Хан-Шуры и Хасавюрта. Кумыкская плоскость стала советской.

* *
*

Но трудящиеся Дагестана в 1918 году недолго пользовались плодами своей победы.

С помощью внутренней контрреволюции: эсеров, меньшевиков, мусаватистов и дашнаков, — американско-английским империалистам летом 1918 г. удалось временно захватить Баку. План интервентов не ограничивался оккупацией Закавказья. Они стремились на Северный Кавказ с тем, чтобы, соединившись с орудовавшим там Деникиным, слить все контрреволюционные силы Юга для развертывания борьбы против Советской России. С этой целью хорошо вооруженные отряды англо-американского наймита Л. Бичерахова появляются в августе на границе Советского Дагестана. Бичерахов в своем распоряжении имел 3 тысячи штыков и сабель⁴⁹, дальнебойную артиллерию, два бронепоезда⁵⁰ и несколько броневиков. Как свидетельствуют архивные документы, Бичерахов являлся ставленником англо-американских империалистов и действовал по их указке. Империалисты США и Англии оказывали ему огромную финансовую помощь. Бичерахов докладывал американскому представителю о состоянии отряда и о финансовом положении⁵¹. По признанию самого Бичерахова на содержание отряда было израсходовано более 100 млн. долларов⁵².

Для мобилизации сил и организации отпора надвигавшемуся с юга Бичерахову приказом комиссариата по военным делам Северо-Кавказского военного округа 3 августа 1918 г. в Порт-Петровске был образован Военный Совет в составе: Нанейшвили (чрезвычайный комиссар), Мезикова (член Порт-Петровского Совета и областного исполкома), Таги-Заде (товарища председателя Дербентского Совдепа) и др., которому с момента его создания принадлежала вся полнота военной власти.

Петровск и Дербент были объявлены на военном положении. На всех предприятиях проходили митинги, на которых рабочие давали клятву подняться, как один, на защиту завоеванной Советской власти против бичераховских банд.

В обращении партийных и профсоюзных организаций Порт-Петровска говорилось, что «Сегодня, 4 августа, по всем профессиональным союзам состоятся экстренные собрания по докладу о политическом положении». Большевики и передовые рабочие: Луцикович, Карасев, Кузнецов и др. выступали на заводах и фабриках, разоблачая Бичерахова как агента империалистов Антанты. Рабочие фабрики «Каспийская мануфактура» вынесли на своем митинге следующую резолюцию: «Признать, что Бичерахов является ярым контрреволюционером, наемником буржуазии Англии, вести ожесточенную

49 ЦГАОР СССР, ф. 3718, оп. 2, д. 45, л. 16.

50 Там же, оп. 1, д. 7, л. 50.

51 Там же, оп. 2, д. 24, л. 14.

52 Там же, оп. 1, д. 6, л. 9.

борьбу против него»⁵³. Члены Порт-Петровского Совдепа на своем заседании в начале августа 1918 г. объявили Бичерахова врагом Советской власти и обратились к рабочим города со следующим заявлением: «Мы, нижеподписавшиеся члены Совдепа, объявляем перед лицом Порт-Петровского пролетариата полковника Бичерахова за его явную англофильскую деятельность... изменником и предателем революции. Наряду с этим заявляем, что никакие другие ориентации не признаем, кроме ориентации на Советскую власть как в центре, так и на местах, и всякая попытка к ниспровержению таковой встретит с нашей стороны самый решительный и неуклонный отпор»⁵⁴.

Военный Совет объявил Дербентский фронт главным фронтом Дагестана. На помощь защитникам Дербента были переброшены отряды рабочих из Порт-Петровска и отряд Ляхова из Темир-Хан-Шуры. Вот что сообщает по этому поводу командир бичераховского отряда: «На следующий день совершенно неожиданно для нас прибыл эшелон красноармейцев, пытавшихся нас обезоружить. Но спустя несколько часов прибыло еще два эшелона и в результате всего их прибыло 1000 человек и два горных орудия»⁵⁵. Здесь бичераховцы получили первый серьезный отпор. Командир бичераховского отряда телеграфировал в свой штаб, находившийся на ст. Араблинской, «как можно скорее выслать подкрепление»⁵⁶. В этом бою красноармейцы разгромили бичераховский отряд и взяли в плен штаб отряда, во главе которого находились английские офицеры. В сообщении командира бичераховского отряда говорится, что «Полковник Бертрэн, ротмистр Йорк, войсковой старшина Панкратов и др. офицеры наши большевиками арестованы и находятся в Дербенте»⁵⁷.

Бичераховцы явно не справлялись с поставленными перед ними задачами. В помощь им были переброшены английские войска из Баку. В приказе ген. Денстревилля говорилось: «Британские войска действуют... совместно с войсками Бичерахова»⁵⁸.

За активное участие в боях против Советской власти на Кавказе, в частности в Дагестане, Бичерахов наградили орденами и медалями ряд английских офицеров и генералов, в том числе Томсона, Денстревилля, Коккереля, Шательворта, Гросвальда, Ньюкома и др.⁵⁹.

53 Дагестанский краеведческий музей, п. 14, л. 8.

54 ЦГА ДАССР, ф. 44с/190р, оп. 1а, д. 6, л. 1.

55 ЦГАОР СССР, ф. 3718, оп. 2, д. 20.

56 Там же.

57 Там же.

58 «Очерки истории Дагестана», т. 1, Махачкала, 1957, стр. 361.

59 ЦГАОР СССР, ф. 3718, оп. 2, д. 13, л.

Большую военную помощь Бичерахову оказывало и эсеро-меньшевистское правительство Центрокаспия, пришедшее к власти в Баку. В телеграмме Бичерахова своему уполномоченному при диктатуре Центрокаспия говорится: «27—28 августа рассчитываю подойти к Петровску. К этому времени канонерка необходима»⁶⁰. Со стороны моря сообщение с Астраханью было закрыто Каспийской военной флотилией, оказавшейся в руках Центрокаспия, и отсюда Бичерахова поддерживали канонерки «Карс» и «Ардаган», обстреливавшие Порт-Петровск. Члены военного Совета области Коркмасов, Дахадаев, Нанейшвили, характеризуя тяжелое положение на бичераховском фронте, телеграфировали в Царицын И. В. Сталину: «Под угрозой удара со стороны Бичерахова стоит Петровск-Порт. Господство на море при участии флота, узость береговой полосы дает огромный шанс противнику. Экстренное чрезвычайное (заседание) совещание, обсудив всю обстановку находит, что необходимо из Царицына и Астрахани спешно, не теряя ни одной минуты, выдвинуть значительный боевой флот для совместных с нами действий»⁶¹.

В эти критические дни, когда над Советским Дагестаном нависла серьезная угроза, внутри города подняли голову все контрреволюционные силы, возглавляемые меньшевиками, эсерами и буржуазными националистами. Они повели агитацию среди рабочих города за встречу Бичерахова хлебом и солью «как спасителя от бед, как фронтовика, защитника единой неделимой России»⁶². Когда бичераховцы осаждали Порт-Петровск, контрреволюционные силы еще больше обнаглели. Они требовали от городского Совета снять батареи и не стрелять из города, «требовали немедленно очистить Порт-Петровск без боя и сдать Бичерахову»⁶³.

Областной исполком Советов и его карательные органы вели беспощадную борьбу против провокаторов и паникеров. 7 августа Чрезвычайный военный совет Дагестана опубликовал приказ, в котором предупреждал, что все лица замеченные в распространении антисоветских слухов, будут арестовываться, «а открыто распространяющих такие «официальные» сведения будут расстреливать на месте».

Сторонники Бичерахова активизировали свою деятельность и по разложению советских частей, защищавших Порт-Петровск. Отдельные командиры советских частей, оборонявших Порт-Петровск, из числа бывших офицеров — пачальник Таркинского боевого участка полковник Климов, командир

⁶⁰ Там же, л. 47, л. 7.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

Порт-Петровскóго полка полковник Филимонов, Табатов и др. — в самый ответственный период перешли на сторону Бичерахова. Как пишет в своих воспоминаниях активный участник этих событий И. Ф. Сергунин, «командующий нашими пехотными частями бывший офицер Елисеев во время боя перешел на сторону Бичерахова. Вылетевший на разведку аэроплан обратно не вернулся, а спустился в тылу Бичерахова. Наш паровоз, который должен был на всех парах врезаться в поезд Бичерахова, вышел за город и остановился»⁶⁴.

3 сентября американо-английским интервентам с помощью бичераховцев удалось захватить Порт-Петровск. Оккупанты установили режим кнута и виселицы. Они расстреляли Ляхова, Кобякова, Архипова, Анмера, Бешенцева, Канделаки, Эрлиха и многих других замечательных сынов Дагестана. Были арестованы и томились в застенках Полин, Тутышкин, Измайлова, Косицын, Гавриленко, Хренэва, Луцикович и др., их сослали в Закаспийский край.

Межсоюзное совещание по инициативе профсоюза текстильщиков в знак протеста против зверств бичераховцев решило провести «мертвую» забастовку всех рабочих Порт-Петровска. Был избран стачком во главе с Фрибусом. Стачка продолжалась 4 дня. Бичерахов издал приказ, «чтобы все квалифицированные рабочие вышли на работу в течение 24 часов, ибо все мужчины будут мобилизованы»⁶⁵. Стачка была жестоко подавлена.

Несмотря на кровавый террор интервентов и внутренних контрреволюционеров, немногие большевики Дагестана, избежавшие арестов и расстрелов, начали широкую подготовку к вооруженному восстанию против Бичерахова.

11—12 октября 1919 г. в гор. Темир-Хан-Шуре, в саду дома Т. Ф. Головиной, состоялось подпольное совещание большевиков и членов соцгруппы, на котором присутствовали Д. Коркмасов, П. Ковалев, Е. Гоголев, С. Абдулгалимов, Т. Ф. Головина, а также представители сел. Н. Казаница, Н/Дженгутая и др. Собравшиеся решили немедленно восстановить все подпольные организации, развернуть широкую агитацию за Советскую власть, приступить к организации нелегальных отрядов и установить связь с XI армией. С этой целью в Порт-Петровск были командированы П. Ковалев, Е. Гоголев и др. Здесь под руководством Мартышевского, Артомохова, Еремина, Щеглова, Алексея и др. была развернута подпольная работа. Некоторые товарищи проводили агитацию среди бичераховских солдат и матросов, многие из которых сочувствовали Советской власти. Под влиянием боль-

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, оп. 2, д. 70, л. 10.

шевистской агитации во флоте матросы отказывались подчиняться Бичерахову. Как сообщает газета «Коммунист», команды около 30 судов, стоявших в Петровском порту, вынесли на подпольных собраниях решения об уходе в советскую Астрахань⁶⁶.

Однако вскоре политическая ситуация изменилась. Турецкие интервенты развернули наступление на Дагестан и вступили в борьбу с бичераховцами. Предавая огню и мечу города и села Дагестана, несмотря на упорное сопротивление трудящихся-горцев, турецкие интервенты 24 октября 1918 г. ворвались в Темир-Хан-Шуру, затем в Порт-Петровск. Они без суда и следствия расстреливали партийных и советских работников. Войдя в Порт-Петровск, турецкие интервенты организовали резню армян, отступивших в Порт-Петровск после оккупации турками Баку в сентябре 1918 г. При наступлении турок на Порт-Петровск многие армяне погрузились на баржу «Марфа». Но они не успели отплыть от берега и почти все были изрублены и потоплены в море. Расстреливали пачками и в одиночку. Мало кто уцелел и из тех беженцев, что были в казармах⁶⁷. Каждый похожий на армянина сейчас же уничтожался⁶⁸. Тяжелые раны нанесли трудящимся Дагестана турецкие оккупанты. Они установили здесь режим колониального рабства, стали вытраивать все напоминавшее о России. Всему русскому, советскому, большевистскому они пытались противопоставить идеи панисламизма и пантюркизма.

Турецкие интервенты стремились превратить Дагестан в базу для развертывания военных действий против Советской России. С этой целью они насильственно мобилизовывали одного бойца от 10 дворов. Но эти попытки не увенчались успехом. Как говорится в официальных донесениях, трудящихся крестьяне сел. Доргели, Кадара, Цудахара, Темир-аула, Бота-Юрта, Чиркея не только отказались от турецкой мобилизации, даже не пустили к себе турецких эмиссаров.

Борьба двух групп империалистических хищников в первой мировой войне закончилась победой Антанты. 17 ноября 1918 года англо-американские интервенты во главе с генералом

⁶⁶ Газета «Коммунист», 26 октября 1918 года.

⁶⁷ Весь город был переполнен беженцами из Армении, Азербайджана и Грузии. Рабочие города оказали им огромную помощь: предоставляли убежище, скрывали их, рискуя своей жизнью. Многие из беженцев были размещены в Смирновских казармах. Для оказания материальной помощи беженцам Порт-Петровским союзом металлистов совместно с союзом женщин была открыта общественная столовая с пропускной способностью до 1000 обедов в день. Цены на обеды были самые низкие и большинство беженцев питалось в этой столовой.

⁶⁸ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 1, д. 30, л. 40.

Томсоном захватили Баку. «17 сего ноября, — говорится в приказе по Кавказской армии и флоту, — передовые части Кавказской армии, совместно с английскими войсками и представителями союзников Франции и Америки, вступили в город Баку»⁶⁹. Обосновавшись в Закавказье англо-американские империалисты снова перешли в наступление на Северный Кавказ. 21-го декабря 1918 года в Темир-Хан-Шуру прибыла из Баку британская военная миссия во главе с полковником Рауландсоном. Англичане, обосновавшиеся в Порт-Петровске, располагали большими средствами, вооружением, снаряжением. В их распоряжении имелись авиация, военная флотилия, хорошо вооруженные отряды. Поэтому задача заключалась в том, чтобы поднять рабочих против интервентов, завоевать их солдат на свою сторону. В одном из донесений белогвардейской разведки от 27 января 1919 г. говорится: «В Петровске... среди рабочего класса идет агитация и с нетерпением ожидают большевиков, говоря, что английские войска должны быть отозваны не в далеком будущем, так как якобы в Англии и Франции тоже рабочие стали проводить идею большевизма и на основании этого английские рабочие потребовали у своего правительства отзыва английских войск из России и требуют не вмешиваться во внутренние дела России»⁷⁰. Еще в начале января 1919 г. произошла стачка железнодорожников Дербентского района. Был организован стачечный комитет, который 2 января 1919 г. выступил со следующими экономическими и политическими требованиями: «1. О существовании существующих профессиональных организаций служащих Дербентского района Владикавказской железной дороги. 2. О немедленной уплате недополученного содержания всеми служащими за половину сентября, а кондукторам за октябрь. 3. Об уплате жалования за декабрь второго января ввиду наступающих праздников. 4. Об урегулировании уплаты ежемесячно и тоже восьмого—десятого числа следующего месяца. 5. Сокращать штаты. 6. О набавлении поденной платы ремонтным рабочим, получающим в настоящее время 8 рублей в день. 7. Об уплате содержания лицам, несущим службу в организации в счет республики горских народов Кавказа. 8. О проведении в жизнь нового декрета с 1 октября по примеру Азербайджанской железной дороги»⁷¹.

Тогда же выступили железнодорожники Порт-Петровска. Требования железнодорожников были отвергнуты правительством. Железнодорожники решили бойкотировать «Горское

⁶⁹ ЦГАОР СССР, ф. 3718, оп. 2, д. 45, л. 15, 17, 18, 24, 25.

⁷⁰ ЦГАОР СССР, ф. 3718, оп. 2, д. 84, л. 23.

⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. 621, оп. 1, д. 17, лл. 1—3.

правительство» и взять в свои руки управление железной дорогой. Министр путей сообщения Пензулаев по этому поводу писал председателю Совета Министров: «С 31 января по 2 февраля я был в Петровске, где мною было созвано 1 февраля совещание из начальствующих лиц отдельных служб. Из докладов последних и обмена мнений выяснилось, что состояние железной дороги... все-таки остается неудовлетворительным... В депо продолжает распоряжаться «Комитет внутреннего распорядка», который вмешивается в административные распоряжения начальника депо, разрешает служащим самовольно отпуска и т.д., машинисты отказываются выезжать ранее определенного часа, хотя бы это требовалось крайней необходимостью»⁷². 23 марта состоялось общее собрание членов совета профсоюзов гор. Темир-Хан-Шуры. Здесь обсудили вопрос об увеличении жалованья служащим и об урегулировании таксы на предметы первой необходимости. После прений общее желание выразилось в том, чтобы перед Горским правительством поднять вопрос об урегулировании цен на продукты и квартиры или увеличении оплаты труда служащим»⁷³.

Своими примерами героической борьбы рабочие городов оказывали огромное революционизирующее влияние на трудовое крестьянство области, поднимали их на борьбу за восстановление Советской власти. Под влиянием выступлений рабочих поднимаются на решительную борьбу и трудящиеся-горцы. Они также отказались подчиняться Горскому правительству, вступали в вооруженные столкновения с правительственными карательными отрядами. 24 января 1919 года представители трудящихся-крестьян Казикумухского участка категорически заявили «правительству», что они не выставят новобранцев до тех пор, пока не будет действовать «избранная народом верховная власть»⁷⁴. В донесении начальника Гунибского округа от 8 февраля 1919 г. говорилось: «Докладываю, что население наотрез отказывается одеть и снарядить новобранцев»⁷⁵. Такое положение было во всех округах.

Борьба рабочих и крестьян области носила неорганизованный, стихийный характер. Выступления в городах и аулах проходили изолированно друг от друга. Революционное движение, развернувшееся в области, нуждалось в едином партийном центре, который мог бы организовать и мобилизовать рабочих и трудящихся крестьян против «Горского правительства и англо-американских интервентов за восстановление Советской власти в Дагестане.

⁷² Дагестанский краеведческий музей, п. 15, л. 17.

⁷³ Газета «Вестник Горской республики», 5 апреля 1919 года.

⁷⁴ ЦГАОР СССР, ф. 3560, оп. 1, д. 7, л. 20.

⁷⁵ Там же.

В феврале 1919 г. в сел. Кумторкала состоялась конференция большевиков Дагестана, которая избрала Дагобком РКП(б) во главе с У. Буйнакским. В работе конференции принимали участие представители рабочих городов Дагестана — Коробов, Дрожжин и др. Конференция определила основные задачи, стоявшие перед большевиками области. К маю 1919 г. Дагобком РКП(б) имел такую политическую армию, которая была способна без особого кровопролития свергнуть Горское правительство. Но трудности заключались в том, что в Порт-Петровске английские интервенты имели солидную военную силу, готовую выступить в защиту Горского правительства. Тогда в Порт-Петровске находилась английская военная флотилия во главе с майором Мельком⁷⁶, капитаном Дикксенсом, капитаном Гопкинсом⁷⁷; штаб 62 отделения великобританских воздухоплавательных сил⁷⁸; 221 эскадрон Британской королевской авиации⁷⁹ под командой лейтенанта Гейфорда⁸⁰; британское военное судно «Вентюр»⁸¹; авиационный отряд «Каспийской флотилии в составе 15 офицеров и 50 солдат»⁸². Комендантом Порт-Петровска был английский капитан Грин⁸³. Командующий деникинской флотилией в Порт-Петровске капитан Сергеев в письме начальнику деникинского морского управления 15 мая 1919 г. писал: «Всё Каспийское море с его портами, торговыми судами и даже катерами находится в полномочном владении командора Нэрриса»⁸⁴.

Все эти силы интервентов и белогвардейцев, сконцентрированные в Порт-Петровске, представляли серьезное препятствие большевикам Дагестана в борьбе за восстановление Советской власти. 12 мая 1919 г. командор Норрис в беседе с командующим деникинской флотилией в Порт-Петровске капитаном Сергеевым заявил: «Мы удерживали большевистские силы в северной части Каспийского моря, удерживаем проявление местного большевизма и опасность большевистской высадки с моря»⁸⁵. Характеризуя обстановку, сложившуюся в Дагестане к маю 1919 г., член Дагобкома РКП(б) Магомед Далгат писал следующее: «При слабости Горского правительства и его непопулярности среди широкой массы трудящихся крестьян, устроить переворот было делом не таким уж труд-

76 ЦГАОР СССР, ф. 3570, оп. 1, д. 2, л. 3.

77 Там же.

78 Там же.

79 Там же.

80 Там же, л. 15.

81 Там же, л. 17.

82 Там же, л. 34.

83 Там же, л. 51.

84 Там же, л. 20.

85 Там же, л. 57.

ным, но вся суть заключалась в том, что приблизительно с января 1919 г. в Петровске водворился добровольческий генерал Пржевальский со своим штабом и превратил Петровск в военную базу добровольческой армии. Пржевальский располагал достаточно крупными военными силами, имел даже танки. Горское правительство фактически превратилось в агента добровольческой армии, и генерал Пржевальский был хозяин положения в Дагестане. Таким образом, наша борьба, направленная прежде всего против Горского правительства, осложнялась. Было ясно, что генерал Пржевальский не останется безучастным зрителем нашей борьбы с Горским правительством»⁸⁶. Учитывая все эти обстоятельства, Дагобком РКП(б) придавал огромное значение роли рабочих городов Дагестана. Рабочие Порт-Петровска, Дербента, Темир-Хан-Шуры были основной силой, на которую большевики возлагали большие надежды в деле обеспечения успеха готовящегося вооруженного восстания. Восстание должно было быть осуществлено рабочими городов, совместно с трудящимися-горцами, при активной вооруженной поддержке частей XI Красной Армии и Красной флотилии из Астрахани. Поэтому необходимо было развернуть работу среди рабочих городов и солдат интервенционистских войск, сконцентрированных в Порт-Петровске. Под руководством большевиков из рабочих текстильной фабрики, бондарного завода, железной дороги, порта и других предприятий были организованы хорошо вооруженные подпольные отряды, готовые выступить по призыву Дагобкома ВКП(б). В донесении деникинской контрразведки говорится, что «в Дагестане организуются большевистские отряды. Петровская большевистская организация располагает 500 рабочими. Каждый рабочий имеет 2—3 винтовки»⁸⁷.

Под руководством Дагестанского областного комитета партии в Порт-Петровске была создана подпольная большевистская организация в составе: Фрибуса, Коробова, Коробовой, Темирука, Артамохова, Машкова, Копыловой, Митина, Шашуркиной и др. Как сообщает В. Копылова, члены этой организации «были связаны с У. Буйнакским и выполняли его поручения». Тогда же в Петровск-Кавказском из рабочих железнодорожников возникла сильная большевистская организация под названием Шаумяновской⁸⁸. В эту организацию входили Чернокошкин, Дрожжин, Ротенко, Федосеев, Паушин, Бальзаминов, Кузьменко, Андрушевский, Калиновский, Кузьмиц, Колышкин и др. Конспиративная квартира находилась в доме ее члена Федосеева, который жил в поселке Бу-

⁸⁶ Газета «Красный Дагестан», 1 апреля 1925 года.

⁸⁷ ЦГАОР СССР, ф. 449, д. 3, л. 91.

⁸⁸ Организация называлась Шаумяновской потому, что вместо партийных билетов члены этой организации имели фотокарточку С. Шаумяна.

руны. Через эту организацию Дагобком РКП(б) держал связь с Астраханью и Баку, получал для Дагестана деньги и литературу⁸⁹. «В конце апреля и начале мая, — писала деникинская газета «Единая Россия», — англичане задерживали почти ежедневно в море и на берегу у Петровска лодки, приходившие из Астрахани. Пассажиры их при ближайшем изучении оказывались комиссарами и красноармейцами, часто знакомыми петровцам. Каждый день от них отбиралась большая сумма денег. Немало комиссаров, как потом обнаружилось, благополучно проскакивало и попадало в гостеприимную Шуру».

Под руководством Дагобкома РКП(б) партийные организации Порт-Петровска и Петровск-Кавказского проделали огромную работу среди рабочих города, а также среди солдат и матросов, интервентов и белогвардейцев. В разведсводке правления войска Терского от 20 апреля 1919 г. говорилось: «Настроение рабочих (Петровска — А. Г.) большевистское. Существуют железнодорожные комитеты, преследующие, наряду с экономическими, и политические задачи. Объясняется это открытой агитацией большевиков... Кроме железнодорожного комитета, существуют также и рабочие профессиональные союзы. Например: союз грузчиков, нормирующий заработную плату... Подобные союзы также зачастую помимо своих прямых целей преследуют и задачи политические»⁹⁰.

На одном из заседаний Дагобкома РКП(б) в Темир-Хан-Шуре, на котором присутствовали У. Буйнакский, О. Ленцинский, С. Абдулгалимов, Я. Коробов, Н. Магомедов, Д. Коркмасов, М. Хизроев, Гоголев, В. Русинов, Колышкин, Архипцев, Гавриленко, А. Гамринский, Иванченко и др., обсуждался вопрос об организации и проведении стачки рабочих городов Дагестана⁹¹. Для организации стачки были выделены товарищи и между ними распределены обязанности. Поднимая рабочих на стачку, большевики рассматривали ее как средство, подсобное по отношению к восстанию. Стачка должна была перерасти под руководством большевиков в высшую форму классовой борьбы — вооруженное восстание, сделать рабочих авангардом движения, направленного против англо-американских интервентов и Горского правительства. Восстание должно было быть поддержано морским десантом XI армии из Астрахани.

Первыми объявили забастовку железнодорожники Порт-Петровского и Дербентского районов. Они избрали стачечный комитет железнодорожников, в который вошли: Ротенко —

⁸⁹ ЦГА ДАССР, ф. 175р, оп. 2, д. 163, л. 15.

⁹⁰ ЦГА Северо-Осет. АССР, ф. 2с/2р., д. 4, лл. 7—8.

⁹¹ Партархив Даг. филиала ИМЛ, ф. 8, оп. 11, д. 3, л. 10.

зав. железнодорожной школой, Дрожжин — машинист Дербентского депо, Панухин — машинист, Гавриленко — слесарь, Шихна-Мамед — машинист Дербентского депо и др. По призыву стачкома было остановлено железнодорожное движение «от Хасавюрта до Самура с веткой на Темир-Хан-Шуру»⁹². Вот что рассказывают участники забастовки в своих воспоминаниях: «По гудку утром идем все на работу, примерно через час — совершенно обособленный условный гудок паровоза. Все как один бросают работу, тушат все паровозы в депо и поданным на парах остается только один паровоз литерного поезда для железнодорожников, едущих в Порт за провизией, да и тот всецело в распоряжении стачкома. А на 4-м стационарном пункте против станции в классном вагоне, охраняемом вооруженными железнодорожниками, помещался участковый штаб забастовки — стачком»⁹³.

В 20-х числах апреля железнодорожные служащие, мастеровые и рабочие Порт-Петровского и Дербентского районов предъявили следующие требования Совету Министров «республики горских народов»: «1. Уравнение в ставках со служащими Азербайджанской дороги с 1-го ноября 1918 г. 2. Выплата разницы с 1-го января 1918 г. по 1-е ноября по Московскому декрету. 3. Немедленная передача районным комитетам денег, принадлежащих союзу, как-то: а) однопроцентное отчисление в союз железнодорожников и однопроцентное отчисление в культурно-просветительный фонд, со времени отрезанности от главного дорожного комитета; б) выдача продовольственных сумм на особых условиях, снабжение некоторыми продовольственными продуктами. 4. Увеличение командировочных железнодорожным служащим наравне с Азербайджанской дорогой. 5. Отмена приказа управляющего за № 4 в той части, где служащие, стоящие в категории, переведены вне категории с особой оплатой труда. 6. Штрафы и увольнения не должны быть без согласия Союза. 7. Учреждение органа в защиту интересов труда. 8. Признание Союза железнодорожников и всех его подсобных органов, а также главного дорожного комитета на отрезанном участке, который будет организован на основании Постановления дагестанского съезда в апреле месяце 1918 г. 9. Свобода слова, собраний, печати и неприкосновенности личности».

Горское правительство, обсудив 23 апреля 1919 г. требования железнодорожников, постановило: «1. Все пункты требования, за исключением пункта второго, удовлетворить полностью. 2. Требования, изложенные во втором пункте, отклонить. 3. Ввиду крайне затруднительного финансового положения

⁹² Газета «Вестник Горской республики», 1 мая 1919 года.

⁹³ ЦГА ДАССР, ф. 175—р, оп. 2, д. 163, л. 15.

республики и невозможности сразу уплатить причитающиеся по первому пункту за прошлое время по 1-е апреля суммы — около 5500000 руб. производить выплату этой суммы частями ежемесячно, начиная с апреля по 500000 руб.»⁹⁴.

24 апреля общее собрание союза железнодорожников Порт-Петровского и Дербентского районов, обсудив решение Горского правительства, решило постановление Горского правительства от 23 апреля считать неприемлемым и отстаивать удовлетворение полностью всех предъявленных требований. Собрание также решило к прежним требованиям присовокупить и следующие: «возместить убытки служащих-железнодорожников, ограбленных 21 апреля на разъезде Карлан-юрт, и второе—уравнять ставки платы ремонтным рабочим с рабочими Азербайджанской железной дороги. Третье: никакие вычеты за время забастовки не производить»⁹⁵. В связи с этим решением министр путей сообщения телеграфировал стачному железнодорожников и требовал восстановить железнодорожное движение до 5 часов вечера 25 апреля»⁹⁶. 26 апреля последовала новая телеграмма министра путей сообщения, который требовал: до 28 апреля восстановить железнодорожное движение, а в противном случае грозил аннулировать все условия, принятые правительством 23 апреля 1919 г.⁹⁷.

26 апреля снова собрались рабочие и служащие железной дороги Порт-Петровского района и решили не отступить от своих требований. «Последний раз, — говорится в этом решении, — требуем немедленного удовлетворения полностью своих справедливых экономических требований и до удовлетворения таковых стачка не прекратится». Тогда же железнодорожный стачком, как сообщают военные цензоры, не разрешил им находиться на железнодорожном телеграфе, для исполнения возложенных на них правительством цензорских обязанностей.

29 апреля 1919 г. в Порт-Петровске в помещении «Чашка чая» по Бярятинской улице в 5 ч. вечера состоялось расширенное совещание большевиков и активистов-рабочих: текстильной фабрики, бондарного завода, железной дороги, почтово-телеграфных служащих и др. На совещании присутствовали также представители профсоюзных организаций Дербента и Темир-Хан-Шуры. Здесь был избран Совет профсоюзов Порт-Петровска во главе с Фрибусом, тогда же был избран Центральный стачком в составе: Коробова, Дрожжина, Рака, Савина, Добровольского, Кайтукаева, Ротенко, Архипцева.

⁹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 421, оп. 1, д. 42, л. 19.

⁹⁵ Там же, д. 43, лл. 17—19.

⁹⁶ Там же, д. 42, л. 12.

⁹⁷ Дагестанский краеведческий музей, п. 14, л. 17.

Карташева, Колышкина и Вяльцева. Были также избраны стачкомы Порт-Петровска, Дербента и Темир-Хан-Шуры.

Центральным стачкомом были предъявлены Горскому правительству следующие требования (с последним сроком 2 мая 1919 г.): «1. Удовлетворить требования железнодорожников; 2. Признать коллективный договор в целом; 3. Произвести перерасчет надбавки 50% с I.XI 1918 г. по 1 марта 1919 г.; 4. Пересмотреть ставки заработной платы с 1 марта 1919 г.; 5. Полная выплата зарплаты всем за дни забастовки; 6. Урегулировка цен на предметы первой необходимости на рынке и привлекать к ответственности за повышение цен; 7. Полная свобода слова, печати, собраний и неприкосновенности личности; 8. Легальное существование общественных организаций».

Горское же правительство вынесло решение: «Уступок со стороны правительства быть не может. Требования не подлежат удовлетворению и в случае... забастовки... министру путей сообщения предоставляется право уволить всех со службы и набрать новых». На справедливые требования рабочих Гоцинский издевательски ответил: «Можете не работать. Вы нам не особенно нужны. Наши отцы и деды жили без железных дорог и мы проживем».

Количество бастующих рабочих и служащих в городе росло с каждым днем. Рабочие предприятий и учреждений города постепенно присоединялись к забастовке. В обращении Центрального стачкома к служащим таможни Порт-Петровска говорилось: «Если вы принадлежите к семье пролетариата, то вы должны оказать ему поддержку в борьбе и выступить активно против общего врага — капитала, в противном случае вы будете считаться в том лагере, против которого выступил весь пролетариат Дагестана»⁹⁸.

На призыв Центрального стачкома горячо откликнулись рабочие и служащие всех учреждений и предприятий. В знак солидарности с железнодорожниками тогда же выступили и почтово-телеграфные служащие Порт-Петровска, которые на собрании, обсудив вопрос о цензуре, назначенном правительством, постановили: «Протестовать против назначения горским правительством военных цензоров из почтово-телеграфных служащих»⁹⁹. Требования почтово-телеграфных служащих сводились к следующему: «1. Удовлетворить требования железнодорожных служащих и рабочих; 2. Удовлетворить требования, предъявленные центростачкомом города Петровска; 3. Произвести перерасчет 75 проц. надбавки с 1-го января по 1 марта 1919 г. на оклады, полученные почтово-телегр. служ. с 10 октября 1918 г.; 4. а) Сделать 75 проц. надбавку с 1-го марта

⁹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 95, оп. 2, л. 4, л. 1.

⁹⁹ Там же, ф. 170с. оп. 1, д. 40, л. 42.

1919 г. на оклады, полученные с 1-го марта 1919 г.; б) выдать 10% квартирное содержание на оклады, полученные с 1 марта, а также сделать перерасчет с 1-го января 1919 г.; в) 10 проц. квартирного содержания на оклады, указанные в пункте 4-а; 5. Дать гарантию не сокращать штаты; 6. Без согласия служащих не делать переводов в другие учреждения без ущерба для службы и без всяких уважительных доводов»¹⁰⁰. Был избран стачечный комитет в составе: Рак, Лаврова, Беляева, Добровольского и Ниткевича¹⁰¹.

Правительство отвергло эти требования. Оно заявило, что «если забастовка не прекратится через 24 часа, то правительство будет считать всех служащих уволенными»¹⁰². Тогда же объявили забастовку и бондари. Управляющий Тагиева Абдулаев пригрозил рабочим, что если они «в течение 24 часов не выйдут на работу, то он выбрасывает их из квартир на улицу»¹⁰³.

Забастовочное движение охватило и Темир-Хан-Шуру. 29 апреля состоялось заседание Темир-Хан-Шуринаского Совета профсоюзов. Совет решил поддержать «железнодорожников морально, материально и, если потребуется, забастовкой протеста»¹⁰⁴. На заседании Совета был избран стачечный комитет в составе 5 членов¹⁰⁵. В те дни наибольшую активность проявили почтово-телеграфные служащие г. Темир-Хан-Шуры. Они разработали и предъявили правительству следующие требования: «1. Удовлетворить требование железнодорожников; 2. Увеличить зарплату на 100 проц. в связи с обесцениением денег и др.»¹⁰⁶. Представители избранного стачкома предъявили эти требования Горскому правительству и предупредили: «Если в течение 24 часов не будут удовлетворены требования, объявят итальянскую забастовку, если в течение последующих 24 часов не будут удовлетворены требования— объявить мертвую забастовку»¹⁰⁷. Требования были отклонены. Через 24 часа все почтово-телеграфные служащие объявили итальянскую забастовку. Штрейкбрехеров решено было убивать.

Большевики усиленно готовили в Порт-Петровске всеобщую забастовку, которую решено было начать в Первомайский праздник. Поэтому необходимо было организованно провести Первомайскую демонстрацию рабочих. Как сообщает

¹⁰⁰ ЦГА ДАССР, ф. 621, оп. 1, д. 45, л. 1.

¹⁰¹ Там же, ф. 59—р, оп. 6, д. 32, л. 37.

¹⁰² Там же, ф. 621, оп. 1, д. 40, л. 62.

¹⁰³ Там же, ф. 59—р, оп. 5, д. 41а, л. 41.

¹⁰⁴ Там же, ф. 621, оп. 1, д. 4, л. 8.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

один из организаторов и руководителей майской стачки рабочих Порт-Петровска, «усиленно шла подготовка к майским дням. Необходимо было обмануть усилившуюся бдительность правительства и англичан. Было выхлопотано разрешение на проведение пасхального молебна.

В день 1 мая рабочие текстильной фабрики организованно пришли на базарную площадь. Площадь была забита народом. Здесь были металлисты, деревообделочники, железнодорожники и др. рабочие и служащие. Начался молебен. Из Ларийских казарм удивленно смотрели на эту процедуру английские офицеры. Священник призывал на борьбу против «красного дьявола». Молебен кончился. Священник направился к Невскому собору. На столик, оставшийся после молебна, вскочил один из железнодорожников и обратился к собравшимся с призывом объединиться и выступить против ненавистных оккупантов и буржуазного правительства. Шум одобрения прошел по толпе. Народ был единодушен с оратором. Руководитель Петровского Совпрофа Лев Фрибус в короткой и убедительной речи рассказал о задачах рабочих, призвал к борьбе за восстановление Советской власти и бросил клич ко всеобщей забастовке в знак протеста против Горского правительства. Полицейские зашевелились, начали разгонять собравшихся, применяя плети»¹⁰⁸.

После митинга рабочие с красными знаменами, вопреки протестам полицейских, прошли по улицам города под советскими лозунгами. Первомайская демонстрация была первым крупным открытым протестом против оккупации Дагестана англо-американскими интервентами, установившими здесь жестокий колониальный режим, и против антинародной политики марионеточного Горского правительства. Первомайские демонстрации состоялись также в Дербенте и Темир-Хан-Шуре. Демонстранты в Темир-Хан-Шуре устроили шествие по городу с музыкой и организовали митинг¹⁰⁹.

К установленному Центральным стачкомом сроку — 2 мая 1919 г. — требования рабочих не были удовлетворены. 2 мая первомайская демонстрация по призыву Центрального стачкома вылилась в стачку, которая охватила всех рабочих и служащих Порт-Петровска. В эти дни вся жизнь замерла во всех городах области — Порт-Петровске, Дербенте, Темир-Хан-Шуре. Было прервано железнодорожное сообщение и телеграфная связь как внутри Дагестана, так и за его пределами¹¹⁰. Служащие почты и телеграфа заявили о прекращении

¹⁰⁸ Партархив Дагфилнала ИМД, ф. 8, оп. 11, д. 3, л. 9.

¹⁰⁹ Газета «Рабочий», 14 мая 1919 года.

¹¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 171, оп. 1, д. 37, л. 96.

работы¹¹¹ и повредили телеграфные аппараты. В донесении правительственного цензора министру связи Горского правительства говорится, что повреждение совершено умышленно. Сборная правительственная телеграмма от 3 мая за неимением телеграфной связи доставлена в Дербент для дальнейшей передачи нарочным¹¹². К забастовке порт-петровских рабочих присоединились рабочие Дербента и Темир-Хан-Шуры. Общее собрание служащих Дербентской почтово-телеграфной конторы 3 мая постановило «присоединиться к экономическим требованиям служащих Петровской и Шуринской почтово-телеграфных контор. В случае неудовлетворения наших общих требований по истечении суток присоединяемся к забастовке. Стачком»¹¹³.

Чтобы придать выступлению всеобщий характер, повести за собой на борьбу трудящихся горцев, рабочие обратились к трудящимся-крестьянам Дагестана с призывом: «Товарищи и граждане мусульмане! Мы, железнодорожники, надеемся на братский отклик товарищей мусульман, идущих всегда навстречу нашим призывам, не считаясь с национальным делением, что вы в нашей борьбе окажете нам моральную поддержку». Майская стачка приняла настолько широкие размеры, как указывал Г. К. Орджоникидзе в письме в Совет народных комиссаров, что «фактической властью во многих местах пользовались стачкомы»¹¹⁴.

Железнодорожный стачком, действуя, как власть, сосредоточил в своих руках все нити управления дорогой. У нефтяных складов и водокачки стояли вооруженные рабочие, которые отпускали нефть и воду только по распоряжению стачкома. Неоднократные попытки английского командования и Горского правительства распоряжаться движением железнодорожников не увенчались успехом. Председатель стачкома Дрожжин, протестуя против незаконных действий денкинцев, писал: «Стачком протестует вторично против насильственных действий, творимых со стороны Добровольческой армии... Взятие воды, нефти и прочих материалов насильным путем должны быть в корне пресечены»¹¹⁵.

В дни майской стачки усилилась борьба большевиков против меньшевиков и эсеров, которые стремились возглавить стачку, чтобы обезглавить ее. Они не раз предпринимали провокационные выступления на собраниях рабочих. Меньшеви-

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, ф. 621, оп. 1, д. 41, л. 74.

¹¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 3, д. 596, л. 7.

¹¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 58р, оп. 5, д. 41а, л. 41.

ками и эсерами была предпринята такая попытка и на митинге рабочих текстильной фабрики, но рабочие фабрики дали им должный отпор. В резолюции общего собрания говорится: «Прочь от нас все предатели, обманщики, провокаторы, мы твердо верим своему стачкому, которому и поручаем твердо проводить намеченную им линию»¹¹⁶.

Стачка порт-петровских рабочих оказала огромное революционизирующее влияние на белогвардейские части, находившиеся в городе. Газета «Набат» писала в те дни: «Из Петровска сообщают, что там в связи со всеобщей забастовкой настроение тревожное... В отряде ген. Пржевальского настроение паническое. Носятся упорные слухи, что отряд уходит из Петровска»¹¹⁷. Центральный стачечный комитет обратился к английским солдатам и матросам с призывом присоединиться к стачке рабочих Порт-Петровска¹¹⁸. Обращение стачкома нашло горячий отклик среди последних. В знак солидарности 2 мая 1919 г. они также начали бастовать¹¹⁹. В тот же день начальник «Порт-Петровского отделения Великобританского морского транспорта» обратился к английским солдатам и матросам с приказом, в котором говорилось: «... присоединяясь к этой забастовке, вы мешаете военным властям исполнять возложенные на них поручения, и, таким образом, играете только на руку большевикам, т. е. тому классу, которому объявили войну. Исходя из этих соображений, предлагаю вам прекратить забастовку и приступить к своим занятиям»¹²⁰. Но обращение командования не привело к положительным результатам. Английские солдаты и матросы вышли из повиновения начальству и совместно с рабочими продолжали забастовку. На приказ командования выйти в море моряки ответили отказом¹²¹.

В дни майской стачки в Петровском порту стояли три военных корабля, предназначенных для доставки английских военных грузов на Гурьевский фронт. Под влиянием большевистской агитации команды этих судов отказались выполнять задание английского штаба и перешли на сторону стачкома железнодорожников. Стачком железнодорожников был составлен специальный поезд во главе с Колышкиным, на котором моряки были доставлены в г. Баку. Под давлением усиливающегося забастовочного движения интервенты решили

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Газета «Набат», 5 мая 1919 года.

¹¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 141, оп. 1, д. 5, л. 5.

¹¹⁹ Известия Центрального стачкома г. Баку и его районов, 7 мая 1919 года.

¹²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 53, оп. 1, д. 5, л. 2.

¹²¹ Известия Центрального стачкома г. Баку и его районов, 7 мая 1919 года.

эвакуироваться из Дагестана. Английское командование, отряд Пржевальского и броневой дивизион имени Бичерахова погрузили на корабли «Эдиссон» и «Самед-Ага». Но команда, ввиду объявления забастовки, не желая везти добровольческую армию, слезла с пароходов и уехала в Баку, на их места «поставлены офицеры Черноморского флота... капитанам 2-го ранга пришлось стать у штурвала, а прапорщикам у форсунк и эти пароходы 6-го ушли в Гурьев. Того же числа англичане предъявили требование команде парохода «Север» ехать на Старо-Теречную. «Но вся команда и низшая администрация, включая механиков, слезли с парохода, за что подверглись массовому гонению»¹²².

В связи с ростом стачечного движения в городах и революционного движения в аулах Дагестана, а также присоединением английских солдат и матросов к стачке, английское командование оказалось в чрезвычайно затруднительном положении. Оно приняло решение подавить революционное движение в Дагестане, перебросив сюда 6 мая из Баку дополнительный контингент войск. Но гнусным планам англо-американских интервентов не суждено было сбыться. Бакинский пролетариат — знаменосец пролетарской революции на Кавказе, протянул руку помощи трудящимся Дагестана. Бакинский Комитет РКП(б), руководимый А. И. Микояном, узнав о решении английского командования, перенес намечавшуюся стачку рабочих Баку с 6 мая на 5-е. «Стачка началась, — пишет бакинская газета «Набат», — и началась она раньше потому, что мы хотели помешать 5-го мая нагрузить эшелоны для отправки в Дагестан против революционных горцев»¹²³. Стачка приняла громадные размеры. Прекратилось движение поездов и пароходов, остановились фабрики, заводы, электростанции, нефтяные промыслы. Включившиеся одними из первых в стачку бакинские железнодорожники также категорически отказались перебросить в Дагестан английские войска. В связи с этим штаб Каспийской военной флотилии в секретном рапорте на имя начальника флотилии сообщал, что «... подвоз британских войск не может быть выполнен, благодаря своевременной большевистской железнодорожной забастовке». Бакинские железнодорожники заявили, что они прекратят забастовку и восстановят движение по линии только «... в случае необходимости переброски азербайджанских войск на помощь горцам в их борьбе против Деникина. Согласно распоряжению железнодорожного стачкома, таковые будут отправляться незамедлительно»¹²⁴. Тогда английское ко-

¹²² Газета «Набат», 16 мая 1919 года.

¹²³ Там же, 18 мая 1919 года.

¹²⁴ Известия Центрального стачкома гор. Баку и его районов, 7 мая 1919 года.

мандование решило отправить войска морем. Но и эта попытка также не увенчалась успехом. Моряки Бакинского порта, присоединившиеся к стачке, отказались перевозить войска. Начальник штаба Каспийской военной флотилии рапортовал своему командующему: «Водный транспорт тоже бастует». Попытки англо-американских интервентов и их мусаватистских лакеев сорвать забастовку команд судов «Экватор», «Эльбрус» и «Запад» угрозами не оплатить время забастовки и даже уволить судовые команды успеха не имели»¹²⁵.

Потеряв надежду на переброску войск из Баку, интервенты стали нажимать на Деникина, требуя скорейшего захвата им Дагестана. Командир прикаспийского отряда «добрармии» сообщал начальству: «Англичане нуждаются в нашей помощи, начинают уже просить ее»¹²⁶. Выполняя указание своих империалистических хозяев, белобандитская армия Деникина начала наступление на Дагестан. Трудящиеся массы области под руководством Дагобкома РКП(б) во главе с У. Буйнакским мужественно боролись против деникинских солдат. Дело явно затягивалось, и англичане, положение которых в Петровске с каждым днем становилось все более угрожающим, были вынуждены начать эвакуацию города. Эвакуация проводилась спешно. Часть военного имущества ввиду невозможности вывоза была уничтожена. Английское командование издало распоряжение, о котором начальник штаба Каспийской флотилии сообщал в секретном донесении, в частности, следующее: «Сегодня отдано приказание сжечь аэропланы в случае большевистского движения на Порт-Петровск»¹²⁷.

Но Деникину все же удалось выручить своих английских хозяев. Взамен забастовавших английских матросов на суда были поставлены деникинские команды. «Охрана Петровского порта, — сообщает командующий прикаспийским отрядом «добрармии», — англичанами передана нам»¹²⁸. Английское командование уволило бастовавших моряков и заменило их моряками и офицерами — «добровольцами». Были сняты команды с пароходов «Эдиссон», «Самед Ага» и др.¹²⁹.

Горское правительство, заручившись поддержкой английского командования, развернуло наступление на бастующих рабочих. Начались массовые увольнения. Министр почт и телеграфа издал приказ об увольнении с 5 мая 1919 г. всех рабочих и служащих, которые участвовали в забастовке, и об

¹²⁵ Газета «Азербайджан», 6 мая 1919 года.

¹²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1902, д. 3, л. 303.

¹²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1602, д. 30, л. 323.

¹²⁸ Там же, л. 325.

¹²⁹ Известия Центр. стачкома г. Баку и его районов, 7 мая 1919 года.

охране временно закрытой конторы связи специальным отрядом»¹³⁰.

В дни майской стачки рабочие Дагестана и их семьи оказались в очень тяжелом положении. Бакинские рабочие протянули им руку помощи и для оказания материальной поддержки организовали «День Дагестана». «День Дагестана, — сообщала газета «Азербайджан» 4 мая 1919 г., — прошел с большим успехом, благодаря правильной организации сбора... население столицы очень тепло относилось к цели сбора — помощь обездоленным дагестанцам, и щедро вносили свою лепту. На некоторых улицах вокруг автомобилей и процессий, вырастала толпа, раздавались крики «ура!».

К этому времени Дагобкомом РКП(б) была завершена, в основном, подготовка к всенародному вооруженному восстанию. Во многих аулах были созданы большевистские штабы для руководства вооруженным выступлением бедноты. Были созданы сильные партизанские отряды, возглавляемые членами Дагобкома РКП(б). Эти отряды концентрировались в горах недалеко от Порт-Петровска и ждали лишь прибытия военного десанта, посланного С. М. Кировым из Астрахани. Партизанские отряды должны были напасть на англичан с тыла, как только появится астраханский десант. Английское командование, осведомленное о концентрации партизанских сил у Атлы-боюнского перевала (в 6 км от Порт-Петровска в сторону Темир-Хан-Шуры), численностью в 600 человек при 12 пулеметах, начали укреплять Порт-Петровск, вплоть до возведения бетонных построек¹³¹.

По воспоминаниям Я. В. Коробова, порт-петровскими большевиками была проведена следующая работа: «1) для угона английских батарей из Петровска в горы были выделены ответственные товарищи — Курбан и Гудкин; 2) для установления связи и координации действий с красными партизанами, находившимися в Кумторкале и Темир-Хан-Шуре, были назначены Шацкин и Гавриленко совместно с товарищами, прибывшими из Астрахани, — Коваленко и Иванченко. 3) Кайтукаеву и Максиму было поручено подготовить специальные фонари в мастерской текстильной фабрики, которые должны были быть установлены на Анджи-Арка и Таркинской горе для сигнализации о появлении в море красного флота из Астрахани. 4) Машкому, Яхаеву, Яковлеву, Ротенко, Колышкину, Байдалинову и Архипцеву было поручено организовать арест английских и белогвардейских офицеров, находившихся в Порт-Петровске. 5) Фрибусу, Горину и Максиму было поручено выключить электроэнергию путем снятия регулятора.

¹³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 621, оп. 1, д. 40, л. 56.

¹³¹ ЦГАОР СССР, ф. 449, д. 3а, л. 36.

б) Митин и Коробов были назначены дежурными и наблюдателями за постами. Тов. Оскар должен был наблюдать за условленной им с Каспийским флотом сигнализацией во избежание недоразумений: возможного появления белогвардейцев, предательских судов «Ардаган» и «Карс»¹³².

Одновременно порт-петровские большевики, выполняя указания Дагобкома РКП(б), провели большую работу в городе среди солдат и матросов оккупационных войск. В результате большевистской агитации среди этих солдат и матросов началось брожение. «Ряд летчиков с аэропланами хотели перелететь на сторону большевиков. Всю эту летную команду в 24 часа сняли и отправили обезоруженными через Баку в Англию»¹³³. Взамен была переброшена в Порт-Петровск другая команда. И на эту команду возымела действие большевистская агитация. Многие из них сами стали агитаторами за Советскую власть. Наиболее активными агитаторами были механики: Смит, Пен, Бэзнет, Леонэт, Джон и др.¹³⁴.

Таким образом, Дагобкомом РКП(б) были созданы все необходимые условия для вооруженного выступления. Большевики имели крепкую опору в народе. Почти во всех аулах были созданы отряды Красной Армии, на стороне большевиков была большая часть войск Горского правительства, а остальная часть была демобилизована. Рабочие Порт-Петровска и Дербента находились в состоянии полной готовности к восстанию. Порт-петровским рабочим удалось испортить подъемные краны английских гидропланов, снять замки с английских батарей, отправить в горы упряжь и лошадей гарнизонной артиллерии¹³⁵. В одном из донесений Реввоенсовета XI армии говорилось, что «в Петровске... настроение жителей против власти, рабочие ждут Красной Армии. В Шуре на митинге вынесена резолюция просить Астрахань о помощи как физической, так и материальной»¹³⁶.

Освобождение Порт-Петровска, Дербента и всего Северного Кавказа входило в непосредственные задачи XI-й и XII армий. В стратегическом плане этих армий еще в феврале 1919 г. было указано: «Приморское операционное направление на Петровск и Баку или наличие такого стратегического пункта и ключа к овладению всем Северным Кавказом, коим является город Петровск, приобретает доминирующее значение в пределах всего Каспийско-Кавказского фронта в политиче-

¹³² Рук. фонд Института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) Даг-филиала АН СССР, д. 1468, л. 37.

¹³³ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 3, д. 63, л. 15.

¹³⁴ Там же, л. 16.

¹³⁵ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 1, д. 1, л. 15.

¹³⁶ Центральный госуд. архив Красной Армии (ЦГАКА), ф. 194, оп. 3, д. 94, л. 92.

ском, стратегическом и экономическом отношении»¹³⁷. Порт-Петровск по своему географическому положению являлся важным стратегическим пунктом, занимая узкий проход вдоль Каспия между Северным Кавказом и Закавказьем. Через него шло железнодорожное и судоходное сообщение с Закавказьем и Баку. Поэтому занятие Порт-Петровска имело исключительно важное значение для победы Советской власти не только в Дагестане, но и на всем Северном Кавказе и в Закавказье.

В. И. Ленин придавал исключительно важное значение освобождению Порт-Петровска. В своей телеграмме Реввоенсовету XI армии в Астрахань 24 апреля 1919 г. Ленин указывал: «... первое, — нельзя ли ускорить взятие Петровска для вывоза нефти из Грозного»¹³⁸. Для претворения указаний В. И. Ленина Реввоенсоветом XI отдельной армии в Астрахани был разработан оперативный план № 1, который предусматривал овладение десантом XI армии Кизляром, Грозным, Моздоком и Порт-Петровском. В плане говорилось, что «для выполнения задачи по овладению районом Кизляра, Грозного, Моздока и Петровска XI-й отдельной армией предстоит следующий план действий: во-первых, принимая во внимание политическую ситуацию на Северном Кавказе к данному моменту, можно с уверенностью сказать, что в Дагестане (район Темир-Хан-Шуры) и Чечня (район Грозный, Моздок) Красная Армия и вообще Советская власть встретит широкую поддержку не только моральную, но и материальную... Операция в первом направлении (на Петровск) производится флотом, который при захвате Петровска с боевых судов высаживает десант в количестве 400—500 штыков и впредь до прибытия подкрепления указанный десант подступы к Петровску держит под своим артиллерийским огнем...»¹³⁹.

Желая уведомить Дагестанский областной комитет РКП(б) о военной операции на Порт-Петровск и для координации выступления трудящихся Дагестана с действиями десанта, С. М. Киров послал в Петровск своих двух представителей. Получив об этом известие, тов. Лещинский 11 мая выехал из Темир-Хан-Шуры в Порт-Петровск, а затем 12 мая доложил Дагестанскому обкому РКП(б), что «большевистский флот имеет некоторый успех и что из Астрахани выслано 5 миллионов рублей»¹⁴⁰.

У. Буйнакский, воодушевленный выступлением астраханского отряда, писал большевикам Северного Кавказа: «Астра-

¹³⁷ Там же, ф. 108, л. 24, д. 108.

¹³⁸ В. И. Ленин. Военная переписка 1917—1920 гг. М., 1943, стр. 57.

¹³⁹ ЦГАКА, ф. 195, оп. 3, л. 94, л. 131.

¹⁴⁰ Газета «Молот», 15 июля 1919 года.

ханцы двинулись: обновленная и усиленная XI армия наступает: флот уже в море и наш долг ударить на врага с другой стороны. На днях мы это сделаем. Выступая сейчас, конечно, полагаем связаться со всеми нашими товарищами. До нас доходят слухи о взятии Владикавказа советскими частями и многое другое. Если это так, мы несказанно рады, если слухи остаются слухами, сообщаем вам, что как только мы выступим и займем Шуру (Темир-Хан-Шуру — А. Г.) и Петровск, то тотчас же двинем наши силы к вам на помощь. Силы у нас солидные, нам нужно сейчас только сношение с Астраханью, а посему помощь наша в самое ближайшее время будет реальной»¹⁴¹.

Было решено, не ожидая прибытия Астраханского флота, выступить, опираясь на подпольные отряды красных партизан. Порт-петровским большевикам была дана «задача разбить штабы (английские и добровольческие) в Петровске как только мы узнаем, что т.в. Лещинский наступает со своим отрядом»¹⁴².

13 мая 1919 г. состоялось заседание Дагобкома РКП(б) и Военного Совета для обсуждения вопроса о вооруженном восстании с целью «ниспровергнуть существующий в республике строй, ввести Советскую власть и присоединить Дагестан к Российской Советской республике»¹⁴³. На заседание съехались из всех аулов и городов командиры подпольных отрядов. Они получили подробные инструкции, когда и по какому сигналу выступить. Здесь же был разработан конкретный план восстания. Как сообщил участник этих событий, арестованный вместе с У. Буйнакским Владимир Викторович Тимошев: «В этом доме собрались представители от аулов для получения инструкций и денег. С утра их было человек 30, но к 5 часам вечера часть разошлась, а в 5 часов дом был окружен и находящиеся там арестованы»¹⁴⁴.

Командующий британскими военными силами в Порт-Петровске, осведомленный о планах Дагобкома РКП(б), вручил «Горскому правительству ультиматум немедленно арестовать большевиков»¹⁴⁵. Дом, в котором 13 мая собралась на заседание группа руководителей во главе с У. Буйнакским, был оцеплен офицерской бандой и все 25 большевиков, в том числе У. Буйнакский, О. Лещинский, С. Абдул-Галимов, А. Измайлов, Абдул Вагаб Гаджи Магома Оглы и др. были арестованы.

¹⁴¹ Личный архив С. И. Габиева.

¹⁴² Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 10, лл. 96—97.

¹⁴³ ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 211, оп. 1, д. 74, л. 6.

¹⁴⁴ Газета «Молот», 15 июля 1919 года.

¹⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. 449, д. 3а, л. 137.

С. М. Киров в своей телеграмме В. И. Ленину и И. В. Сталину, характеризуя обстановку, сложившуюся тогда в Дагестане, писал следующее: «Момент был удачный для переворота. Англичане чувствовали это и предложили правительству ультиматум: бороться против большевиков. Мы ускорили бакинскую забастовку. Англичанам не дали перебросить войска! Но областной комитет откладывал момент переворота и правительство, заключив соглашение с Деникиным и англичанами, арестовало всех наших товарищей — руководителей движения»¹⁴⁶.

Арест Дагобкома РКП(б) сорвал вооруженное выступление трудящихся Дагестана. К тому же не состоялась высадка и астраханского отряда. Английское командование, осведомленное об отбытии военной экспедиции из Астрахани, сумело своевременно снарядить сильную военную флотилию для охраны дагестанского берега Каспия.

Порт-петровские большевики приложили немало усилий к освобождению Уллубия Буйнакского и других арестованных товарищей. На всех предприятиях Порт-Петровска проходили митинги, на которых выносились резолюции, клеймящие позором Горское правительство и его английских хозяев¹⁴⁷. В Порт-Петровске восстали рабочие ряда предприятий и требовали освобождения арестованных членов Дагобкома РКП(б)¹⁴⁸.

Правительство решило перебросить арестованных большевиков из Темир-Хан-Шуры и Порт-Петровска, чтобы передать их в руки английских интервентов и белогвардейцев. По поручению Порт-Петровской партийной организации товарищи Гавриленко, Мартышевский, Исачкин и др. совместно с посланцами С. М. Кирова из Астрахани — Иванченко, Тобольцевым, Коптевым и другими, организовав отряды рабочих, двинулись в аул Кумторкала. «Население аула, — сообщает Тобольцев, — согласилось поддержать нас. Мы с тов. Иванченко¹⁴⁹ (он был в другой группе) отправились вперед с пулеметами. Нам обещали прислать конницу (400 человек), как только будут получены сведения, что арестованных посадили в поезд. Связи установлено не было. Нам не дали знать о времени отхода поезда... Мы остановили поезд, но так как перевес был на стороне противника (у него было 250 человек при пулеметах Максима) пришлось отступить»¹⁵⁰. По поводу этих событий газета «Дагестан» 18 мая 1919 г. писала: «... вокруг Кумторкала ходит целая группа большевиков из

¹⁴⁶ ЦГА ДАССР, ф. 175р, оп. 1, д. 3, л. 4.

¹⁴⁷ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1468, л. 42.

¹⁴⁸ Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 8, оп. 1, д. 10, лл. 96—97.

¹⁴⁹ Был убит в Кумторкала во время перестрелки — А. Г.

¹⁵⁰ Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 10, лл. 96—97.

русских и из мусульман. Они хотели освободить главаря большевиков Буйнакского»¹⁵¹.

После ареста У. Буйнакского и оккупации Дагестана Деникиным большевистские организации в Порт-Петровске и Петровск-Кавказском распались¹⁵². Как сообщала газета «Заря», с приходом деникинцев в Порт-Петровске начались политические аресты. «Были арестованы председатель Совета союзов Фрибус и многие другие деятели профессиональных организаций». Но все попытки интервентов путем арестов и расстрелов остановить освободительную борьбу трудящихся Дагестана оказались тщетными. Борьба рабочих совместно с трудовым крестьянством области против интервентов и их деникинских лакеев развертывалась все шире. Вскоре с помощью посланца из Астрахани — Соколовского в Петровск-Кавказском среди железнодорожников возникла новая большевистская организация в составе: Колышкина, Калиновского, Соловцова, Пипкина, Чернышева, А. Кузьмина, М. Кузьмина, Кузнецова, Федосеева, Беликова, Емельянова, Беляева, Федосова, представителей 220 полка и др.¹⁵³.

Перед организацией стояла сложная и ответственная задача. Она должна была развернуть революционную агитацию среди англо-деникинских солдат и матросов, находившихся в Порт-Петровске. В июне 1919 г. в Петровске находилось до 6000 деникинских войск и 1000 английских с массой гидропланов, морских истребителей и артиллерией. Петровский порт в 1919—1920 гг. являлся для интервентов единственным благоустроенным портом в северной части Каспийского моря. Находясь между Бакинским и Астраханским портами и у железной дороги, Петровск стал важнейшей базой деникинцев. Поэтому основная задача петровских большевиков заключалась в том, чтобы разложить англо-деникинских солдат и матросов, завоевать их на сторону Советской власти. Каждому члену организации был поручен определенный участок работы. Кузнецову была поручена работа среди военных частей в Апшеронском и Ширванском полках, расквартированных в Порт-Петровске, Пипкину — работа на водном транспорте, среди англо-деникинских военных моряков, Козьмину — сбор и хранение оружия и отправка его в горы для Совета обороны Дагестана, Чернышеву — работа среди рабочих железнодорожного депо¹⁵⁴.

Под руководством большевистских организаций развернула огромную деятельность и рабочая молодежь города. Как

¹⁵¹ ЦГА ДАССР, ф. 59, д. 41а, л. 88.

¹⁵² Там же, ф. 175, оп. 3, л. 8.

¹⁵³ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 3, д. 63, л. 8.

¹⁵⁴ Там же, л. 20.

сообщает газета «Молодой рабочий» от 4 августа 1919 г.: «Союз рабочей молодежи — верная группа молодых революционеров горцев-коммунистов находится в Петровске на нелегальном положении. Кровавая расправа деникинских генералов, бесконечный кошмар черной реакции — не умаляет энергии наших дагестанских товарищей... мирное классовое воспитание, культурно-просветительную работу они заменили классовой борьбой на деле. Рабочая молодежь идет в партизанские отряды, комплектуется собой летучие красные сотни, идет в первых рядах горского революционного движения с надеждой на скорое осуществление наших идей».

Работа большевиков проходила в сложных и трудных условиях преследования со стороны деникинской разведки и в борьбе с подрывной деятельностью эсеров и меньшевиков, которые полностью перешли на сторону интервентов и белогвардейцев. В июне 1919 г. в Порт-Петровске на собрании местных эсеров абсолютным большинством голосов была решена «безусловная поддержка добровольческой армии в ее вооруженной борьбе с большевиками»¹⁵⁵.

1 ноября 1919 г. Порт-Петровский комитет большевиков обратился к Дагобкому РКП(б), организованному в г. Баку, со следующим письмом: «Группа петровского пролетариата, примыкающая к Российской партии коммунистов (большевики), шлет вам свой товарищеский привет и доводит до вашего сведения, что, не взирая на все притеснения и гонения на рабочий класс со стороны черносотенцев-деникинцев... собравшись 29-го сего октября, обсудили настоящее положение петровских рабочих и пришли к общему выводу, что у рабочих и крестьян никогда не было друзей... а посему все они должны стремиться к созданию только своей власти — власти Советской. Чтобы ускорить час расплаты мы... постановили организовать здесь в Петровске отдел Всероссийской партии коммунистов-большевиков... При этом сообщаем для сведения, что при надобности мы можем установить связь с горами. В сел. Тарки у нас имеется свой близкий тов. Темрюк¹⁵⁶, через посредство которого и сейчас переправляем в горы уходящих туда товарищей. В контрразведке у нас есть человек, который дает нам нужные сведения, но, конечно, за плату»¹⁵⁷. Комитет просил Дагобком РКП(б) прислать газеты и литературу для пропаганды, изготовить для комитета каучуковые штампы, прислать подотчет денег для раздачи товарищам заключенным и их семьям. Комитет просит также оказать

¹⁵⁵ Газета «Молот», 9 июля 1919 года.

¹⁵⁶ Крестьянин из сел. Тарки, текстильщик, активный участник борьбы за установление Советской власти в Дагестане. — А. Г.

¹⁵⁷ ЦГА ДАССР, ф. 175, д. 30, л. 23.

материальную помощь для создания ячеек организации в Порт-Петровске и отделения организации в Темир-Хан-Шуре¹⁵⁸.

Выполняя указания Кавказского краевого комитета РКП(б), Реввоенсовета XI армии и Дагобкома РКП(б), большевики городов Дагестана с новой силой развернули работу. Работа порт-петровских большевиков во вражеском флоте дала прекрасные результаты. Заключались они прежде всего в том, что английские летчики и матросы отказывались поддерживать наступление деникинцев на Астрахань. В результате большевистской агитации английская военная флотилия в Порт-Петровске полностью потеряла свою боеспособность. С. М. Киров писал: «Наша же «большевистская зараза» прокралась и в английскую армию и каспийский флот. И английские моряки на военных судах сменяются и заменяются вольными и добровольцами... Вот почему англичане так поспешно уводят с Кавказа свои войска»¹⁵⁹.

Большевики Петровска оказывали огромную помощь Дагобкому РКП(б) и Совету обороны Дагестана, находившимся в Левашах. Они установили с Дагобкомом и Советом обороны постоянную связь и через Екатерину Староверову, Арсан Али и Темирука (из сел. Тарки) переправляли в Левашу деньги и материалы, получаемые из Астрахани и Баку. Как говорится в одном из донесений деникинской разведки, один из членов этой подпольной большевистской организации «через ст. Тарки сносятся с горами, информирует большевиков в горах, получает от них инструкции. Другая связь с горами оказалась в Темир-Хан-Шуре»¹⁶⁰.

Порт-Петровская большевистская организация координировала свою работу с выступлениями трудящихся Дагестана в горах и стала усиленно готовить рабочих города к вооруженному выступлению. Члены этой организации проводили большую работу по завоеванию на свою сторону белогвардейских солдат и матросов. Этой организации, как сообщает белогвардейская разведка, «удалось привлечь часть солдат железнодорожной роты, стоящей в Петровске-Кавказском, организовать ячейки в запасном батальоне, Апшеронском полку и некоторых других частях»¹⁶¹. За короткое время подпольная организация проделала огромную работу, и в начале февраля 1920 г. было решено начать вооруженное выступление. По заранее разработанному плану восставшие, «разобрав

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ С. М. Киров. Статьи, речи, документы. Т. 1. М. 1936, стр. 85.

¹⁶⁰ ЦГАОР СССР, ф. 3876, оп. 1, д. 24, л. 3.

¹⁶¹ Там же.

оружие, распределив роли, должны поднять всю железнодорожную роту рабочих П. Кавказского и двинуться на Порт-Петровск. Здесь поднять запасной батальон, завладеть береговой артиллерией, вокзалом и отсюда требовать присоединения моряков»¹⁶². В начале февраля 1920 г. в Петровске-Кавказском, на квартире железнодорожника Сидорова, состоялось последнее перед выступлением заседание большевистской организации. Присутствовали также представители от команд пароходов, стоявших в Петровском порту, береговой артиллерии, 220 полка и партизанских частей. Всего собралось 38 человек, среди них Колышкин, Пипкин, Соловцов, Чернышов, А. Кузьмин, М. Кузьмин, Калиновский, Ильин и др. Собрание решило ночью второго февраля, путем вооруженного выступления рабочих, взять власть в городе в свои руки. Здесь же распределили обязанности между участниками совещания.

Деникинская разведка, осведомленная о планах большевиков, произвела налет и арестовала участников совещания. В донесении деникинской разведки говорилось: «По только что полученным телеграфным сведениям в Порт-Петровске открыт грандиозный большевистский заговор: — контрразведкой арестован комитет коммунистов, Ревсовет и исполком «Цика» Дагестанской области, отобраны бомбы, пулеметы, оружие и знамена. Предполагалось вооруженное выступление, но накануне этого дня был произведен арест 63 человек, которые под усиленным конвоем были отправлены в контрразведку. Председателем комитета коммунистов состоял машинист депо Михайлов, в числе других арестованы Колышкин, нач. жел. дор. училища, Андреев, Соловцов, Федоров и др. Аресты продолжаются»¹⁶³. В другом донесении разведки говорится, что «в настоящее время арестовано свыше 70 человек. Найдены бомбы, орудие, патроны, 2 замка от пулеметов (пулеметы разыскиваются), красные флаги, протоколы заседаний, часть списков»¹⁶⁴.

15 февраля 1920 г. деникинский военно-полевой суд приговорил арестованных к смертной казни. Им были предъявлены обвинения в том, что они создали подпольную большевистскую организацию с целью «агитации среди добровольческой армии в пользу большевиков». Но под давлением рабочих города деникинцам пришлось заменить многим смертную казнь ссылкой. Несмотря на все усилия рабочих, активные организаторы и руководители борьбы рабочих Порт-Петровска — Соколовский¹⁶⁵, Колышкин, Староверова и др.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Инженер Соколовский был командирован Кавказским краевым комитетом РКП(б) в Дагестан для подпольной работы.

были зверски расстреляны. Соколовского повесили перед тюрьмой и в течение 10 дней труп оставался на виселице с надписью: «Прохожий, остановись и посмотри, кто враг—Соколовский задержан с деньгами для подготовки восстания»¹⁶⁶. Другая часть арестованных товарищей была переведена в Грозненскую тюрьму, где деникинский военно-полевой суд приговорил Михаила Саунина, Сергея Дрожжина, Рузану Каспарову, Екатерину Румянцеву, Александра Висулькина, Ганафи Габиева, Николая Ротенко, Галуста Петросянца, Сергея Магаузянца, Николая Иванова-Силина, Георгия Гавриленко к смертной казни через повешение. Все остальные арестованные, находившиеся в Порт-Петровской тюрьме, в количестве 350 чел., среди которых было немало активных партийных и советских работников (Гоголев, Калиновский, Чернышев, Федосов, Кузьма, М. Османов, Елисеев, Варвара Копылова, Федосеев, Чернокошкин и многие другие), были отправлены в пустыни Закаспия и брошены на произвол судьбы без еды и питья¹⁶⁷. Арест большевиков был ударом по борьбе рабочих за восстановление Советской власти. Но ничто не могло остановить приближающегося разгрома белых.

Остатки армии Деникина, разбитые в боях с Красной Армией, беспорядочно отступали к Дагестану. 20 марта в Петровск прибыл штаб корпуса ген. Дроценко. По указанию английских хозяев деникинцы решили во чтобы то ни стало удержать Порт-Петровск. Начались окопные работы вокруг города. Генерал Дроценко в городском театре устроил офицерский митинг. Он призывал офицеров вступить в комплектуемый офицерский корпус, а с уклонявшихся угрожал снимать погоны. Выступление Дроценко не произвело на офицеров никакого впечатления. «Многие здесь же в фойе театра сами сняли погоны. Ген. Дроценко не знал, где искать выход. Начались совещания с офицерами, наконец, было решено эвакуироваться, ибо иного выхода не было»¹⁶⁸.

Накануне своего отхода белогвардейцы в бессильной злобе решили взорвать вокзал и порт и сжечь все товары. Благодаря героическим усилиям железнодорожников — М. Хутинаева, Г. Иваненко, Ф. Белавина и др. уничтожение города удалось предотвратить.

30 марта 1920 года, в результате совместных сокрушительных ударов героической Красной Армии, Каспийской флотилии, армии Совета обороны Дагестана и рабочих городов, деникинцы были выброшены из Порт-Петровска. В сообщении

¹⁶⁶ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 3, д. 63, л. 17.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ ЦГАКА, ф. 180, оп. 3, д. 70, л. 15.

политотдела XI армии говорилось: «30 марта в 2 часа дня наши войска заняли Порт-Петровск и Петровск-Кавказский. Противник, погрузившись на суда, вышел на рейд. Нами захвачены 5 броневиков: «Олег», «Апшерон», «Ширванец», «Кавказец», «Дагестанец». Захвачено большое количество орудий, нефтяные склады и множество другой военной добычи».

30 марта 1920 г. в своем приветствии народам Дагестана командующий Кавказским фронтом Тухачевский, член реввоенсовета и председатель Северо-кавказского ревкома Г. К. Орджоникидзе, член реввоенсовета XI Армии и член Северокавказского ревкома С. М. Киров, указывали: «От имени победоносной Красной Армии мы приветствует вас, горные сыны славного Дагестана! Тяжелые цепи, которыми вас сковали враги трудового народа, разбиты навсегда, и Советская Россия никогда не забудет той героической борьбы, которую вы в течение долгих месяцев вынесли на своих изможденных плечах».

Так трудящиеся Дагестана с помощью великого русского и других народов нашей страны навсегда восстановили здесь власть Советов. Планы англо-американских империалистов, рассчитанные на превращение Дагестана в колонию, навсегда рухнули, похороненные Красной Армией, армией освобождения угнетенных наций, армией защиты свободы и независимости народов нашей страны.

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ ПРОТИВ ДЕНИКИНЩИНЫ (май 1919 — март 1920 гг.).

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась поворотным пунктом в истории человечества, она открыла эру гибели капитализма и торжества социализма и коммунизма. Победа Октябрьской революции вызвала бешеную злобу империалистов всего мира, прилагавших все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать установлению Советской власти на Кавказе, ликвидировать ее революционизирующее влияние на освободительное движение угнетенных народов Востока.

Американо-английские захватчики и их марионетки встретили решительное сопротивление со стороны трудящихся масс. Благодаря победоносному шествию Октябрьской революции, замечательным победам героической Красной Армии и руководству Коммунистической партии Советского Союза, упорная и самоотверженная борьба трудящихся Дагестана за Советскую власть увенчалась полной победой.

В данной статье ставится задача рассмотреть партизанское движение в Дагестане против деникинщины, его характер и движущие силы, показать организаторскую и руководящую роль Коммунистической партии в этом движении.

* * *

Партизанское движение против белогвардейских армий Деникина занимает видное место в истории борьбы трудящихся нашей страны в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны.

Большевики Дагестана в этот период развернули кипучую деятельность по подготовке трудящихся масс к вооруженному

восстанию против деникинщины. В начале июля 1919 года для оказания практической помощи большевикам Дагестана Реввоенсовет XI армии направил в Дагестан группу работников¹.

В селении Леваши Даргинского округа был создан штаб, который занимался организацией партизанских отрядов. Штабом руководили т.т. Д. Қоркмасов, Б. Шеболдаев, М. Хизроев, М. Далгат и другие. Уже к концу июня 1919 года только лишь в Даргинском округе был создан партизанский отряд, состоящий более чем из 2-х тысяч человек².

Почти во всех аулах на общих собраниях обсуждались вопросы борьбы с деникинцами. В начале июня 1919 года сход крестьян селений Урахи, Ванаша-махи, Ая-махи, Аймау-махи, Аялизи-махи и Махарги-махи, обсудив вопрос о вооруженном выступлении против деникинской контрреволюции, решил выступить против белой армии, вопреки аульской вер-хушке и духовенству. Затем был обсужден вопрос, как сформировать партизанские части. Большинство голосов решили выделить от каждых десяти дворов по одному бойцу (добровольно или по жребию), вооружить его и снабдить всем необходимым за счет остальных девяти дворов.

Так, в течение двух дней был сформирован пеший партизанский отряд более чем из двухсот бойцов. К отряду присоединились и добровольцы со своим собственным оружием³.

Еще в марте 1919 года в Кумухе под руководством Гаруна Саидова был создан штаб Армии Свободы и Военно-Революционный Совет округа. В селениях округа и в Кумухе организуются отряды красных партизан, насчитывавшие до тысячи человек. Штаб обложил контрибуцией помещиков, купцов и кулаков для содержания партизанских отрядов⁴. Путем разоружения контрреволюции, обложения кулаков и захвата склада оружия, оставленного турками, отряды партизан были вооружены⁵.

Партизанский отряд Мекегинского участка состоял из 300 конных и пеших. Командиром отряда был тов. Багатырев. Участник революционного движения того периода Султанбеков Али рассказывает о том, как они организовали партизанский отряд. «Сначала мы, — говорит он, — вели беседы в небольших группах своих людей. Большинство шло за дагестанский «намус». Затем собирали кварталы, где уже вместе

¹ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 8, оп. 1, д. 11, л. 47.

² Там же, д. 25, л. 36.

³ Борьба за власть Советов в Дагестане. Сборник воспоминаний участников, 1957 г., г. Махачкала, стр. 31.

⁴ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 8, оп. 3, д. 1, л. 6.

⁵ В боях за власть Советов. Сборник воспоминаний, Махачкала, 1957, стр. 133.

с выявленным нами активом продолжали разъяснительную работу»⁶.

Во многих аулах, таких как Леваша, Цудахар, Дешлагар, Дженгутай и других были созданы вполне боеспособные партизанские отряды. Энергичную деятельность развернули большевики по созданию новых партизанских отрядов. В Цудахаре и близлежащих селениях партизанские отряды создали Мута Рамазанов и Кара Караев, в селениях Мусулте, Санамахи и других — Рабадан Нуров, в Ходжал-махи — Осман Османов. В Леваша прибыли также партизанские отряды, возглавляемые Чопановым, Ата Салатав, Кадырага и другими.

В июне 1919 года все эти партизанские отряды повели наступление на Темир-Хан-Шуру в двух основных направлениях — Леваша — Кака-Шура — Дургели — Н. Дженгутай — Темир-Хан-Шура; Леваша — Дуранги — В. Дженгутай — Темир-Хан-Шура. Партизанскими отрядами командовали И. Махмудов и В. Гавриленко. Основной задачей наступления являлось освобождение Темир-Хан-Шуры и развертывание партизанского движения для освобождения всего Дагестана от деникинщины. К Дешлагару пошли конные отряды партизан.

«Славный дагестанский народ, преданный своим правительством в цепкие лапы хищника Деникина и его опричника в Дагестане ген. Халилова... восстал, — писала бакинская большевистская газета «Молот»... Борьба уже начата, все трудящиеся массы Дагестана уже поднялись против своих поработителей. Народ... заговорил языком винтовок и пулеметов, языком борьбы и смерти»⁷.

В начале восстания партизанские отряды имели некоторый успех. Отряды партизан разбили и отогнали к железной дороге деникинские части в районе Мюрего. Заняли Дженгутай и Маджалис.

Командование деникинских частей перебросило крупные воинские силы из Петровска, обстреляв партизан из орудий и пулеметов, вынудило их отступить до Левашей.

В июле 1919 года деникинские войска предприняли кровавую экспедицию со стороны Темир-Хан-Шуры, Буглена, Дженгутая, Дургели, Кадара и со стороны Инчхе, Мюрего, Утамыша, Маджалиса. Деникинские палачи встречали упорное сопротивление трудящихся, но плохо вооруженные массы не могли сдерживать натиск деникинцев и отступали.

Героическое сопротивление оказывали деникинцам партизаны селений Дургели и Кадар Темир-Хан-Шурина округа. Но силы были неравны. Деникинцы выпустили несколько

⁶ Борьба за власть Советов в Дагестане, Махачкала, 1957, стр. 80.

⁷ Газета «Молот» от 26 июля 1919 года.

сот снарядов по Дургели и Кадару, несмотря на то, что знали об уходе партизан из аулов. Жители этих аулов вынуждены были эвакуироваться, многие селения были разграблены деникинцами.

«Горские аулы..., — писал С. М. Киров, — сносились добровольцами с лица земли, скот и все добро грабилось, сакли разрушались и сжигались, население не успевшее бежать вырезалось»⁸.

Первое выступление партизан против деникинщины кончилось поражением. Жертвой добровольческого террора пали многие защитники интересов трудового народа.

Причинами поражения являлись: слабая организованность партизан, недостаточное знакомство их с военным делом, нехватка оружия и боеприпасов, необеспеченность продовольствием. В своей борьбе партизаны не имели общего руководства, отряды партизан наступали недостаточно решительно, действовали разрозненно. Деникинцы по сравнению с красными партизанами были хорошо вооружены, имели пушки, пулеметы, во главе отрядов стояли старые кадровые офицеры. У партизан же не было не только ни одного орудия, но даже пулемета. Один имевшийся ручной пулемет испортился в начале боя⁹.

* * *

*

Белогвардейская армия Деникина творила в горах Дагестана невиданные бесчинства и произвол. Деникинцы убивали мирных жителей: стариков, женщин и детей, сжигали и уничтожали целые аулы, грабили и угоняли скот. «В Бабаюрт, — говорится в воспоминаниях одного из красных партизан, — беспрестанно наезжали казаки и мучили крестьян своими требованиями — «дай, то, дай, другое». А иногда казаки, собрав народ, напоминали о своих зверствах в Осетии, Ингушетии и Чечне. Угрожали, а потом предъявляли требования на людей, лошадей и продовольствие, требовали выдачи революционеров»¹⁰.

Жестоко расправились деникинцы с губденцами. По официальным данным, от рук деникинских палачей пало 212 человек, в том числе 28 стариков и более 20 детей. Было сожжено 307 домов, разграблено 2.026 дворов, угнана тысяча голов скота¹¹.

Деникинские палачи разъезжали по всем округам Дагестана, устанавливали свою власть, назначали на администра-

⁸ С. М. Киров. «Избранные статьи и речи», 1957, стр. 71—72.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 3, ед. хр. 23, лл. 7—8.

¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 3, ед. хр. 50, лл. 1—2.

¹¹ Газ. «Дагестанская правда», 10 августа 1957 г.

тивные должности своих офицеров. Всех партизан деникинцы считали большевиками и жестоко расправлялись с ними. Жертвой добровольческого террора пал один из славных большевиков Дагестана, член обкома партии Гарун Саидов.

К июлю 1919 года белогвардейской армии Деникина удалось захватить обширные территории на юге России. Опираясь на поддержку империалистов Англии, Франции, США, белогвардейские армии Деникина вышли на линию фронта: Царицын, Балашов, Поворино, Новохоперск, Белгород, Богородухов, Александровск. Далее линия фронта шла по реке Днепр.

В начале июля 1919 года Деникин дал так называемую «Московскую директиву». Конечной целью наступления деникинских армий объявлялся захват сердца Советской страны — Москвы.

Наступление белогвардейских войск Деникина, захват врагом важнейших экономических районов юга страны и продвижение его к Москве создали величайшую угрозу для советской республики. Требовалось принять срочные меры, чтобы защитить завоевания Октябрьской революции, свободу и независимость Советской страны.

В начале июля 1919 года ЦК РКП(б) утвердил написанные В. И. Лениным тезисы «Все на борьбу с Деникиным», в которых указывалось, что «наступил один из самых критических, по всей вероятности даже самый критический момент социалистической революции»¹².

В такой момент все должно было быть подчинено интересам обороны страны. ЦК партии призвал всех коммунистов и беспартийных, всех честных рабочих, крестьян и советскую интеллигенцию подтянуться по-военному, переведя максимум своей работы, своих усилий и забот на непосредственные задачи войны, на быстрое отражение нашествия Деникина.

Боевой клич ЦК РКП(б) нашел горячий отклик в сердцах всех, кому была дорога Советская власть. По всей стране развернулась мобилизация сил и средств на разгром врага.

Партизанское движение в Дагестане было всенародным. Все трудящиеся-горцы, руководимые большевиками поднялись на борьбу за освобождение. Эта борьба велась не против отдельных мероприятий, проводимых деникинцами и их ставленниками, как мобилизация горцев и т. д., она велась против всего того, что несла деникинщина трудящимся массам, она велась за власть трудящихся, за власть Советов.

Как указывалось в докладе Кавказского Краевого Комитета партии о положении в Дагестане и об организации Дагестанской армии «беднейшие классы были готовы сражаться

¹² В. И. Ленин, т. 29, стр. 402.

до последней капли крови... Настроение в широких массах крестьянства плоскостных и ближайших горных округов было большевистским. В Кюринском, Самурском, Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шуриинском округах крестьянство готово было идти за большевистскими лозунгами. В широких массах крестьянства плоскостных округов Коммунистическая партия имела твердую опору...»¹³.

Господство деникинщины многому научило трудящихся Дагестана. Они на собственном опыте убеждались в том, что Советская власть является подлинно народной властью, властью рабочих и крестьян. Как указывал В. И. Ленин, мы стали бесконечно сильными потому, что миллионы научились понимать, что несут с собой белогвардейские генералы, потому, что миллионы крестьян пришли к большевизму, они поголовно ждут большевиков. Миллионы пришли к большевизму, как подчеркивал Ленин, — не из наших проповедей и учений, а из собственного опыта¹⁴.

И действительно трудящиеся-дагестанцы, испытав на себе весь ужас деникинщины, убедились в необходимости беспощадной борьбы против нее.

В воззвании Дагобкома РКП(б) к трудовому народу Дагестана указывалось, что в течение двух лет народ был свидетелем сплошного предательства и измены лакеев, русских белогвардейских офицеров, беков, ханов и богатых людей Дагестана..., что народ Дагестана узнав своих врагов, стал на верный путь борьбы и освобождения¹⁵.

Направленные Центральным Комитетом РКП(б) на Кавказ и в Дагестан преданные делу коммунизма люди стали организаторами и руководителями партийной работы и всенародной борьбы против деникинщины и местной контрреволюции. 19 сентября 1919 года в своем письме на имя ЦК РКП(б) С. М. Киров сообщал: «По вашему требованию нами направлены люди: в Баку, Дагестан, на Северный Кавказ и в Закавказье, в Гурьев и Мугань, в Армавир и на Восточное побережье Черного моря. Результаты их работы уже видны. Вся территория, куда выезжали наши люди, пылает заревом партизанского движения»¹⁶.

В период борьбы горцев против Деникина в Дагестан был направлен представителем Реввоенсовета XI армии Б. П. Шелбаев (направлен в начале июля 1919 года)¹⁷. С его приходом в Дагестан активизировалась работа большевистских

¹³ Рост. обл. партархив, ф. 12, п. 24, архив 7, лл. 1—4.

¹⁴ В. И. Ленин, т. 29, стр. 431.

¹⁵ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 35, стр. 10.

¹⁶ Архив Института М-Л, ф. 55, д. 5, л. 5.

¹⁷ Борцы за власть Советов. М-Кала, 1957, стр. 64.

организаций по подготовке восстания горцев против Деникина¹⁸.

Огромную помощь большевикам Дагестана оказывали Кавказский Краевой и Бакинский Комитеты партии, во главе которых стоял А. М. Микоян. В одном из писем штаба терских повстанческих войск, направленных в политотдел XI армии в Астрахань, сообщалось: «По всей территории горских народов ведется самая усиленная, интенсивная партийная работа по подготовке восстания. Во всех горских городах и крупных аулах Кавказским Краевым Комитетом партии организованы революционные комитеты, которые в военном отношении подчиняются нашему Штабу»¹⁹.

Во многих аулах под руководством большевиков-революционеров прошли подпольные собрания трудящихся, на которых они высказывали свое отношение к деникинщине, выражали свою готовность бороться с ней. «Горцы живут своей жизнью и никакой деникинской власти не признают. Все горцы ждут с нетерпением прихода большевиков»,²⁰ — писал Г. К. Орджоникидзе в Совнарком РСФСР.

В одном из докладов Кавказского Краевого Комитета, направленном в Астрахань т. Кирову 19 июля 1919 года, сообщалось: «После обезглавления нашего движения (в Дагестане — М. В.) в половине мая... мы принялись снова за организацию наших сил для борьбы, в этот раз прямо против деникинских войск. На днях делегируем своего представителя туда»²¹.

Кавказский Краевой Комитет РКП(б) в своем докладе в ЦК РКП(б) сообщал: «Бюро краевого комитета, получив письменный доклад из Левашей от тов. Шеболдаева и информацию дагестанских делегатов о положении и наших силах в Дагестане, постановило санкционировать и оказать всевозможную поддержку и взять под свое руководство восстание и военные действия дагестанцев против добровольческой армии»²². Кавказский Краевой Комитет направил один миллион рублей для поддержания партизан (до получения поддержки из центра)²³, помог восстановить Дагестанский обком партии, усилить его работу.

Благодаря большой революционной работе, проводимой большевиками, население открыто выступило против приказа деникинцев о мобилизации.

¹⁸ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 8, оп. 1, д. II, л. 47.

¹⁹ Журнал «Вопросы истории», 1947, № 7, стр. 14.

²⁰ Г. К. Орджоникидзе, Избр. статьи и речи, М. 1939, стр. 69

²¹ Там же.

²² Там же, оп. 1, д. 25, л. 37.

²³ Там же.

«Лучше умереть дома за защиту своей свободы, чем идти умирать в Россию за восстановление единой неделимой»²⁴. «Лучше умереть в борьбе с насильниками, чем умирать на полях России против большевиков, которые ничего плохого нам не сделали»²⁵, — заявляли многие представители трудящихся.

Во главе партизанских отрядов стояли не случайно подобранные руководители, а партийные и беспартийные большевики, получившие закалку в революционной борьбе против царизма и буржуазии, до конца преданные делу пролетарской революции, имеющие военную подготовку и опыт вооруженной борьбы.

Многие руководители партизанского движения прошли школу революционной борьбы вместе с русским пролетариатом и другими народами нашей страны. Они являлись активными борцами за создание новой армии еще в первые дни Октябрьской революции. А. Багатырев, К. Караев, Ата Салатав, М. Халимбеков, А. Гамринский, Г. Далгат, Т. Юзбеков, Р. Нуров, З. Батырмурзаев, М. Омаров, С. Дударов, Х. Шапиев, М. Карабудагов, М. Атаев, А. Атаев, М. Эльдаров, А. Мурсалов и многие другие непосредственные организаторы и руководители партизанского движения в Дагестане с первых же дней Октябрьской революции встали под Красное знамя и самоотверженно боролись за победу Октября в Дагестане.

Объявление мобилизации горцев в деникинские части²⁶, с возложением на них содержания и вооружения мобилизованных, вызвало всеобщее возмущение и резкий протест почти всех слоев населения Дагестанской области. Приказ о мобилизации переполнил чашу терпения трудящихся-горцев Дагестана.

В своих заявлениях многие общества указывали на невозможность выполнения приказа. Общество с. Мекеги Даргинского округа в своем заявлении писало: «...господство деникинцев причинило до миллиона рублей убытка обществу. Сейчас время полевых работ»²⁷.

В заявлении с. Мургук указывалось, что за 10 дней пребывания деникинцев в Урахи, общество потратило на них 26 тысяч рублей. Далее отмечалось, что часть полей осталась необработанной из-за издевательства казаков. Население находится в большой нужде. В заявлении общество требовало отменить мобилизацию²⁸.

²⁴ Архив Дагфилнала ИМЛ, ф. 8, оп. 1, д. 25, л. 37.

²⁵ Архив Дагфилнала ИМЛ, ф. 8, оп. 1, д. 25, л. 37.

²⁶ Приказ о мобилизации издан 4 августа 1919 года.

²⁷ ЦГА ДАССР, ф. 175, ед. хр. 239, л. 96.

²⁸ Там же, л. 104.

В своем заявлении с. Акуша указывало, что от господства деникинщины оно потерпело убытков до 800 тыс. рублей²⁹.

В заявлении общества с. Нижний Мулебки писалось, что войска, прибывшие в с. Урахи, Мекеги и Дешлагар, отобрали у общества скот, хлеб, лошадей, и т. д. на 50 тыс. рублей— «Мы не смогли своевременно убрать урожай хлеба, сено, привезти дров. Приказ, полученный от правительства, об отправлении в войска наших людей, снабдив их обмундированием, лошадьми и деньгами в сумме 200 тыс. руб.— исполнить нам очень тяжело. На каждый дом приходится на это по несколько тысяч рублей. Беднота не может добыть для своих семей нужное». В заявлении общество требовало отменить мобилизацию³⁰.

Деникинские власти не считались с положением народа. В ответ на недовольства следовали прямые угрозы. Никакие причины не принимались во внимание. В ответ на угрозы собрания трудящихся многих селений выносят решения: «Умереть до последнего, не давать ни одного солдата в армию Деникина».

Не помогли и угрозы деникинцев применить вооруженную силу в случае отказа от мобилизации. Во многих аулах на собраниях принимались решения: «не давать белогвардейцам ни одного коня, ни одного солдата».

Вопрос о предстоящем восстании обсуждался неоднократно. Большевики Цудахарского участка Даргинского округа несколько раз устраивали тайные совещания. А перед самым восстанием в августе 1919 года в с. Буртани-махи Цудахарского участка собрался тайный съезд делегатов многих обществ Даргинского округа. На съезд прибыло по пять человек от каждого аула. В работе съезда приняли участие представители и других округов. Работой съезда руководили Рабадан Нуров и Осман Османов. Съезд обсуждал вопрос о создавшемся положении в связи с приказом Деникина о мобилизации. На съезде высказывались различные мнения по вопросу выступлений против Деникина. Одни говорили: «Послать представителей к самому Деникину и просить его, чтобы он от нас не брал солдат». Другие утверждали, что без плоскости, занятой Деникиным невозможно существование горных районов и, если начнется восстание—будет голод. Исходя из этих соображений эта группа выступала нерешительно.

Третья группа, составляющая большинство съезда, высказалась за немедленное вооруженное восстание. Все сходились на одном, не давать Деникину солдат. На съезде было

²⁹ Там же, лл. 104—107.

³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 8, ед. хр. 92, лл. 7—8.

решено выступить против Деникина. Съезд выработал план восстания. На следующий день все аулы должны были направить к Левашам свои отряды.

По поводу этого съезда бакинская газета «Беднота» писала: «За несколько дней до истечения срока добровольческого ультиматума, тайно в селении Цудахар Даргинского округа съехались на совещание делегаты от всех округов, избранные народной массой... На съезде было решено, что ни одного всадника и ни одного пешего воина не получит Добрармия от Дагестана. Была сделана ссылка на цудахарцев, которые, по мнению съезда, должны первые, заявить добрармейским властям, что они, цудахарцы, отказываются дать всадников. Цудахарцы без всяких оговорок с радостью заявили о своем согласии первыми поднять стяг восстания»³¹.

29 августа 1919 года истекал последний срок представления деникинцам требуемого контингента войск и снаряжения. В этот день полковник Магомедов приехал в Цудахарский участок для организации набора. Трудящиеся массы с. Цудахар, Хаджал-махи, Верхний Убеки-махи, Сана-махи, Тебек отказались выполнить требования деникинских ставленников³².

Началось восстание, охватившее весь Цудахарский участок. В соответствии с решением съезда представителей даргинских селений в установленный день собралось около 700 вооруженных конных и пеших красных партизан. Они двинулись к Левашам. Начальник округа полковник Магомедов, узнав об этом, убежал в Темир-Хан-Шуру, а свой гарнизон отправил в Дешлагар.

Селение Леваша было занято без боя. В Левашах—центре округа создается Совет Обороны. Командование партизанами принял Р. Нуров, начальником штаба стал Осман Османов³³. Весь Даргинский округ поднялся против насильников—деникинских палачей. В те дни началось восстание и в ряде других округов.

Борьбу против деникинщины в Южном Дагестане возглавили большевики. Прошедшие школу революционной борьбы в Баку, среди бакинских рабочих—нефтяников, Тари-Кули Юзбеков, К. Акимов, Абду-Самед Мурсалов и другие становятся во главе народного движения.

«Нас было еще очень мало,—вспоминает т. Сафаралиев,—мы были слабо организованы, но все-таки бывшие бакинские рабочие-нефтяники были почти в каждом ауле. На них можно было опираться»³⁴.

³¹ Газета «Беднота» № 9, 26 сентября 1919 г.

³² Газета «Азербайджан» № 193, 9 сентября 1919 г.

³³ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 3, д. 92, л. 10.

³⁴ Борьба за власть Советов в Дагестане, М.-Кала, 1957, стр. 86—87.

Восстание против деникинщины в Южном Дагестане готовилось продолжительное время. Подпольные ячейки РКП(б) в Гюнейском, Кутур-Кюринском, Южно-Табасаранском и других участках вели большую партийную работу среди населения. В результате большевиками Кюринского округа в июле 1919 года созывается съезд бедноты округа на местности Канчиль (съезд называется Канчильским)³⁵. На съезде присутствовало около 200 представителей различных селений Кюринского округа. Съезд обсудил вопрос о восстании против деникинцев.

Хотя съезд не принял решения о немедленном вооруженном восстании, он прошел под лозунгами—«Долой деникинцев», «Да здравствует свобода, равенство и братство!»³⁶ А это имело большое значение как демонстрация сил народа.

Спустя некоторое время после этого съезда, в августе 1919 года большевики Южного Дагестана созвали второй съезд бедноты на местности «Арат» Южно-Табасаранского участка.

На съезде был обсужден вопрос об объявлении Деникиным мобилизации в Дагестане. Работой съезда руководили Аллахверди Акимов, Тари-Кули Юзбеков. Съезд, всесторонне обсудив положение, решил не давать в армию Деникина ни одного солдата и немедленно начать вооруженное восстание против господства деникинщины³⁷. После съезда его участники, подняв широкие массы трудящихся повели наступление на гарнизон деникинцев, расположенный в Касумкенте. Против деникинщины активно выступили партизанские отряды Хасавюртовского округа во главе с З. Батырмурзаевым. Партизанское движение началось также в Казикумухском, Кайтаго-Табасаранском и Кизлярском округах.

Характерным для партизанского движения данного периода является то, что «все мужчины были поставлены под ружье»³⁸. «Всеобщий энтузиазм...»,—писал С. М. Киров,—охватил также женщин, детей и стариков, на которых ложится все сложное дело снабжения фронта и повстанческих отрядов»³⁹. Проводилась также политическая работа. «В стан врагов мы писали воззвания,—вспоминает участник этих событий, бывший командир партизанского отряда Али Султанбеков,—несколько человек умевших писать по-русски писали эти воззвания целую ночь. Наши люди с риском для жизни расклеивали их в Шуре»⁴⁰.

³⁵ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 13, л. 12.

³⁶ Там же.

³⁷ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 13, л. 12.

³⁸ С. М. Киров в. Статьи, речи и документы, т. 1, М., 1936, стр. 147.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ЦГА ДАССР, ф. 175, лп. 4, ед. хр. 12.

Восставшие готовились к наступлению на центральные районы, занятые деникинцами. Командование деникинских войск в Дагестане решило немедленно подавить восстание, снарядив против восставших крупные отряды. Деникинское командование направило против партизан Даргинского округа хорошо вооруженный отряд «добровольцев» в составе более 1000 человек под командованием генерала Попова — начальника деникинских сил в Дагестане. Этот отряд должен был нанести поражение основным силам партизан, расстроить их силы и заставить горцев подчиниться власти генерала Деникина. Но партизаны, несмотря на примитивное вооружение и даже отсутствие достаточного количества патронов, решили дать бой деникинскому отряду. Вооружение партизан состояло из винтовок, кинжалов и просто палок. Бой разгорелся у ущелья Ая-Кака.

Когда красные партизаны подошли к Ая-Какинскому ущелью, карательный отряд деникинцев уже прошел Ванаше-Махинскую котловину и, двигаясь на Леваше, подходил к селению Дегва.

Командование отряда переоценило свои возможности и, игнорируя партизан как боевую силу, направило отряд по долине без флангового и тылового охранения. Крутые, почти совершенно отвесные склоны ущелья практически исключали возможность фланговых охранений.

Когда колонна противника втягивалась в ущелье, все командные высоты на его склонах уже были заняты партизанами. Головной выход из ущелья также блокировался. Партизаны находились вне поля видимости противника. Их позиции были укреплены самой природой и располагали хорошими естественными прикрытиями в виде каменных глыб, утесов, расщелин, оврагов, кустарников и др.⁴¹

Противник, лишенный возможности развертывания активных действий, сжатый на узком пространстве, без хороших прикрытий, представлял собой ничем не защищенную мишень для огня красных партизан.

Карательный отряд генерала Попова состоял примерно из следующих частей: отряд особого назначения, укомплектованный из офицеров батальона пехоты и пленных красноармейцев (деникинцы обычно вооружали пленных красноармейцев и направляли их против горцев, но эти солдаты плохо воевали и часто переходили на сторону партизан), двух пластунских батальонов, сотни дагестанского конного полка и кавалерийской казачьей части. Корпусу были приданы 8 орудий разного калибра и 24 пулемета. Генерал Попов со своим

⁴¹ К. Кареев. В горах Дагестана. Махачкала, 1958. стр. 33.

штабом находился в Дешлагаре, а операцией руководил казачий полковник Лавров ⁴².

Рано утром 7 сентября, расставив пулеметы на возвышенности, карательный отряд открыл огонь и начал наступление. Красные партизаны, укрывшись за естественными преградами, стреляли в крайнем случае, когда враг бросался в атаку. Это объяснялось недостатком боеприпасов.

Руководители партизан направили во все селения людей с заданием любой ценой достать патроны.

К вечеру были доставлены патроны. Трудящиеся-горцы доставали оружие, патроны и все необходимое для фронта. Участники восстания против деникинщины в своих воспоминаниях пишут, что горцы отдавали все имеющиеся у себя: быков, лошадей и другие ценности—за винтовки и шли на фронт ⁴³.

«Мы получили сообщение из Дешлагара,—вспоминает бывший красный партизан А. Ашурлаев,—о том, что деникинцы идут и грозят разорить все аулы восставших, убить всех, даже женщин и детей.

К следующему утру отовсюду в Ая-Кака начали стекаться толпы народа, вооруженные даже пиками и палками. Сюда шли даже женщины и старики. Когда передовые части деникинцев подошли к мельнице у начала горы, из-за каждого камня, из-за каждого уступа, с каждой сакли хуторов Ая-Кака, как горох посыпались выстрелы» ⁴⁴.

Всю ночь продолжалась жестокая битва. Утром деникинцы усилили атаки, решив во что бы то ни стало прорвать фронт. Красные партизаны прилагали большие усилия, чтобы сдержать их напор. В самые трудные минуты боя, отряды партизан пробирались в тыл белых и поднимали там панику, что ослабляло бдительность деникинцев. Партизаны обстреляли их обоз и вывели из строя артиллерию, после чего перешли в атаку. Партизанские отряды в ходе боя создали такие условия, что деникинцы не могли не только наступать или защищаться, но даже отступать. В этом бою принимали участие также женщины и дети.

Бой с карательным отрядом кончился победой восставших красных партизан. Из тысячного отряда деникинцев мало кто сумел уйти. Партизаны захватили несколько орудий со снарядами, пулеметы, много винтовок и патронов ⁴⁵.

Воспользовавшись военными трофеями, красные партизаны укрепили свои отряды, организовали их обучение.

⁴² Борьба за власть Советов в Дагестане (сборник восп.), 1957 г. Махачкала, стр. 34.

⁴³ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 4, ед. хр. 27.

⁴⁴ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 4, ед. хр. 13.

⁴⁵ Газета «Красный Дагестан» № 74, 1 апреля 1925 г.

Восставшие освободили от деникинцев почти все селения Даргинского округа, расправились с деникинскими ставленниками.

Весть о победе партизан над карательным отрядом с быстротой молнии облетела все уголки Дагестана и подняла боевой дух горцев, вселила в них решимость бороться с врагом до победного конца.

Одновременно с этим произошла большая битва красных партизан с белогвардейцами у Салтинского (Куппинского) перевала. Сотня казаков, узнав о разгроме отряда полковника Лаврова под Дешлагаром, оставила Кумух и присоединилась к Гунибскому гарнизону. Командир Гунибского отряда деникинцев полковник Шокали, имевший в своем распоряжении крупные силы и артиллерию, совместно с подошедшей сотней из Кумуха, предпринял карательную экспедицию против восставших гергебильцев. 7 сентября, окружив тремя казачьими сотнями аул Гергебиль, Шокали наложил на жителей контрибуцию в 250 тысяч рублей. Отряд деникинцев хотел ударить по партизанам с тыла, организовав наступление на Левашу.

Несмотря на то что шли сильные бои с деникинцами в Ая-Кака, штаб обороны в Левашах выделил крупный отряд партизан и направил на помощь гергебильцам. Восставшие гергебильцы (аварцы) совместно с даргинскими партизанами окружили деникинский отряд насильников и разгромили его.

Полковник Шокали, 6 офицеров и более 100 солдат были убиты. Оставшиеся деникинцы отступили на Гуниб, где были разгромлены партизанами 18 сентября при взятии ими Гуниба. Около 100 солдат было взято в плен.

«После первых успешных боев в Даргинском округе, — сообщала бакинская газета «Беднота», — повстанческое движение охватило округа, примыкающие в Чечне, где взята крепость Гуниб с большой военной добычей (90 орудий), а гарнизон в 400 чел. был уничтожен»⁴⁶.

Партизаны Кюринского округа решили в первую очередь разоружить деникинский гарнизон, находившийся в окружном центре. Многочисленная армия партизан, вооруженная чем попало (у кого кинжал, у кого берданка и считанное количество патронов), вступила в бой.

Казачий гарнизон в Касумкенте был хорошо вооружен. Плохо вооруженным частям партизан приходилось брать укрепленные здания крепости только длительной осадой.

Осажденному казачьему отряду пытались оказать помощь из Дербента. Однако в 3-х километрах от Касумкента отряд деникинцев был окружен и разбит.

⁴⁶ Бакинская газ. «Беднота», № 5, 20 сентября 1920 г.

В результате ожесточенных боев деникинский гарнизон в Касумкенте был уничтожен. Эта победа дала возможность вооружить партизан, так как было захвачено 1800 винтовок, около 2 миллионов патронов, 4 пулемёта «Максим» и 2 ручных пулемета⁴⁷.

На третий день после взятия Касумкента был созван окружной съезд, где был избран Революционный комитет в составе т. т. Юзбекова, Акимова, Сафаралиева и других⁴⁸.

Революционный комитет занялся вопросами создания постоянных партизанских отрядов и ведения партизанской войны до полного уничтожения деникинцев. Во все аулы были направлены авторитетные организаторы для проведения набора партизан и сбора для них продуктов. В течение нескольких дней создаются конные и пешие партизанские отряды до 1 тысячи бойцов.

Важно также отметить связь восставших горцев. До начала наступления на Дербент руководители партизан Кюринского округа предупредили Самурский, Кайтаго-Табасаранский и Даргинский округа о готовящемся выступлении и просили оказать посильную помощь. Эти округа быстро откликнулись на зов кюринцев. На помощь восставшим от Даргинского округа прибыло 200 человек, от Кайтаго-Табасаранского—500 и от Самурского более 100 человек; кюринские партизанские отряды располагали более чем 1000 бойцами, из которых 400 конных⁴⁹.

Нужно сказать и о том, что инициаторы восстания знали, что борьба против деникинщины начинается повсеместно. «Мы знали, — говорит т. З. Эфендиев, один из организаторов партизанского движения в Южном Дагестане, — о том, что восстание начнется во многих округах Дагестана, но об этом здесь (на съезде—М. В.) говорить нельзя было»⁵⁰.

Партизанским движением был охвачен почти весь Дагестан. Весь тыл Деникина восстал против него. В. И. Ленин, указывая на неизбежность победы Советской власти над Деникиным, писал: «Не удастся восстановить им царской и помещичьей власти. Не бывать этому! Крестьяне восстают уже в тылу Деникина. На Кавказе ярким пламенем горит восстание против Деникина»⁵¹.

Вдохновляемые Коммунистической партией в борьбе за Советскую власть, красные партизаны Дагестана, объединявшие в своих рядах более 10 тысяч человек, в сентябре 1919 года разгромили деникинские гарнизоны почти во всем

⁴⁷ Борьба за власть Советов в Дагестане. М-Кала, 1957, стр. 88.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, ед. хр. 1, л. 1.

⁵⁰ В боях за власть Советов, стр. 206.

⁵¹ В. И. Ленин, т. 30, стр. 51.

нагорном Дагестане. В руках деникинцев остались только города и селения, расположенные в полосе железной дороги.

Новым этапом в развитии партизанского движения в Дагестане является восстановление Дагестанского обкома РКП(б) и создание Совета Оборона.

Кавказский Краевой Комитет РКП(б) в середине августа, обсудив положение в Дагестане в связи с развернувшимся народным восстанием против деникинских полчищ, постановил оказать поддержку партизанам, выделить из состава Кавказского Краевого комитета РКП(б) секцию по горским делам, создать Дагестанский обком РКП(б) и немедленно направить его в Дагестан для руководства восстанием. Одновременно Кавказский краевой комитет просил ЦК партии оказать помощь восставшим горцам Дагестана⁵².

В соответствии с решением Кавказского Краевого комитета РКП(б) 4 сентября 1919 года в г. Баку состоялось заседание дагестанских деятелей-коммунистов, на котором присутствовали т. т. Казбеков, Коробов, Магомед Далгат, Тихонов, Атаев, Ибрагим Аминтаев, Ибрагим Махмудов и другие. Здесь были обсуждены вопросы о развитии партийной работы в Дагестане, о восстановлении советских органов, об организации партизанской войны против «добровольцев». Собрание, признавая верховным органом Горскую секцию Кавказского Краевого Комитета партии, избрало Временный Дагестанский областной комитет партии в составе Казбекова, Коркмасова, Коробова, М. Далгата и других⁵³.

Временный Дагестанский областной комитет РКП(б) на своем заседании от 13 сентября 1919 года обсудил вопросы о снабжении партизан Дагестана и о наборе и отправке офицеров в Дагестан.

На этом же заседании Обком постановил: в связи с начавшимся восстанием трудящихся горцев признать необходимым немедленный выезд Областного Комитета партии в Дагестан⁵⁴. В 20-х числах сентября 1919 года Дагестанский областной комитет партии переехал в Дагестан и расположился в с. Леваша, где находился и штаб партизан.

Обком РКП(б) укрепил связи с первичными партийными организациями, создал новые партийные организации и сосредоточил свою деятельность на руководстве вооруженным восстанием, на создании постоянного войска для борьбы с Деникиным, на укреплении дисциплины в войсках.

Дагобком партии обратился с воззванием к трудовому народу Дагестана, «...Мы призываем весь народ Дагестана, — говорилось в воззвании, — к решительной и беспощадной

⁵² Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2, лл. 2—3.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, стр. 3.

борьбе против черных сил царского генерала Деинкина и всех своих офицеров и беков, изменников народа, торгующих его свободой, своей совестью, религией и всем, что свято чтит народ.

Мы приветствуем восставших с радостью, ибо мы считаем его одним из самых счастливых народов в мире. Народ Дагестана узнал своих врагов, стал на верный путь борьбы и освобождения. В победу его мы глубоко верим...

Мы призываем к решительной и беспощадной борьбе и в ваших рядах будет самоотверженно бороться наша партия, единственная партия, защищающая действительно интересы трудящихся и его свободу...

Мы призываем Вас приступить к борьбе стройными организованными и дисциплинированными рядами, ибо только путем строгой дисциплины, порядка и организованности можно победить врага...

Напрягайте все силы свои, жертвуйте всем своим имуществом, ибо поражение лишит Вас всего, даже ваших жизней и принесет вам позор и бесконечные унижения, а победа вознаградит вас за все ваши лишения...»⁵⁵.

Обком партии развернул среди партизан большую работу.

Нужно сказать, что деятельность Дагестанского обкома партии протекала не очень гладко, много было трудностей в его работе по руководству восстанием. Это объясняется тем, что Дагестан являлся отсталой окраиной страны, где еще сильно было влияние мусульманской религии на народные массы, говорившие на различных языках.

Руководствуясь указаниями Кавказского Краевого Комитета партии и учитывая необходимость организации власти, Дагестанский обком создал Совет народной обороны⁵⁶, который должен был руководить как военными действиями на фронтах против Деникина, так и хозяйственной и политической жизнью восставших округов. В состав Совета народной обороны вошли 2 представителя духовенства, 5 представителей горского меджлиса и 10 представителей Дагестанского областного комитета партии⁵⁷. Таким образом, большинство в Совете народной обороны имели представители Дагобкома РКП(б).

Перед Обкомом партии и Советом народной обороны стояла серьезная задача—правильно разобраться в сложной политической обстановке, сложившейся в тот период в Дагестане, умело использовать все силы, стоявшие против Деникина.

⁵⁵ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 15, стр. 10.

⁵⁶ Архив Ростовского обкома КПСС, ф. 12, оп. 24, д. 7, л. 2.

⁵⁷ Архив Ростовского обкома КПСС, ф. 12, оп. 24, д. 7, л. 2.

Назревшим был также вопрос о создании регулярной армии на базе партизанских отрядов и организации централизованного их снабжения оружием и продовольствием.

Существовавшие партизанские отряды не обладали высокой боеспособностью в силу ряда причин, главными из которых являлись: большая текучесть в частях, т. к. каждый боец приходил на фронт на 15 дней, потом уходил и заменялся другим, формирование партизанских отрядов происходило исключительно по территориальному признаку. Каждое село содержало свой отдельный отряд, каждый участок свой штабик, каждый округ также имел свой штаб. Военными операциями руководили не специалисты. Плохо было поставлено взаимодействие партизанских отрядов. Не было налажено централизованное снабжение отрядов вооружением, боеприпасами и продовольствием. Все это отрицательно сказывалось на боеспособности партизанских отрядов.

20 октября 1919 года Совет обороны Дагестана обсудил вопрос об организации вооруженных сил и поручил Военному отделу немедленно заняться вопросами организации армии⁵⁸. Совет обороны предоставил Военному отделу право перегруппировки войск, издания приказов о наступлении и отступлении, назначения и увольнения лиц командного состава⁵⁹. Большое место в деятельности Совета обороны занимают вопросы снабжения фронта оружием, боеприпасами и продовольствием. Совет обороны решил обложить население патронами по 5 штук на каждое хозяйство, владельцев крупных торговых заведений — по 200 штук; мелких — по 100 штук; заготовить и доставить продовольствие из богатых плоскостных районов; организовать сбор теплых вещей в округах, обратиться за помощью в этом деле к братским народам Азербайджана и Грузии⁶⁰.

Еще 19 сентября на своем заседании Дагобком РКП(б) признал необходимым здесь же, в Баку, назначить главнокомандующего, которому бы подчинялись все офицеры, а при нем политического комиссара (одного из членов Обкома РКП(б))⁶¹.

Кавказский Краевой Комитет направил в Дагестан военных специалистов для организации регулярных частей. Были направлены артиллеристы, пулеметчики, подрывники, оказана помощь людьми.

В ходе восстания против деникинцев образовалось несколько фронтов в разных направлениях. На Темир-Хан-Шуринском фронте красные партизаны подошли почти к самому

⁵⁸ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. II, лл. 75—76.

⁵⁹ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. II, лл. 75—76.

⁶⁰ Очерки Истории Дагестана т II, Махачкала, 1957, стр. 81.

⁶¹ ЦГА ДАССР, ф. р. 608, оп. I, д. I, лл. 6—7.

городу и были около шуринских садов. Со стороны Аркаского прохода фронт занимали гунибцы, они имели там свой штаб, а со стороны Кизильярских высот и далее вправо. были даргинцы, лакцы и частью кумыки. Основная масса партизан на этом фронте состояла из участников прошлых боев у Дургели и Кадара. Во главе многих отрядов стояли большевики и во всех штабах они принимали самое активное участие ⁶².

С утра 3 октября началось наступление партизанских отрядов на Темир-Хан-Шуру с трех сторон: со стороны хребта Каркар и линии железной дороги, со стороны сел. Буглень и, наконец, со стороны Манас-аула. Наступление велось при поддержке артиллерийского огня.

На следующий день, 4 октября, партизаны расположились в садах, расположенных вблизи Шуры. После артиллерийской подготовки партизаны начали упорное наступление, которое постепенно полукольцом охватило Шуру. Сбивая казачьи отряды с укрепленных позиций, партизаны подошли близко к Шуре и начали осаду ⁶³.

Взять Шуру тогда все же не удалось и партизаны вынуждены были отступить до Кизильярских и Аркаских высот. Эти высоты служили для них естественной оборонительной линией. Попытки партизан овладеть Темир-Хан-Шурой не увенчались успехом. Но они не расходились по домам, как это бывало раньше после неудачных боев. Отряды партизан стояли у Кизильярских и Аркаских высот вплоть до взятия Шуры в марте 1920 года; все попытки деникинцев расстроить фронт разбивались о железную стойкость красных партизан. Зимой, по колено в снегу на Кизильярских высотах, где даже летом бывает очень холодно, красные партизаны безропотно выносили все тяжести борьбы.

На Дербентском фронте действовали красные партизаны Кюринского, Самурского и Кайтаго-Табасаранского округов. Через Мамраш на Дербент наступал полторатысячный партизанский отряд под командованием Юзбекова, Акимова и Аллахверди ⁶⁴. С северной стороны прибыли два отряда из Кайтаго-Табасаранского округа во главе с Абдуллой Кемахским и Али Гамринским.

Сюда прибыли также отряды из Маджалиса, Сургинского участка и многих аулов Даргинского округа. В начале сентября 1919 года около 7 тысяч партизан осадили город Дербент и участок железной дороги от Самурского моста до Дагестанских огней.

⁶² Газ. «Красный Дагестан», № 74, 1 апреля 1925 г.

⁶³ Газ. «Беднота» № 23, 18 октября 1919 г.

⁶⁴ Борьба за власть Советов в Дагестане, Махачкала, 1957 г., стр. 88—89.

Деникинские войска, отступив в Дербент, успели организовать сильную оборону. Они имели до 4 тысяч белоказаков, две полевых пушки, свыше десятка пулеметов, бронепоезд, пароход с дальнобойными орудиями, колючую проволоку вокруг города и т. д.

Взять Дербент почти неорганизованной, хотя и многочисленной армией было невозможно.

Партизанское движение против деникинщины разгоралось с каждым днем. Пламя партизанской войны охватило Кумыкскую плоскость. Созданный в ходе движения Чечено-Кумыкский Военно-революционный комитет⁶⁵ организовал партизанские отряды. Ведущей силой в партизанском движении в Хасавюртовском округе был отряд красноармейцев XI армии, оставшийся здесь во время её отступления с Северного Кавказа в Астрахань.

Военно-революционный комитет во главе с З. Батырмурзаевым обратился к рабочим и крестьянам с воззванием, в котором говорилось: «Кумыкский военно-революционный комитет приступил к организации Красной Армии. Мы уже вошли в связь с красноармейцами и получили от них из Астрахани большую помощь. Товарищи! Спешите в Красную Армию. Наши русские товарищи бьют Деникина на севере. Нам нужно напасть на него с тыла, чтобы приблизить конец кровавого генералу»⁶⁶.

В сентябре 1919 года партизанский отряд развернул наступление на деникинские гарнизоны. Наступление отряда было поддержано аульской беднотой. В результате совместных действий партизан и населения были разгромлены деникинские гарнизоны почти во всех аулах. В первых числах октября партизанский отряд осадил гарнизон деникинцев в Хасавюрте.

Краснопартизанский отряд т. Батырмурзаева установил тесную связь с Камышанским партизанским отрядом, организованным в камышах под Кизляром и состоявшем из красноармейцев, отставших от своих частей, и жителей Кизлярского и Хасавюртовского округов. Камышанский партизанский отряд, руководимый тт. Михеевым, Борисенко, Гришко, Кулигиным и другими, стал грозной силой.

Отрядом была уничтожена карательная экспедиция генерала Шпаковского. Партизаны громили маршевые части противника, его транспорт с боеприпасами и продовольствием, белогвардейские гарнизоны селений и хуторов. В результате

⁶⁵ ЦГАОР и СС, ф. 445, оп. 2, д. 113, лл. 82—84.

⁶⁶ «Дагестанская правда», 8 декабря 1954 г.

под контролем партизан оказалось большое количество населенных пунктов Кизлярского и Хасавюртовского округов.

В первой половине августа партизанским отрядом был осажден даже город Кизляр⁶⁷.

В сентябре 1919 года в Дылым приехали представители от штаба Батырмурзаева: А. Юсупов, Б. Сатыбалов, Х. Аджиев, Хасбулатов и др. Вместе с представителями Салатавии они решили организовать партизанский отряд со штабом в Дылыме... Буквально за несколько дней в отряд записалось более 200 человек, в него вошло более 30 кумыкских партизан. Командиром конного отряда стал Ш. Эсенбулатов, а пешего—Гусейнов Абакар.

Отряды организовали оборону Салатавии и несколько раз отбивали попытки белоказаков пройти в Дылым. Численность отрядов увеличилась до 300 человек. Отряд имел связи с т.т. Гикало, Батырмурзаевым и Камышанскими партизанами.

Салатавские партизаны помогли Андрей-аульцам прогнать белоказаков, приехавших с целью мобилизации в армию Деникина.

Из Левашей они получали указания, бакинские газеты, листовки⁶⁸. В военных действиях против деникинцев участвовали также партизаны Казикумухского, Самурского и других округов Дагестана.

«Все общественное мнение Кавказа приковано к начавшемуся в конце августа восстанию горских народов,—сообщал С. М. Киров В. И. Ленину—...восстание против Деникина охватило почти весь Кавказ и все его народы. Кроме кучки изменников и предателей-офицеров, продавшихся Деникину, все слои горских народов, не имея ниоткуда помощи, но доведенные до отчаяния зверствами Деникина, решительно отказались платить наложенную контрибуцию, дать требуемые полки для борьбы против Советской власти и с одними винтовками и кинжалами бросались в кровавый бой с офицерско-казацкими бандами, решив победить или умереть»⁶⁹.

Попытки партизан овладеть городами: Темир-Хан-Шурой, Дербентом, Хасавюртом и Кизляром не увенчались успехом из-за недостаточной организованности отрядов и отсутствия общего командования. Для освобождения городов, занятых технически оснащенной, до зубов вооруженной регулярной армией врага, у красных партизан не хватало ни знания военного искусства, ни запасов боевого снаряжения, ни артиллерии против броневиков и судовой артиллерии Каспийской флотилии противника⁷⁰.

⁶⁷ В боях за власть Советов, Махачкала, 1957, стр. 149.

⁶⁸ В боях за власть Советов, М.—Кала, 1957, стр. 179.

⁶⁹ «Вопросы истории» 1947, № 7, стр. 17.

⁷⁰ ЦГА ДАССР, ф. 175, ед. хр. 151, лл. 9—12.

Коммунистическая партия придавала восстанию горцев против Деникина большое значение и оказывала горцам помощь людьми, вооружением и деньгами.

О заботе Коммунистической партии и В. И. Ленина о горцах свидетельствует то, что решением Реввоенсовета республики содержание партизанских отрядов производилось за счет бюджета XI армии и средства на это были переведены Крайкому партии⁷¹. Только в октябре, ноябре и декабре 1919 года С. М. Киров, выполняя указание Ленина, послал десятки миллионов рублей Крайкому партии для помощи партизанам.

Личный секретарь С. М. Кирова т. Козлов в своих воспоминаниях писал: «Когда тов. Кирову стало известно о захвате села Леваша и о том, что движение в Дагестане расширяется, он отдал приказание отправить в Дагестан 500 винтовок, 13 пулеметов и несколько пудов взрывчатки. Все это было погружено на попутные катера Бакинского комитета партии и благополучно доставлено в Дагестан. Одновременно тов. Киров направил своего делегата к партизанам Терека, Грозного и требовал их поддержки дагестанцев»⁷².

Через Астрахань, ставшую единственным каналом, связывавшим центр страны с Кавказом, осуществлялось руководство Центрального Комитета Коммунистической партии, отсюда непрерывно шла помощь великого русского народа трудящимся Кавказа, героически боровшимся против английских интервентов и деникинщины.

Через Астрахань партия отправляла на Кавказ сотни испытанных борцов, отдавших самое дорогое — свою жизнь за свободу и счастье трудящихся Дагестана и других народов Кавказа. Отправляя их в кавказский тыл Деникина, С. М. Киров говорил им: «Если придется умереть, то надо умереть смертью, достойной большевика. Пусть проклятый враг содрогнется перед нашей большевистской твердостью. Пусть в нашей смерти он увидит бессмертие нашего дела»⁷³.

Восставшему народу Дагестана большую помощь оказывал также революционный пролетариат города Баку. Большевики Баку систематически направляли в Дагестан рабочих-большевиков, которые принимали активное участие в руководстве восстанием.

Из Баку непрерывно приезжали в Дагестан бойцы, военные специалисты, командиры и инструкторы. Для снабжения

⁷¹ «Вопросы истории КПСС», № 4, 1957, стр. 58.

⁷² «Вопросы истории», 1947, № 7, стр. 17.

⁷³ Н. Э м и р о в. Из истории борьбы за установление Советской власти в Дагестане, Махачкала, 1957., стр. 19.

партизанских отрядов Бакинские большевики послали в Дагестан много денег, оружия и другого снаряжения.

В одном из своих писем в Астрахань С. М. Кирову, бакинские большевики писали: «Нами отправлены военные специалисты, которым дано указание организовать регулярные части... оказываем помощь — чем возможно — людьми, деньгами и т. д. Отправлены туда артиллеристы, пулеметчики, подрывники, командный состав»⁷⁴.

Только в сентябре 1919 года на Дербентском фронте сражалось более 200 красноармейцев, посланных из Баку⁷⁵. В январе 1920 года по решению Бакинского Комитета РКП(б) в Дагестан была направлена большая группа руководящих работников для оживления партийно-политической работы в партизанских отрядах.

Видя, что партизанское движение на Кавказе и в Дагестане нарастает, представители Антанты решили усилить помощь деникинцам. А меньшевистское правительство Грузии усилило помощь людьми, вооружением и деньгами Узун-Хаджи, надеясь использовать его в своих интересах. Мусаватисты Азербайджана всячески пытались овладеть партизанским движением в Дагестане. Они послали в Дагестан в качестве своих агентов группу турецких офицеров. Одним из них был Казим-бей, которому удалось взять в свои руки командование антиденикинским фронтом в Дагестане⁷⁶. Игнорируя большевистскую часть Совета обороны, Казим-бей препятствовал большевикам в руководстве партизанским движением⁷⁷. В письме к Али Гаджи Акушинскому он писал: «Я буду выполнять лишь твои повеления»⁷⁸.

Казим-бей и приехавший позднее Нури-Паша добивались уничтожения всех негодных им командиров и партизан. По указанию Казим-бея предательским выстрелом был убит Казим Рамазанов⁷⁹, прославившийся в боях с деникинцами как талантливый и бесстрашный полководец.

Большевиками было перехвачено письмо Казим-бея на имя Кази-Магомеда Курахского, где он писал: «У нас, кроме врагов-деникинцев, есть еще главные враги — большевики и потому предлагаю убить главаря Юзбекова и вообще всех»⁸⁰.

С целью ослабления и уничтожения живых сил большевистски настроенных отрядов, турки часто оставляли фронт, не сообщая об этом своим соседям — большевистским

⁷⁴ Рук. фонд НИЯЛ Дагфилиала АН СССР, оп. 162, л. 42

⁷⁵ Газ. «Красный Дагестан» № 59 от 14 марта 1923 г.

⁷⁶ Газ. «Дагестанская правда» от 26 мая 1956 г.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 3, д. 235, л. 118.

⁷⁹ Борьба за власть Советов в Дагестане, Махачкала, 1957, стр. 92.

⁸⁰ Там же, стр. 93.

отрядам партизан. Это приводило к тому, что многие отряды партизан оказывались окруженными деникинцами.

Так, Казим-бей не сообщил партизанскому отряду Г. Сафаралиева о своем отступлении из Дербента и отряд был окружен с трех сторон — со стороны Тахта-базара до Орта-Капу, от мельницы до колодца и со стороны Гайдаровского дома⁸¹. Произошел неравный бой, в результате которого пятая часть отряда погибла.

В начале декабря 1919 г. в Касумкенте турецким офицерам удалось вместо Ревкома образовать так называемый исполнительный комитет, куда вошли в основном представители духовенства и богачей. Касумкент после съезда оказался разделенным на два лагеря. В верхней части хозяйничали исполнительный комитет и турки, а нижний квартал находился в руках большевиков⁸². Таким образом, провокаторскими действиями турецкие авантюристы вносили раскол среди народа, единодушно выступавшего против деникинщины.

Трудящимся Дагестана пришлось вести борьбу на два фронта—против деникинских банд и против своих «командующих» Нури-Паши, Казим-бея и других авантюристов из Турции и горского меджлиса. Эту сложную борьбу возглавили руководители Дагестанского областного комитета партии тт. Б. П. Шеболдаев, С. С. Казбеков, Д. Коркмасов, М. Далгат и другие. Партийная организация Дагестана еще более закалилась в этой борьбе, завоевала еще большую популярность в народе.

Благодаря терпеливой самоотверженной работе большевиков, многие авантюристические замыслы врагов Советской власти были сорваны и разоблачены. Большое значение для дальнейшего развертывания партизанского движения имело то, что большевики сорвали попытку антисоветских сил заключить перемирие с деникинцами.

Областной комитет партии, имея ввиду возможные попытки со стороны отдельных лиц заключить мир с Деникиным, писал: «Всякий честный дагестанец, в ком сохранилась капля совести, безусловно согласится умереть в честном бою, чем путем раболепства искать спасения и просить пощады у беспощадного врага»⁸³.

Враг любыми средствами старался ослабить ряды партизан, с этой целью он пытался использовать колеблющиеся элементы вроде Али-Гаджи Акушинского и др., шел на шантаж и запугивание населения репрессиями.

⁸¹ Там же.

⁸² Борьба за власть Советов в Дагестане, М-Кала, 1957, стр. 95.

⁸³ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 8, оп. 1. д. 11, лл. 70—72.

Командование деникинских частей не раз обращалось к восставшим горцам с угрозами требуя выдачи большевиков, призывавших к восстанию. В приказе генерала Драценко говорилось: «Аулы, не сдавшие большевиков и оружие, будут разрушены, а люди перебиты»⁸⁴.

Все эти угрозы о страшных насилиях над партизанами и им сочувствующими не имели успеха. Горцы не поддавались на провокации.

Авантюра турок также была разоблачена.

«На этой аванюре, — писал Шеболдаев, — мы их разгромили, отобрали 2 орудия, разогнали наступавшую банду, захватили фронт в свои руки, арестовали 35 турок и других контрреволюционных командиров, укрепили фронт и уже перейдем завтра в наступление»⁸⁵.

Кавказский Краевой Комитет РКП(б) по поводу успешных действий Дагестанского областного комитета партии по ликвидации авантюры Нури-Паши, Казим-бея и их сподручных 15 марта 1920 года писал: «Мы находим Ваши действия и позицию вполне правильными»⁸⁶.

После разоблачения турецких авантюристов ряды партизан значительно укрепились. Началась тщательная подготовка к наступлению и к освобождению городов Темир-Хан-Шуры, Петровска и Дербента от деникинцев.

В успешном завершении борьбы красных партизан решающую роль сыграла героическая Красная Армия, встреченная с восторгом горцами Дагестана. «В ней они видели избавление от страшных мучений, надежду начать новую жизнь в семье многомиллионной Советской России, — говорил С. М. Киров⁸⁷. Красная Армия во главе с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым к началу 1920 года вступила в пределы Северного Кавказа. 8 января 1920 года она освободила Ростов, 29 февраля — Ставрополь, 24 марта — Грозный и подошла к Дагестану.

К этому времени партизанские отряды горцев Дагестана, всю зиму сдерживавшие натиск врага под Дербентом и на высотах Кизиль-Ярского перевала — у входа в горный Дагестан, окрепли и закалились.

В начале марта 1920 года в Дагестане действовал двухтысячный коммунистический отряд и шесть тысяч, идущих за ним⁸⁸. Воодушевленные победоносным маршем Красной Армии, партизанские отряды перешли в наступление.

⁸⁴ Газ. «Вестник Дагестана» от 29 октября 1919 г. № 23, стр. 2.

⁸⁵ Ростовский обл. партархив, ф. 19, оп. 25, д. 24, лл. 9—18.

⁸⁶ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 42, лл. 20—21.

⁸⁷ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. 1, М., 1936, стр. 221.

⁸⁸ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. 1, стр. 205—206.

Предварительно была проведена большая подготовительная работа.

Дагестанский обком партии усилил партийную работу на фронтах. Из коммунистов были созданы фронтовые ячейки, комитеты фронтов, которые вели работу по усилению влияния партии в восстании. Большую работу проделал т. Дьяков, направленный Кавказским Краевым Комитетом РКП(б). Он возглавил большевистскую организацию на Дербентском фронте.

Ряды дагестанских красных партизан цементировались русскими красноармейскими частями. Красноармейский отряд в январе 1920 года занял кумыкскую линию от Александрийской станицы по берегу и по железной дороге до Хасавюрта. Как сообщал С. М. Киров, этот отряд был очень радушно принят кумыками, установившими по аулам Советскую власть⁸⁹. Темир-Хан-Шуринский и Дербентский фронты, где совместно с партизанами сражались русские красноармейцы были опорой Советской власти.

В первых числах марта 1920 года партизаны Дербентского фронта, блокировавшие Дербентский гарнизон врага более 7 месяцев, перешли в наступление. В Дербенте находилось свыше 3-х тысяч деникинцев. При помощи и под руководством Бакинского Комитета и Дагестанского обкома партии командование фронтом и партийная организация провели большую организационную и политическую работу по подготовке к наступлению. Командующим Дербентским фронтом был назначен Алахверды Акимов, один из инициаторов и руководителей партизанского движения в Южном Дагестане, заместителем его тов. Королев, Военно-революционный штаб возглавлял т. Дьяков⁹⁰.

В своем приказе № 1 новый командующий обратился к народам Южного Дагестана с призывом встать, как один, на окончательный разгром деникинцев и освобождение города Дербента. Необходимо отметить, что за время пребывания у власти турецкого командования первый подъем партизанского движения в Южном Дагестане спал настолько, что в феврале 1920 г. на фронте осталось 500—600 дагестанцев⁹¹.

Своими варварскими методами управления турецкие офицеры разогнали партизан. Теперь на призыв нового командования фронтом откликнулись все аулы Южного Дагестана. Это был новый большой подъем трудящихся. В результате этого подъема за 2—3 дня на Дербентском фронте количество бойцов увеличилось до 6 тысяч человек⁹².

⁸⁹ Журнал «Звезда» (3), 1927, М.Кала, стр. 17.

⁹⁰ Борьба за власть Советов в Дагестане, М.Кала, 1957, стр. 133.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, стр. 135.

24 марта в селении Джалган состоялось совещание штаба Дербентского фронта, на котором было решено начать всеобщее наступление на Дербент рано утром 25 марта. На совещании был разработан подробный план операции.

По этому плану было намечено нанести главный удар с юга вдоль железной дороги и берега моря, отрезав деникинцам возможность отступления в Азербайджан. На правый фланг были стянуты все основные силы. Здесь находился знаменитый Дербентский партизанский полк—свыше тысячи бойцов, две тысячи горцев, лучших стрелков, четыре пушки и восемь пулеметов. До начала наступления в город были брошены листовки с призывом к солдатам переходить на сторону партизан. Наступление началось точно по плану — 25 марта в 5 часов утра.

Оперативная сводка штаба Дербентского фронта от 25 марта 1920 года сообщала следующее: «В ночь на 25 марта наши части повели всеобщее наступление на город Дербент. Несмотря на сильный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь со стороны противника, они после двухчасового боя вступили и заняли город.

Ввиду того, что на город наступление велось с трех сторон, а пароходов у Дербента не было, силы противника, находившиеся в городе, частично перешли на нашу сторону во время боя, а частично захвачены в плен.

Захвачено большое число трофеев...⁹³

Части Дербентского полка вошли в город с юга, лезгинские партизаны стремительным натиском овладели северной и восточной частями города.

В самом начале наступления красных партизан на город с вокзала двинулся броневой поезд, рассчитывая пробиться в Петровск, но партизанами он был остановлен на 5 версте от Дербента. Все имущество, погруженное в поезд было захвачено⁹⁴. Красным партизанам досталось до 1500 винтовок, около 300 тысяч патронов, до 20 пулеметов⁹⁵. Было взято около 3-х тысяч пленных.

Участники этих боев вспоминают, что красным партизанам оказывалась активная помощь жителями города Дербента. Горожане с готовностью указывали места, где укрылись белые солдаты, или где были запасы оружия и продуктов⁹⁶.

Красные партизаны Южного Дагестана проявили подлинный героизм в этих последних боях. Штурм Дербента был настолько стремительным, что деникинские части, несмотря

⁹³ ЦГАОР, ф. 3611, оп. 1, д. 15, л. 13.

⁹⁴ Архив Дагфильнала ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 42, л. 30.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Бюллетень Совета Обороны, № 2, 1 апреля 1920 г.

на упорное, отчаянное сопротивление, не смогли продержаться и несколько часов. Ворвавшись в город с юга и северо-востока партизаны квартал за кварталом очищали от врага и к концу дня окружили гарнизон и штаб деникинских войск. После нескольких залпов по штабу из окна гостиницы, где помещался штаб, был выброшен белый флаг. Враг капитулировал. Дербент был освобожден от деникинцев.

В боях за освобождение Дербента от деникинщины еще более укрепились узы дружбы народов различных национальностей, установилась крепкая спайка и доверие друг к другу. Всех трудящихся — русских, азербайджанцев, грузин, лезгин, даргинцев и других объединяла одно стремление — разбить общего врага и освободить Дербент и весь Дагестан от деникинцев.

Успешные боевые действия краснопартизанских отрядов Кизил-Ярского фронта и победоносное наступление Красной Армии на Кавказе дезорганизовали деникинские части, в них появилось много дезертиров, настроение солдат было подавленное.

Все это позволило командованию фронта начать подготовительную работу к переходу в наступление на Темир-Хан-Шуру. 27 марта был освобожден город Темир-Хан-Шура — столица Дагестана.

Остатки деникинцев спешно отступали в сторону Петровска. В Петровске под командованием деникинского генерала Драценко, находилось значительное количество сухопутных и морских сил деникинской армии, отступавших сюда с Кубани, из-под Астрахани и даже из-за Каспия. Здесь сосредоточились, таким образом, остатки добровольческой Северо-Кавказской Армии. Главное ядро этих частей составляло офицерство, численность которого превышала несколько тысяч человек⁹⁷. По агентурным данным в Петровске скопилось до 7 тысяч войск⁹⁸.

Приближение частей Красной Армии, наступление партизанских отрядов с Темир-Хан-Шурина и с юга создавали тяжелое положение для деникинцев в Петровске. В рядах деникинской, так называемой, добровольческой армии начался полный развал. Солдаты не хотели больше воевать и, рассчитывая получить отдых, уходили к победителям в горы. Перепуганное офицерство срывало погоны и гоже дезертировало с солдатами⁹⁹. Бросая награбленное добро, деникинские офицеры спешно погрузились на пароход и ушли на юг. «В ночь на 29 марта, — писала газета «Голос России», —

⁹⁷ Газ. «Азербайджан», № 61, 26 марта 1920 г.

⁹⁸ ЦГАКА, ф. 109, оп. 3, д. 217, лл. 61—62.

⁹⁹ Газета «Голос России», № 78, 15 апреля 1920 г.

флот в последний раз обстрелял город и вышел в море. За ним потянулись и все нагруженные пароходы и баржи флотилии. Курс был взят на Энзели¹⁰⁰.

30 марта 1920 года частями героической XI Красной Армии, руководимыми Кировым, Орджоникидзе и Тухачевским, совместно со спустившимися с Темир-Хан-Шурина фронта и подошедшими с юга красными партизанами, был освобожден город Петровск и этим самым завершено освобождение всего Дагестана от деникинцев.

Таким образом, в результате долгой и упорной совместной борьбы частей героической Красной Армии и трудящихся Дагестана банда деникинских насильников была разгромлена, и в Дагестане окончательно установилась Советская власть.

Трудящиеся горцы в лице славных красных партизан Дагестана проявили в борьбе с деникинциной величайшую стойкость и самоотверженность:

«В тяжелые дни, — писал А. И. Микоян в своем приветствии народам Дагестана в связи с пятилетием Советской власти в Дагестане, — когда белые полчища занимали один за другим подступы к пролетарской столице — Красной Москве, дагестанские народы, эти славные горные орлы, оказали величайшую помощь загнанным в контрреволюционные тиски русским рабочим и крестьянам. Народы Дагестана подняли знамя всенародного восстания в тылу Деникина. Они открыли ему новый фронт, отвлекли его силы, помешали продвижению его банд на Советскую Россию»¹⁰¹.

Всенародное партизанское движение в Дагестане против Деникина имело огромное значение. Благодаря руководству Коммунистической партии оно превратилось в новый фронт совместной борьбы горской бедноты и Красной Армии за разгром общего врага и окончательную победу власти Советов в Дагестане.

¹⁰⁰ Газета «Голос России», № 78, 15 апреля 1920 г.

¹⁰¹ Газета «Красный Дагестан» от 1 апреля 1925 г.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ДАГЕСТАНСКОЙ АССР

(Из истории административного районирования республики)

Административно-территориальное деление является одним из существенных моментов, характеризующих государство. От административно-территориального деления во многом зависит правильная организация и деятельность государственного аппарата. Поэтому государство в зависимости от целей, поставленных перед своим аппаратом, проводит это деление.

Основным требованием, предъявляемым к административно-территориальному устройству эксплуататорских государств, является создание наиболее благоприятных условий для функционирования государственного аппарата в целях укрепления политических позиций господствующих классов.

В соответствии с этим и складывалось в таких государствах административно-территориальное деление, которое носило и носит по преимуществу полицейско-фискальный характер. Оно не связано с интересами хозяйственного и культурного развития страны, а представляет собой лишь механическое деление территории, обычно исходящее из ее размеров и численности проживающего на ней населения.

Административно-территориальное устройство Советского государства принципиально отличается от административно-территориального устройства любого эксплуататорского государства. Необходимость нового административно-территориального устройства вытекала из особенностей социалистического государства, как государства нового, высшего типа, из совершенно новых задач, ставших перед ним, из новых принципов советской государственной организации.

Для Коммунистической партии еще до Октябрьской революции было ясно, что пролетарское государство должно будет в корне перестроить унаследованное от царской России

административно-территориальное деление, заменив его таким делением, которое способствовало бы социалистической реконструкции общества и отвечало бы задачам укрепления диктатуры пролетариата.

Административно-территориальное деление царской России не вполне соответствовало даже интересам буржуазного государства, и буржуазия лишь мирилась с его неудобствами, боясь малейшего потрясения основ государственного устройства России.

В. И. Ленин еще в 1916 г. писал, что нельзя даже говорить о какой-либо реформе в России без уничтожения старого средневекового административно-территориального деления и замены его новым¹. Это деление тем более не соответствовало задачам социалистического строительства. Поэтому Советское государство с первых же дней своего существования большое внимание уделило вопросам административно-территориального устройства.

Уже в своих первых актах Советская власть подчеркивала необходимость пересмотра существующего административно-территориального деления, ввиду его полной устарелости. Так, в обращении Народного комиссариата внутренних дел «Ко всем Советам рабочих, крестьянских солдатских и батрацких депутатов» от 24 декабря 1917 г. было предложено местным органам власти, ввиду полной устарелости существующего административно-территориального деления, заняться практической разработкой вопросов об изменении этого деления². Развернувшаяся гражданская война не дала возможности в то время поставить и разрешить этот вопрос. Только в конце 1919 г. VII съезд Советов поручил ВЦИК приступить к его рассмотрению.

Для разработки научно-обоснованного плана административно-территориального деления страны и его практического осуществления требовался известный срок, и в первые годы после Октябрьской революции пришлось сохранить, в основном, прежнюю систему, внося в нее лишь самые необходимые поправки, связанные, главным образом, с образованием национально-территориальных единиц. XII съезд партии, на котором был поставлен вопрос о непосредственном проведении административно-территориального деления, в своем постановлении по этому вопросу указал на то, что прежнее деление не соответствует новым политическим и экономическим потребностям страны. Вместе с тем съезд подчеркивал, что введение новой системы административно-территориального

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 31—32.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР) 1917, № 12, ст. 179.

деления требует осторожного подхода и большого срока для своего окончательного проведения³. Поэтому новая система была введена, в основном, только к 1930 году.

В основу нового административно-территориального деления страны были положены принципы, вытекающие из особенностей Советского государства как социалистического государства, созданного и руководимого рабочим классом, опирающимся на непролетарские массы трудящихся.

Естественно, что основным принципом, положенным в основу административно-территориального деления, был принцип укрепления диктатуры рабочего класса и упрочения союза рабочего класса с крестьянством.

Изменение характера государственной власти, ставшей властью, тесно связанной с трудящимися массами, потребовало такого административно-территориального деления, которое способствовало бы максимальному приближению государственного аппарата к населению.

Советское государство, являясь новым, высшим типом государства, вместе с тем принципиально отличается от других несоциалистических государств и по своей роли в хозяйственной жизни страны. Советское государство непосредственно осуществляет руководство хозяйственной жизнью страны, и территория его является базой социалистического хозяйствования. Поэтому государственный аппарат следовало приспособить к хозяйственным задачам Советского государства и тем самым осуществить единство политического и хозяйственного руководства.

Отсюда возникла необходимость создания такого административно-территориального деления, которое строилось бы с учетом экономических факторов, создавая предпосылки для лучшего обеспечения планового руководства и быстреего развития народного хозяйства страны.

Таким образом, при проведении административно-территориального деления надо было руководствоваться как задачей укрепления диктатуры рабочего класса, его союза с крестьянством и улучшения деятельности государственного аппарата, так и соображениями целесообразной организации управления народным хозяйством и максимального приближения государственного аппарата к населению.

Многонациональный характер Советского государства обусловил необходимость полного учета в системе административно-территориального деления особенностей национального состава населения.

Национальный момент является важнейшим принципом административно-территориального устройства Советского го-

³ «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. 1, изд. 7, стр. 718.

сударства. Это и понятно. Без учета национального момента нельзя полностью провести в жизнь и другие основные принципы советского административно-территориального устройства.

Игнорирование национального момента противоречит задаче укрепления политической основы социалистического государства — Советов, так как оно помешало бы приобщению масс различных национальностей к социалистическому строительству, расширению и укреплению базы диктатуры рабочего класса и его союза с трудящимися всех национальностей страны.

Национальная форма территориальных образований, устраняя межнациональные трения, обеспечивая изживание недоверия между национальностями, укрепляет союз рабочего класса ранее господствовавшей нации с крестьянством ранее угнетавшихся окраин, содействует укреплению социалистического государства. В то же время национальная форма территориального образования в наибольшей степени отвечает и задаче приближения государственного аппарата к населению, ибо только государственный аппарат, действующий на родном для всех национальностей языке, состоящий из людей, знающих местные особенности, становится близким и доступным трудящимся и способствует вовлечению их в государственное управление.

При проведении административно-территориального деления, учёт национального момента в определенной степени является и учетом экономического принципа, так как национальный момент представляет собой серьезный экономический фактор⁴. Но необходимо отметить еще одно обстоятельство.

В. И. Ленин указывал, что целиком и исключительно становиться на почву «национально-территориального» принципа нельзя, так как это могло бы оторвать от городов, которые отличаются пестрым национальным составом и играют важнейшую экономическую роль, тяготеющие к ним территории⁵.

Национальный состав населения учитывался как при образовании республик, автономных областей и национальных округов, так и при образовании районов и сельсоветов.

В результате последовательного осуществления национальной политики Коммунистической партии, была создана система административно-территориального устройства, включавшая ряд национально-территориальных образований, соответствующих экономическим и политическим задачам Советского государства и приспособленных как к националь-

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 33.

⁵ Там же.

ному составу населения, так и к экономическим и бытовым особенностям различных народов СССР.

Подводя итоги большой и сложной работы по административно-территориальному устройству, XIV Всероссийский съезд Советов в своем постановлении по докладу правительства РСФСР отмечал: «Проведением районирования завершена важнейшая проблема государственного строительства РСФСР, при котором административное деление сочетается с экономическими и национальными особенностями данной территории»⁶.

В настоящее время основные задачи административно-территориального устройства СССР осуществлены: построена такая сетка территориальных единиц, которая полностью отвечает требованиям национальной политики Коммунистической партии, обеспечивает необходимое соответствие между административно-территориальным делением, экономикой и политическими потребностями государства.

Однако завершение, в основном, административно-территориального деления вовсе не означает, что в дальнейшем не будет необходимости в территориальных изменениях.

В условиях советского строя административно-территориальное деление не может быть косным и неподвижным, так как оно в этом случае тормозило бы развитие производительных сил и разрешение задач, связанных с движением нашей страны к коммунизму. Отражая на соответствующем этапе определенные условия в развитии нашего государства, оно, с изменением этих условий, должно само видоизменяться.

В то же время интересы укрепления государственного аппарата, экономического и культурного развития населения требуют стабильности административно-территориального устройства, что и обеспечивается Конституцией СССР и конституциями союзных республик, которые устанавливают порядок образования территориальных единиц.

В соответствии с общими принципами административно-территориального устройства Советского государства было проведено районирование и Дагестанской АССР.

Дагестан до присоединения к России не был политически целостной страной. На его территории существовало множество феодальных владений и так называемых «вольных обществ».

Присоединение к России создало благоприятные условия для ликвидации политической раздробленности Дагестана. Но и в первой половине XIX века, вплоть до подавления движения горцев, Дагестан не являлся административно-целостной территориальной единицей. В нем было сохранено, без суще-

⁶ «Съезд Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». М. 1939, стр. 379.

ственных изменений, существовавшее территориальное деление и местное управление. Для феодалов, по-прежнему распоряжавшихся своими владениями, устанавливались лишь некоторые ограничения. В то же время вся территория Дагестана была подчинена военным властям.

Отсутствие в Дагестане единой системы территориального деления и управления объяснялось разнообразием условий и форм прежнего деления и управления и, в особенности, постоянными военными действиями, происходившими на его территории.

После подавления движения горцев 20—50-х гг. XIX века Дагестан, как единая территориальная единица, вошел в состав Кавказского наместничества, что и было официально оформлено «Положением об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом» 1860 года. В параграфе первом «Положения» говорилось, что «в составе Кавказского края образуется особый отдел под названием Дагестанской области».

Часть же равнинного Дагестана (от р. Терек до р. Сулак) была включена в состав соседней Терской области как Хасавюртовский округ.

После образования области постепенно — к 1867 году — сложилось единообразное территориальное деление Дагестана, которое после ликвидации феодальных образований сохранилось без больших изменений до Октябрьской революции. Накануне Октябрьской революции Дагестан делился на 9 округов: Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Самурский и Темир-Хан-Шуринский. Округа в свою очередь делились на участки (до 1899 г. на наибства). Участки состояли из сельских обществ.

Существовавшее ранее административно-территориальное деление сохранилось и после Октябрьской революции. Это было закреплено и в декрете ВЦИК об образовании Дагестанской АССР от 20 января 1921 г., по которому ДАССР состояла из 10 округов⁷ и территории Каспийского побережья.

На территории Каспийского побережья, с присоединением некоторой части территории соседних округов, декретом Дагревкома от 22 июня 1921 г. были образованы Дербентский и Махачкалинский районы⁸. В дальнейшем постановлением Президиума ВЦИК от 16 ноября 1922 г. в состав Дагестанской АССР была включена часть Кизлярского округа с г. Кизляром и Ачикулакский район Прикумского уезда Терской

⁷ Десятый округ, Хасавюртовский, был включен в Дагестан решением Северо-Кавказского ревкома в 1920 г.

⁸ ЦГА ДАССР, ф. 4—р. оп. 3, д. 13, л. 2.

губернии⁹, а постановлением Президиума ВЦИК от 4 января 1923 г. к ДАССР присоединена и оставшаяся, западная часть Кизлярского округа¹⁰.

Таким образом, в результате изменения территориальных границ республики и некоторого изменения административно-территориального деления. Дагестан состоял из 14 округов: Аварского, Андийского, Ачикулакского¹¹, Гунибского, Даргинского, Дербентского, Казикумухского, Буйнакского¹², Кайтаго-Табасаранского, Кизлярского, Кюринского, Махачкалинского¹³ и Хасавюртовского. Округа делились на 61 участок.

Сложившееся административно-территориальное деление, в основном унаследованное от дореволюционного времени, менее всего соответствовало задачам социалистической реконструкции Дагестана. Царское правительство, преследуя определенные политические цели в отношении населения Дагестана, проводило это деление с таким расчетом, чтобы легче было управлять угнетенными народами. При этом правительство нисколько не считалось с условиями экономической целесообразности и удобствами населения, а тем более с национальным составом.

Поэтому после установления Советской власти вопрос административного переустройства Дагестана сразу выдвинулся в число первоочередных.

Дагестанский обком РКП(б) 22 апреля 1921 г., обсуждая вопрос об административно-территориальном устройстве Дагестана, создал комиссию, которой было поручено «собрать весь материал по вопросу о новом административном делении Дагестана, принимая главным образом во внимание принцип экономической сферы влияния, учитывая этнографические, коммуникационные, бытовые и племенные тяготения...»¹⁴.

Первая сессия ЦИК ДАССР 1 созыва (апрель 1922 г.), заслушав доклад НКВД по этому же вопросу, указала на необходимость районирования Дагестана и поручила «административной комиссии ДЦИК разработать детальный план районирования Дагестана...»¹⁵.

⁹ СУ РСФСР, 1922, № 76, ст. 954.

¹⁰ СУ РСФСР, 1923, № 3, ст. 45.

¹¹ Постановлением Президиума ЦИК ДАССР от 12 декабря 1926 г. Махачкалинский, Дербентский, Буйнакский, Ачикулакский районы были переименованы в округа. См. газету «Красный Дагестан», 21 декабря 1926 г.

¹² В 1921 г. города Порт-Петровск и Темир-Хан-Шура были переименованы соответственно в гг. Махачкала и Буйнакск, а Темир-Хан-Шуринский округ — в Буйнакский.

¹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 4—р, оп. 2, д. 42, л. 94.

¹⁵ «Первая сессия ДЦИК», 1922, стр. 18—19.

В соответствии с этим постановлением была создана Административная комиссия при Президиуме ЦИК ДАССР для рассмотрения всех вопросов административно-территориального устройства.

Первоначально НКВД и Административная комиссия ЦИК ДАССР, а впоследствии и Госплан ДАССР приступили к составлению плана административно-территориального устройства республики.

Однако разрешение этого вопроса в Дагестане, отличающемся не только пестротой национального состава населения, но и чрезвычайным разнообразием естественно-природных и хозяйственных условий, оказалось делом крайне трудным и сложным, особенно при почти полном отсутствии статистико-экономических и т. п. материалов. Все эти обстоятельства, а также недостаток в специалистах, оттягивали разработку конкретного проекта административно-территориального деления республики.

Вопрос об административно-территориальном устройстве Дагестана неоднократно обсуждался на съездах Советов, на сессиях ЦИК ДАССР, в других государственных органах, но конкретных решений не принималось из-за его неразработанности. В отчетном докладе правительства V съезду Советов ДАССР (1925 г.) говорилось, что «у нас существует комиссия по районированию, но комиссия еще не могла выполнить задач, возложенных на нее, ибо нет данных, на которые она могла бы опираться в этой работе. Но эту работу районирования нам нужно во что бы то ни стало проделать: для того, чтобы приблизить массы к Советской власти»¹⁶.

Первым шагом к реорганизации административно-территориальной системы было упразднение участкового деления, ввиду его нежизненности (почти полное отсутствие какой-либо экономической базы).

В соответствии с постановлением V Вседагестанского съезда Советов вторая сессия ЦИК ДАССР V созыва санкционировала в октябре 1925 г. упразднение участков¹⁷. Временно были оставлены 2 участка — Караногайский в Кизлярском округе и Казбековский в Хасавюртовском округе; в первом для караногайцев и во втором для аварцев, являвшихся национальными меньшинствами этих округов. Помимо этого, вторая сессия ЦИК ДАССР V созыва предложила приступить к районированию двух округов, чтобы накопить опыт по административно-территориальному переустройству. На основе

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37—р. оп. 19, д. 45, л. 88.

¹⁷ «Постановления (резолюции) 2 сессии Даг. ЦИК V созыва». Махачкала, 1925, стр. 9.

этого решения были созданы 2 района: Тляратинский из двух участков (Анцухо-Капучинского и Бухнадальского) Гунибского округа и Эчединский из двух участков (Дидоевского и Ункратлинского) Андийского округа.

Задержка в проведении административно-территориального деления тормозила культурно-экономическое развитие республики.

VI Вседагестанский съезд Советов в апреле 1927 г. призвал ускорение районирования ДАССР одной из главных и первоочередных задач Советской власти в Дагестане. В постановлении съезда указано: «Принимая во внимание, что задержка административно-территориального районирования не может не задерживать культурно-экономического развития страны и представляется невозможным откладывать его до окончательного изучения и выяснения экономических и производственных основ будущего экономического районирования, признать необходимым провести административно-территориальное районирование немедленно, на основе имеющихся экономических данных, с учетом могущих произойти изменений, в связи с новыми путями развития культурно-экономической жизни страны»¹⁸.

VI съезд предложил ЦИК ДАССР закончить районирование к VII съезду Советов. Съезд принял в основу административно-территориального деления трехзвенную систему: сельсовет, район, округ, с тем, чтобы весь Дагестан был разделен не более как на 5—6 округов и 25—30 районов. Предполагая, что впервые создаваемые административно-территориальные единицы — районы — будут слабыми в организационном отношении, съезд решил сохранить временно окружное деление, пока не укрепятся районы. Но уже ко второй сессии ЦИК ДАССР VI созыва стало ясно, что республику необходимо районировать на основе двухзвенной системы: сельсовет, район. Сохранение окружного звена отдалило бы центральный аппарат от низовых организаций, тем более, что при отсутствии достаточного количества подготовленных кадров создание округов не укрепляло, а ослабляло районы.

В работах по административно-территориальному переустройству Дагестанской АССР активное участие принимали трудящиеся республики. Партийные и советские органы привлекли население к работам по административно-территориальному переустройству, исходя из того, что это огромной важности мероприятие может быть успешно проведено лишь при одном условии, если широкие массы трудящихся не только уяснят сущность реформы, но и практическим участием под-

¹⁸ «VI Вседагестанский съезд Советов. Постановления». Махачкала, 1927, стр. 26.

держат ее. Поэтому Административная комиссия ЦИК ДАССР, приняв 12 июля 1927 г. за основу проект административно-территориального деления, разработанный Госпланом, постановила подвергнуть его всестороннему обсуждению на местах, выделив с этой целью специальную комиссию. Это постановление было подтверждено Президиумом ЦИК и СНК ДАССР 14 июля 1927 г., которые решили: проект, после обсуждения на местах, внести на рассмотрение очередной второй сессии ЦИК ДАССР VI созыва.

Во исполнение указанных постановлений, НК РКИ образовал специальную комиссию, которая должна была переработать проект на основе материала, собранного в округах. Состав комиссии был разделен на три секции, а именно: округа Ачикулакский, Кизлярский, Хасавюртовский и Андийский с Эчединским районом были поручены Северной секции; округа Махачкалинский, Буйнакский, Даргинский, Лакский, Аварский и Гунибский с Тляратинским районом — Центральной секции, а в Дербентском, Кайтаго-Табасаранском, Кюринском и Самурском округах работала Южная секция. Секции созывали окружные совещания, на которых выяснялось, насколько предлагаемый проект административно-территориального переустройства республики соответствует задаче приближения государственного аппарата к населению, экономической целостности и жизнеспособности образуемых районов, национальной их однородности, дорожным связям, правильному выбору центра для районов и т. д. Коррективы, вносимые участниками окружных совещаний в проект Госплана, а также все самостоятельные мотивированные варианты тщательно рассматривались на секциях.

В дальнейшем секции выясняли отношение самого населения к проектируемому районированию. С этой целью созывались съезды представителей всех сельских Советов и выборных уполномоченных (1—2 от сельсовета), на обсуждение которых ставились те же вопросы, что и на окружных совещаниях.

Все варианты, относящиеся к данному району, обсуждались на этих съездах более детально, причем участникам съезда было предоставлено право выдвигать свои варианты или вносить поправки к обсуждаемым предложениям.

Таким образом, всему населению республики была предоставлена полная возможность высказать свои соображения и пожелания по вопросам административно-территориального устройства.

Собранный на местах материал подвергался подробному анализу в каждой секции, а варианты, захватывающие территории двух смежных секций, рассматривались соответствующими секциями совместно.

Комиссия, созданная 22 октября 1927 г., обсудила результаты работы каждой секции и на основании собранного материала внесла ряд поправок в первоначальную схему районов.

Некоторые варианты и поправки, предложенные местными совещаниями, были отклонены комиссией, так как наряду с вполне обоснованными коррективами нередко выдвигались и горячо отстаивались (часто по соображениям временного характера) нежизненные проекты. Иногда причиной выдвижения тех или иных вариантов было, например, недовольство личным составом окружного исполкома, обострение отношений между аулами и т. д. Не всегда на окружных совещаниях наблюдалось вполне объективное отношение к интересам части территории, выделяемой в самостоятельный район и т. д. Госплан, учтя результаты обсуждения проекта административно-территориального деления республики, представил его в переработанном виде с экономическим обоснованием и характеристикой каждого района на рассмотрение второй сессии ЦИК ДАССР VI созыва, состоявшейся в ноябре 1927 г. Сессия признала «...необходимым дополнительную проработку Госпланом проекта районирования горных округов, отличающихся наибольшей сложностью рельефа и экономической индивидуальностью, с ориентировкой на более дробное распределение территорий, намеченных к выделению районов...»¹⁹. Вместе с тем сессия, дав новым административно-территориальным единицам наименование «кантон», обязала Президиум ЦИК ДАССР представить окончательную схему административно-территориального деления на утверждение третьей сессии ЦИК ДАССР VI созыва²⁰.

Третья сессия ЦИК ДАССР VI созыва (25 апреля — 5 мая 1928 г.) ввиду незаконченности работы по исправлению проекта административно-территориального деления и учитывая необходимость скорейшего его проведения, поручила Президиуму ЦИК ДАССР не позже 15 июня 1928 г. созвать расширенное заседание Президиума ЦИК с представителями окружных и районных исполкомов для обсуждения доклада об окончательном проекте, после чего внести этот вопрос на утверждение очередной сессии ЦИК.

Госплан закончил работу над проектом только к концу июля 1928 г. и 29—30 июля доложил Административно-территориальной комиссии ЦИК ДАССР проект административно-территориального деления республики на 25 кантонов. Комиссия решила создать самостоятельный Бахлухо-Гидатлинский кантон, выделить Казбековский участок из Хасавюр-

¹⁹ «Постановления 2 сессии ЦИК ДАССР VI созыва». Махачкала, 1928, стр. 6.

²⁰ Там же, стр. 7.

товского кантона в Казбековский подкантон, а Гумбетовский участок из Андийского кантона в Гумбетовский подкантон. В итоге Административно-территориальная комиссия ЦИК ДАССР постановила: разделить ДАССР на 26 кантонов и 2 подкантона.

В соответствии с постановлением третьей сессии ЦИК ДАССР VI созыва было создано (17—20 августа 1928 г.) расширенное заседание Административно-территориальной комиссии ЦИК ДАССР с участием представителей окружных и районных исполкомов, которые и одобрили этот проект. Президиум ЦИК ДАССР 23 сентября 1928 г. утвердил его.

В постановлении по этому вопросу говорилось: «Принятую расширенным заседанием Административно-территориальной комиссии с председателями окрисполкомов 17—20 августа 1928 г. схему районирования, предусматривающую деление республики на 26 кантонов и 2 подкантона, утвердить и внести на рассмотрение предстоящей IV сессии ЦИК VI созыва»²¹. Проект получил одобрение пленума Дагестанского обкома ВКП(б), а сессия ЦИК утвердила этот проект²². Новое административно-территориальное деление было окончательно утверждено постановлением Президиума ВЦИК от 3 июня 1929 г.²³ причем ВЦИК установил 26 административно-территориальных единиц, наименовав их не «кантонами» а «районами». Временно были оставлены два подрайона (Казбековский — в составе Хасавюртовского района и Гумбетовский — в составе Ботлихского района) до выяснения возможности образования из них одного района.

Проводя реорганизацию административно-территориальной системы в Дагестане, партийные и советские органы руководствовались основными принципами, положенными в основу административно-территориального устройства Советского государства. Но специфика экономики и быта дагестанских народов, своеобразие их исторического развития и, главным образом, многонациональный характер республики обусловили ряд особенностей при применении этих принципов.

При разработке административно-территориального деления учитывались экономические, национальные, географические особенности Дагестана с тем, чтобы это деление способствовало подъему экономического и культурного уровня населения. Административно-территориальная комиссия ЦИК ДАССР в своих тезисах по районированию республики указывала, что в основу нового деления положены следующие основные признаки:

²¹ ЦГА ДАССР, ф. 563-р, оп. 7, д. 1, л. 13.

²² ЦГА ДАССР, ф. 563-р, оп. 7, д. 8, л. 139.

²³ СУ РСФСР, 1929, № 41, ст. 439

1) тяготение к ближайшему экономическому центру, 2) удобство передвижения и связи (географические особенности) и 3) национальный признак²⁴.

Постановлением Президиума ЦИК ДАССР от 23 сентября 1928 г. были созданы организационные комиссии для подбора районного аппарата в новых районах (если центры их не совпадали с центрами бывших округов и районов). Для общего руководства работами по проведению в жизнь нового административно-территориального деления республики, была образована Центральная организационная комиссия при Президиуме ЦИК ДАССР.

Организационные комиссии проделали большую работу. Они создавали районные аппараты, созывали учредительные съезды и т. д.

При проведении в жизнь нового административно-территориального деления Дагестана в него были внесены небольшие изменения. Все вопросы спорного характера разрешались на местах в паритетных и согласительных комиссиях с утверждением их решений в ЦИК ДАССР.

Что же представляли собой новые районы республики? При создании районов прежде всего учитывался экономический фактор: требовалась известная экономическая целостность территории, на которой образуется район. В условиях дагестанского бездорожья принималось во внимание состояние путей сообщения и связи.

При образовании районов стремились к тому, чтобы географические особенности не препятствовали территориальному единству района и тем самым не затрудняли его экономического развития и приближения государственного аппарата к населению.

В целях приближения государственного аппарата к населению необходимо было так провести административно-территориальное деление, чтобы обеспечить государственному аппарату реальную возможность знать все нужды своего района, поддерживать постоянную связь с населением. Для успешного решения этой задачи важно было правильно определить нагрузку государственного аппарата, которая зависит от численности населения, его распределения по населенным пунктам, размера территории района, его рельефа, состояния дорог, удобства связи с административными центрами, и особенно — от национальной однородности населения.

Плохое состояние дорог, неравномерное распределение населения, географические различия и национальная пестрота не давали возможности при образовании районов полностью придерживаться средних норм, позволявших государственному

²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 563-р, оп. 4, д. 4, л. 29.

аппарату знать нужды своего района; в каждом отдельном случае приходилось тщательно учитывать местные особенности и в соответствии с ними строить районы.

Новое административно-территориальное деление в какой-то мере уничтожило чрезмерную пестроту территориальных единиц по размерам территории, по количеству населения и т. д.

Если до проведения районирования имелся Кизлярский округ с территорией в 18207,9 кв. км. (т. е. 31,4% всей территории республики), а наряду с ним Дербентский округ с площадью в 1159 кв. км. (всего 2% территории Дагестана) или Даргинский округ с населением в 80921 человек (11% населения), обслуживаемых 68 сельскими Советами, а наряду с ним Ачикулакский округ с населением в 19557 человек (2,65%), обслуживаемых 16 сельскими Советами, то после проведения административно-территориального деления таких резких различий уже не наблюдалось²⁵.

Только 4 района: Караногайский с территорией в 10540 кв. км, Кизлярский — 5601 кв. км, Ачикулакский — 4615,6 кв. км, и Бабаюртовский — 3468 кв. км, расположенные в северной равнинной части республики, выделялись своими размерами и малочисленностью населения. Большая часть территории этих районов не была заселена и служила зимними пастбищами для животноводства горных районов. Остальные же районы мало отличались друг от друга по количеству населения и по размерам своей территории. В среднем население районов равнялось 20—25 тыс. человек, а размеры территорий колебались в пределах 1000—1800 кв. км.

Одной из основных задач административно-территориального устройства было создание по возможности однопациональных районов. При проведении административно-территориального деления Советская власть в Дагестане стремилась обеспечить интересы отдельных народностей организацией территориальных единиц по национальному признаку. Но пестрота национального состава населения не позволяла полностью решить эту задачу. Тем не менее, большинство районов были однопациональными: из 28 административно-территориальных единиц, созданных в это время, 20 единиц (или 71,4%) являлись однопациональными, а в остальных преобладала одна народность. Между тем, до нового деления из 18 единиц было только 10 (55,5%) с преобладанием одной народности.

Новое деление уничтожило существовавшее раньше искусственное территориальное разъединение малых народностей. Были образованы самостоятельные районы для таких

²⁵ «Плановое хозяйство Дагестана», 1929. № 4—5, стр. 82.

народностей как табасаранцы, рутулы, цахуры и др., что облегчило и ускорило подъем их экономического и культурного уровня. Новое деление способствовало также приближению государственного аппарата к массам и вовлечению их в социалистическое строительство.

Образование в составе Хасавюртовского района — Казбековского и в составе Ботлихского — Гумбетовского подрайонов было допущено как временное мероприятие — до установления между ними дорожной связи — после чего имелось ввиду объединение этих подрайонов в один самостоятельный район. Практика работы этих административно-территориальных единиц показала, как отмечается в постановлении Президиума ЦИК и СНК ДАССР от 8 апреля 1930 г., что должного руководства их культурным и хозяйственным развитием со стороны существующих районов не было, а установление дорожной связи между этими подрайонами, в силу технических затруднений, приняло затяжной характер. Сохранение существовавшего положения только задержало бы развитие населения Гумбетовского и Казбековского подрайонов. Поэтому Президиум ЦИК и СНК ДАССР 31 сентября 1930 г. постановили Казбековский и Гумбетовский подрайоны выделить в самостоятельные районы.

Одновременно с этим из 7 сельсоветов, входивших в состав Цумадинского и Тляратинского районов, был образован новый район — Цунтинский. Труднопроходимые горы, бездорожье препятствовали нормальному обслуживанию населения этих сельсоветов со стороны соответствующих районов. Для приближения государственного аппарата к населению этих мест необходимо было создать новый район, что и было сделано.

Постановление об образовании Казбековского, Гумбетовского и Цунтинского районов было одобрено пятой сессией ЦИК VII созыва и утверждено Президиумом ВЦИК 25 декабря 1930 г.²⁶

В целях облегчения трудящимся Дагестана достижения более высоких темпов социалистической перестройки народного хозяйства с помощью более сильного в экономическом отношении административно-территориального образования, а также для обеспечения более быстрых темпов развития культуры, Дагестанская АССР, по ее просьбе, была включена в 1931 г. в состав Северо-Кавказского края. Этот акт имел большое значение в развитии Дагестана. Вхождение Дагестана в Северо-Кавказский край произошло на основе принципов, утвержденных постановлением Президиума ВЦИК от 28 июня 1928 г. об условиях вхождения АССР в состав райониро-

²⁶ СУ РСФСР 1931, № 41, стр. 19.

важных краевых (областных) объединений, которые гарантировали полное сохранение всех прав автономных республик.

Новые задачи социалистического строительства, вставшие перед Советским государством в период коллективизации сельского хозяйства, потребовали еще большего приближения государственного аппарата к трудящимся массам, укрепления местных органов государственной власти и улучшения их работы.

XVI съезд в своей резолюции по отчетному докладу ЦК ВКП(б) указал на необходимость укрепления района как основного звена социалистического строительства в деревне ²⁷.

XVII съезд партии подчеркнул, что одним из крупных мероприятий по улучшению работы советских, хозяйственных и партийных организаций, по перестройке их работы применительно к требованию успешного выполнения задач реконструкции сельского хозяйства были: «дальнейший разворот районирования — ликвидация округов, создание новых районов, приблизивших руководство к селу, к колхозу» ²⁸.

В связи с этим возникла задача — изучить итоги проведенного административно-территориального деления Дагестана и внести в него изменения, вызываемые новыми задачами социалистического строительства. К тому же выявилась возможность образования новых районов, однородных по национальному составу, в целях дальнейшего политического, хозяйственного и культурного развития отдельных народностей. В соответствии с этим в ноябре 1933 г. был образован Ахвахский район ²⁹. Постановлением ВЦИК от 1 сентября 1934 г. были созданы еще 3 района — Агульский, Акушинский и Докузпаринский ³⁰.

Районирование способствовало успешному проведению социалистической перестройки сельского хозяйства и улучшению работы низовых звеньев государственного аппарата.

Успешное экономическое и культурное развитие республики потребовало дальнейшего разукрупнения районов для еще большего приближения государственного аппарата к населению, обеспечения конкретного руководства каждым селением, колхозом и создания однопациональных районов. В этих целях постановлением Президиума ВЦИК от 23 января 1935 г. было проведено разукрупнение районов ДАССР и создано шесть новых районов ³¹. Однако национальная чересполосица

²⁷ «КПСС в резолюциях и постановлениях...» ч. III, стр. 20.

²⁸ Там же, стр. 223.

²⁹ СУ РСФСР, 1933, № 57, ст. 268.

³⁰ СУ РСФСР, 1934, № 34, ст. 224.

³¹ СУ РСФСР, 1935, № 4, ст. 53.

и географические особенности не позволили сделать все эти районы однонациональными. Из новых районов — четыре района являлись однонациональными: Унцукульский, Кулинский, Хивский, Каякентский. Остальные два района (Карабудахкентский и Кумторкалинский, ныне Кизилюртовский) были со смешанным составом населения.

Создание однородных по национальному составу районов в условиях Дагестана способствовало улучшению межнациональных взаимоотношений. С этой же целью Чрезвычайный XI Вседагестанский съезд Советов в 1937 г. постановил: «Имея ввиду, что в составе отдельных районов находятся аулы, население которых не относится к преобладающей в данном районе народности, поручить Президиуму ДЦИК изучить этот вопрос и принять меры к тому, чтобы в тех случаях, где это окажется возможным, такие аулы были бы переданы в состав других районов по языковому принципу»³², что по мере возможности и осуществлялось.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 октября 1943 г. были образованы Ауховский и Магарамкентский районы за счет разукрупнения Хасавюртовского и Касумкентского районов.

В 1944 г. в состав Дагестанской АССР был включен ряд новых районов: Андалалский, Ритлябский, Веденский и Шуррагатский³³, в которые были переселены жители малоземельных горных районов.

Бывшему Ауховскому району в связи с переселением на его территорию малоземельных колхозов Лакского и Кулинского районов присвоено новое название — Ново-Лакский.

Включение в состав ДАССР новых районов вызвало ликвидацию высокогорного Цунтинского района, так как большая часть его жителей была переселена в новые районы. Но практика государственного строительства в дальнейшем показала, что экономическое и культурное развитие оставшегося в горах населения бывшего Цунтинского района тормозится из-за отсутствия благоприятных путей сообщения с соседними районами и центром республики, из-за отдаленности районного центра. Поэтому Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 15 октября 1955 г. восстановил Цунтинский район.

Необходимость дальнейшего улучшения административно-территориального деления республики вызвала образование

³² ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 370, л. 48.

³³ Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 г. эти районы переданы в состав вновь восстановленной Чечено-Ингушской АССР, а в состав Дагестанской АССР включены Караногайский, Кизлярский, Крайновский, Тарумовский районы и г. Кизляр.

новых районов, и Президиум Верховного Совета РСФСР 11 августа 1944 г. образовал Гергебильский район, 27 марта 1946 г. — Цудахарский район³⁴, а 26 декабря 1956 г. Ленинский район г. Махачкалы преобразован в сельский район с непосредственным подчинением республиканским органам.

Президиум Верховного Совета РСФСР указом от 25 мая 1952 г. образовал в ДАССР 4 округа: Махачкалинский, Буйнакский, Дербентский и Избербашский³⁵. Это было сделано с той целью, чтобы в условиях многонациональной республики, по возможности объединить отдельные национальности в рамки крупной территориальной единицы, максимально приблизив государственный аппарат к населению. Однако, как показала практика, создание округов себя не оправдало. Образование промежуточного звена в государственном аппарате не приблизило, а отдалило центральный аппарат от населения. В экономическом отношении округа не представляли собой целостной единицы, так как отдельные части округов тяготели к различным экономическим центрам. В национальном отношении округа получились многонациональными, что неизбежно в условиях Дагестанской АССР. Кроме того, возникновение громоздкого государственного аппарата не улучшило, а усложнило руководство народным хозяйством республики. Поэтому Указом от 28 апреля 1953 г. Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил представление Президиума Верховного Совета ДАССР об упразднении округов в составе ДАССР³⁶.

В настоящее время Дагестанская АССР делится на 42 района

1. Агульский	13. Казбековский
2. Акушинский	14. Кайтагский
3. Ахвахский	15. Карабудахкентский
4. Бабаюртовский	16. Караногайский
5. Ботлихский	17. Касумкентский
6. Буйнакский	18. Кахибский
7. Гергебильский	19. Каякентский
8. Гумбетовский	20. Кизилюртовский
9. Гунибский	21. Кизлярский
10. Дахадаевский	22. Крайновский
11. Дербентский	23. Кулинский
12. Докузпаринский	24. Курахский

³⁴ Упразднен Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 27 июня 1956 г.

³⁵ «Ведомости Верховного Совета СССР» № 26 (733). 18 июля 1952 г.

³⁶ «Ведомости Верховного Совета СССР». № 6 (778), 28 июля 1953 г.

25. Лакский	34. Тляртинский
26. Левашинский	35. Унцукульский
27. Ленинский	36. Хасавюртовский
28. Магарамкентский	37. Хивский
29. Ново-Лакский	38. Хунзахский
30. Рутульский	39. Цумадинский
31. Сергокалинский	40. Цунтинский
32. Табасаранский	41. Чародинский
33. Тарумовский	42. Ахтынский

Проведение административно-территориального деления, последующее его улучшение и уточнение, позволившее, по возможности, образовать однонациональные районы и тем самым улучшить обслуживание населения, приблизив к нему государственный аппарат — способствовало вовлечению трудящихся масс Дагестана в социалистическое строительство, подъему их политического, экономического и культурного уровня. Неуклонный экономический и культурный рост ДАССР, улучшение ее путей сообщения, совершенствование и упрощение государственного аппарата в дальнейшем несомненно потребуют внесения изменений в административно-территориальное деление республики.

Являясь одним из средств осуществления государственного руководства обществом со стороны рабочего класса, административно-территориальное устройство СССР, видоизменяясь в связи с новыми историческими задачами, будет и в дальнейшем способствовать неуклонному подъему производительных сил советского общества, развитию национальных культур и дальнейшему расцвету советской демократии.

О СОЦИАЛЬНОМ СТРОЕ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX вв.

Вопрос о социально-экономическом и политическом строе Дагестана давно интересует исследователей. Дореволюционные и советские историки уделяли этой теме много внимания. Однако в данной статье невозможно дать даже краткий историографический очерк вопроса. Следует лишь отметить, что до последнего времени бытовало мнение, будто в Дагестане вплоть до нашего века господствовала патриархально-родовая организация общества.

Стремление к архаизации социально-экономического строя Дагестана было особенно характерно для дореволюционной историографии. Это можно объяснить, во-первых, тем, что дореволюционные кавказоведы механически сравнивали дагестанскую действительность с русской и, не находя здесь почти ничего общего с феодально-крепостническими устоями царской России, называли общественный строй Дагестана «демократическим», «вольным»; во-вторых, — влиянием официальной пропаганды культурной миссии царской России на Кавказе вообще.

Только после Октябрьской революции был положен конец преднамеренной архаизации общественного строя Дагестана. Однако до последнего времени советская историография не сумела отказаться от неверной точки зрения дореволюционного кавказоведения. Это и понятно. Прежде чем по-новому поставить вопрос, необходимо было накопить и изучить большой и разносторонний материал о социально-экономическом и политическом строе Дагестана.

Огромную роль в этом сыграла большая и кропотливая работа сотрудников Института истории, языка и литературы, которая особенно активизировалась с 1950 года в связи с организацией Дагестанского филиала АН СССР и появле-

нием новой плеяды молодых научных кадров из местных национальностей.

В монографиях и статьях С. Ш. Гаджиевой¹, Р. М. Магомедова², Х. Х. Рамазанова³, А. В. Фадеева⁴, Х. О. Хашаева⁵ и многих других, а также в ряде статей и монографических работ, которые хранятся в рукописном фонде ИИЯЛ, на основе богатого архивного и этнографического материала доказано, что в Дагестане господствовала не родовая, а патриархально-феодалная организация общества. Но этим положено лишь начало изучению истории феодализма в Дагестане.

В общих чертах изучен также вопрос о социальном строе Дагестана накануне и после присоединения к России. Между тем, присоединение к России было подлинным скачком в социально-экономическом развитии Дагестана, в результате которого феодальные отношения в Дагестане окрепли и получили дальнейшее развитие. В данной статье делается попытка коротко описать социальный строй Дагестана накануне присоединения его к России и те изменения в общественных отношениях, которые произошли в результате присоединения.

*   *
*

Феодальное общество Дагестана распалось на два антагонистических класса — феодалов и крестьян. Первый класс составляли ханы, беки, чанки и сала-уздени, а также высшее мусульманское духовенство. Второй — составляли рабы, чагары, раяты и уздени, которые по степени зависимости также делились на ряд групп. Рассмотрим положение каждой из этих групп.

---

¹ С. Ш. Гаджиева. Общественно-экономический строй у кумыков в первой половине XIX века. «Ученые записки» Дагестанского государственного пединститута, т I, Махачкала, 1957, стр. 5—40; К вопросу о крестьянской реформе у кумыков, там же, стр. 40—82;

² Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков. Махачкала, 1957.

³ Х. Х. Рамазанов. Крестьянская реформа в Дагестане. «Ученые записки» ИИЯЛ, Махачкала, 1957, т. II, стр. 64—109.

⁴ А. В. Фадеев. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII—XIX вв. в новых работах советских историков. «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 130—137.

⁵ Х. О. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954, (на правах рукописи); Общественный строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1957, (автореферат докторской диссертации).

Хан⁶. До присоединения Дагестана к России хан являлся главой феодального общества. Ему принадлежало право объявлять войну, заключать мир, издавать законы, а также отправлять суд. Хан был не только верховным правителем, но и главным собственником земли.

На протяжении длительного периода ханы в своих политических и экономических интересах использовали противоречия между более могущественными государствами — Россией, Турцией и Персией, стремясь с их помощью расширить свою территорию, ослабить соседа, а если представится возможность, и захватить его владение. С этой целью они вступали к ним в вассальную зависимость. Одако такая зависимость носила номинальный характер и сохранялась, пока хан был в ней заинтересован. Эта зависимость, как правило, ограничивалась обязательством выступать в союзе со своим покровителем. С потерей заинтересованности такой «вассал» механически освобождал себя от принятых обязательств и либо искал себе нового покровителя, либо на свой страх и риск пускался в новую авантюру. Вступая в вассальную зависимость или заключая союз со своими могущественными соседями, дагестанские владельцы сохраняли фактическую свободу действий не только во внутренней, но и во внешней политике.

Положение коренным образом изменилось после присоединения Дагестана к России по Гюлистанскому договору (1813 г.). С этого времени царское правительство установило обязательные отношения с дагестанскими правителями. Эти отношения были закреплены двусторонними договорами, в которых четко оговаривались права и обязанности хана. Хан мог приступить к исполнению своих функций только после утверждения его в правах царем, присягнув на верноподданство и подписав договор, определявший меру его власти. В этом отношении характерен договор, подписанный Аслан-беком при вступлении в управление Кюринским ханством 4 января 1812 года:

«1) Аслан-бек и его преемники не должны признавать над собой ни чьей власти, кроме власти русского императора и его наследников.

2) Аслан-бек и его преемники не должны вступать ни в какие связи и союзы с соседними владельцами и вольными обществами без разрешения главнокомандующего.

⁶ Ханское звание носили владельцы Аварский, Казикумухский, Кюринский и Дербентский; в Тарковском владении глава феодального общества назывался шамхал; в Кара-Кайтагском — уцмий; в Табасаранских владениях — майсум и кадий.

3) Жителям Кюринского владения предоставляется пользоваться всеми правами, наравне с прочими верноподданными России.

4) Аслан-беку предоставляется право разбирать все дела, касающиеся до внутреннего управления, и производить суд и расправу по его усмотрению.

5) Аслан-бек обязывается вносить ежегодно подати по 3000 червонцев и по 3000 четвертей хлеба (2500 четвертей пшеницы и 500 четвертей ячменя).

6) В залог своей верности Аслан-бек должен выдать в аманаты старшего своего сына Нуцал-бека и 2-х сыновей почетнейших кюринских старшин»⁷.

23 января 1812 года Аслан-бек подписал дополнительные условия, по которым он обязывался: «1) отдать сел. Курах, кроме жителей, в полное распоряжение русского гарнизона (2 батальона пехоты и 1 сотня казаков), оставленного для защиты кюринского владения; 2) всеми мерами стараться привести в покорность России соседние вольные общества.

В то же время Аслан-беку был пожалован чин полковника, инвеститурная грамота на достоинство хана Кюринского, знамя с российским гербом и драгоценная сабля»⁸.

Как видно из договора, принятие Аслан-беком ханского титула и вступление его в управление Кюринским ханством было оговорено рядом условий и, прежде всего, признанием над собой и наследниками власти русского императора. Во внешнеполитических отношениях он лишился всякой самостоятельности и все его действия подчинялись воле главнокомандующего. Царское правительство наложило запрет даже на самостоятельные сношения с соседними владениями и сельскими обществами без ведома местной администрации. Зато во внутренних делах за Аслан-беком сохранялась почти полная самостоятельность. Суд и расправа над подвластными отправлялись им без всякого ограничения, по своему усмотрению. Экономическим выражением признания русского царя верховной властью феодального общества являлось взимание в пользу казны денежных и натуральных податей и повинностей, за исправность уплаты которых отвечал хан.

Однако не доверяя своим новым подвластным, царское правительство принимало меры против возможных выступлений. С этой целью были запрещены самостоятельные, без ведома местной администрации, связи с соседями и взяты заложники-аманаты. Но самую надежную гарантию царь

⁷ Казикумухские и кюринские ханы. ССКГ, вып. II, Тифлис, 1869. стр. 19—20.

⁸ Там же.

видел в собственных штыках. Поэтому Аслан-хану был навязан дополнительный договор, по которому защита Кюринского ханства доверялась царским войскам. Больше того, по второй статье дополнения к трактату Аслан-хану вменялось в обязанность: «всеми мерами стараться привести в покорность России соседние вольные общества».

Не желая терять свои права и привилегии, многие дагестанские владетели отказались признать власть царя. Они были разгромлены, а их владения либо были переданы в управление царской администрации, как это случилось с Кара-Кайтагом в 1819 году, либо там был посажен местный феодал, верный России, как, например, в Казикумухском ханстве в 1820 году. В первом случае все доходы от родовых имений Кара-Кайтагского уцмья стали поступать в казну. Во втором — они стали поступать в пользу нового (Казикумухского) владетеля — Аслан-хана.

При назначении в начале декабря 1820 года Аслан-хана Кюринского одновременно и ханом Казикумухским был подписан новый договор, который значительно отличался от прежнего. Главными статьями этого договора были следующие:

«1) Аслан-хан утверждает во владении ханством Казикумухским и к прежнему достоинству хана Кюринского присоединяется звание хана Казикумухского.

2) Хан обязан охранять свои границы и идти с войсками, куда прикажут.

3) При постройке укреплений и проложении дорог в его владениях обязан помогать зависящими от него средствами.

4) В Кюринском и Казикумухском ханствах содержатся постоянно 160 человек конницы, для употребления ее в караулы и разъезды, по усмотрению начальства.

5) Хану предоставляется право разбирать по закону и обычаям казикумухским все дела, кроме уголовных, которые должны быть разбираемы русским военным судом, для чего преступников отправлять к начальству.

6) Предоставляется Аслан-хану в Кюринском ханстве постановить наибо́м сына своего, или кого заблагорассудит, — но отнюдь не соединять обоих ханств вместе, а каждым управлять особо.

7) Количество ежегодной дани положено определять по рассмотрении сколько жители ханства могут платить без отягощения. Дань эта впоследствии определена была в 3000 руб. серебром»⁹.

При сравнении этого трактата с предыдущим сразу же бросаются в глаза заметные изменения. Если первый трактат

⁹ Там же, стр. 27.

преследовал цель всемерно ограничить внешнеполитические права хана, то во втором — это ограничение вторгается и во внутренние дела хана. Его уже обязали «идти с войсками, куда прикажут», содействовать царским властям при строительстве крепостей и дорог, содержать милицию. Больше того, разбирательство дел по уголовным преступлениям было передано в ведение военных судов, и тем самым хан был лишен одной из значительных доходных статей.

Случайна ли такая эволюция во взаимоотношениях между царскими властями и местными владельцами? Думается, что нет. Если вспомнить международное положение России в 1812 году, к моменту подписания первого трактата, то легко представить, почему царское правительство сдерживало тон и предпочитало не вмешиваться во внутренние дела кавказских ханств, ограничивая лишь внешнеполитическую самостоятельность правителей. Этим преследовалась цель — по мере возможности нейтрализовать антирусские сепаратистские тенденции среди мусульманского дворянства на Кавказе вообще, так как европейский театр войны поглощал тогда почти все внимание и силы царского правительства.

К 20-м годам международное положение России изменилось в ее пользу. Победив Наполеона, Россия значительно укрепила свои позиции и на Востоке. Это не могло не сказаться на характере взаимоотношений между царским правительством, с одной стороны, и местным дворянством, с другой. Теперь царизм мог осуществлять свою политику, не заигрывая с местным дворянством. Приведенный выше трактат, подписанный Аслан-ханом в 1820 году, нужно рассматривать как одно из доказательств в пользу изложенной мысли.

Вместе с тем договор 1820 года с Аслан-ханом, в частности, его 6 статья, свидетельствует, что царское правительство по-прежнему не питало доверия к своим новым подданным. В комментариях к 6 статье указывается: «Этот пункт поставлен в тех видах, чтобы, в случае измены хана, разделить силы обоих владений»¹⁰.

Таким образом, с присоединением к России политическое и правовое положение ханов претерпело значительные изменения. Ханы потеряли свою былую самостоятельность, их первенствующее положение в дагестанском обществе стало зависеть от воли царского правительства, от их верности престолу.

Другое дело их отношение к подвластному населению. Здесь произошли изменения другого порядка. Известно, что в своей экспансионистской политике русское дворянское государство, по словам сословно-поземельной комиссии, руководствовалось «соображениями, что привлечением на русскую сто-

¹⁰ Там же.

рону влиятельных туземцев можно достигнуть благотворного влияния последних на мирные и не мирные племена и тем дать нам бескровные территориальные завоевания»¹¹.

Царское самодержавие пыталось осуществлять, да и осуществляло свою политику в завоеванных странах через местную знать и в союзе с ней, причем никогда не оставляло без вознаграждения своих союзников. Поэтому с присоединением Дагестана к России верные царю феодальные владетели получили возможность, опираясь на царские штыки, значительно укрепить свое положение и усилить свою власть. Это не отрицалось и самой царской администрацией. Сословно-поземельные комиссии в своих заключениях о сословно-поземельном строе в Кумыкском округе, Кайтаге, Кюринском ханстве и других владениях отмечали, что с приходом русских войск власть феодалов над зависимым крестьянством значительно усилилась¹². «По отзыву одного из начальствующих лиц в Дагестане, с прибытием русских в Дагестан, права шамхала значительно увеличились, народ стал беспрекословно исполнять все требования шамхала, зная, что русские легко могут наказать всякого ослушника воли валяя дагестанского»¹³.

Сословно-поземельные комиссии были вынуждены признать, что, пользуясь покровительством царских властей, феодалы значительно увеличили подати и повинности с крестьян, усилился и процесс захвата крестьянских земель. Ханы продавали эти земли, предоставляли их в потомственное или временное пользование своим многочисленным родственникам, отдавали в откуп и т. д.¹⁴.

Источники доходов ханов были самые разнообразные. Основной статьей дохода оставались наследственные имения. Например, Кайтагский «уцмий, кроме доходов с наследственных имений, получал и другие доходы, принадлежащие тому, кто носил это звание. Доходы заключались:

1) в пошлине с торговых караванов, проходивших через Кайтаг;

2) доход с пяти ятагов и пастбищной горы Андара-чи;

3) доход с нефтяных колодцев на Неут-Кутане;

4) с отдельных уцмиевых соляных озер;

5) с жителей магала Каба-Дарга — пшеницу и ячмень;

6) с жителей магалов Ицари и Шари — баранов, мед, масло и сигачи (грубый холст);

¹¹ «Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в нагорной полосе Терской области». Владикавказ, 1908.

¹² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, стр. 47; ф. 105, оп. 1, д. 12, лл. 16—25; ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 1.

¹³ Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. 1895, стр. 8—9.

¹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 6, стр. 21.

7) доход с мельницы в сел. Башлы и с ореховых деревьев около этого селения и 8) штрафов за преступления жителей Башлы¹⁵.

Доходы Кюринского хана достигали 29504 руб. Кроме того, зависимые крестьяне отбывали в его пользу барщину общей сложностью около 20 тысяч рабочих дней в году¹⁶.

Власть ханов и исправное поступление доходов, а также отбывание повинностей обеспечивались вооруженной силой — нукерами, которые исполняли чисто полицейские функции при хане. В «Записке о сословном и поземельном строе в Кайтаге» отмечается: «Назначение их (нукеров — Г. О.), по объяснению беков, было преимущественно для поддержания внутреннего порядка и для приведения в повиновение узденей, неисполнявших требования уцмий»¹⁷. Число нукеров зависело от политического веса и богатства хана, так как их содержание обходилось довольно дорого. Так, содержание каждого нукера Кюринскому хану обходилось в 40 руб.¹⁸. В Кайтаге уцмий содержал до 300 нукеров¹⁹, Кюринский хан — 162 нукера²⁰. Нукеры освобождались от податей и повинностей и целиком состояли на содержании хана, который давал им лошадей, одежду, а иногда и оружие.

Беки. Непосредственно за ханом шли беки. Беки подразделялись на две группы — собственно беков и карачи-беков. Первая группа состояла из потомков владетельных родов. Происхождение карачи-беков до сих пор остается предметом специального исследования. Сами они считали себя потомками древнего привилегированного сословия, выделившегося из местных племен, и позднее, в связи с арабскими завоеваниями, потерявшего свое былое положение.

В известной мере это подтверждается самим названием этой группы беков. «Карачи есть слово древнейшее, кумыкское, в переводе оно значит смотритель или разбиратель»²¹, — говорит автор статьи «Рассказ кумыка о кумыках». Он же называет их блюстителями всех старинных кумыкских обычаев. Из его «Рассказа...» мы узнаем, что «в случае важных недоразумений, в решении тяжб» судопроизводство обязательно проходило в присутствии «карачи» и только в этом случае получало окончательное определение». И далее: «сословие «карачи» находится в деревнях Северного Дагестана — Карабудахкенте, Губдене, Эрпели, Каране и Ишкарты. Они

¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 4.

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 19.

¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 5.

¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 5.

¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 5.

²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 19.

²¹ Газета «Кавказ», 2 октября 1848 г.

суть потомки туземных князей когда-то знаменитых, но влиянием шамхала ныне униженных. Из «карачи» известны теперь в Дагестане: «Уллубий Эрпелинский и Юсуф-бей Карашайский. В Эрпели хранилась книга Исмаил-Куран, где записывались все достопамятные постановления карачинского сословия»²².

В «Кратких сведениях о привилегированных сословиях в Северном Дагестане» — (1869 г.) о карачи-беках записано: «Судя по многочисленности карачи-беков, род их должен быть действительно весьма древним, но размножившись и через это раздробив родовые земли на мелкие части, они крайне обеднели, и общественное положение большинства их с давнего времени мало разнится от положения простолюдинов. У них также есть джанки, но им не присваивается титула бека и они не имеют никаких особых прав и отличий от простолюдинов»²³. За неимением других источников, единственное, что нам остается — положиться на указанные сведения.

Комиссия, изучавшая сословно-поземельный вопрос в Кайтаге в середине XIX века, следующим образом характеризует бекское сословие: «Беки составляли высший класс населения в Кайтаге; кайтагские беки происходят из рода уцмий. Беки кайтагские владеют населенными землями, которые находятся в их наследственном владении. Поземельная зависимость поселян выражается в обязанности платить бекам определенную подать с различных земных произведений и в исполнении некоторых натуральных повинностей. Имения беков переходят по наследству. Наследникам женского пола выделяется лишь часть движимого имущества»²⁴.

По показаниям представителей высшего сословия Кумыкского округа, «в сословии князей и узденей 1-й степени (сала-узденей) как движимое, так и недвижимое имущество, в случае неимения прямых наследников мужского пола, по обычаю нашему поступает к ближайшим родственникам мужского пола умершего; женский же пол, как-то: мать, сестра, дочь, племянница и др. родственники женского пола умершего от наследования отстраняются, при этом степень родства и близость наследования в мужском поле определяется шариа-том»²⁵.

Беки были вассалами хана и по феодальному обычаю должны были подчиняться ему. Однако фактически это подчинение носило весьма условный характер. Как отмечается в той же «Записке о сословном и поземельном строе в Кайтаге», уцмий в отношении к бекам был скорее старший член в

²² Там же.

²³ ЦГА ДАССР, ф. 125, оп. 2, л. 16-а, л. 2.

²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, л. 24, стр. 8. ✓

²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 9, л. 133.

семействе, чем повелитель, к которому обращаются другие члены за советом, но который могут принять или отвергнуть по своему благоусмотрению»²⁶.

Это верно не только в отношении Кайтагского уцмья, но и всех других феодальных владетелей Дагестана. Во внутренних делах бек сохранял полную свободу. Власть хана заключалась в праве увещевать или уговаривать бека «отказаться от излишних требований или изменить свое решение, приказать же этого он не мог»²⁷. Собственность бека была неприкосновенна, и феодальный обычай лишал хана всякого права «отбирать наследственные имения беков»²⁸.

Несколько иными были отношения между ханами и беками во внешнеполитических делах. В «Записке о сословном и поземельном строе в бывшем Кюринском ханстве» говорится: «... по требованию хана беки обязаны были со своими нукерами и подвластными выходить на войну»²⁹. Аналогичная мысль проводится и в «Записке о сословном и поземельном строе в Кайтаге»: «Беки обязаны были, — читаем мы, — беспрекословно исполнять приказания уцмья, относящиеся до исполнения воинской повинности; являлись на службу его во время войны на коне или пешие вместе со своими подвластными. За хорошую службу уцмий награждал бека подарками»³⁰.

Однако нередко бек не только не выполнял приказаний хана, но и выступал против него войной. В том же документе говорится: «... случалось, что ...бек оказывал явное неповиновение», и приводится пример, как Хан-Мамед-бек выступил против своего дяди уцмья Амир-Гамзы. В 90-е г. XVIII века между Фет-Али-ханом Кубинским и Амир-Гамзой завязалась междоусобица. Амир-Гамза приказал Хан-Мамед-беку выступить против Фет-Али-хана. Вместо этого, как повествует документ, Хан-Мамед-бек «перешел на сторону Фет-Али-хана, укрепился в сел. Хан-Мамед-кала, привлек на свою сторону жителей сел. Салик, Янгикент и Великент и отошел из под власти уцмья и оставался в независимости до смерти Амир-Гамзы. Когда после смерти Амир-Гамзы уцмием сделался Устар-хан, отец Хан-Мамеда, то селения эти опять подчинились уцмию»³¹. Феодальный обычай нередко узаконивал такие явления.

С присоединением Дагестана к России отношения между ханами и беками претерпели большие изменения.

²⁶ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 7.

²⁷ Там же, л. 6.

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 21.

²⁹ Там же.

³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 5.

³¹ Там же.

Царское правительство, с одной стороны, смещало неверных «и неблагонадежных» беков, лишая их права на наследственную собственность, с другой — способствовало значительному укреплению положения беков. Комиссия по изучению сословного и поземельного строя в Кумыкском округе отмечала: «Кумыкские князья — собиратели кумыкской народной земли в свою собственность, пользуясь своею силой до появления русских, потом под покровительством русской власти, простерли свое господство и на окрестных жителей некумыкского племени»³². Комиссия по исследованию сословно-поземельных отношений в Кайтаге также отмечает, что «система управлять народом через посредство высшего класса населения» привела к увеличению «повинностей, имеющих вид правильного сбора»; и далее: «... отношение нашей власти к бекам, — влиянию которых в народе придавалось большое значение, ставившее их в положение чиновников-помещиков, в помощи которых наша власть как бы нуждалась для поддержания порядка, — давало им возможность поступать в своих отношениях к поселянам не стесняясь никакими условиями»³³.

Внутреннее устройство бекских владений осталось почти без изменений. За беком полностью были сохранены судебные и полицейские функции в отношении его раят³⁴. Все дела, возникавшие между раятами, бек разбирал по адату. Однако, как указывает источник, нередко бек «решал дело совершенно произвольно»³⁵.

Тут же следует коротко остановиться на одном весьма примечательном для этого времени явлении, связанном с присоединением Дагестана к России. Выше приводилась выдержка из «Записки о сословном и поземельном строе в Кайтаге», где указывается, что имения беков переходят по наследству, но только по мужской линии. Представители женского пола в этом отношении были ограничены правом наследования только движимого имущества. Но вот в «Записке о сословном и поземельном строе в Кюринском ханстве» мы читаем: «Беки и жители... показали, что после смерти бека все его наследники, в том числе и женского пола, имеют право на наследование оставшейся после умершего земли». Далее отмечается, что по показаниям Джафар-бека и Аслан-бека, «при ханах наследники женского пола не имели права на

³² «Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в нагорной полосе Терской области». Владикавказ, 1908, стр. 287.

³³ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 46. ✓

³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 21.

³⁵ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 6.

наследство и это установилось совсем недавно»³⁶, т. е. после образования русскими властями Кюринского ханства.

Чем объяснить такое изменение в феодальном обычае и причем только в Кюринском ханстве, тогда как в других ханствах эти изменения не отмечались? Тем, что Кюринское ханство было образовано царскими властями и бекское сословие в нем сложилось в результате присоединения к России. Отношения между сословиями и феодальные обычаи в ханстве Кюринском во многом сложились по русскому образцу. Наследование недвижимого имущества представителями женского пола бекского происхождения возникло также под влиянием русского права.

Чанки (джанки). Чанки, как гласит документ, это потомки беков, «рожденные от матерей неравного происхождения»³⁷. Чанка, можно полагать, слово даргинское (чІянкІа) и означает дословно — голый.

Смысл этого слова, по-видимому, определяется имущественным и правовым положением чанки, которое, как свидетельствуют документы, сильно отличалось от положения беков. Вот что говорят, например, о положении чанков в шамхальстве Тарковском «Краткие сведения о привилегированных сословиях в Северном Дагестане»: «Между ними (чанками — Г. О.) и потомками шамхальской фамилии первого разряда большая разница. Джанка находится большею частью в роли почетного слуги (нукера) у бека, несмотря на то, что они дети одного отца. При случаях вознаграждения за обиды, при браке и в порядке наследования джанки имеют далеко не равные права и преимущества с единокровными и прочими беками»³⁸.

По показаниям князей и сала-узденей Кумыкского округа: «Княжеские чанки мужского и женского пола не имеют права на наследство движимого и недвижимого имущества отцов своих, если наследниками при жизни не будет сделано назру³⁹ в их пользу, если же будет сделано назру в пользу чанков или дочерей-княжен на недвижимое имущество, то ближайшие родственники мужского пола не могут завладеть тем имуществом»⁴⁰.

В Кара-Кайтаге чанки делились на две группы: а) чанка-беки и б) просто чанки. Первые так же, как в шамхальстве Тарковском и Кумыкском округе, произошли от неравного брака бека. Однако их правовое положение было несколько отличным от положения чанков в других владениях

³⁶ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 21.

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 16-а, л. 2.

³⁸ Там же.

³⁹ Назру — завешание, дарение (араб. — Г. О.).

⁴⁰ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 9, л. 133.

Дагестана. Так, кайтагские чанка-беки получали в наследство «из недвижимого имущества отца: 12 дворов раят, 12 дворов чагар и целиком или часть ятага. По всем остальным правам они нисколько не отличались от чистокровных»⁴¹.

Чанки второй группы, по преданию, вели свое начало от рода уцмия. В исследуемое время они проживали, «по преимуществу, в узденских селениях Кайтага»⁴². Эта группа чанков не имела потомственных земель и зависимых крестьян и пользовалась «общественною землею наравне с прочими жителями»⁴³. «Вообще джанки, — говорится о второй группе в «Записке о сословном и поземельном строе в Кайтаге», — слились совершенно с прочим населением и ничем не отличаются от него, кроме названия джанки»⁴⁴.

Были также чанки, которые вели свое происхождение от карачи-беков. О них в «Кратких сведениях о привилегированных сословиях в Северном Дагестане» говорится: «Им не присваивается титула бека, и они не имеют никаких особых прав и отличий от простолюдинов»⁴⁵.

С присоединением Дагестана к России царское правительство причислило эти последние группы чанков к податному сословию и обложило их податями и повинностями «наравне с другим населением»⁴⁶.

Сала-уздени, или первостепенные уздени. Сала-уздени, или, как их называют русские источники, первостепенные уздени, имелись лишь в Кумыкских владениях и занимали следующую ступень за князьями (беками) в феодальной иерархической лестнице.

О происхождении сала-узденей до сих пор существуют различные точки зрения, сильно отличающиеся друг от друга. Большинство дореволюционных исследователей утверждало, что сословие сала-узденей состояло из первых поселенцев Кумыкской плоскости, «владевших поместьями до прихода князей»⁴⁷. Эту точку зрения разделяют и некоторые советские ученые⁴⁸.

По другой точке зрения, появление сала-узденей, как представителей высшего сословия, связывается с перерастанием условной собственности в наследственную. «Сала-

41 ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 10.

42 Там же.

43 Там же.

44 Там же.

45 ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 16-а, л. 2. V

46 ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 10.

47 «Кавказ», 31 сентября 1846 г.

48 Б. В. Скитский. К вопросу о крестьянских движениях на Сев. Кавказе во второй половине XVIII. «Известия» Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Том XVIII, 1956, стр. 162.

уздени, — пишет, например, Х. О. Хашаев, — вассалы феодалов, пользовавшиеся вначале землями (бенифициями) своего сеньора — князя. Впоследствии бенифиция эта превратилась в лен-феод, так как, если в прошлом князья могли отобрать землю у сала-узденей, то в начале XIX в. она стала уже наследственной собственностью их, сначала — условной (хотя случаев отобрания князьями земель у сала-узденей в XIX в. не обнаружено), а после раздела земель в 1865 году земли сала-узденей стали безусловной собственностью их»⁴⁹.

Во-первых, сала-уздени сами составляли группу феодалов и были вассалами не просто «феодалов», а только тех, кто стоял выше их в феодальной иерархии. Во-вторых, земля «стала» наследственной собственностью сала-узденей, конечно, не в 1865 году, а значительно раньше и юридическое оформление их прав собственности было проведено рескриптом 1846 года.

На первый взгляд указанные точки зрения исключают друг друга. На деле это не так. При тщательном изучении источников выявляется, что эти точки зрения отображают две стороны одного и того же процесса. Попытаемся хотя бы коротко показать это.

Автор статьи «Кумыки, их нравы, обычаи и законы» подразделяет сала-узденей на две группы: собственно сала-узденей и княжеских узденей. Первых он называет «древними хозяевами земли, независимыми дачниками, которые гордились своим известным происхождением, богатством, уступая первенство одним лишь князьям»⁵⁰. Князья всячески стремились привлечь их на свою сторону. С этой целью они наделяли сала-узденей землей и делали другие подарки. Автор этой статьи утверждает, что среди всех сословий только сала-уздени не зависели от князей и даже не упустили случая, «чтобы ослабить власть князей». Они соперничали с князьями и часто вступали с ними в междоусобицы⁵¹.

О второй группе в статье сообщается: «Как было сказано выше, в последние смутные времена многие выбегали из Чечни и из гор к Кумыкским князьям, которые принимали их под свое покровительство и поселяли на собственных землях... Выходцы эти... составляли класс людей важных, княжеских узденей. Следовать за князем в набеги, на войну, прислуживать ему дома, один день в году выходить на сенокос его. — вот в чем состояла вся служба узденя... Князья не оставляли без награды их верной службы; они дарили их

⁴⁹ Х. О. Х а ш а е в. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке (на правах рукописи). Махачкала, 1954, л. 14

⁵⁰ «Кавказ», 31 сентября 1846 г.

⁵¹ Там же.

оружием, лошадьми, всем, в чем они нуждались... Князь не имел права наказывать узденей, но мог, рассердившись на одного из них, удалить его от себя и отобрать все данные ему подарки и землю, ему уступленную; когда же они опять мирились, обычай требовал, чтобы, сверх возвращения всего отнятого, князь дарил его лошадью или оружием»⁵². Узденей этой группы автор статьи «Кумыки, их права, обычаи и законы» называет «второстепенными или княжескими»⁵³. В отличие от первых, они были обязаны участвовать в «междоусобных драках, проливая кровь» за князей, «в случае убийства князя мстили за кровь его на семье убийцы, если он равен им, если же он был князь, то на его узденях»⁵⁴. В свою очередь феодальный обычай обязывал князя мстить обидчику своего узденя, если обидчиком был князь⁵⁵.

С проникновением в Дагестан царизма многие из княжеских узденей стали поступать на царскую службу, «получили чины и нажили деньги... покупкою приобретали земли, иногда даже под разными предложениями выманивали у русских начальников окончательное укрепление за собою поместьев, полученных от князей, под условием личной службы и всегда, по воле последних, могущих отойти от них. А для русского начальства 10-летняя давность владения была достаточным основанием для отчуждения поместья от настоящего владельца в пользу узденя, без дальнейшего разбирательства их обоюдных прав... Княжеские уздени, ...переходя в вольные дачники, ... естественно отвыкают от службы княжеской и поступают постепенно в сословие первостепенных узденей. Те только из них остаются около князей, которые не успели еще приобрести независимого состояния»⁵⁶.

Из приведенной выдержки видно, что часть узденей, некогда составлявшая дружинников князя, с укреплением в Кумыкии царизма стала поступать на службу, получать жалованье и приобретать земли. Русское законодательство в этом отношении оказалось целиком на их стороне. По этим законам достаточно было десятилетней давности пользования, чтобы закрепить земли в потомственное владение. Бывшие княжеские уздени широко использовали эту практику царских властей, чтобы присвоить себе княжеские земли, находящиеся в их условной собственности, приобрести новые и вслед за этим попасть в состав первостепенных, или сала-узденей.

52 Там же.

53 Там же.

54 Там же.

55 Там же.

56 Там же.

Автор статьи о кумыках, их нравах и обычаях сообщает, что сала-уздени «в настоящее время... стали мешаться с второстепенными, или княжескими узденями, но до утверждения русского владычества резко отличались от них⁵⁷. Автор «Рассказа кумыка о кумыках» приводит факт, свидетельствующий об этом. «Пожалованные угодыями уздени Андреевские — Казбековы — и Аксаевские — Азнауровы, — пишет он, — причислены к сословию сала не по происхождению, а по землям»⁵⁸.

Таким образом, в эту группу привилегированного сословия наряду с сала-узденями вошли также княжеские, или второстепенные уздени, выбившиеся в дворянское сословие ревностной службой русскому царю.

С присоединением Дагестана к России сословие сала-узденей значительно укрепило свое положение и прочно обосновалось рядом с князьями. Во всех письменных документах они, наряду с князьями, стали фигурировать как составная часть феодального сословия: «В сословии князей и узденей 1-й степени (сала-узденей...)» и т. д. Феодальный обычай также признал их равное с князьями положение.

Духовенство. Мусульманское духовенство составляло самую многочисленную и разветвленную группу привилегированного сословия. В середине XIX в. по далеко неполным данным в Дагестане насчитывалось 8600 духовных лиц⁵⁹. Формально считалось, что духовенство не составляет замкнутой группы привилегированной верхушки. Больше того, предполагалось, что каждый из представителей «вольных сословий» может вступить в духовное звание и единственным условием, которое оговаривало это право, было знание арабской грамоты, корана и его толкования. Однако на деле все было иначе.

По сообщению «Исторического обзора действий русского правительства по устройству мусульманского духовенства за Кавказом», составленного в 50-х годах XIX в., «...между сунитами мы находим особенности духовного устройства... К числу таковых особенностей должны отнести привычку сохранения духовных степеней в известных родах, обычай, который доселе в Дагестане так силен, что кадий, происходя из известного рода, не только может быть совершенно невеждою в своем законе, но даже может не знать ни читать, ни писать, нанимая за себя с ведома всех и каждого какого-либо грамотного муллу, пишущего за него законные решения»⁶⁰.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ «Кавказ» 9 октября 1848г. См. примечание.

⁵⁹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71, л. 7.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, коллекция 482, д. 101, л. 10.

До присоединения Дагестана к России мусульманское духовенство в силу своего общественного положения играло большую роль в жизни горцев. По сообщению упомянутого «Обзора...», «духовенство составляло здесь важнейший класс общества и ограничивало некоторым образом самую ханскую власть, потому что хотя ханы имели постоянно право жизни и смерти, смены и назначения каждого отдельного лица этого сословия, но они не могли коснуться прав и преимуществ всего сословия вообще, потому что это считалось бы посягательством на священное постановление пророка»⁶¹. Такое влиятельное положение духовенства в дагестанском обществе в известной мере обеспечивалось монополией на образование. «Обзор...» называет духовенство «образованнейшим классом мусульманских владений», у которого «владельцы постоянно искали беседы и советов». Это давало им возможность оказывать влияние на все дела хана⁶².

Как свидетельствует «Обзор...», духовные лица были совершенно освобождены от податей и повинностей. Эти преимущества сохраняли и их дети, перешедшие в «светское состояние». Представителей высших слоев духовенства ханы нередко возводили в достоинство беков⁶³.

Строго регламентированного духовного управления в Дагестане не существовало. Как сообщает «Обзор...», «в султанских ханствах Закавказского края, большею частью, ханы сами управляли духовными лицами... в дагестанских ханствах ханы назначали в каждый магал одного или двух кадиев, коим иногда в облегчение придавались один или два Алебря — Мауруфа»⁶⁴.

Духовные лица получали доходы как с лично им принадлежащего имущества, так и за отправление религиозных обрядов, обучение детей и за ведение шариатских дел. Значительную долю их доходов составляли различного рода приношения в пользу мечетей, медресе.

Однако наиболее доходной статьей мусульманского духовенства и мечети являлись вакуфы — земли и самое различное имущество, завещанные прихожанами в пользу мечетей, и закят, или мечетская десятина.

В дагестанском обществе было широко распространено мнение, будто дары в пользу мечетей содействуют отпущению грехов. Поэтому во всех сословиях широко практиковались такого рода завещания. Причем завещания носили самый разнообразный характер — от полной передачи прав собственности мечети до предоставления в ее пользование

⁶¹ Там же, л. 13.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, л. 11.

⁶⁴ Там же, л. 14.

части доходов. Все тяготы по наблюдению за вакуфным имуществом, по обработке земли, сбору урожая, по доставке дров для мечетей, по ремонту домов, мельниц и т. д. и т. п. лежали на крестьянах. Духовенство осуществляло лишь надзор за аккуратным поступлением доходов. Широко практиковалась также сдача вакуфов в аренду.

Следует, однако, отметить, что по своему экономическому и правовому положению духовенство не было однородным. Хотя звание муллы и кадия было общим почти для всех служителей религиозного культа и шариата, по своему материальному положению и общественному весу они были далеко не равны. Из упомянутого выше «Обзора...» мы узнаем, что многие муллы вели свое хозяйство и занимались торговлею, что многие из них зависели от воли общества. «Обзор...» резко подразделяет духовенство на различные категории, начиная от «находящихся в услужении хана» и до «высших членов духовенства, которых нередко ханы возводили в достоинство беков»⁶⁵. Это неравенство порождалось сословным характером всего дагестанского общества.

С присоединением Дагестана к России положение мусульманского духовенства заметно изменилось. Как отмечается в «Обзоре...», «с водворения русского управления, оно (духовенство — Г. О.) быстро потеряло все свои преимущества».

Царские власти хорошо понимали роль мусульманского духовенства в политической жизни дагестанского общества, и поэтому был принят ряд мер, направленных на подрыв позиций духовенства. Из ведения духовенства были изъяты уголовные дела, чем был нанесен чувствительный удар по экономическому положению и моральному весу кадиев. Царские власти присвоили себе также право назначения духовных лиц на высшие религиозные должности. Начало этому положил ген. Ермолов, который стал лично назначать кадиев для ведения судопроизводства по шариату во всех покоренных районах. С этих пор духовные лица стали приступать к исполнению своих обязанностей только после утверждения их колониальными властями. Царская администрация не остановилась на этом. Она сделала попытку, используя имущественную и сословную неоднородность духовенства, разделить его интересы.

Представителям высших слоев духовенства, верным царскому престолу, колониальные власти назначали пенсии и жалованье, одаривали их землями и различным имуществом наравне с ханами и беками (например, Акушинского Зугумкадия). В то же время царские власти, верные своей классовой политике, стали лишать сословных привилегий низшие

⁶⁵ Там же.

слои духовенства, вышедшие из податного сословия. Как свидетельствует «Обзор...», «с духовных лиц, происходящих из податных сословий, начали взимать подати»⁶⁶. Необходимость этого акта мотивировалась тем, что избавление мулл «от податей и земских сборов причиняло явный ущерб казне»⁶⁷.

Мусульманское духовенство не могло мириться с потерей своих привилегий и преимуществ. Русские источники единодушно отмечают недовольство среди духовных лиц⁶⁸.

Управляющий гражданской частью дербентского военного губернатора генерал-майор Минквиц писал по поводу намерения изъять из ведения духовенства гражданские дела: «Исключение из шариатского разбора исковых и тяжёбных дел не семейных... возбудило бы ропот... со стороны мусульманского духовенства за то, что оно потеряло бы доход, доставляемый ему разбором споров и тяжёб, возникающих между их единовѣрцами, значением какого ропота не должно пренебрегать, особенно при настоящих высших обстоятельствах»⁶⁹, (под «настоящими обстоятельствами» имеется в виду движение Шамиля — Г. О.).

Недовольство мусульманского духовенства, особенно его низших слоев, приняло такой широкий размах, что в конце концов царские власти вынуждены были пойти на уступки. Совет Главного управления Закавказского края в июле 1856 года признал, что «судебное разбирательство споров и тяжёб между мусульманами надо проводить в том суде — в шариатском или в присутствии судебном — по выбору самих мусульман»⁷⁰. Чувствуя влияние духовенства на верующее население, колониальные власти стали всеми мерами привлекать духовных лиц на свою сторону и опираться на них в проведении своей политики.

* * *

Мы рассмотрели привилегированное сословие. Теперь коротко остановимся на зависимом сословии.

Кулы и каравашы — рабы и рабыни. В заключении комиссии по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Дагестанской области записано: «Кулы и каравашы (рабы и рабыни). Суть дворовые люди, невольники, по народным обычаям находящиеся в полном и ничем неограниченном распоряжении своих владельцев»⁷¹.

⁶⁶ Там же, стр. 16.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 24, л. 2—3.

⁷⁰ Там же, л. 13.

⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-г, л. 1.

Как сообщает Н. Дубровин, «кул или раб — совершенно во власти своего господина, который имеет полную волю казнить его, продать с семьею или отдельно, разлучить мужа с женою, мать от детей»⁷². Даже брак со свободным не мог спасти детей невольницы от рабства. Этого преимущества были удостоены лишь дети, прижитые с представителями высшего сословия⁷³. Причем это было единственное преимущество, которое они наследовали от своего знатного родителя.

Таким образом, личность раба являлась полной собственностью владельца. Рабов можно было продавать, покупать, менять, дарить, давать им свободу и даже убивать. Дагестанский адат совершенно не ограничивал прав владельца в этом отношении. Убийство раба или нанесение ему увечья третьим лицом адат рассматривал как материальный ущерб, нанесенный владельцу, и требовал компенсации.

У дагестанцев, как и всех других народов, первоначальным источником рабства были пленники—ясыры. Как свидетельствуют документы, «класс рабов... образовался большею частью из пленных»⁷⁴. Однако война не была единственным источником пополнения рабов. Автор статьи «Кумыки, их нравы, обычаи и законы» свидетельствует, что в рабов обращали также «вольных людей, обманом вывезенных из своих деревень и проданных потом какому-нибудь князю или узденю»⁷⁵. Довольно широко практиковалось также хищение детей и продажа их в рабство. У того же автора читаем: «Молодые удалыцы..., рыская по соседям, чтобы выглядеть, из какого табуна легче будет угнать лошадь или буйвола, не пропустят удобного случая украсть мальчика или девочку, и даже взрослого, когда на это есть возможность»⁷⁶. Нередко в раба превращался неплатежеспособный должник, кровник и т. д. Таким образом, источники, питающие рабство, — самые различные.

Документы показывают также роль раба в хозяйстве господина. В заключении комиссии по разбору сословно-земельных прав туземного населения Дагестанской области говорится: «Кулы никакой собственности не имеют и вообще имущественных прав за ними не признается. Живут при домах своих владельцев, на полном содержании последних». И далее: «Кулы, находясь в домах своих владельцев, не несут каких-либо обычаем установленных повинностей, а обязаны

⁷² Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1, СПб, 1871, стр. 625.

⁷³ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71-а, л. 3.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ «Кавказ», 14 сентября 1846 г.

⁷⁶ Там же.

исполнять все, что потребует от них владелец»⁷⁷. Подобное указание мы находим и у Н. Дубровина. Рабы, по его утверждению, «жили обыкновенно в самом доме хозяина и занимались домашними и полевыми работами»⁷⁸.

По данным 60-х годов XIX в. число рабов в Дагестане достигало 3887 человек⁷⁹. Однако это относительно небольшое число рабов не должно нас удивлять. В условиях, крайне ограничивающих возможность применения рабского труда, иного и ожидать нельзя. Даже в ранний период, когда рабов было несомненно значительно больше, последние интересовали владельца не столько как рабочая сила, сколько как ценный товар. Поэтому рабство в Дагестане не переросло рамки домашнего, патриархального рабства.

Автор статьи «Кумыки, их нравы, обычаи и законы» утверждает, что «...табуны, стада, торг невольниками явно производившийся тогда в Андрееве, — вот прежние источники их (князей — Г. О.) доходов. Холопов в прежние времена у князей было гораздо более, чем теперь, они ежегодно увеличивались взятыми в плен или обманом захваченными в горах»⁸⁰. Однако, как сообщает тот же автор, в условиях, когда «землевладение не составляло главного богатства князей...», содержание многочисленной дворни было крайне невыгодным и владельцы стремились на различных условиях избавлять холопов от личной службы⁸¹. Так, в феодальных владениях появились азаты, вольноотпущенники и чагары.

В сельских обществах нагорного Дагестана уздени также имели рабов. Но крайняя скудность земли и ограниченные возможности использования рабов в хозяйстве неминуемо вели к их продаже или освобождению за выкуп и без выкупа. Поэтому в горах рабство не получило широкого распространения. Здесь, в большинстве случаев, рабов отпускали на волю, и постепенно они становились членами сельского общества. Однако потомки освобожденного еще долго носили рабское клеймо. До самой Октябрьской революции сословно-кастовое деление аула на «лагов» (рабов) и узденей имело самое широкое распространение. Несмотря на формальную личную свободу, потомки когда-то освобожденных рабов подвергались дискриминации.

По описанию Дубровина, «в сел. Корода, Гунибского округа, каждую пятницу после службы (речь идет о службе в мечети — Г. О.) чауши обходят всех потомков рабов.

⁷⁷ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-г, л. 1.

⁷⁸ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 626.

⁷⁹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71, л. 7.

⁸⁰ «Кавказ», 14 сентября 1846 г.

⁸¹ Там же.

— Помни, — говорят они при этом каждому, — что ты происходишь не от узденя.

Освобожденный раб и его потомство, как бы богаты ни были, не имели права резать более 3-х баранов в год на все семейство, чтобы в этом не сравняться с кровными узденями»⁸².

В сел. Чох потомки рабов, до 4-го колена включительно, были обязаны раз в год угощать всех узденей, живущих на одной улице с ними, и через каждые 10 лет, при разделе общественных пашен, давать с каждого семейства в пользу общества по одному котлу ценою 8—10 руб. Обычно один из этих котлов разбивался на мелкие куски, а остальные продавались, и на вырученные деньги устраивалось угощение для членов сельского управления. В сел. Мехельта освобожденные рабы и их потомки раз в год должны были на целую почь уходить из дому. В их отсутствие приходили группы молодых узденей, которые съедали и выпивали все, что находилось в доме и во дворе⁸³.

В горских обществах также наблюдались различные формы рабовладения: индивидуальная, тухумная и общественная. Однако рабовладельцами в основном были представители джамаатской знати.

После присоединения Дагестана к России институт рабства был значительно ограничен. Христиан, которые составляли основной источник рабства для мусульманских феодалов, Россия взяла под свою защиту. Продажа в рабство краденных детей или обманом захваченных крестьян стала преследоваться. Русские власти, которые давно уже забыли институт рабства, стали поощрять отпуск рабов на волю и выкуп. Однако совершенно ликвидировать рабство в течение первой половины XIX в. царское правительство не сумело в силу своей классовой ограниченности.

Чагары. В трудах «Комиссии по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Дагестанской области» об этой группе зависимого сословия говорится: «Чагары, или иначе бывшие дворовые люди из рабов и рабынь, отпущенные владельцем со двора, для устройства собственного хозяйства на землях бекских и владельческих»⁸⁴.

Автор статьи «Рассказ кумыка о кумыках» также отмечал: «Чагары суть те же кулы, но на различных условиях зависимости и от княжеской домашней службы избавленные и причисленные к известной полосе земли с канавою»⁸⁵.

⁸² Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 606.

⁸³ Там же.

⁸⁴ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 74-г., л. 1.

⁸⁵ «Кавказ», 16 октября 1848 г.

Приведенные выдержки из подлинных документов свидетельствуют о том, что чагары — это бывшие рабы, наделенные землей и пахотными в личной зависимости от владельцев.

Однако имеются документы и другого характера, которые не всегда учитываются исследователями. Например, вот о чем свидетельствует журнал заседаний Комитета Кумыкского округа по разбору личных и поземельных прав туземцев. 25 июля 1862 года в комитете рассматривался вопрос «Об Аксаевских чагарах, отыскивающих себе вольность, по случаю тому, что они люди вольного происхождения, а не крестьяне Аксаевских князей». По этому поводу в журнале записано следующее: «Аксаевские жители, называемые чагары, неоднократно жаловались, что общество их состоит под властью князей, не имеющих на то никакого права потому, что предки просителей в давнее время переселялись в деревню Аксай с мест по своей воле, а не силою князей и не приобретены ими покупкою, почему и получили название чагар, означающее на кумыкском языке — вольные. В то время князья не имели никакого насильного над ними управления, но просили их помогать в некоторых домашних работах добровольно. После же князья стали употреблять их на все работы насильно и продавать в посторонние руки...»⁸⁶.

Жалоба чагар разбиралась Андреевским городским судом. На суде, как далее записано в журнале, «князья объяснили, что предки просителей действительно поселились на их земле с давнего времени, перешедшие с разных мест, но отцы князей и они сами распоряжались ими как своими крестьянами», и суд, конечно, признал право князей на наследственное владение чагарами, право продавать их и отпускать на волю⁸⁷. Об этом же свидетельствует «Записка о сословном и поземельном строе в Кайтаге».

Таким образом, документы ясно свидетельствуют о том, что чагарская категория феодально-зависимого крестьянства складывалась двумя путями. С одной стороны, она формировалась за счет «разноплеменных выходцев, искавших покровительства сильных и влиятельных князей, кои поселили их на своих свободных землях... и, таким образом, поступивших к ним в добровольную зависимость»⁸⁸. С другой — за счет кулов, посаженных владельцами на землю. Несмотря на такое различие в происхождении, обе группы чагар мало чем отличались друг от друга.

Русские источники второй половины XIX в. отмечают, что «чагарское сословие соответствует бывшему у нас крепостному

⁸⁶ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 6, лл. 17—18.

⁸⁷ Там же, л. 18.

⁸⁸ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, лл. 49—54.

состоянию»⁸⁹. Чагары действительно были прикреплены к земле и «без позволения своих князей не могли переселяться из одного аула в другой или переходить от одного владельца к другому»⁹⁰. Феодальный обычай давал владельцу право насильно возвращать чагара или взыскать с него 100 рублей. Владелец имел также «право продавать чагар, освобождать их от повинностей или отпускать на волю»⁹¹ за выкуп или без выкупа. Причем выкуп взимался только за мужскую душу в размере от 50 до 200 рублей.

Однако чагар уже не являлся полной собственностью владельца, как кул. Сохранив за собою право суда и расправы над чагаром, владелец все же «не мог лишать его жизни»⁹². Чагары имели и другие личные права. Так, чагаров нельзя было брать во двор князя для постоянного жительства и для работ во дворе. «Князь лишь мог заставить производить в своем дворе условно-обязательные работы»⁹³. Наряду с личными, чагар имел также и хозяйственные права — приобретать землю и даже иметь своих холопов. По феодальному обычаю его «имущество... переходило к князьям только в случае отсутствия наследников мужского пола»⁹⁴. С присоединением Дагестана к России и этот обычай был отменен.

В случае перехода по воле князя из одного селения в другое за чагаром сохранялись также права на хозяйственные помещения, дома, мельницы, построенные на земле владельца, и даже на сады. Обязательные отношения чагара к владельцу заключались в отбывании натуральных повинностей.

Определить число чагар в исследуемый период не представляется возможным. Источники свидетельствуют о том, что чагарская группа постоянно пополнялась за счет кулов. «Число их постепенно увеличивалось по мере того, как князья отпускали в их общество своих холопов, почитавшихся излишними в домашнем штате, ибо князья, не любя заниматься полевыми работами, не находили нужным иметь при себе многочисленной дворни»⁹⁵.

В исследуемое время в отдельных феодальных владениях, особенно на равнине, чагарская группа превратилась в наиболее многочисленную после узденей группу феодально-зависимого крестьянства. Автор статьи «Кумыки, их нравы, обычай, и законы» писал, что «в настоящее время сословие это чрезвычайно размножилось..., и вместе с азатами составляет боль-

⁸⁹ Там же, л. 54, См. примечание, л.

⁹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, д. 99-а, л. 3.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ «Кавказ», 31 сентября 1846 г.

шую часть народа кумыкского»⁹⁶. Аналогичный вывод можно сделать и при изучении итогов работы сословно-поземельной комиссии по Кайтагу.⁹⁷

Р а я т ы. Как утверждает «Записка о сословном и поземельном строе в Кайтаге», раятом... «называется каждый человек, платящий подать или отбывающий какие-либо повинности другому лицу»⁹⁸. О происхождении раят этот документ говорит: «Хотя зависимость... раят произошла от пользования землями, принадлежавшими бекам, но неустановившийся общественный строй прежнего времени, дававший большой простор произволу всякого сильного лица над слабым, — а таким всегда являлся бек в отношении к раяту как по собственному обществу положению, так и по материальным средствам, — изменил эти чисто арендаторские отношения до некоторой степени в личную зависимость»⁹⁹. По этому документу подати и повинности, которые раят отбывал «другому лицу», и которые как будто бы определяли его название — раят, произошли первоначально от поземельной зависимости, которая с развитием феодализма переросла в личную зависимость.

Однако это далеко не единственный путь возникновения раятской зависимости. Например, в «Записке о сословно-поземельном строе в Северной и Южной Табасаранях», составленной на основании документальных данных, народных преданий и опроса представителей всех сословий, указывается, что «отношения раят к бекам в Табасарани такие же, как в Кайтаге, но происхождение зависимости раят иное». И далее: «...существующие в настоящее время селения покорены и приведены в покорность майсумом и кадием. В обеих Табасаранях зависимость жителей от беков произошла, главным образом, от покорения их предков беками»¹⁰⁰. То же самое говорится и в «Записке о сословном и поземельном строе в бывшем Кюрюнском ханстве»¹⁰¹.

В ханствах Аварском и Казикумухском раятская группа также формировалась двумя путями. С одной стороны, за счет военнопленных лагов, которых ханы сажали на землю, с другой — путем закабаления разными способами свободных общинников. Например, жители даргинских селений Чирах, Ашты, Кунки, Худуц и др. были силой оружия превращены в раятов казикумухского хана. А в таких лакских селениях, как

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, л. 24, лл. 49—54.

⁹⁸ Там же, л. 6.

⁹⁹ Там же, лл. 12—13.

¹⁰⁰ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 3.

¹⁰¹ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 6.

Тулизма, Хулизма, Хосрек и др., раятская группа в основном сложилась за счет лагов, посаженных на землю¹⁰².

Вопрос о степени зависимости раяг был предметом исследования многих историков-кавказоведов и до революции, и в наше время. Дореволюционные историки С. Эсадзе, М. Кучаев, Авалиани и другие отрицали существование крепостной зависимости раят в дагестанских ханствах. И. П. Петрушевский, исследуя вопрос о феодальных отношениях в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX веков, пришел к выводу, что: «1) в закавказских ханствах прикрепление крестьян к земле, точнее к хараджу и повинностям, следуемым с данной местности, существовало или, по меньшей мере, феодальной властью делались настойчивые попытки добиться такого прикрепления; 2) поддерживая это прикрепление в пределах своих ханств, закавказские ханы в то же время, в интересах своих и подвластных им беков, поощряли побег раятов и раятов из соседних ханств, сажали их на землю и нередко отказывались выдавать беглецов»¹⁰³.

Этот вывод вполне применим и в отношении Дагестана. Однако до последнего времени среди дагестанских историков не было твердо установившейся точки зрения на поставленный вопрос. И это потому, что до сего времени не сделан конкретный анализ экономического и правового положения зависимых сословий в Дагестане. Между тем, почти все местные источники прямо указывают, что раят был прикреплен к земле. Вот, например, что говорят «Адаты об отношениях Терекмейских раят к своим бекам:

«3. Переселение терекмейца в другое место зависит от произвола бека.

4. Когда раят переселяется с позволения бека, тогда берет с собою все свое движимое имущество; но недвижимое остается в ведении бека.

5. В случае скрытого (без разрешения бека) переселения все имущество раята переходит в распоряжение бека.

6. Если бек заставляет раята переселяться против воли, то он имеет право продать дом, мельницу, толчею, сад и др. угодья односельцу»¹⁰⁴.

Адаты утверждают, что «переселение терекмейца в другое место зависит от произвола бека», однако они учигывают и возможность «скрытого переселения», хотя и не предусматривают против этого никаких административных мер.

¹⁰² ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 1, д. 11-б

¹⁰³ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л. 1949, стр. 262.

¹⁰⁴ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 2, л. 1.

Таким образом, формально-юридического акта прикрепления раята к земле мы не имеем, возможно его и не было, однако беки прибегали к мерам экономического порядка, которые были узаконены адатом и делали невозможным выселение раята.

Это и понятно. Беки, благополучие которых целиком зависело от раятского труда, не могли не стремиться сделать невозможным или, по крайней мере, всячески затруднить свободный переход раята к другому владельцу. В «Записке о сословном и поземельном строе в Кайтаге» указывается, что у беков «весьма естественно могло явиться... стремление не допускать или по возможности затруднять свободное переселение раят... беки... старались обставить его такими условиями, при которых свободное переселение фактически делалось невозможным.»¹⁰⁵

То же самое говорится и в «Записке о сословно-поземельном строе в Северной и Южной Табасаранях: «В Табасарани, как и в Кайтаге, беки, все доходы которых получались от трудов раятов, старались прикрепить последних к земле и обставить выселение их такими тяжкими условиями, что свободное выселение становилось невозможным, и одно бегство избавляло раята от притеснений беков»¹⁰⁶. Эти «тяжкие условия» заключались в том, что «раят, переселявшийся без разрешения бека, должен был оставить все свое имущество, как движимое, так и недвижимое, в распоряжении бека»¹⁰⁷.

Аналогичное положение описывает нам и «Записка о сословном и поземельном строе в Кюринском ханстве». Сказанное в равной степени относится и к владениям Аварскому и Казикумухскому.

Окончательное прикрепление раят к земле, по крайней мере в Кайтаге и Табасаране, произошло с присоединением Дагестана к России. Представители русского дворянства не мыслили себе помещика без крепостных. По их понятиям, земля и народ существовали для господ. Поэтому не удивительно, «что русские магнаты, поставленные править отдельной провинцией, воспитанные на праве крепостничества, возможно энергично содействовали своим авторитетом к созданию крупных земельных собственников»¹⁰⁸ и окончательному закреплению раят.

Как показывают сведения, собранные «Комитетом об устройстве между мусульманским народонаселением высшего

¹⁰⁵ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 14.

¹⁰⁶ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 4.

¹⁰⁷ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 14.

¹⁰⁸ Н. П. Тульчинский. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумьжской плоскости. Владикавказ, 1903, стр. 8—9.

сословия», «право переселения поселян (речь идет о раятах Г. О.) без согласия беков было воспрещено при русском правительстве»¹⁰⁹. Причем «в числе источников, на которых основано это сведение», был рапорт Дербентского коменданта от 27 февраля 1835 года, в ведении которого находились Кайтаг и Табасаран¹¹⁰. «По всему этому, зависимость раята от бека..., кроме поземельной, приняла характер и личной с некоторым оттенком крепостной зависимости, в коем виде и является она в последнее время»¹¹¹, т. е. в середине XIX в.

Уздени. Уздени являлись самой многочисленной группой крестьянского сословия. Они составляли более двух третей всего населения Дагестана. Сохраняя общее для этой группы название, уздени, в действительности, подразделялись на ряд подгрупп, различие между которыми зависело не только от принадлежности к той или иной подгруппе, но и от того, в каком феодальном владении находилась данная группа узденей. Это было следствием неравномерности социально-экономического развития Дагестана.

Например, на Кумыкской плоскости, где развитие феодальных отношений на протяжении целого века происходило под сильным воздействием и при непосредственном вмешательстве со стороны царской России, все уздени находились в личной и поземельной зависимости от князей и беков и отбывали им оброк (ясак) и барщину (булка)¹¹².

В отличие от чагар и раят уздени, которые также делились на ряд групп (просто узденей, догерек-узденей, кара-узденей и азат-узденей), не были крепостными и сохранили право свободного перехода с места на место; их нельзя было ни купить, ни продать.

Однако, как сообщает автор «Рассказа кумыка о кумыках»: «По крепостному обычаю кумыков, уздень, жалованная землею и канавою, не может отлучаться от своего князя. Он всегда должен называться и быть на деле его уздемом, но если он захочет перейти к другому князю, то должен лишиться своей земли и всех подарков, какие когда-либо от прежнего князя получал»¹¹³. То же самое наблюдалось в шамхальстве Тарковском и в ханстве Мехтулинском. И здесь переход на новое место был связан с потерей прав на «недвижимую собственность в пользу землевладельца»¹¹⁴.

Другое дело в ханствах Аварском и Казикумухском. В этих ханствах уздени пользовались значительной «вольни-

¹⁰⁹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 14, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 4.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 4.

¹¹² «Кавказ», 16 октября 1848 г.

¹¹³ «Кавказ», 16 октября 1848 г.

¹¹⁴ ССКГ, выпуск II. Тифлис, 1869, стр. 13 (см. примечание).

ней». Свободные общинники — уздени являлись основной производительной силой нагорного Дагестана, и мы не знаем документов, которые указывали бы на прямое или косвенное ограничение их в правах передвижения и имущественных правах.

Эта особенность социального строя феодальных владений нагорного Дагестана в значительной мере определялась своеобразием его природных условий. Резко пересеченный горный ландшафт, крайняя скудность пашни вынуждали горца вести настоящую войну с природой за каждый клочок земли. Поэтому «барская запашка» и ее спутница «барщина» в горах не получили большого развития. Основой власти феодала здесь являлась, главным образом, собственность на пастбища. Как известно, ведущей отраслью сельского хозяйства нагорного Дагестана было животноводство, развитие которого немыслимо без использования горных пастбищ. Однако в горских феодальных владениях значительная часть пастбищных угодий находилась в руках ханов и беков. В Казикумухском ханстве, например, почти все горные пастбища принадлежали ханской фамилии и бекам. То же самое можно сказать и об Аварском ханстве. Это и явилось главным условием утверждения господства горских феодалов над узденскими обществами.

По данным 1828 года, в Аварском ханстве насчитывалось 279 селений, в которых было 31005 дворов¹¹⁵. 210 селений с 20738 дворами были под «непосредственным управлением хана»¹¹⁶, остальные — «имели правление народное, не есть подданные аварцев, но имеют издревле обязанность по требованиям хана доставлять войска на собственном их продовольствии»¹¹⁷.

Имеются и более ранние документы, свидетельствующие о том, что аварскому хану платили подати почти все узденские общества. Этот документ найден в 1956 году М. Нурмагомедовым и опубликован в работе Г.-А. Даниялова «К вопросу о социальной базе и характере движения горцев под руководством Шамиля»¹¹⁸.

Однако не все узденские общества были в одинаковой зависимости от хана. Одни общества находились в обязательных отношениях, платили подати и псвинности. Зависимость других заключалась в поставке воинов со своим продовольствием. При этом они сохраняли полную личную и хозяйственную свободу. Третьи — никаких обязательств по

¹¹⁵ «Материалы по истории Дагестана и Чечни» 1. III, ч. 1, Махачкала, 1940 стр. 190—196.

¹¹⁶ Там же, стр. 190—191.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ «Ученые записки ИИЯЛ. Т. 1, 1956, стр. 126—130.

отношению к хану не имели, но пользовались его горными пастбищами и покровительством. Даже внутри одного общества наблюдалось деление узденей на две-три группы по степени зависимости от хана или бека.

То же самое было и в Казикумухском ханстве. Хотя ханство объединяло почти всю территорию лаков, а также ряд аварских, агульских, лезгинских и даргинских обществ, далеко не все узденские общества были лично зависимы от феодалов. В личной зависимости от ханов и беков находились 20 раятских селений¹¹⁹. Зависимость же большинства узденей носила поземельный характер и была связана с использованием ханских пастбищных угодий.

Наряду с феодальными владениями в Дагестане были известны и союзы «вольных» обществ. Причем, и в дореволюционное время, и после революции многие историки склонялись к мысли, что в этих союзах проживали свободные уздени и, исходя из этого, делали вывод, что в отдельных районах Дагестана еще в XIX веке господствовали патриархально-родовые отношения. В подтверждение этого вывода они обычно ссылались на факты из быта сельских общин, их внутреннего устройства и управления. Больше того, эти историки в качестве образца брали Россию, где развитие феодализма переросло в самые отвратительные крепостнические формы и, сравнивая с ней Дагестан, приходили к выводу об отсутствии зависимых отношений в «вольных» обществах.

Между тем, такие исторические параллели совершенно недопустимы и способны лишь крайне запутать вопрос. По своим естественно-географическим и историческим условиям Дагестан коренным образом отличался от России. Это не могло не наложить заметного отпечатка на характер феодальных отношений. К. Маркс писал: «... один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»¹²⁰.

Примером может служить наиболее мощный Акушинский союз сельских общин, или, как его называют источники, Акушиния. Вот что сообщает нам об Акушинии документ, относящийся к XVIII веку: «Мало в ней мест, к хлебопашеству удобных, а поэтому жители имеют больше скотоводства, особенно овец, а зимой, когда в горах снег глубоко бывает, отгоняют

¹¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 1, д. 11-б, л. 12.

¹²⁰ К. М а р к с. Капитал. Т. III, 1951, стр. 804.

скот свой на пастьбу к берегам Каспийского моря во владения шамхала Тарковского и уцмья Каракайтагского»¹²¹. И далее: «Акушинцы и ныне почитаются в зависимости шамхала, однако же сия зависимость происходит наипаче в необходимой надобности в пастбищных местах его владений»¹²². По этим же сведениям акушинцы в случае войны должны были выставлять шамхалу определенное число воинов, правда, за плату¹²³. Наряду с этим документ отмечает, что «внутреннее правление зависит от них самих. Управляются своими старшинами и кадием, собственно самими ими избираемым»¹²⁴.

О зависимости акушинцев от шамхала Тарковского повествует и ряд других документов¹²⁵.

Другой пример. Русские источники и историки XIX века и многие советские ученые утверждают, что в узденских частях Кайтага «уздени составляли совершенно свободные и независимые от власти уцмья общества»¹²⁶. Так ли это? Вот что повествует тот же документ: «По призыву уцмья... уздени обязаны были ополчаться на войну... обращались к суду уцмья», больше того, «гаттым (наследник) уцмья один раз в год объезжал все узденские селения и производил суд»¹²⁷. «В пользу уцмья поступали штрафы, взыскивающиеся за убийство, воровство и увоз женщин»¹²⁸. Однако власть уцмья над узденской частью Кайтага не ограничивалась только этим. Многие магалы и селения (магалы Уцари, Шархайт, Катаган и др.) обязаны были платить подати и отбывать повинности в пользу уцмья. Как свидетельствует «Записка о сословном и поземельном строе» в Кайтаге, уздени нагорного Кайтага «сами считали уцмья как бы своим естественным предводителем и защитником»¹²⁹.

То же самое можно сказать и о других, так называемых «вольных» обществах. Не имея возможности более подробно остановиться на этом вопросе, считаю необходимым отметить, что, по свидетельству многочисленных документов, почти все «вольные» общества на деле находились в той или иной степени зависимости от феодалов. Например, андийцы и общества Тушь и Мусук считались данниками аварского хана и были в зависимости от него¹³⁰. Аулы Карахского общества находились в зависимости от кази-кумухского хана и платили

✓ 121 ЦГВИА, ф. 414, д. 301, л. 11.

122 Там же.

123 Там же.

124 Там же.

125 А б а с - К у л и - а г а Б а к и х а н о в. Гюлистан-Иран, Баку, 1936.

✓ 126 ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 62.

127 Там же, л. 5.

128 Там же, л. 64.

129 Там же.

130 «Материалы по истории Дагестана и Чечни».

ему подати. Салатавские, гумбетовские и койсубулинские общества были в зависимости от кумыкских владетелей, власть которых распространялась и на целый ряд чеченских обществ и т. д. ¹³¹.

Феодалы не довольствовались такой номинальной властью над узденями, и, используя любой предлог, пытались обманом или силой оружия привести их в полное повиновение. По свидетельству документов, силой оружия были покорены уздени Табасаранских владетелей — майсума и кадия ¹³².

Иногда узденские общества сами изъявляли желание принять покровительство феодала. Это обычно являлось следствием долголетней межобщинной борьбы и «испрошенное покровительство... от притеснений соседних больших обществ» ¹³³ являлось крайней мерой, к которой вынуждены были прибегать более слабые общества. Характерна в этом отношении история самурских селений Лудгуна и Ялаха. После долгой и упорной борьбы с более сильными соседними общинами за землю и самостоятельность лудгушцы и ялахцы, в конце концов, вынуждены были просить покровительства у Казикумухского владетеля Магомед-хана, отца Сурхай-хана ¹³⁴. То же самое имело место и в Кайтаге. Как свидетельствует «Записка...», происхождение обязательных отношений «жители магала Учари объясняют тем, что магал их составлял слабое общество, подвергавшееся частым нападениям сюргинцев и кайтагцев, и не имея средств защищать себя от таких набегов, прибегал к покровительству уцмий» ¹³⁵.

Однако основой власти феодалов над узденями, как и над другими группами крестьянства, являлась собственность на землю — в равнинном, прибрежном Дагестане — на пахотную, а в горах — на пастбищную. Выше мы цитировали документ, в котором указывалось на зависимость акушинского союза от шамхала Тарковского, причем в документе прямо отмечалось, что «сия зависимость происходит наипаче в необходимой надобности в пастбищных местах его владений» ¹³⁶. В «Записке о сословном и поземельном строе в Кайтаге» также отмечается, что обязательные отношения узденей к уцмию чаще всего складывались в силу того, что уздени пользовались его пастбищами. То же самое наблюдалось и в Аварии ¹³⁷.

Феодалы постоянно посягали на свободу узденей. Эта борьба продолжалась столетия с переменным успехом. Суровая гористая местность, которая крайне усложняла передвижение,

¹³¹ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 5, л. 3.

¹³² ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1.

¹³³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142, лл 49—92.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 64.

¹³⁶ ЦГВИА, ф. 414, д. 301, л. 11.

¹³⁷ См. приведенные выше документы.

разноплеменность и феодальная раздробленность облегчали сопротивление узденей. Именно в этой борьбе сложились монолитные союзы сельских общин, или «вольные» общества, в которых уздени видели средство для защиты от притеснений феодалов.

Нередко союзы вырастали в силу, способную не только успешно отражать захватнические стремления феодалов, но и освобождать из-под его власти многие аулы. Характерны в этом отношении события, разыгравшиеся в конце XVIII в. в Кайтаге. В это время шла кровопролитная междуусобная война шамхала Тарковского, уцмья Кайтагского и Казикумухского хана против Кубинского владетеля Фет-Али-хана. В 1774 году объединенные силы дагестанских владетелей разбили Фет-Али-хана и поделили его владения между собой. Царское правительство, не желая усиления дагестанских владетелей, решило поддержать Фет-Али-хана и с этой целью послало отряд войск в Дагестан. В результате Дербент был отобран, а под Башлами уцмий был разбит. Воспользовавшись ослаблением уцмья, против него восстали 11 селений магала Каба-Дарга. Борьба длилась 7 лет. Этому магалу помог Акушинский союз и уцмий оказался не в состоянии справиться с объединенными силами акушинцев и восставших. После семилетней борьбы эти 11 селений примкнули к Урахинскому союзу обществ, который входил в Акушинский союз, и, таким образом, освободились от власти уцмья.

Другой пример. Как повествуют документы, до смерти Умахана Аварского «деревни, принадлежащие округам Тушу и Мусуку,... как до введения в сем крае веры магометанской, так и после того»¹³⁸, были зависимы от аварских ханов и платили им подати скотом. Однако, когда аварский престол занял Султан-Ахмет-хан, который не был выходцем из рода аварских ханов, не пользовался поддержкой феодальной верхушки и был вынужден всячески заигрывать с ней, эти деревни отложились от ханства и перестали выполнять свои обязательства по отношению к нему¹³⁹. В связи с этим внук Умахана вынужден был в 1828 году обратиться к царским властям с прошением: «надеюсь на милость великого нашего государя, что принудит их (общества Тушь и Масук — Г. О.) к тому» (т. е. к уплате податей — Г. О.)¹⁴⁰.

Эти и подобные им факты свидетельствуют не только о борьбе узденей против феодальных владетелей, но и о том, что «свобода и самостоятельность» узденских обществ на деле были фикцией.

¹³⁸ «Материалы по истории Дагестана и Чечни», стр. 191, 196.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

Из всего сказанного, на наш взгляд, можно сделать заключение, что почти все уздени находились в той или иной зависимости — от поземельной зависимости и сословного неравенства до ограничения в правах передвижения путем экономического принуждения.

подавляющее большинство узденей нагорного Дагестана было лично свободным, сохранило автономное самоуправление, право передвижения, занятий, а также хозяйственные права, однако находилось в поземельной зависимости от ханов и беков и безусловно признавало их сословные привилегии. В равнинных же владениях права узденя были значительно ограничены. В случае перехода с места на место феодальный обычай лишал его всех прав на недвижимую собственность в пользу землевладельца.

После присоединения Дагестана к России положение узденей резко изменилось. Русское феодальное государство считало себя монопольным землевладельцем, а в узденях видело только держателей государственной земли, источник получения феодальной ренты.

Законодательное выражение эта точка зрения получила в рескрипте от 6 декабря 1846 года. Рескрипт объявил всех лично свободных крестьян государственными поселянами. И хотя формально указанный рескрипт прямо не касался Дагестана, однако, как сообщает управляющий екатеринодарской казенной палатой Акинфиев, «высшая в крае власть не сомневалась в том, что он (т. е. рескрипт—Г. О.) должен быть распространен и на принадлежавшие в то время России части Дагестана»¹⁴¹.

Пока шла война против Шамиля, царская Россия не проявляла сколько-нибудь заметной активности в осуществлении подобной точки зрения. Однако после подавления движения царские власти последовательно стали называть узденей государственными крестьянами, сидящими на «казенных землях, состоящих в постоянном пользовании поселян»¹⁴². За ними не признавалось право собственности даже на мюльки. При этом царские власти исходили из того, что «все земли, состоящие в распоряжении сельских (аульских) обществ, принадлежали при прежнем владычестве казне и отданы были лишь во временное пользование населения»¹⁴³. Опираясь на эту точку зрения, по указанию Министерства финансов царской России. «все крестьянское население области по камеральному описа-

¹⁴¹ «Вестник финансов, промышленности и торговли». Т. 1, СПб, 1900, стр. 221—223.

¹⁴² ПСЗ, 1902, т. XX, стр. 778.

¹⁴³ «Дагестанский сборник». Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 126—136.

нию было отнесено к одному разряду крестьян,—живущих на казенной земле»¹⁴⁴. Центральные и местные власти всячески внушали эту мысль и узденям.

Экономическим выражением этой точки зрения было обложение узденей податями и натуральными повинностями, которые мало чем отличались от податей и повинностей, отбываемых государственными крестьянами России в пользу казны. Царские власти приняли также меры для органичения правового положения узденя. В дагестанском ауле была введена круговая порука¹⁴⁵. Уздени были лишены права свободного передвижения. По «Положению» о сельских обществах Дагестана крестьянин мог отлучиться из аула только с разрешения старшины¹⁴⁶. Переход в другое сословие и переезд на другое место жительства ограничивался рядом условий.

Таким образом, после присоединения Дагестана к России место феодального владетеля в отношении к узденям заняло русское дворянское государство. При этом правовое положение узденя резко ухудшилось, значительно усилилась его феодальная зависимость.

---

¹⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 19.

¹⁴⁵ Там же, л. 816.

¹⁴⁶ Там же.

«ПОСТАНОВЛЕНИЯ» РУСТЕМ-ХАНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАЙТАГА XVII в.

Научная разработка вопросов обычного права народов Дагестана имеет важное значение для характеристики социально-экономических условий, в которых оно возникло и развивалось. Большую научную ценность представляют памятники права, составление которых связывают с кодификаторской деятельностью глав феодального политического образования.

В настоящей статье мы рассматриваем один из таких памятников—«Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана», напечатанные А. В. Комаровым в 1868 году в «Сборнике сведений о Кавказских горах» (вып. I).

Помимо опубликованного текста, имелось еще несколько списков «Постановлений», весьма сходных между собой. Один из таких списков хранится в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР. Оригинал его составлен на кайтагском диалекте даргинского языка. С кайтагского диалекта текст был переведен на арабский язык, а затем уже на русский. В литературе упоминаются еще два списка кайтагского сборника, помеченные именем Рустем-хана.

Одним из них, принадлежавшим Управлению Кайтаго-Табасаранского округа, пользовался М. М. Ковалевский, второй список был в свое время передан в числе других материалов Новороссийскому университету.

В тексте указано, что «Постановления» написаны в XII в. по р. х. и были сданы на хранение кадию магала Гапш. По вопросу о датировке «Постановлений» в литературе существуют разные точки зрения.

А. В. Комаров, а вслед за ним и Ф. И. Леонтович, относят их составление к XII в., ссылаясь на указание, имеющееся в сборнике.

М. М. Ковалевский датировал происхождение этого памятника годами правления уцмий Рустем-хана, вступившего во владение Кайтагом в 1601 году, после смерти своего отца Хан-Магомеда¹.

То, что Рустем-хан был кайтагским уцмием в начале XVII в. подтверждается данными и многих других источников. Например, в документе о происхождении уцмиев, хранящемся в рукописном фонде Института ИЯЛ Дагфилиала Академии наук СССР, говорится, что у Хан-Магомеда-уцмий был сын, по имени Рустем-хан, который после смерти своего дяди Эмир Хамзы (1588 г.) стал уцмием в области Кайтаг. «Этот Рустем-хан был человеком весьма распорядительным. Он составил и утвердил письменно государственные законы. Население Кайтага в некоторые моменты обращалось к нему относительно затруднений в государственных делах»².

В специальной статье, посвященной исследованию «Постановлений» Рустем-хана, М. М. Ковалевский, критикуя А. Комарова и Ф. Леонтовича, приводит убедительные доказательства, подтверждающие его вывод относительно времени возникновения кайтагского свода. В частности, он ссылается на А. Олеария, который, описывая свое путешествие, указывает: «14-го апреля вступил я в область Осман, иначе Исмин называемую, князь которой Рустем держит свой двор в местечке того же имени».

Кроме того, М. Ковалевский ссылается на сохранившиеся три грамоты на имя Рустема: две грамоты выданы Рустему персидским шахом Абассом (1609 г., 1610 г.) и одна получена от его преемника шаха Сафии (1629 г.)³.

В трудах по истории Дагестана, составленных А. К. Бакихановым и Г. Э. Алкадари на основании более ранних источников, также отмечается, что Рустем-хан после смерти Султан-Ахмеда в 1588 году стал уцмием в Кайтаге и составил сборник законов.

Это подтверждается и русскими документами о сношениях русского государства с Кайтагом, а также записями путешественников, побывавших в Кайтаге. В 1618 году терские воеводы сообщили в Москву о том, что кайтагский уцмий «Урустан-хан» (Рустем-хан) прислал грамоту на Терек на имя царя и Сунчалая Черкасского с просьбой принять его в русское подданство⁴.

¹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Т. II, М., 1890, стр. 234.

² История происхождения рода уцмиев. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1645, л. 61.

³ Дагестанская «народная» правда «Этнографическое обозрение», №1, 1890 г., стр. 6.

⁴ ЦГАДА. Ногайские дела. 1618 г., № 1, лл. 27—29 и др.

Таким образом, можно считать бесспорно установленным, что сборник составлен в начале XVII в. кайтагским удмием Рустем-ханом.

Подлинник «Постановлений» Рустем-хана не сохранился, что серьезно затрудняет его исследование.

Для выяснения причин возникновения и классовой сущности «Постановлений» следует хотя бы кратко рассмотреть социально-экономические отношения и политическую обстановку в Кайтаге в период составления этого историко-правового памятника.

Территория Кайтага состояла из магалов (союзы джамаатов-общин): Терекеме, Башлы, Мира, Гапш, Сюрга, Ганк и других. Сопоставляя эти более поздние данные со сведениями, изложенными в документах XVII в., в которых перечисляются названия населенных пунктов в Кайтаге: «Каракомели»⁵ (Терекеме), «Башли», «Каракурачи»⁶ (Каракурейш), — можно сделать вывод, что границы Кайтага в течение XVII в. менялись мало и примерно соответствовали границам XVIII века.

В 1728 г. И. Г. Гербер, характеризуя состояние земель и народов, обитавших к западу от Каспийского моря, между Астраханью и рекою Курою, сообщает, что Кайтаг с севера граничил с владением шамхала Тарковского и Акушой, на востоке омывался Каспийским морем, на юге граничил с Дербентским ханством, от которого отделялся рекой Дарбах и горными вершинами Гургеля и Баума; в западной части Кайтаг граничил с Казикумухским ханством⁷.

О количестве населения Кайтага в XVII в. имеются следующие данные. В 1633 г. удмий Рустем-хан в грамоте терским воеводам писал, что он «учинился в «холопстве» русскому царю с сорокми тысячами кайдацкими людьми». В 1635 г. удмий Кайтагский в своей грамоте писал в Москву уже иначе, что он «вступил в русское подданство с шестьдесят тысячами, со всеми своими людьми»⁸.

Столь резкое увеличение населения в Кайтаге, вероятно, произошло в результате расширения территории удмиства за счет соседних обществ.

Основным занятием населения Кайтага было земледелие и скотоводство, причем последнее преобладало в Верхнем Кай-

⁵ ЦГАДА. Персидские дела, 1626г., №1.

⁶ ЦГАДА. Кабардинские дела. 1634г., №1.

⁷ И. Г. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекою Курой, народах и землях и об их состоянии в 1728 г. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», мая, 1760 г., т. XVII стр. 107—108.

⁸ ЦГАДА. Кайтагские дела. 1635 г., л. 52; Кабардинские дела, 1634, № 1 и 9.

таге. В XVI в. в Кайтаге довольно быстро развивались ремесла и торговля. Наряду с развитием экономики Кайтага, налаживаются его торговые связи с другими народностями Кавказа и России. Этому в значительной степени способствовало оживление торгового пути из России в Закавказье, проходившего по территории Кайтага, вдоль Каспийского моря. В документах о сношениях Кайтага с Русским государством неоднократно отмечается, что кайтагский уцмий использовал эту дорогу в целях обогащения своей казны. По ней привозили товары для продажи в торговые центры России и Кавказа. С торговых караванов, проходивших по этой дороге, взимались большие пошлины.

В начале XVI в. Кайтагское уцмийство выступает в Дагестане как значительное феодальное политическое объединение. Русский путешественник Афанасий Никитин, который побывал в Кайтаге еще в 1466 году, отмечал, что Кайтаг в это время был сильным княжеством, управляемым кайтагским князем Халил-беком⁹. В завещании, которое приписывается аварскому нуцалу Андунику (1485 г.), говорится, что кайтагский уцмий имел в то время трехтысячное войско. К концу XVI в. Кайтагское уцмийство настолько усилилось, что правители Дербента стали обращаться к нему за помощью в борьбе против турецкого владычества. Например, в 1606 г. городская знать и шиитское духовенство Дербента пригласили уцмию Рустем-хана выступить против турок, захвативших город. Уцмий осадил Дербент и заставил неприятеля запереться в городской цитадели. Турецкий комендант Дербента Гезер-Гасан, видя бесполезность сопротивления, позорно сдался¹⁰.

Возросшая роль феодальных владельцев была следствием сдвигов, происходивших в социальном строе Кайтага. К этому времени отдельные сельские общества уже не могли противостоять притязаниям кайтагских феодалов и вынуждены были уступить им часть своих земель.

Вместе с ростом феодальной собственности усиливалась эксплуатация крестьян-общинников, что вызывало острое недовольство, нередко перераставшее в открытые выступления крестьян. Так, например, около 1580 года при уцмии Гасан-Али в Кайтаге вспыхнуло восстание райятов, окончившееся выселением многих беков в Янгикент¹¹. В то же время произошло восстание в Урджемильском магале, которое было жестоко подавлено¹².

⁹ Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М.—Л., 1948, стр. 54—55.

¹⁰ А. К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 94.

¹¹ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—нач. XIX веков. Махачкала, 1957, стр. 203.

¹² А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 89.

В обстановке обострения классовых противоречий феодальная знать Кайтага добивается дальнейшего утверждения и установления адатов, выражавших ее интересы и привилегии. Чтобы придать адатам характер норм, обязательных для всех жителей феодального владения, их облачают в форму юридического свода уцмья Рустем-хана и утверждают на сходе представителей сельской общинной знати. В рукописи, хранящейся в ЦГИА Гр. ССР и именуемой далее вторым списком «Постановлений», указывается, что «при уцмие Рустем-хане все жители Уцми-Дарго (Кайтаг), собравшись в деревне Кишья, единогласно установили следующие адаты». А в заключении рукописи имеется воззвание к уцмию и всему народу, призывающее всех жителей к беспрекословному выполнению установленных адатов.

«Постановления» Рустем-хана включают не все, а лишь наиболее важные правовые адаты, единообразное применение которых на территории уцмийства было признано беками и общинной знатью. Сборник Рустем-хана, устанавливая определенные феодальные привилегии, в известной степени, ограждает сельские общины от произвола кайтагских беков. В «Постановлениях» имеются, например, такие предписания: «Никто не должен завещать имение свое в пользу бека или чанки. Кто сделает такое завещание, того вместе с семейством прогонять из селения. А кто будет упрашивать и советовать, чтобы такого завещателя оставить, того дом разрушать»; «Если бек будет притеснять какое-либо селение, то остальные селения должны вступить за него и остановить бека».

Установление в Кайтаге приведенных выше и некоторых других норм объясняется такой расстановкой классовых сил, которая не позволяла уцмию полностью встать на сторону беков в ущерб интересам общин. Союзы сельских обществ в тот период представляли собой серьезную силу, с которой не мог не считаться уцмий Рустем-хан.

Сборник Рустем-хана отражает сословное разделение общества и дает возможность определить правовое положение отдельных социальных групп.

Привилегированное сословие в Кайтаге состояло из следующих групп: беки, чанки, духовенство, общинная знать, — так называемые «умные люди».

Уцмий являлся главою политического объединения кайтагов. Из адатов, записанных в более позднее время, известно, что уцмий, по установившимся обычаям, избирался на собрании общинной знати.

Достоинство уцмья передавалось старшему члену рода уцмиев. В 1631—32 гг. посол Рустем-хана в Москве говорил,

что после смерти уцмий «будут на княжельи братья его Чюгук да Устархан да сын его Хан»¹³.

Уцмий рассматривали судебные дела, собирали ополчение и командовали им при защите от нападения и во время походов. Об этих правах уцмиев говорится во втором списке сборника Рустем-хана: «Если уцмий поднимет тревогу, то все жители Уцми-Дарго должны бежать к нему на помощь, а тот, кто не пойдет, с него взыскать в штраф 1000 локтей холста»; «Уцмий обязан заседать в диване (в суде) ежедневно и разбирать жалобы»; «Если уцмий созывает народ в диван для разбора жалобы, то все должны идти, а кто не явится, с того взыскать в штраф 100 локтей холста».

В сборнике Рустем-хана дается весьма любопытное обоснование необходимости политической власти, верховенства уцмий над населением. «В государстве без правителя, в обществе без суда, в стаде без пастуха, в войске без разумного, в селе—без головы — добра не будет»,—гласит один из афоризмов сборника. Нетрудно заметить, что приводимый афоризм тщательно затушевывает деспотический, угнетательский характер власти феодального правителя и представляет ее как постоянное, естественное явление в обществе.

Следующую группу привилегированного сословия Кайтага составляли беки. Беками становились дети уцмий, лишенные права престолонаследия. Несомненно, что многие бекские фамилии вели свое начало не только от ханского рода, но и от древних, наиболее богатых родовых фамилий, впоследствии превратившихся в привилегированное сословие. Например, в Кайтаге существовали в прошлом роды Карачибекковых и Гамринских беков, издавна присвоивших пахотные земли и пастбища.

Беки являлись вассалами уцмий. Они обязаны были собирать ополчение и командовать им. Беки пользовались многими правами, резко выделявшими их среди других групп населения. Ряд норм «Постановлений» уцмий направлен на всемерную защиту интересов беков. За убийство кем-либо бекского раба была установлена коллективная ответственность того общества, к которому принадлежал виновный. Бек пользовался значительными правами в разбирательстве судебных дел. Тяжущиеся обязаны были предварительно получить разрешение бека на то, чтобы кадий разобрал их дело согласно «Постановлениям». Сборник Рустем-хана в особой статье обязывает подданных являться на суд бека по первому призыву. В случае нарушения этого, виновному грозил штраф «в сто карн хабцалдику»¹⁴.

¹³ ЦГАДА. Кабардинские дела. 1634 г., № 1, л. 12.

¹⁴ Хабцалдик — грубая пеньковая ткань, изготавливаемая домашним способом.

Из адатов Кайтага, записанных в XIX в., но, несомненно установившихся и действовавших значительно ранее, известно, что уздени не имели права кровной мести по отношению к бекам; в случае убийства беком кого-либо из узденей, убийца должен был скрыться из аула на два-три месяца. За это время родственники бека старались покончить дело примирением, передавая родственникам убитого часть имущества убийцы.

В случае же убийства бека кем-либо из узденей, родственники убитого бека вместе со своими узденями (нукерами) нападали на дом убийцы, уничтожали все его семейство, отбирали имущество и сжигали дома ¹⁵.

В сборнике Рустем-хана упоминаются чанки—дети уцмия, рожденные от неравного брака. Они не имели права на наследство и на звание бека. Во всем остальном чанки пользовались правами беков и несли вассальную службу у уцмия.

В «Постановлениях» нет подробного материала о правовом положении различных категорий крестьянства. В изданном тексте упоминаются уздени и рабы, а во втором неопубликованном списке употреблен термин «райяты». О степени развития феодальных отношений можно судить, исходя из тех норм сборника, где говорится о правах и привилегиях общества. Под термином «общество» следует подразумевать сельскую общину или джамаат.

Как уже отмечалось, судебные дела в общинах рассматривались беками. Но свои судебные функции они осуществляли не единолично, а с участием созываемых для этой цели старейшин, или, как говорится в своде, «мудрых людей» (общинной знати).

«Ежегодно,— читаем в своде,— бек обязан собирать мудрых людей и по этим постановлениям разбирать тяжущихся и не оставлять без наказания ни вора, ни грабителя». Ограничены были права беков и в других областях. Бек не имел права единолично требовать от жителей, чтобы они вышли на войну: такое требование не подлежало исполнению. Но если бек собирал предварительно «благоразумных людей», советовался с ними и на совете его требование утверждалось, то лицо, уклонившееся от участия в войне, подлежало штрафу в сто кари хабсалдика. Когда бек нарушал этот адат и собирал войско самовольно, он также подвергался взысканию в пользу общества. Обычай ревниво охраняли вековые права кайтагских общин, члену общества, например, запрещалось, под страхом штрафа, спешить навстречу беку, объезжающему селения, и вообще являться к нему иначе, как по его вызову.

¹⁵. Адаты Кайтага—Табасаранского округа. «ССКГ». 1868, вып. 8, стр. 40.

«Если бек или чанка,—читаем в своде,—приедет в какое-нибудь селение, то никто без позова не должен приходить к нему. Если же кто пойдет к беку, будучи не позванным, с того брать сто кари хабцалдику».

Приводимые выше адаты о правах сословных групп и ряд других, о которых речь будет идти ниже, с несомненностью указывают на то, что Кайтагское уцмийство в XVII в. представляло собой феодально-политическое объединение с резко выраженным классовым неравенством.

Перейдем к рассмотрению адатов, касающихся основных моментов уголовного права Кайтага. В сборнике Рустем-хана, как и во всяком правовом памятнике раннефеодального общества, эти адаты преобладают. Среди них важное значение для освещения социально-экономической истории кайтагцев имеют имущественно-правовые адаты. По их изменениям можно судить о различных этапах развития частной собственности как базы феодальной эксплуатации.

Имущественные преступления в «Постановлениях Рустем-хана не имеют особой классификации. Почти все преступления против собственности называются «воровством». Различаются виды простого и квалифицированного воровства, а также покушение на воровство. Квалифицированным воровством считалось похищение имущества из мечети. Резко увеличивалась ответственность за воровство; обычным ее последствием было десятикратное возмещение убытков, в отличие от простого возмещения, имевшего место в дофеодальный период.

При патриархально-родовом строе преследование воровства и возмещение ущерба являлось делом лишь родственного коллектива, на имущество которого совершалось посягательство. Ему было безразлично, как совершено посягательство: с применением насилия, тайно, с заранее обдуманной намерением и т. п. В имущественном преступлении видели лишь вред, нанесенный всему кровнородственному коллективу.

Эти воззрения в сборнике Рустем-хана претерпели существенные изменения. В одном из его предписаний установлено: «Тому, кто поймает вора, тысяча кари хабцалдику, и сто кари беку пойманного вора». Из этого можно сделать вывод, что воровство уже рассматривается как общественно-опасное деяние и преследуется не только потерпевшим ущерб, а и органами власти. Был установлен штраф с того, кто поймает, но отпустит вора.

Принятие норм, способствующих предотвращению посягательств на частную собственность, явилось результатом имущественной дифференциации, происходившей в обществе. Господствующий класс был заинтересован в усилении репрессий,

с целью укрепления своей экономической и политической власти.

Правящий класс использовал в своих интересах и институты патриархально-родового быта, которые ко времени записи «Постановлений» изменили свое содержание.

Ишкиль¹⁶, служивший обычным способом восстановления имущественного ущерба при патриархально-родовом строе, применялся в Кайтаге и в XVII веке. Однако его эволюция совершенно очевидна. Прежде всего, ишкиль не должен был применяться в отношении некоторых привилегированных лиц: «у кадия, чоуша, нарочного, старика и ученика барамты не брать»,—говорится в «Постановлениях».

Отсутствие в этом перечислении бека и чанки, по нашему мнению, объясняется тем, что они фактически уже пользовались этой привилегией задолго до введения норм, определяемых «Постановлениями». Далее, как указано в «Постановлениях», ишкиль запрещалось брать в безлюдном месте. Ишкиль можно было брать только при свидетелях. Никто не имел права сопротивляться, когда у него брали имущество в качестве ишкиля. В «Постановлениях» особо подчеркивается запрет препятствовать взятию ишкиля внутри селения. Вероятно, это сделано с целью избежать возможного кровопролития в случае сопротивления ответчика.

Ишкиль, как это видно из сборника, превратился в легализованный правовой институт, используемый в интересах господствующего класса. Он служил орудием закабаления беднейшего крестьянства.

В «Постановлениях», наряду с ишкилем, много внимания уделяется регламентации кровной мести. В зависимости от тяжести совершенного преступления «Постановления» в каждом отдельном случае предусматривают число канлы—обычно два или семь человек. В отличие от древнего обычая, признающего неограниченность кровомщения, «Постановления» во избежание кровопролития предписывают канлы покинуть в определенный срок селение, в котором находится его кровник-мститель.

Этой же заботой о сохранении мира среди жителей можно объяснить и воспрещение препровождать канлы к кадию или обществу на разбирательство какого-либо дела. Больше того, в «Постановлениях» указывается: «Канлы не должен сам ходить на разбирательство, а посылать от себя доверенное лицо». Поэтому всякое содействие мстителю, хотя бы тем, что будет указано местонахождение канлы, рассматривается как наказуемое действие. При этом доносы на канлы счита-

¹⁶ И ш к и л ь — самоуправный захват имущества с целью принудить ответчика исполнить обязательство по договору купли-продажи, займу и т. д. Иногда это действие называют термином «барамта».

лись настолько опасными, что «Постановления» требовали: «По чьим доносам будет убит канлы, того вместе с семейством считать кровными врагами», «Если родственники убитого канлы убьют подобного доносчика, то кровь последнего считается безвозмездною».

Стремление уменьшить число убийств на почве кровной мести в «Постановлениях» проявляется также и в том, что они предписывают принимать канлы в общество, в том числе даже из другого общества. Если же канлы покидал селение, жителям запрещалось его сопровождать.

Таким образом, институт кровной мести претерпел в XVII в. значительные изменения. Об этом, во-первых, свидетельствует факт правовой регламентации обычая кровной мести, во-вторых, — стремление заменить кровную месть денежным выкупом. Одна из статей «Постановлений» указывает: «Если кто-либо умрет от ран, нанесенных несколькими лицами, то двоих из них считать кровными врагами и, по умерщвлению одного, с другого брать шестьдесят рублей». Эта же статья во II списке «Постановлений» допускает выкуп и для обоих кровников. «Если кто кого убьет в драке и виновного не окажется, — говорится во II списке, — то родственники убитого выбирают двух в канлы, кого пожелают из числа тех лиц, которые участвовали в драке: один из них будет «баш-канлы»¹⁷, который платит вдвойне шариат ахча родственникам, но после этого они (т. е. родственники) все-таки имеют право его убить; другой «мал-канлы»¹⁸, который, если пожелает примириться, пусть заплатит родственникам убитого 60 рублей и его не должны преследовать».

По истечении срока изгнания, канлы, за известный выкуп и угощение родственников убитого, мог примириться с ними.

Несмотря на очевидную тенденцию к ограничению кровной мести, как о том свидетельствуют «Постановления», обычай кровомщения был очень распространен. Широкое применение кровной мести в Кайтаге в период принятия «Постановлений» Рустем-хана можно объяснить слабостью и неразвитостью органов государственной власти, хотя в своде Рустем-хана попытки ограничить ее выражены в достаточной степени.

В рассматриваемый период кровная месть в Кайтаге была признана и предписана обществом, но применение ее ограничивалось определенными условиями. «Постановления» отражают начало отмирания мести и замены ее уголовным наказанием.

¹⁷ Канлы означает кровный враг. Баш-канлы—главный виновник, убийца, насильник и т. д.

¹⁸ Мал-канлы—соучастник преступления или родственник преступника.

Частичная замена кровной мести имущественными выкупами является существенным этапом в изменении правовых взглядов общества, произошедших в результате развития общественно-экономической жизни кайтагцев в период правления Руستم-хана.

Следует отметить, что кайтагское право XVII века уже знало понятие о необходимой обороне. В состоянии необходимой обороны защищающийся мог убить всякого, посягающего на имущество, жилище, честь и т. д. Такое убийство не влекло за собой ни наказания со стороны публичной власти, ни кровной мести со стороны родственников убитого.

В «Постановлениях» Руستم-хана не указаны нормы, ограничивающие преступления против порядка управления. Это объясняется примитивностью административно-политического аппарата.

Кайтагские джамааты, сохранявшие относительную самостоятельность, осуществляли внутреннее самоуправление. При этом они руководствовались джамаатскими адатами.

Хотя уцмий осуществлял верховную власть, а беки на подвластных им территориях, как видно из «Постановления», исполняли судебные и административные функции, они вынуждены были считаться с внутриджамаатскими обычаями в области управления. Поэтому в «Постановлениях» незначительное место отводится нормам, регулирующим административные функции центральной власти, то есть власти уцмий. Тем не менее отдельные нормы, касающиеся преступлений против порядка управления, уже имеют отражение в обычном праве кайтагов.

Например, предусмотрена ответственность тех, кто не выедет по тревоге вместе с обществом. Виновный должен был уплатить 100 кари хабцалдику. Еще большая ответственность была установлена за невыезд по тревоге вместе с беком. «Если бек выедет на тревогу, то должны все ехать; с невыехавшего на тревогу вместе с беком—тысячу кари хабцалдику».

Неявка на суд по призыву бека также была наказуема. «С неявившихся по призыву бека на суд брать по сто кари хабцалдику»,—говорится в «Постановлениях».

«Постановления» карали также за неповиновение власти. «С того, кто начнет спорить с чаушем, брать сто кари хабцалдику».

Ложный донос, являющийся преступлением против порядка управления, карался штрафом в сто кари хабцалдику. В «Постановлениях» говорится: «Когда хозяин сгоревшего, узнав, кем именно был сделан поджог, укажет на другого и будет требовать от него очистительной присяги, то с такого хозяина брать сто кари хабцалдику в общественную пользу». Хотя в данном случае речь идет о заведомо ложном обви-

нении в поджоге, следует полагать, что эта норма действовала и в случае ложного обвинения при совершении других преступлений.

К преступлениям против порядка управления можно отнести и следующие нормы «Постановлений»: «Если какое-либо селение, принадлежащее кайтагскому обществу, отделится, то с него брать триста рублей», ...«Если же один кто-либо отделится от общества, то с него брать сто рублей». Как указано в примечании к сборнику Рустем-хана, употребленное в тексте слово «отделиться» следует понимать как несогласие с обществом¹⁹. И наконец, отметим наиболее характерную норму наказания преступлений этого же вида: «Кто откажется поступать по этим постановлениям, того изгонять из общества».

Неоднократное упоминание в «Постановлениях» о необходимости руководствоваться установленными адатами принимает в конце сборника форму обязательного предписания с указанием санкции. Эта норма приобретает особое значение, ибо только она устанавливает такое наказание, как изгнание из общества.

Основными наказаниями в кайтагском обычном праве XVII века являлись крупные штрафы, разрушение дома в случаях особо тяжких преступлений и изгнание виновного из общества. Других наказаний «Постановления» Рустем-хана не упоминают.

Несмотря на очевидную тенденцию к индивидуализации наказания, размер штрафа, возлагаемого на виновного, служит подтверждением значительной родственной солидарности. По мере разложения большой семьи и выделения индивидуальных семей, кровно-родственная солидарность носила уже менее обязательный характер. Однако, как правило, родственники считали своим моральным долгом помогать друг другу. Взимание крупных штрафов и выкуп вели к разорению и закабалению значительной части общества. Следовательно, подобная система наказаний была выгодна имущему классу.

Степень развития уголовно-правовых понятий в своде Рустем-хана показывает, что кайтагское обычное право сделало значительный шаг вперед по сравнению с правом патриархально-родового строя. М. М. Ковалевский в работе «Современный обычай и древний закон» отмечал, что в эпоху господства родового быта не различали умысел и неосторожность, случайное и преднамеренное убийство, а подстрека-

¹⁹ «В очерках истории Дагестана». Т. 1, гл. II, § 4, стр. 66 приведенная выше норма трактуется неправильно. Автор этого параграфа М. Ихиллов ошибочно считает, что эта статья говорит о прикреплении крестьян к земле.

тельство и покушение оставались без возмездия. В «Постановлениях» Рустем-хана отчетливо разграничены все эти понятия, а также содержится ряд положений о приготовлении к преступлению, отягчающих и смягчающих вину обстоятельств, о степени виновности.

В упомянутой выше работе М. М. Ковалевский писал: «Процессуальные порядки народа, живущего родовым устройством, не различаются между собою по характеру тяжбы. Отдельный устав гражданского и отдельный уголовного судопроизводства в это время были немыслимы»²⁰. Свод Рустем-хана, как уже было отмечено, мало касается гражданско-правовых отношений, так как вопросы гражданского права регулировались в Кайтаге на основе шариата. Одна из норм «Постановлений», например, упоминает о разбирательстве тяжб кадием, в сферу деятельности которого входило рассмотрение дел согласно мусульманскому закону.

В результате историко-правового анализа «Постановлений» Рустем-хана мы приходим к следующим выводам:

1. Источником «Постановлений» Рустем-хана является обычное право кайтагов, уже получившее свое развитие в условиях становления феодального общества.

2. Памятник свидетельствует о дальнейшем развитии и укреплении частной собственности. В период принятия «Постановлений», т. е. в XVII веке, в Кайтаге, наряду с сохранением общинной собственности, была частная собственность на пахотные земли, скот, дома. О росте и укреплении института собственности можно судить по нормам «Постановлений», направленных на усиленную охрану частной собственности.

Процесс укрепления частной собственности проходил параллельно с разложением семейной общины на индивидуальные семьи с отдельными хозяйствами. Появление индивидуальной семьи вело, как видно из «Постановлений», к индивидуализации наказания и ослаблению кровнородственной солидарности.

Нормы «Постановлений» отражают усиление неравноправного социального и имущественного положения членов общества в Кайтаге. В отдельных нормах открыто провозглашаются привилегии феодальной знати. Этот период характерен интенсивным процессом упрочения политической власти уцмий и беков, что обусловило развитие принципов феодального права — права привилегии.

²⁰ М. М. К о в а л е в с к и й. Современный обычай и древний закон. 1886, т. II, стр. 112.

3. В период принятия «Постановлений» заметно стремление к укреплению политической власти уцмья как феодально-го владетеля. Это вело к изживанию правового партикуляризма, что подтверждается установлением единообразных обычно-правовых норм на территории уцмийства.

4. Отсутствие в своде Рустем-хана гражданско-правовых норм (купли—продажи, наследования, завещания, дарения и др.) не говорит о том, что они не были известны в Кайтаге, все эти гражданско-правовые отношения регулировались шариатом.

5. В «Постановлениях» Рустем-хана получают свое отражение такие уголовно-правовые понятия, как умысел, пособничество, стадии развития преступлений, отягчающие и смягчающие вину обстоятельства. Перечисленные выше понятия являются категориями, возникающими в условиях классового общества.

6. Сводом Рустем-хана не предусмотрены телесные и членовредительные наказания, лишение свободы и т. д. Господствующими наказаниями были значительных размеров штрафы и выкупы, применение которых в интересах феодальной знати вело к усугублению неравноправного имущественного положения.

7. «Постановления» Рустем-хана подробно регламентируют кровную месть, ишкиль и другие институты патриархально-родовых отношений. Несмотря на относительно широкое распространение обычаев кровной мести, ишкиля, похищения невест и др., эти обычаи в Кайтагском обществе XVII века претерпели значительные изменения. Перечисленные выше институты патриархально-родового строя также использовались господствующим классом в своих интересах, чем отчасти объясняется живучесть этих обычаев.

8. Принятие «Постановлений» знаменует собой заметное ослабление сельской общины и свидетельствует о все большем экономическом и политическом подчинении общин в начале XVII века власти кайтагского уцмья и феодализирующей верхушки.

АРХЕОЛОГИЯ
И ЭТНОГРАФИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ У ГЛАВНОГО КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА

(Предварительное сообщение)

Ряд высокогорных районов Аварии, расположенных у Главного Кавказского хребта (Цунтинский, Цумадинский и отчасти Ахвахский районы) несомненно представляет большой интерес в историко-археологическом отношении. Именно из этих районов получено много разнообразных археологических материалов, добытых в разное время в результате небольших раскопок, предпринятых отдельными исследователями. Много материала собирали здесь и коллекционеры, преимущественно в дореволюционные годы¹. Эти материалы, хранящиеся в различных музеях СССР (бронзовые фигурки людей и животных, железное оружие, украшения и т. д.), в большинстве случаев лишены научной документации, что значительно снижает их ценность. В этой связи особое значение имеют раскопки А. П. Круглова у селения Арчо (Ахвахский район), которые дали материалы, проливающие свет на характер некоторых памятников².

Однако эти районы до последнего времени оставались вне поля зрения археологов. И только в связи с организацией Дагестанского филиала Академии наук СССР началось систематическое и планомерное их изучение.

В результате, на территории Дидо обнаружен ряд памятников, часть которых подвергнута исследованию. Наиболее значительные раскопки проводились в Цунтинском районе,

¹ См. А. А. Иессен. Работы на Сулаке. Известия ГАИМК, вып. 110, М.-Л., 1935, стр. 29—39; И. В. Мегрелидзе. Археологические находки в Дидо. СА, XVI, стр. 283—291.

² А. П. Круглов. Культурные места горного Дагестана. ҚСИИМК, XII, М.-Л., 1946, стр. 31—40.

где около райцентра селения Бежта был обнаружен интересный средневековый могильник.

Бежтинский могильник находится на расстоянии 7 км к востоку от селения Бежта и 3 км к западу от селения Тлядал Цунтинского района ДАССР. Он расположен на левом склоне долины реки Хзан Ор, на 1 км ниже устья ее правого притока Симбирис-Хеви³. (фото 1). Долина Хзан Ор имеет здесь

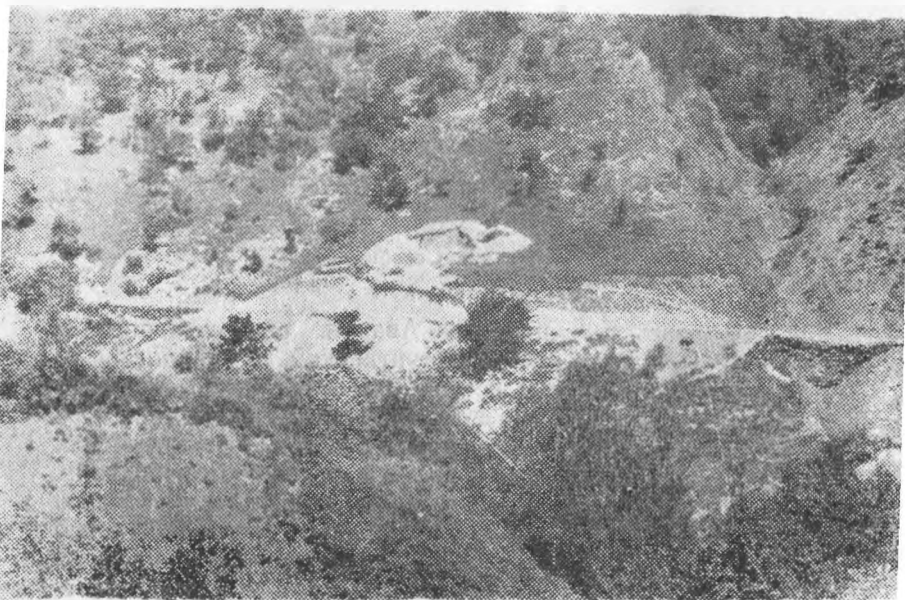

Фото 1.

направление с юго-востока на северо-запад. Она представляет собой крутосклонное ущелье глубиной до 400 м. На участке, где производились раскопки, долина реки врезается в толщу глинистых сланцев нижнеюрского периода, которые при выветривании дают мелкую щебенку с большим количеством мелкозема. Элювиально-делювиальные отложения, покрывающие чехлом нижнюю часть крутых склонов долины, не имеют сколько-нибудь ярко выраженной слоистости. Вследствие большой крутизны и пористого характера элювиально-делювиальных отложений, склон подвергся оползанию. Об этом процессе свидетельствует мелкобугристый рельеф склона и растущий здесь, так называемый, «пьяный лес». С запада и востока могильник граничит с двумя небольшими оврагами относительно недавнего происхождения.

³ Аварское название этой реки Гацжа Ор, что в переводе означает Гянжинская речка.

Могильник обнаружен в связи со строительством шоссейной дороги, соединяющей Махачкалу с селением Бежта Цунтинского района ДАССР.

В 1956 году строители находили различные вещи: обломки железного оружия, бронзовые фигурки животных, украшения и т. д., которые были переданы начальником Хунзахского дорожного участка Атаевым Г. Г. в Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. В этом же году около того места, где по словам строителей чаще всего встречались находки, 2-м горным отрядом ДАССР, руководимым М. И. Пикуль, был заложен небольшой раскоп. В результате проведенных работ здесь был добыт интересный комплекс вещей (оружие, украшения), которые, по мнению М. И. Пикуль, сопровождал отдельно захороненный череп⁴. Исследовательские работы гораздо больших масштабов проводились здесь и в последующем 1957 году. Наиболее важными итогами полевого сезона 1957 года следует считать определение границ памятника и уточнение погребального обряда. Материалы раскопок 1957 года дали основание полагать, что помимо захоронения отдельных черепов, имело место захоронение целых костяков, что явствовало из взаиморасположения на одном горизонте погребального инвентаря и немногих сохранившихся костей⁵. Наиболее же значительные по объему работы велись в 1958 году⁶.

В результате трех полевых сезонов (1956—1958 гг.) на Бежтинском могильнике было вскрыто около 150 м² площади и расчищено свыше 30 погребений.

Особенностью Бежтинского могильника считалось почти полное отсутствие костяков. Однако данные, полученные в результате раскопок последних двух лет, позволяют с уверенностью восстановить погребальный обряд. Как показали раскопки, покойники лежали на спине в вытянутом положении

⁴ М. И. Пикуль. Археологические памятники первого тысячелетия н. э. северо-западной части нагорного Дагестана. Отчет об археологических разведках 2-го горного отряда экспедиции Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР в 1956 г., ч. II, рукописный фонд ИИЯЛ, д. 2312, стр. 61.

⁵ См. Д. М. Атаев, В. М. Котович. Отчет о работе ДАЭ в 1957 г. рук. фонд. ИИЯЛ, № 2478, альбом № 2.

⁶ Состав отряда: Д. М. Атаев — начальник отряда; М. А. Хизроев — ст. лаборант, А. Ш. Гимбатов, Г. Ш. Гимбатов; А. М. Халилов, Ю. Милованов, М. С. Абдулмагомедов — рабочие, А. А. Пилюгин, В. Маслов — шоферы.

Пользуясь случаем приношу глубокую благодарность тт. Сулейманову К., Махулову М. А. и Газиеву И. за большую помощь, оказанную в работе отряда.

головую на юго-запад (рис. 2). Все обнаруженные погребения располагались очень близко друг от друга⁷.

Фото 2.

⁷ Подобное явление следует объяснить недостатком земли, который остро ощущается в этом районе. Это же обстоятельство, видимо, послужило причиной устройства кладбища на левом берегу реки Хзан-Ор. (Поселение синхронное Бежтинскому могильнику располагалось на правом берегу против могильника). Эта особенность, т. е. вынос кладбища на левый берег реки, сохранилась в некоторых селениях Цунтинского района до настоящего времени. Такую картину мы наблюдаем, например, в селении Глядаль, расположенном вблизи раскопа.

Могилы не имели никаких наружных признаков. Трудно различались и контуры могильных ям. В отдельных случаях, около погребения, на уровне его находились одичные камни. В районе предполагаемой могильной ямы прослеживались угольки.

Как правило, около головы погребенного ставили от одного до четырех глиняных сосудов. Зачастую вместе с целыми сосудами обнаруживались и их фрагменты. Последнее обстоятельство и нахождение около погребенного угольков наводит на мысль о тризне. Захоронения Бежтинского могильника сопровождалась исключительно богатым инвентарем — помимо керамики там обнаружены: предметы быта, украшения, принадлежности туалета, оружие.

Приведем описание двух погребений, наиболее типичных для Бежтинского могильника.

Погребение № 8 (мужское, раскопки 1957 г.). Глубина залегания 70 см современной древней поверхности. Погребение ориентировано в направлении юго-запад — северо-восток. У изголовья погребения находился фрагментированный красноглиняный кувшин. Судя по фрагментам, он имел яйцевидное тулово и раструбообразное горло, в плане дающее трилистник. По плечу сосуд орнаментирован двумя рядами волнистого врезного орнамента. У самого горла имеется украшение в виде валика с нарезками.

Под сосудом были найдены сильно окислившиеся остатки железного шлема-шишака. Около шлема находилось 8 подвесок в виде бараньих головок с петлями для подвешивания (табл. I, 7а). Рис. 3. Под шлемом находились железный меч с прямым перекрестьем и железный однолезвийный палаш. В области груди лежали 2 большие круглые бляхи из оловянистой бронзы, орнаментированные коническими выпуклинами, образующими концентрические окружности (табл. II, 4).

К юго-западу от них лежали 4 маленькие подобные же бляхи. По краям этих блях прослеживался тлен от трубчатых костей.

В области живота была массивная бронзовая ажурная пряжка с крючком на оборотной стороне, на котором сохранился кожаный шнурок. Выше пряжки — бронзовая фибула с 3-мя перекладинами. К северо-востоку от пряжки, на расстоянии 10 см от нее найдены два бронзовых браслета. Один браслет пластинчатый с расширяющимися концами, богато орнаментирован резным и пунсонным орнаментом. Другой — сделан из толстого прута с утолщенными концами. К северо-западу от браслетов обнаружено 9 бронзовых колечек. Они лежали веерообразными группами по 4 и 5 экземпляров. Под этими находками прослеживался тлен от дерева.

Погребение № 15 (женское, фото 2). Оно располагалось на глубине 85 см. От костяка в первоначальном положении

Табл. I.

сохранились сильно раздавленный череп, левая лучевая кость, обе бедренные кости, а также кости голени и ступни. Остальные кости полностью истлели. Судя по расположению сохранившихся костей, покойник лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. У головы погребенного обнаружены 2 сосуда и железный наконечник копья. Вокруг чере-

па располагались многочисленные украшения, относящиеся к головному убору. В области груди найдена бляха с пунсоным орнаментом, бронзовая фибула с тремя небольшими перекладинами и коническими выпуклинами на конце. Фибула имеет железную иглу.

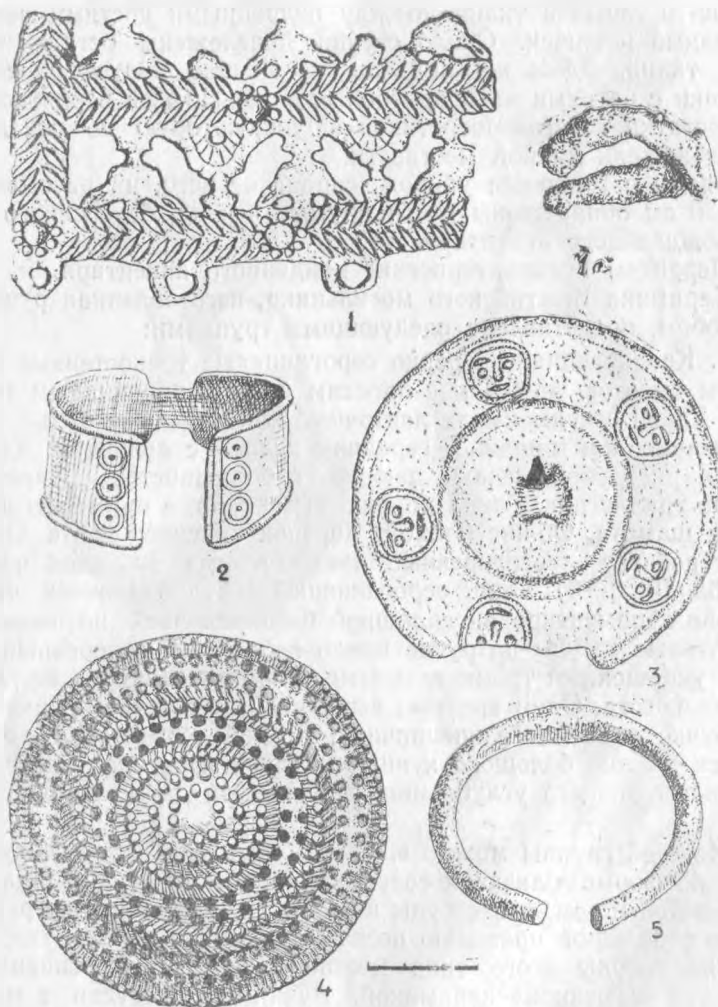

Табл. II.

В области живота найдена массивная ажурная поясная пряжка. Рядом с ней — 4 маленьких круглых ажурных бляхи, украшенные коническими выпуклинами.

По обе стороны пряжки обнаружены 2 браслета: один из медной проволоки и другой пластинчатый, овальной формы, с загнутыми наружу концами. Браслет украшен резным орнаментом. Рядом с браслетами располагались разноцветные стеклянные бусы (64 экземпляра). Видимо, они нашивались на рукава, что подтверждается найденными здесь остатками сильно истлевшей ткани. Между бедренными костями лежал железный ножичек. Около ступни прослежены остатки толстой ткани. Здесь же найдены небольшие полусферические бляшки с петлями на оборотной стороне. По всей вероятности, это остатки толстой шерстяной обуви, которую по сей день носят жители данной местности.

Рядом с головным убором, справа от него, на расстоянии 25—30 см обнаружены кости другого черепа, без всякого сопровождающего инвентаря.

Перейдем к характеристике найденного инвентаря.

Керамика Бежтинского могильника, изготовленная ручным способом, представлена следующими группами:

1. Красноглиняные, редко сероглиняные тонкостенные кувшины высотой до 0,5 м с плоским дном и яйцевидным туловом. Такие сосуды имели ленточные или овальные ручки, соединяющие, как правило, середину тулова с венчиком. Горло у них раструбообразное, дающее в большинстве случаев, в плане трилистник. Глина хорошо вымешана, с примесью дресвы и шамота. Обжиг плохой. Черепок красного цвета. Орнамент небогат — это врезные линии, иногда зубчатый чекан. (Табл. III, 3—6). Один сероглиняный сосуд в нижней части тулова орнаментирован сплошной беспорядочной штриховкой. Некоторые сосуды на ручке имели небольшой поперечный валик, украшенный тремя врезными линиями. Дважды встречен мотив креста. Один крестик, выполненный точечками, имеется на ручке небольшого кувшинчика. Другой — выпуклый — обнаружен на дне большого кувшина. Такой крест получается от соответствующего углубления, имеющегося на круге-подставке.

Из этой группы можно выделить еще одну серию сосудов. Она по форме близка к сосудам первого типа. Разница заключается в том, что сосуды второго типа сделаны из грубого теста с большой примесью песка. По обилию в тесте твердых частиц сосуды этого типа можно с известным основанием назвать «каменной» керамикой. Ручки этих сосудов в плане круглой или овальной формы. Орнаментация еще бедней, чем орнаментация сосудов первой серии. Это горизонтальные, иногда в сочетании с зигзагообразными, желобчатые пояса, которые обычно расположены у горла (табл. III, 1, 4) рис. 5 и вертикальные, образованные в результате лощения полосами (один случай).

II. Горшки баночной формы со слабо выраженной закраиной. Сосуды сделаны из плохо вымешанной глины с большой примесью песка (табл. III, 1).

абл. III.

Орнаментированы они в редких случаях пальцевыми вмятинами, расположенными около закраины.

III. Небольшие ритуальные сосудики преимущественно в виде низкогорлых приземистых кувшинчиков. Их можно по качеству теста разделить на 2 типа. Наряду с сосудами, сделанными из плохо вымешанной глины, содержащей большое количество песка, встречаются и сосуды, вылепленные из тонко вымешанной глины.

Наиболее многочисленными находками следует считать бусы (одно погребение № 19, раскопки 1958 г., дало их свыше 1000 шт.). Чаще всего, это многоцветные стеклянные бусы шаровидной, реже цилиндрической формы, глазчатые и бородавчатые, а также крупные и мелкие бусы с внутренней позолотой. Среди последних довольно часто попадаются сдвоенные и строенные (табл. IV, 6). Рис. 6. Второе место по количеству занимают бипирамидальные и шаровидные, реже — цилиндрические крупные сердоликовые бусы. Значительно реже находки гишеровых (цилиндрической формы) бус из горного хрусталя преимущественно рифленых, шаровидной и продолговатой формы (табл. IV, 2—5).

подавляющее большинство бус южного—сирийского и палестинского происхождения⁸.

Большой интерес представляют также предметы вооружения, которые обнаружены не только в мужских, но и в женских погребениях. Это железные шлемы конической формы, орнаментированные бронзовыми шишечками (рис. 1), длинные обоюдоострые мечи, железные однолезвийные еще прямые клинки (табл. V, 2, 3, 9). Рис. 8. Некоторые клинки имеют явный изгиб, что говорит о появлении ранних форм сабли (табл. VI). В наиболее богатых погребениях найдены деревянные ножны клинков, украшенные ажурными накладными пластинами из меди. Многочисленные наконечники копий представлены несколькими формами. Наиболее распространенной формой являются втульчатые с листовидным или пламенеvidным пером (табл. VI, 4, 5, 7). Нередки находки наконечников — дротиков, а также простых видов, сделанных из свернутого железного листа треугольной формы (табл. V, 7). Реже встречаются наконечники стрел; все они относятся к одному типу — крупные трехперые черешковые (табл. V, 6). Почти в каждом погребении встречались железные ножички. В 1958 году обнаружены массивные железные боевые топоры с широким лезвием.

Поражает обилие и многообразие металлических, преимущественно бронзовых украшений и предметов туалета.

⁸ Сведения о бусах получены от В. Б. Деопик, занимающейся специально исследованием северо-кавказских и, в частности, дагестанских бус.

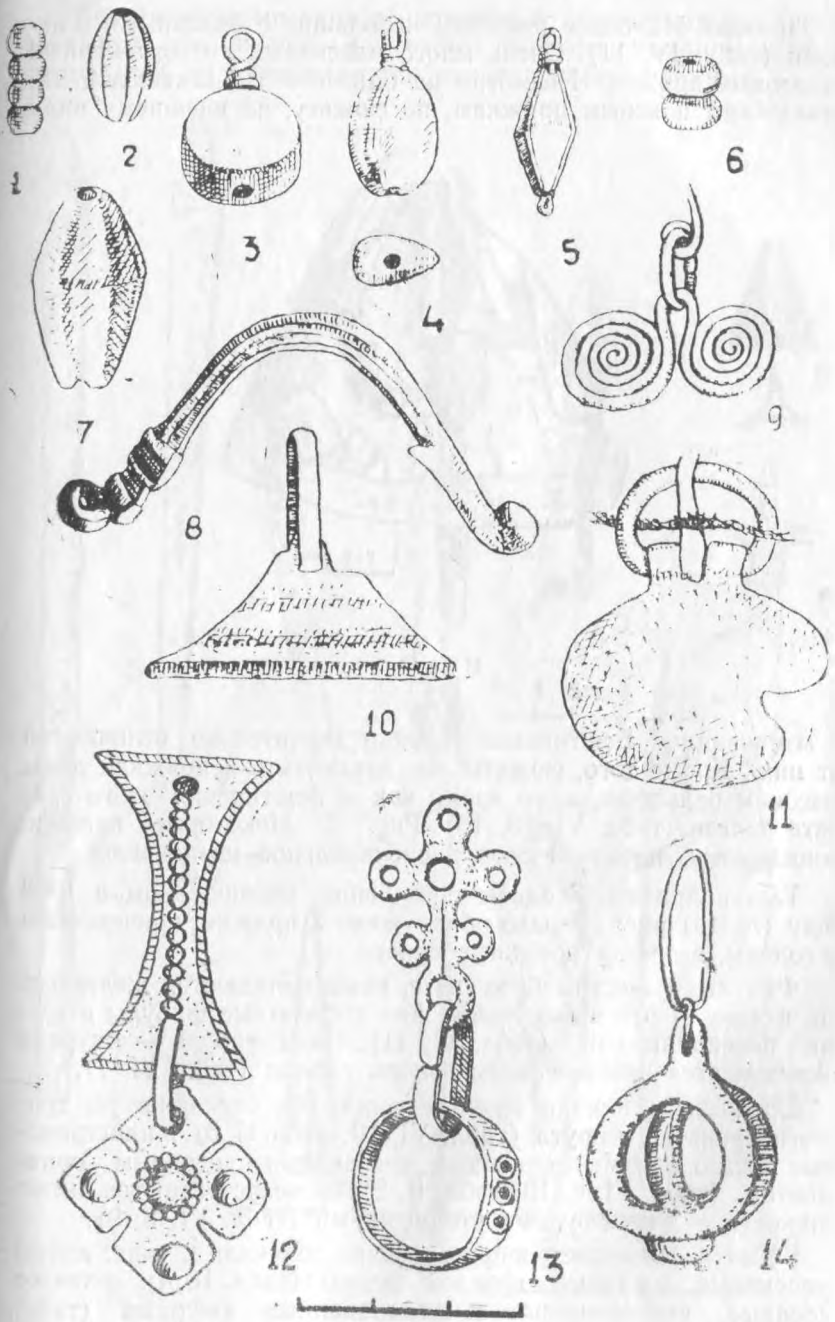

Табл. IV.

Пряжки. Наиболее известны небольшие с овальными щитками (табл. IV, 11). Очень много массивных литых ажурных бронзовых пряжек. Несмотря на близость к знаменитым закавказским поясным пряжкам, по сюжету, по внешнему виду

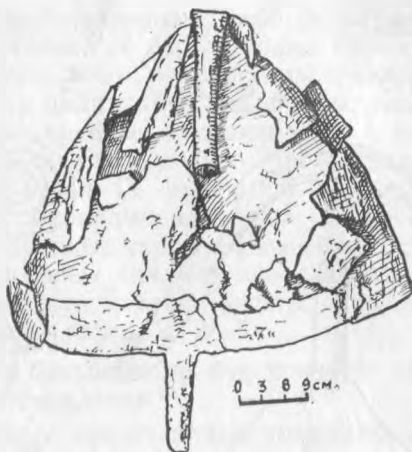

Рис. 1.

и композиции, Бежитские пряжки значительно отличаются от них. Кроме того, сюжеты на закавказских пряжках даны высоким рельефом, в то время как о бежитских этого сказать нельзя (табл. VI, 13, 15). Рис. 2. Некоторые пряжки, повидимому, потеряли свое первоначальное назначение.

Так, например, в одном погребении, расчищенном в 1958 году (№ 19) рис. 10 было обнаружено 2 пряжки, причем одна у головы, вторая у ног погребенного.

Фибулы. Известны бронзовые, реже попадаются железные. По форме — это преимущественно арбалетные фибулы с тремя перекладинами (табл. VI, 11). Одна фибула — ажурная оканчивается изображением головы собаки (табл. VI, 7).

Браслеты. Типичны круглые в сечении, сделанные из толстого бронзового прута (табл. VI, 10; табл. II, 5), и пластинчатые богато орнаментированные врезным и пунсонным орнаментом. (табл. VI, 6, 12; табл. II, 2). Реже встречаются витые тонкие и с 3 небольшими утолщениями (табл. VI, 8, 9).

Бляхи. Широкое распространение получили 2 типа: литые массивные ажурные круглой формы (табл. II, 4), а также кованные, умбоновидные и штампованные ажурные (табл. I, 9a).

Перечисленными видами украшений, разумеется, не исчерпываются все их формы и типы. Мы ознакомились лишь с основными, так называемыми руководящими формами.

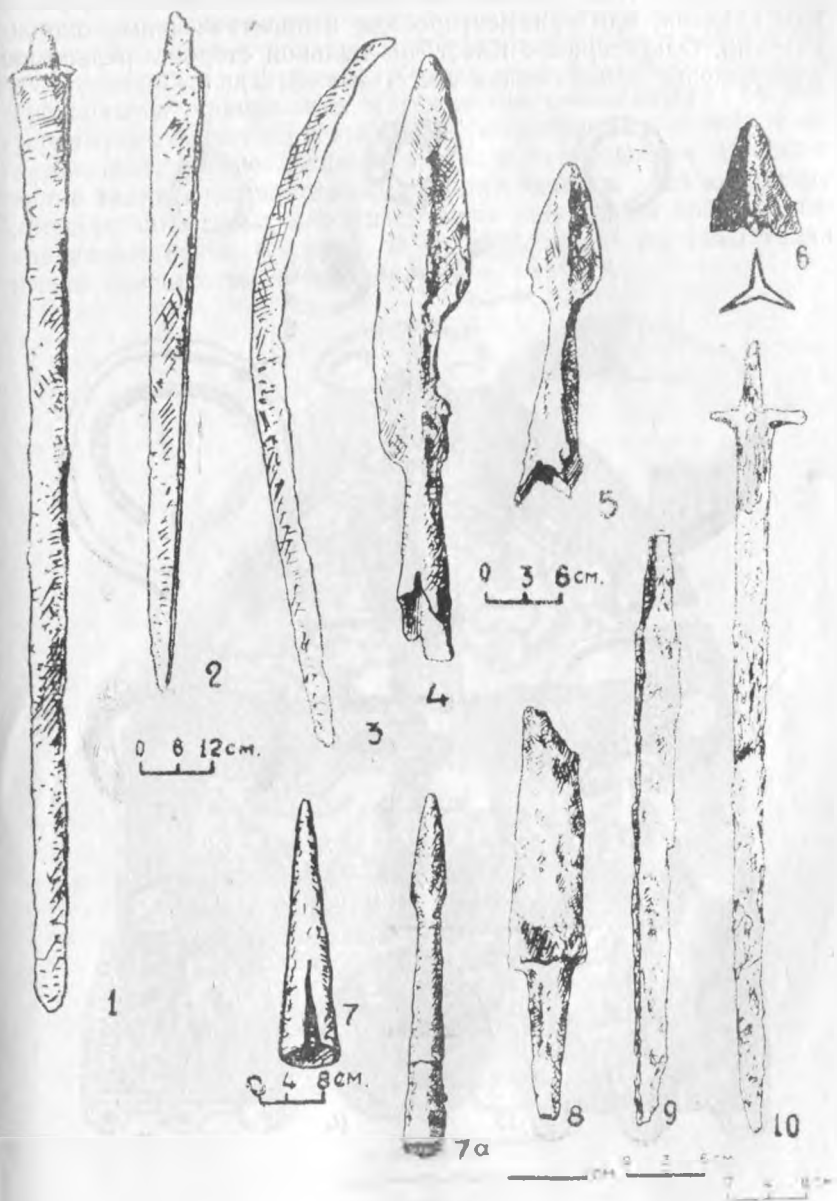

Табл. V.

Предметы туалета представлены зеркалами, головными булавками и другими изделиями.

Зеркала с петлями для подвешивания диаметром до 10 и выше сантиметров. Обратная сторона в большинстве случаев или гладкая, или орнаментирована концентрическими окружностями. Одно зеркало имеет на тыльной стороне рельефное изображение человеческих лиц (табл. II, 3)

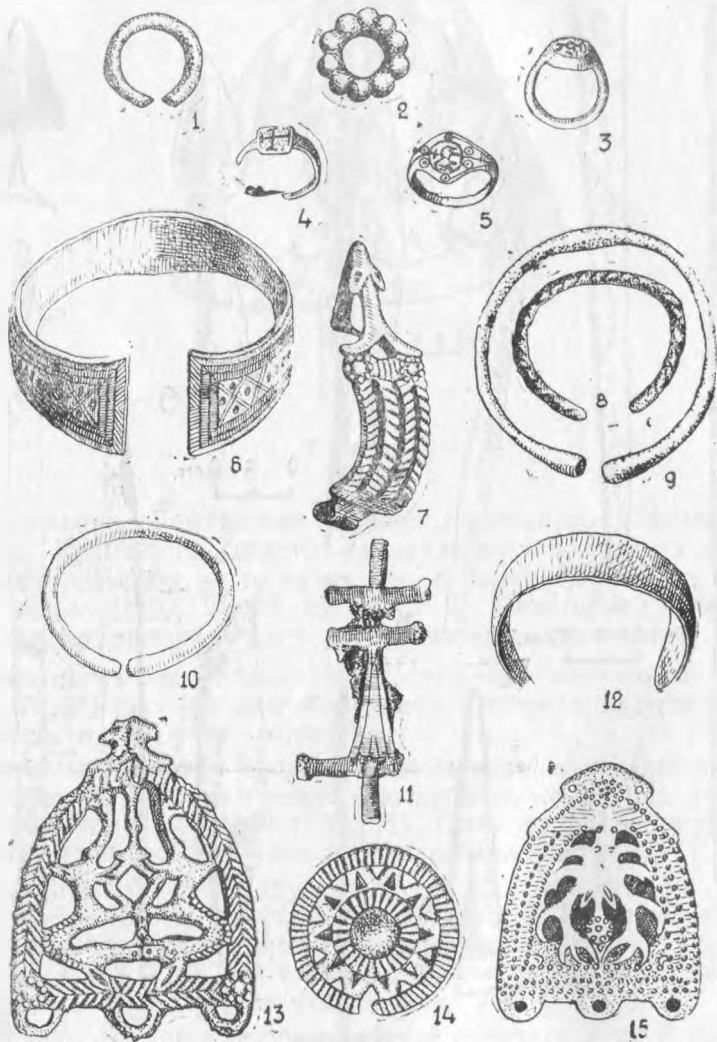

Табл. VI.

Булавки в основном железные, с железной же головкой. Любопытны находки нескольких булавок с «пятишпечными головками». Стержни у них железные (табл. I, 2).

Наибольшее количество украшений (до нескольких сот) концентрировалось около женского головного убора, который представлял собой колпак, скомбинированный из кожи и ткани и спускавшийся на затылок. Колпак этот был сплошь покрыт бронзовыми украшениями, а также многочисленными бусами (преимущественно сердоликовыми, шаровидными и бипирамидальными), употреблявшимися в качестве подвесок. Исследование ткани специалистами не производилось. По характеру плетения шерстяных ниток она очень напоминает современное кавказское сукно (сугьур). В другом случае образцы ткани имели ворсистость, характерную для бархата.

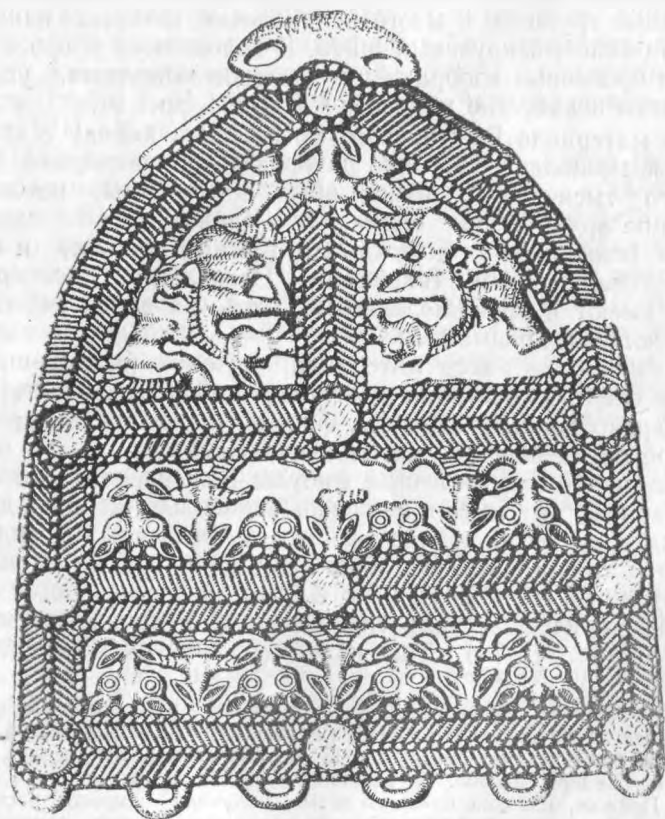

Рис. 2

Удалось сделать реконструкцию одного из таких головных уборов. По самому краю кожного основания его на толстой ленте нанизывалось несколько десятков медных кованых треугольных привесок, которые обрамляли лоб женщины (табл. IV, 10). Над ними привешивалось или пришивалось большое количество бронзовых ажурных штампованных бляшек и пряжек с овальными щитками (табл. IV, 11) обычно в несколько рядов. На макушке головного убора пришивались в шахматном порядке бронзовые пуговицы-бляшки полусферической формы. Помимо этого, в качестве украшений головного убора употреблялись многочисленные бусы различных форм и цвета со специально приделанными бронзовыми петлями для подвешивания. Почти у каждого головного убора находились дуговидные массивные височные привески неизвестной раньше в Дагестане формы (табл. IV, 8). На щеки и шею ниспадали бронзовые трубочки и много полуколец, которые нанизывались на толстый крученый шнур. К головному убору относились и бронзовые изображения головок животных, употреблявшихся в качестве подвесок⁹ (табл. I, рис. 6).

В материале Бежтинского могильника, наряду с вещами, которые позволяют уверенно датировать его последней третью первого тысячелетия нашей эры, есть формы, несомненно имеющие архаический облик. Это прежде всего предметы культа (изображения животных и поясные пряжки) и булавы с пятишишечными головками. Несколько более ранний облик имеют и пряжки-сюльгами, хотя их и нельзя считать датирующими предметами¹⁰.

Основная же масса материала: оружие (шлемы-шишаки, ранние сабли в сочетании с мечами), набор бус, пластинчатые орнаментированные браслеты, фибулы имеют аналогии в инвентаре средневековых могильников Кавказа.

Так, например, железные фибулы Бежтинского могильника (табл. II, 1а) имеют аналогии в довольно хорошо датированных комплексах, обнаруженных в Чмийском могильнике. В частности они встречены в катакомбах № 3, 6, 18. Последние датируются VIII—IX вв. н. э. В Чми же встречаются и зооморфные привески, столь типичные для Бежтинского могильника (табл. I, 7а). Так, например, в катакомбе № 20 Чми

⁹ К головному убору прикреплялись самые разнообразные изделия: бусы, всевозможные бляхи, кольца и даже пряжки. Головной убор, аналогичный бежтинскому, обнаружен Г. Мерцбахером в XIX веке в Дидойском сел. Кидеро, распол. на расстоянии 30 км от Бежта.

¹⁰ Пряжки, близкие к «сюльгам», получили широкое распространение на обширной территории Восточной Европы в конце первого и начале второго тысячелетия н. э. X—XII вв. н. э. датируются, например, аналогичные изделия из курганов у деревни Сельцо. См. Б.А. Кошаровский Археологическая карта Серединского района. Известия ГАИМК, 1931, № 6, стр. 17—18.

вместе с византийской монетой конца VI—начала VII вв. н. э. обнаружена подвеска в виде головы барана с сильно закрученными рогами (инв. № 2688, хранится в ГИМе). В этой же катакомбе найдена подвеска в виде шестилепестковой розетки, по форме и размерам очень близкая к бежтинским (табл. 3, 3). Многочисленные шаровидные, иногда с белыми разводами, сердоликовые бусы из Бежтинского могильника также передки в Чми. Они обнаружены, в частности, в 6 катакомбе вместе с фигурой барана, которая, кстати, найдена в Бежтинском могильнике. В Чми также встречаются подвески, аналогичные изображенным на таблице IV—14, (подвеска хранится в ГИМе, инв. № 2866). Аналогии можно увеличить и за счет прорезных пирамидальных колокольчиков и бронзовых фибул с крестообразными перекладинами, которые обнаружены как в Бежтинском, так и в Чмийском могильниках.

Немало аналогий к инвентарю Бежтинского могильника имеется и в дагестанском материале. Так, например, подвески в виде колокольчиков конической формы, обнаруженные в Бежта (табл. I, 5), встречаются и в Агачкалинском могильнике (VIII—X вв.)

В Агачкала же повторяется и основной набор бус Бежтинского могильника (прежде всего большие стеклянные с внутренней позолотой). Общее с материальной культурой Бежтинского могильника имеется и в слое Галлинского могильника, датируемом VIII—X вв. Здесь встречен тонкий проволочный браслет с 3 небольшими утолщениями (табл. 6, 9) и железные фибулы, найденные также и в Бежтинском могильнике. Пластинчатые браслеты, получившие широкое распространение в конце позднего средневековья—типичное явление в Бежтинском могильнике. Приведенные нами примеры легко умножить. Что же касается обряда погребения (положения покойников в грунтовых ямах вытянуто на спине, головой на юга-запад), то явление это также характерно для Дагестана в VIII—X вв.¹¹

Могильник в целом надлежит датировать VIII—IX в., а может быть и X в. н. э. Не противоречит этой датировке и нахождение в одном погребении перстня-печатки, на котором вырезаны арабские буквы (табл. VI, 3)¹². Наконец, раскопками 1958 года в погребении № 19 Бежтинского могильника обнаружено 2 стеклянных колечка зеленоватого цвета.

Находки, разновременных на первый взгляд предметов, на одном горизонте и в постоянно повторяющихся комплексах

¹¹ Д. М. Атаев. Галлинский могильник—памятник средневековой Аварии—Серира. «Ученые записки» ИИЯЛ, т. VI, стр. 194—195.

¹² Специальному полеографическому анализу подпись не подвергалась. М. С. Саидов считает возможным читать куфическими буквами имя Амр.

говорят о сосуществовании этих форм. Эти разнородные предметы свидетельствуют об устойчивости древних форм материальной культуры и в более позднее время.

Несмотря на архаичность форм некоторых видов погребального инвентаря (это прежде всего относится к предметам культа и некоторым типам женских украшений, т. е. к наиболее консервативным формам), в основном, материал Бежтинского могильника—оружие, керамика (появляется гончарный круг-подставка), принадлежности туалета—говорят о довольно значительном прогрессе в развитии материальной культуры общества, оставившего нам этот могильник.

Материалы Бежтинского могильника также свидетельствуют о том, что в районах Аварии, расположенных у Главного Кавказского хребта, древний очаг металлообработки функционировал и в более позднее время. Особенно большого расцвета металлообработка достигла в этих районах к концу I тысячелетия нашей эры.

Последняя представлена: литьем (ажурные массивные поясные пряжки, литые круглые бляхи и т. д.), ковкой (треугольные височные привески, оружие и т. д.), штамповкой (умбовидные и ажурные бляхи, табл. IV, 12; табл. I, 9, 10) и тиснением бронзы по коже. Известны были лужение¹³, пунсон, волочение, клепка и ряд других технологических приемов. Характерным для этого производства является изготовление большинства металлических предметов такими методами, при которых обуславливалась массовость продукции и ее дешевизна. Широкое применение получает штамп, а также литье по устойчивым моделям. Все это говорит о значительных успехах ремесла, о большом производственном опыте местных мастеров.

Местный характер металлообработки подтверждается помимо оригинальности и массовости форм материальной культуры и находением вблизи от места раскопок большой медной болванки, вынутой из горна и еще не переплавленной на более мелкие предметы¹⁴. Металлургия здесь, видимо, развивалась на базе местных залежей медных руд, запасы которых в районе могильника достаточно велики¹⁵.

Большой интерес представляют найденные в Бежтинском могильнике многочисленные и разнообразные бусы южного происхождения.

¹³ На это наше внимание обратил А. А. Йессен, которому мы выражаем глубокую признательность.

¹⁴ Исследование этого куска, известного у литейщиков под названием «козел», дало чистую медь.

¹⁵ См. Л. Р. В а р д а н я н ц. О месторождении цветных металлов в Дагестанской АССР. «Природные ресурсы ДАССР», I. М-Л, 1935, стр. 82—84.

В связи с перемещением международных торговых путей на восточный Кавказ, к концу I тысячелетия н. э.¹⁶ возросло значение торговых путей, связывающих север с югом через перевалы Главного Кавказского хребта. Не случайно поэтому, что наибольшее количество привозных бус мы находим в таких северо-кавказских могильниках, как Чми и других, расположенных у Дарьяльского прохода. Не следует забывать, что и Бежтинский могильник расположен недалеко от наиболее удобного пути, который связывает Дагестан с Закавказьем через Вантлашевский перевал. Значение этого прохода в торговых и иных предприятиях аварцев на юге было гораздо большим, чем другого перевала—Кодорского, слава которого так незаслуженно раздута писателями прошлого столетия¹⁷. Еще в XVI—XVII вв. русские дипломаты¹⁸ этот проход считали наиболее удобным для связи с Грузией. Наконец, аварское название реки Самбирис—Хеви—«Ганжа ор», т. е. Ганжиская река, в верховьях которой расположен Вантлашевский перевал, весьма определенно говорит о конечном пункте этого пути¹⁹.

Материалы раскопок Бежтинского могильника позволяют говорить о далеко зашедшем процессе имущественной дифференциации. Наряду с богатыми погребениями, инвентарь которых содержит до 1000 находок, мы имеем и бедные погребения, где инвентарь ограничивается одним или же двумя сосудами. Полученные данные позволяют ставить вопрос о социальной дифференциации общества. Во время полевого сезона 1958 года, рядом с основным богатым погребением, обнаружено захоронение черепа без всякого инвентаря. Череп этот, по всей вероятности, принадлежал насильственно умерщвленному зависимому члену общества (рабы?). Таким образом, данные Бежтинского могильника рисуют картину довольно развитого общества.

Таковы предварительные данные о результатах раскопок у с. Бежты, материал которого предстоит тщательно изучить.

Помимо стационарных раскопок в Цунтинском районе, второй горный отряд производил и разведочные работы в селах Цунтинского района, расположенных близко от северного

¹⁶ Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей. Ереван, 1930, стр. 138—40.

¹⁷ Эта традиция отразилась и на работах некоторых современных ученых. Например, см. у С. Г. Еремяна—Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вазар—Трдата. Записки Института востоковедения АН СССР, 1939, т. 7 стр. 150.

¹⁸ См Очерки истории Дагестана, т. 1, Махачкала, стр. 130.

¹⁹ От Бежтинского могильника перевал этот находится на расстоянии 45 км. Следы древней дороги виднеются на правом берегу реки «Ганжа ор»—Сембирис-Хеви. Современная Аваро-Квахетинская дорога проходит по левому ее берегу.

склона Кавказского хребта, где найдено несколько предметов, близких к Бежтинским (например, бронзовые фигурки и т. д.).

Разведочные раскопки позволили установить, что помимо культовых мест, статуэтки эти встречаются и на древних поселениях, которые, очевидно, относятся к кругу памятников типа Бежта.

Дальнейшие археологические работы в этом районе расширят наши представления о жизни древних поселений этого края и уточнят время, к которому относятся эти комплексы чрезвычайно интересных древних находок.

ЛИТЕРАТУРА

ГРИБОЕДОВ И ДАГЕСТАН

Движение горцев Дагестана в первой четверти XIX века вызывало глубокий интерес и сочувствие в передовых кругах русского общества.

Большой интерес к народному движению в Дагестане проявил и Грибоедов. С Дагестаном связаны «Письмо к издателю «Сына Отечества», заметки в «Путевых записках» 1818—1819 гг. и, наконец, отклики Грибоедова в письмах друзьям, написанных в 1820 г. и накануне восстания 14 декабря 1825 г. Итак, за исключением «Письма к издателю», перед нами не целые произведения, а отдельные высказывания, относящиеся к разным периодам его деятельности. Порою между ними трудно уловить какую-либо связь, настолько они отдалены друг от друга творческой эволюцией писателя и эволюцией его мировоззрения.

Вот как выглядит картина:

Первая запись Грибоедова о Дагестане относится к концу 1818 г. Затем следует «Письмо к издателю» (21 января 1819 г.). 29 января того же года снова запись о Дагестане. К 31 января относится запись, начинающаяся словами: «Не доезжая до первого поста, Саганлука...».

5 февраля 1819 г. Грибоедов делает пометку о беседе у Гусейн-хана в Еревани. (Разговор шел о походе Ермолова в Дагестан). Летом 1820 г. Грибоедов рассказывает о своем пребывании в Андрей-ауле Каховскому. К событиям в Дагестане Грибоедов возвращается вновь незадолго до восстания. В письмах Кюхельбекеру и Бегичеву он подробно анализирует обстановку, сложившуюся в Чечне и Дагестане. Сознал ли сам Грибоедов эту связь с Дагестаном, или для него это были просто высказывания, в которых он стремился понять общий ход событий на Кавказе, и что именно осознавал, в конце концов, не так уж важно.

Для нас существенно то, что эта связь объективно существует. И это дает нам право выделить «Письмо к издателю», заметки «Путевых записок» в качестве объекта изучения. Правда, поставив перед собой такую задачу, исследователь оказывается в довольно затруднительном положении.

На самом деле, ведь никуда не уйти от факта, что перед нами лишь отдельные документы, записи, высказывания в письмах. Это сильно ограничивает возможности. Можно ли из этих чрезвычайно кратких записей, высказываний Грибоедова создать более или менее стройную картину, которая соответствовала бы развитию мировоззрения писателя, и отраженной в свете этого мировоззрения исторической действительности Дагестана?

Из разрозненных деталей нельзя возвести целого здания. Очевидно, чтобы раскрыть тему «Грибоедов и Дагестан», нам придется широко обращаться к фактам, выходящим за рамки нашей проблемы в узком смысле. Это совершенно необходимо.

Говоря образно, нам придется построить все здание, или точнее, «восстановить» контекст, внутренний смысл и те недостающие звенья или подразумевавшиеся самим автором мысли, идеи и образы, без которых нельзя осмыслить во всей полноте идейно-художественное содержание высказываний Грибоедова о Дагестане. Другого пути нет.

Когда мы, так сказать, вмонтируем эти «части» в целое, впишем их в общий ансамбль, поставим на свое место, только тогда нам раскроется их действительный исторический смысл. Это обязывает нас рассматривать их в соотношении с эволюцией Грибоедова и декабристов, на фоне развития идеологии декабризма и взглядов декабристов на судьбы Кавказа.

В противном случае сколько бы мы ни бились, перед нами будет простая арифметическая сумма высказываний в определенной хронологической последовательности. Именно сумма, лишенная какого бы то ни было внутреннего развития! И ничего больше!

Но с другой стороны, хронологическая плотность записей 1818—1819 гг. облегчает задачу. И «Письмо к издателю», и записи в «Путевых записках» идейно, творчески близки. Они вырастают на основе одного этапа эволюции автора.

Заметки в письмах 1825 г. относятся уже к иному периоду творческого развития писателя. От «Письма к издателю» их отделяют насыщенные бурными событиями и взлетами творческого гения годы идейной эволюции Грибоедова как крупнейшего представителя декабризма.

И все же всем высказываниям Грибоедова о Дагестане присуще некое единство, обусловленное политическими и философскими теориями декабристов, единство, которое прохо-

дит через все его заметки. У них есть как бы своя особая, внутренняя тема, которая не заключается ни в одном из них и складывается из всей суммы.

Перечитывая «Письмо к издателю «Сына Отечества», «Путевые записки» и письма, мы погружаемся в атмосферу напряженных раздумий писателя о культурно-исторических последствиях присоединения Кавказа к России, о борьбе горцев с самодержавием. Гениальный художник и мыслитель, он стремился проникнуть в подлинный смысл той исторической драмы, свидетелем которой ему довелось стать на Кавказе.

6 декабря 1818 года, в Петербурге, вышел очередной номер «Русского инвалида или Военных Ведомостей». В нем было напечатано следующее сообщение:

«Турция. Константинополь (26 октября). Здесь носится слух, будто бы в Грузии произошло возмущение, коего главным виновником почитают одного богатого татарского князя»¹.

А. С. Грибоедов прочитал это сообщение, находясь в Тифлисе. 21 января 1819 г. он написал «Письмо к издателю «Сына Отечества». Оно появилось в мартовской книжке журнала² и привлекло к себе внимание читающей России.

В этом не было случайности. Чтобы убедиться, что это именно так, что тут действовала закономерность общественного развития, нам нужно сначала уяснить те объективные причины, которые побудили Грибоедова написать «Письмо к издателю «Сына Отечества».

Итак, что же заставило Грибоедова ответить на это казалось бы столь незначительное сообщение «Русского инвалида»?

Политические вопросы остаются всегда в центре размышлений Грибоедова. Они с новой силой волнуют его на Кавказе. Писатель понимал, что ему, как истинному сыну отечества, представляется прекрасный случай высказать свои взгляды на проблемы кавказской политики и тем самым воздействовать на общественное мнение (что на этапе Союза благоденствия декабристы и Грибоедов считали главной задачей). Ведь он занимал официальный пост на Кавказе, знал обстановку, был близок Ермолову, следовательно, пользовался сведениями из первых источников. К его голосу прислушивались, его мнением дорожили в «тайных обществах».

Письмо Грибоедова к издателю «Сына Отечества» и его «Путевые записки» 1818—1819 г. г. принадлежат к числу первых художественно-публицистических произведений русской

¹ «Русский инвалид», 1818, № 284, 6 декабря.

² «Сын Отечества», 1819, ч. 52, № X.

литературы, где тема Кавказа и Дагестана соединялась с философскими и социально-политическими идеями декабризма*.

«Письмо к издателю» знакомило читателей с Кавказом, но внимание автора занимали не описания красот природы и достопримечательностей, а жизнь, борьба, столкновение различных исторических сил на Кавказе.

Так рассказ о событиях в Дагестане 1818 г. дополняли рассуждения автора о культурно-исторической миссии России. Этнографические картины жизни Тифлиса, раскрывающие социальную сущность современной кавказской действительности, сменяли субъективные излияния романтической личности автора. Все это составляло в своей совокупности философско-эстетическое целое, связанное единством идейной направленности и обнаруживающее широкую осведомленность автора, его эрудицию, огромный запас знаний, которыми объяснялось богатство впечатлений, публицистическая острота и самостоятельность суждений.

Однако идейным стержнем «Письма к издателю «Сына Отечества» является его декабристское содержание, которое выражено и в рассказе о событиях в Дагестане. Но мы не сможем раскрыть идейное единство «Письма к издателю «Сына Отечества», если будем рассматривать суждения писателя в отрыве от развития идеологии декабристов.

При всем единстве «Письма к издателю» сложно по своему идейно-стилистическому составу. Оно отражает особенности романтического мышления декабристов, сильные и слабые стороны их понимания общественной реальности, проблем Кавказа.

---

* Письмо Грибоедова к издателю «Сына Отечества» относится к эпистолярному жанру, все еще широко распространенному в 1810—1820 гг. Декабристская традиция этого жанра начинается «Письмами из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола, напечатанными в «Сыне Отечества» (1813—1814) и особенно «Письмами русского офицера Ф. Н. Глинки» (1815).

В начале XIX в. складывается и своеобразная разновидность этого жанра—письма с Кавказа.

В 1805 г. в Москве «Вестник Европы» печатает письма с Кавказа: «Грузия под скипетром Александра I» и «Письмо из Грузии в Астрахань» М. Воронченкова, ч. 22, № 13. На страницах «Сына Отечества» в 1816 г. публикуются «Письма о Кавказе» г-жи Фрейганг (№ 1—11, стр. 271—277).

Свои впечатления о Кавказе в эпистолярном жанре излагает А. А. Шишков «Перечень писем из Грузии». СПб 1834. В августе 1825 г. издатель «Отечественных записок» П. П. Свиньин поместил в журнале письмо с характерным названием «Кавказские воды». Письмо П. П. Свиньина к редактору из Ставрополя 26 июля 1825 г. (ч. XXIII, № 64). В этом же журнале печатается его очерк — письмо под заглавием «Празднование байрама в черкесском ауле» «Письмо к издателю» Грибоедова резко выделяется на этом фоне своей идейной направленностью и кладет начало декабристской традиции писем с Кавказа

Уже в самом начале «Письма» к издателю современник встречал типичные мысли декабриста о движении народных масс. Они становятся как бы прологом, введением к дальнейшему рассказу о событиях на Кавказе и в Дагестане:

«Скажите, не печально ли видеть, как у нас о том, что полагают происшедшим в народе, нам подвластном, и о происшествии столько значущем, не затрудняются заимствовать известия из иностранных ведомостей, и не обидуясь выдают их по крайней мере за правдоподобные... об истинном бунте узнали бы в Петербурге официально, не чрез Константинополь». И далее А. С. Грибоедов продолжал: «Возмущение народа не то, что возмущение в театре против дирекции, когда она дает дурной спектакль: оно отзывается во всех концах империи, сколько впрочем ни обширна наша Россия»³.

Это место—не только свидетельство свободомыслия и свободолюбия молодого Грибоедова. Здесь важна не форма выражения мысли, а ее сущность. Подобно Пушкину и Пестелю, Грибоедов думает о народе и силе народного движения.

Кризис крепостного строя в России⁴ и революционная ситуация 1818—1819 г. г. в странах Западной и Юго-Восточной Европы наводили на мысли о народе. На размышления о народе наталкивала и действительность Кавказа 1818—1819 гг.

Тем, кто попадал на Кавказ, тотчас становились известны рассказы о восстании 1804 г. в Мтиулети и восстании 1812 г. в Кахетии. В 1819—1820 гг. стихийные восстания крестьян происходят в Имеретии и в Дагестане.

Мысли о движении народных масс в России, на Западе и Кавказе властно вторгались в сознание дворянских революционеров. И когда А. С. Грибоедов заявлял, что «возмущение народа отзывается во всех концах империи, сколько впрочем ни обширна наша Россия»—эти мысли звучали для передового читателя эпохи как формула, вобравшая в себя известный исторический опыт бурной грозовой эпохи. О народных движениях, о борьбе масс с «аристократиями», как главным содержании времени думают П. Пестель⁵, К. Рылеев и другие декабристы.

Но это скорее были догадки, отдельные гениальные провидения в будущее, предвещавшие последующие завоевания русской революционно-демократической мысли Белинского, Чернышевского и Добролюбова. В политическом мышлении Грибоедова, как и Пестель, во многом еще романтик. В этих мыслях

³ А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений. Т. III, Петроград, 1917, стр. 27.

⁴ См. М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. I, М., 1955, стр. 274. А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.—Л., 1957, стр. 329—336.

⁵ «Восстание декабристов». Т. IV, стр. 91.

заклучалось зерно преодоления индивидуализма романтического мышления. Но это было ближайшей перспективой будущего, пока же, то есть в 1818—1819 гг., это была только тенденция, ясно обозначившаяся у самых прозорливых умов.

Вслед за общими рассуждениями автора следует рассказ о событиях в Дагестане. Грибоедов называет события в их реальной последовательности. Он рассказывает о строительстве крепостей, об успехах русской армии. Стилистически эта часть выдержана в духе военных реляций, недаром лаконичное перечисление главных событий завершается звучащей гордо и торжественно фразой: «Крепостные работы окончены успешно и беспрепятственно».

«Не думаю, чтобы повод к распространению таких слухов подала прошлогодняя экспедиция командующего Грузинским отдельным корпусом генерала от инфантерии Ермолова. Вот что было: заложена крепость на Сунже с намерением пресечь шатания чеченцев, которые часто слезают с лесистых вершин своих, чтобы хищничать в изменной Кабарде. Крепостные работы окончены успешно и беспрепятственно»¹.

Следующая часть гораздо сложнее по своему идейному содержанию. На рассказ автора о реальных событиях накладывается его мировоззрение, объективный пересказ органически сливается с истолкованием. Как рассказчик Грибоедов стремится к точности, к постижению общественной реальности во всех ее объективных противоречиях. Он говорит о восстании горцев Дагестана, об экспедиции Пестеля в Башлы и походе Ермолова: «Имея при том в виду во всех направлениях расчистить пути среди гор, в которых многие места по сие время для нас были непроходимым блуждалищем, и разрыть во множестве сокровенные в них богатства природы, дано им было предписание генерал-майору Пестелю занять Башлы в Дагестане. Акушинцы и другие народы, не уразумев истинных его намерений, испуганные обсели соседственные высоты; когда туда же приступил от крепости Грозной сам генерал Ермолов, они мгновенно рассеялись; возбудителям этого скопления дарована пощада, и одним словом никогда в тамошних странах державная власть нашего государя не опиралась столь надежно на покорстве народов, как ныне. Еще нужны труды и подвиги, подобные тем, которые подъяты здешним главноначальствующим с тех пор, как он вступил в управление земель и народов, ему вверенных, и необузданность горцев останется только в рассказах о прошедшем»⁶.

¹ Грибоедов. Указан. соч., стр. 28.

⁶ А. С. Грибоедов. Указ. соч., стр. 28—29.

Сопоставим рассказ Грибоедова с действительностью истории. О каких реальных событиях в Дагестане повествует автор «Письма к издателю»?

В 1818 г. политическая обстановка в Дагестане резко обострилась. Русский царизм активизировал свою завоевательную политику⁷. Главнокомандующий русскими войсками А. П. Ермолов, бывший активным проводником жестокой колониальной политики на Кавказе, предпринял в 1818 г. поход в нагорный Дагестан.

Огнем и мечом прошелся Ермолов по горам и аулам. Отряду генерала Пестеля, выступившему одновременно к с. Башлы, А. П. Ермолов предписывал разорить его или «по крайней мере, нанести действием артиллерии большой вред»⁸. Пестель занял Башлы. На помощь башлицам спешили акушинцы и представители других дагестанских народов.

25 и 26 октября горцы непрерывно атаквали отряд Пестеля, расположившийся в Башлах. После двухдневного кровопролитного сражения, захватив с собой детей, взятых в аманаты, русские войска отступили. Башлы горели. Кровавое зарево далеко освещало окрестные горы. Горцы делали отчаянные попытки отбить детей. Но вскоре русские войска вернулись, жители «при появлении войск, разбежались и он (Пестель—Р. Ю.) без помешательства мог зажечь город»⁹. В северном Дагестане были заняты Эндери, Тарки. 11 ноября было разграблено селение Параул.

Вскоре было взято селение Большой Дженгутай¹⁰. Затем были посланы войска «разорить» Малый Дженгутай¹¹.

Спустя два дня войска были в Карабудахкенте. Здесь по просьбе Шамхала, «в пример справедливой строгости», повешен был один из «изменников», семейство его выслано из селения, дом разорен до основания.¹² Так жестоко царизм подавлял восстание горцев.

Сравнивая рассказ Грибоедова с фактами истории, мы видим, что писатель не приукрашивает события. Суровая действительность войны врывается на страницы «Письма к издателю «Сына Отечества». И это не вопреки романтическому пониманию, и не потому, что преодолевая романтизм, он стремился к правдивости. Романтизм Грибоедова признавал

⁷ См. «Очерки истории Дагестана». Т. 1, Махачкала, 1957 г., «Движение горцев под руководством Шамиля». Махачкала, 1957; А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958; Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI, СПб., 1888, стр. 302.

⁸ «Записки А. П. Ермолова». Ч. II, М., 1868, стр. 53.

⁹ Там же, стр. 63.

¹⁰ Там же, стр. 64.

¹¹ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 25—26.

¹² «Записки А. П. Ермолова». Ч. I, стр. 65.

реальность во всех ее аспектах. Именно поэтому он уже в эти годы начинает движение к реализму.

Экспедиция Ермолова в Дагестан, по словам писателя, имела целью «расчистить пути среди гор», «разрыть богатства природы».

И вот тут, где заканчивается мажорный рассказ о походе русских войск, начинает звучать совсем другая скорбная трагическая нота, как напоминание о совсем другой реальности: Грибоедов-гуманист сожалеет, что эти благородные намерения русских войск не были поняты горцами («Акушинцы и другие народы не уразумев истинных его намерений, испуганные обсади соседственные высоты...»). Вот оно грустное, трагическое противоречие: Россия стремится к преобразованию Кавказа, а его народы, дагестанцы, не понимают ее, оказывают ожесточенное сопротивление, отстаивают свою независимость.

И тут декабрист Грибоедов спешит сообщить читателю, что восставшим народам Дагестана «дарована пощада». Таким образом, расхождение с подлинной исторической действительностью наблюдается не в изложении, а в истолковании автором событий. Понимание автора как бы двойт восприятие общественной реальности Кавказа, в частности, Дагестана.

Перед нами две действительности Кавказа, еще точнее, два ее аспекта, которые целостно живут в сознании автора. Один ее аспект, так сказать наиболее реальный, это действительность в ее «земности», исторической не совсем приглядной жестокой реальности.

Это постройка новых крепостей, походы против горцев, восстание и геройское сопротивление самих горцев, их жестокое усмирение. Но все это неизбежно, это следствия покорения народов Кавказа. Этот трагический аспект реальности Кавказа вызывает скорбь писателя. Но есть еще и другая действительность Кавказа, она открывается не всякому, только — духовному взору гражданина, патриота, друга человечества. И эта высокая действительность не менее реальна. Кавказ переживает, быть может, важнейшую эпоху своей истории — конец культурно-исторической замкнутости и начало приобщения к передовой Европе. В горах прокладываются дороги, на службу человека будут поставлены несметные богатства гор. И эта действительность наиболее важна для Грибоедова.

Поэтому в целом, в основном своем тоне «Письмо к издателю» оптимистично. Оно проникнуто верой в торжество прогресса. Это мечта самого Грибоедова, мечта декабристов. Декабристский пафос преобразования, активного вторжения человека в общественную жизнь, культ творческого «я», лич-

ности, субъекта, способного своей волей изменять мир, как лейтмотив «пронизывает все «Письмо к издателю».

Поэзия железной поступи истории, торжества прогресса, прокладывающего себе путь сквозь хаос кровавых войн и пожаров, окрашивает и вставную новеллу, заключающую в себе этнографические сцены из жизни Тбилиси. Автор рассказывает как отстраивается город после присоединения к России, как с каждым днем в нем расцветает мирная торговля и утверждается европейский правопорядок.

Грибоедов как бы не замечает дикой, варварской колониальной политики самодержавия. Вернее — война на Кавказе, подавление восстания народов Дагестана воспринимается им как жестокая, но все же историческая необходимость. Мечта о приобщении народов Кавказа к европейскому просвещению, мечта о культурном и экономическом подъеме края возносится над жестокой «реальностью» в низменном, не «высоком» ее аспекте. Это позволяет нам придти к выводу, что при оценке событий на Кавказе в 1818—1820 гг. Грибоедов как бы постоянно имеет в виду одну главную для него сторону исторического процесса — прогрессивность присоединения Кавказа к России. В свете этих воззрений складываются основные черты версии автора о событиях в Дагестане 1818 г.

Грибоедов выдвигает на первый план прогрессивные социально-экономические последствия завоевания Кавказа Россией. Цивилизаторская миссия России особенно в проекции на близкое будущее, то есть России революционной, застилает колониальную политику.

Такое понимание общественной исторической обстановки, сложившейся на Кавказе, полностью согласовывалось с принципами политической и экономической программы декабристов.

Когда Грибоедов писал «Письмо к издателю», он еще не видел эту цивилизаторскую миссию в действии и не мог разглядеть ее колониальной сущности. Больше того, официальная политика в субъективном сознании писателя во многом отождествлялась с его собственными планами и устремлениями. В 1818—1819 гг. Грибоедов полон энтузиазма, надежд, готов внести личный вклад в преобразование кавказских народов.

Завоевание Кавказа получало оправдание и с точки зрения социально-философских теорий декабризма.

Война на Кавказе осмысливалась Грибоедовым как столкновение высших форм организации человеческого общества с патриархальными*.

По мнению Грибоедова, утверждение России в горах Кавказа положит конец бесконечным войнам, раздорам, характерным для «естественного состояния».

Россия должна вырвать кавказские народы из общественно-политического хаоса. В представлении декабристов в естественном состоянии господствует свобода, основанная на физической силе индивида. Это — анархическая, первобытная свобода. Но если Руссо предпочитал «естественное состояние» человека его культурному, гражданскому состоянию, то русские дворянские революционеры были пламенными сторонниками прогресса. Они мечтали и о прогрессе народов Кавказа, который должен был заменить природное существование гражданским.

Переход от одной исторической стадии к другой обеспечивался законодательством республиканской России. А пока Кавказ должен быть покорен силой оружия. В недалеком будущем ему предстоит стать полем грандиозного эксперимента. Здесь ярко проявится мессианская роль революционной России, призванной направить патриархальные народы на путь благой и возвышенной жизни человека и гражданина и показать как законы «создают» человека. И тогда на практике подтвердится великая истина о влиянии образа правления и общественных законов на нравы народов.

Просветительская миссия России на Кавказе, приобщение Кавказа к современной цивилизации — это не только мечта автора, но и норма, которой он мерит достоинство общественной реальности на Кавказе, в Дагестане на последующие годы. Несоответствие дикой, бездушной и жестокой политики самодержавия «норме», тому, что должно было бы быть, крах надежд как-то влияют на политику Ермолова, сознание бессилия «мечтателей» рождали в нем то проповеднический пафос, то злую сатиру, но, конечно, только в письмах друзьям и в беседах с ними.

Декабристское содержание «Письма к издателю» выявляет и оценка личности Ермолова. Ермолов в глазах автора — государственный муж, патриот, гражданин, в деятельности которого осуществляются исторические предначертания. Он правильно понимает задачи России на Кавказе и способен проводить подлинно государственную политику, отвечающую интересам нации. Автор даже склонен идеализировать

* Пушкин, например, в одических обращениях эпилога «Кавказского пленника» осмысливал войну России на Кавказе как движение, предопределенное самой историей.

грозного прокопсула Кавказа. Это и понятно. Ведь именно в эти годы в тайных обществах вокруг Ермолова складывается легенда. Декабристы не замечали, что оппозиция Ермолова к аракчеевскому режиму была типичной фрондой, всего лишь несогласием с крайностями.

Сам Грибоедов вместе с П. Каховским, А. Якубовичем, В. Кюхельбекером, Л. Устимовичем, А. Авенариусом составляет ближайшее окружение Ермолова — «друзей, ермоловцев, поэтов», «товарищей по службе».

Конечно, авторская оценка личности Ермолова в «Письме к издателю» не может быть выдана полностью за отношение самого Грибоедова. Отношение Грибоедова к Ермолову в эти годы сложно, но общая связь здесь несомненна.

В 1818—1819 гг. проблема Кавказа становится частью общей внешнеполитической программы декабристов. Поэтому высказывания А. С. Грибоедова о событиях в Дагестане нужно рассматривать в связи с общей революционной концепцией, которая слагается в «тайных обществах» поры Союза благоденствия.

Так еще программа «Ордена русских рыцарей» — «Пункты преподаваемого во внутреннем ордене учения» — в 1814 г. формулировала, под сильным влиянием аристократических взглядов Щербатова и Н. С. Мордвинова, агрессивную национально-колониальную политику.

Выдвигая на первый план «нравственное соединение» России с народами Кавказа, Н. С. Мордвинов не признавал за горскими народами политических прав на самостоятельное существование¹³.

В 1817 г. Пестель, работая над «Запиской о государственном правлении», включал в круг политических задач «тайного общества» улучшение границ России. В восточной части Кавказа границы будущей России охватывали Ленкорань, Баку и на севере — Дербент.

В 1823 г. «Государственный завет», продиктованный П. И. Пестелем, излагает принципы внешней политики и задачи России на Кавказе, которые оживленно обсуждались в 1818—1819 гг. в тайных организациях¹⁴.

¹³ Н. С. Мордвинов. О способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей. Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. М., 1858, кн. 4. См. Характеристику Н. С. Мордвинова в книге: А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. В. С. Иконников. Граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1873 г.

¹⁴ См. Б. Е. Сыроечковский. Балканская проблема в политических планах декабристов; Л. А. Медведская. Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество. «Очерки из истории движения декабристов». М., 1954.

Взгляды декабристов получают дальнейшее выражение в проекте конституции Н. Муравьева¹⁵ и в «Русской правде» Пестеля¹⁶.

Решение вопроса о государственной самостоятельности народов Кавказа у Пестеля определяли два противоречивых принципа — «право народности» и право благоудобства».

Остро ощущая противоречие между этими противоположными принципами, декабристы так и не смогли «снять» это противоречие. Программа Южного общества в качестве принципа национальной политики революционной России отстаивала «право благоудобства».

Пестель находил, что для малых народов «лутче и полезнее будет...», когда они соединятся (духом и обществом) с большим государством и «совершенно сольют свою народность с народностью господствующего народа, составляя с ним только один народ»¹⁷.

Декабристы не признавали за другими национальностями (исключение делалось только для Польши) права на отделение от Российского государства. Больше того, они считали, что все народы, населяющие Россию, должны слиться в единый русский народ и постепенно утратить свои национальные особенности и свою культуру.

«Русская правда» предписывала Временному Верховному Правлению «решительно покорить все народы живущие и все земли лежащие к северу от границы между Россией, Персией и Турцией»¹⁸.

По административному делению будущего Российского государства территория нынешнего Дагестана должна была входить в Дербентский округ с центром в г. Дербенте и включалась в Кавказскую область.

Декабристы не смогли найти верного решения национального вопроса. Их взгляды несли на себе печать буржуазной ограниченности и тенденции великодержавности. Но это ни в коей мере не дает нам права отождествлять их политику с целями самодержавия. Надо прямо признать, мы допустили бы непростительную ошибку, если бы не видели глубочайшего различия между официальной политикой на Кавказе и стремлениями декабристов.

Такое сопоставление парадоксально, но иной раз именно парадокс выявляет всю абсурдность положения, вносит полную ясность. Нам незачем таить греха, у нас еще есть охот-

¹⁵ См. Н. М. Дружинин. Программа северных декабристов. Известия АН СССР; серия истории и философии. Т. VIII, № 1, М., 1951.

¹⁶ П. И. Пестель. «Русская правда». Восстание декабристов. Т. VII, М., 1958.

¹⁷ «Восстание декабристов». Т. VII, стр. 122.

¹⁸ Там же, стр. 144.

ники отождествлять тенденции великодержавности у декабристов в национальной политике с идеологией национализма, благославлявшей официальную Россию, Россию колонизаторскую.

Здесь совершается двойная ошибка. Во-первых, тенденции и противоречия вовсе не выражают существа, следовательно, тенденции великодержавности у декабристов отражают лишь слабые стороны, историческую ограниченность национальной программы дворянских революционеров.

Во-вторых, поступая таким образом, мы грешим против методологии: сбрасываем со счетов истории основное, закрываем глаза на исторически прогрессивное и выдвигаем на первый план «слабые» стороны.

И хотя всякое оправдание здесь излишне, (декабристы в нем не нуждаются, а их взгляды должны рассматриваться во всей их исторической обусловленности) мы кратко напомним о прогрессивных сторонах их национальной программы.

«Русская правда» провозглашала одинаковые гражданские законы на целом пространстве государства»¹⁹. Покорение народов Кавказа с их последующим слиянием в «едином составе» в глазах декабристов оправдывалось тем, что русский народ не получал никаких политических преимуществ перед нерусскими народами».

Декабристы восхищались талантливостью горцев. Это было зафиксировано и в их программе. «Русская правда» отмечала, что народы Кавказа одарены от природы «примечательною отважностью и отличною предприимчивостью», но они столь же «бедны», сколь и «мало просвещены».

Мессианское призвание России — просветить народы Кавказа. Однако всякое сопротивление предлагаемому свыше, благодетелями, «друзьями» человечества политическому строю «Русская правда» жестоко наказывала; существенный признак общества, настойчиво проповедовавшийся всеми просветителями Европы, и в частности России: краткое, сурово-беспощадное в своей непримиримости ко злу (а феодализм — это зло номер один) законодательство. Карающий «меч закона» благославляли и Монтескье, и Радищев, и Пушкин.

«Русская правда» провозглашала своей единственной целью в отношении ко всем народам «водворение Благоденствия». Все народы Кавказа освобождались от феодальной, крепостной зависимости. Все горцы зачислялись в единое сословие граждан России, все они получали по конституции Пестеля право избирать, свободу вероисповедания, печати, передвижения и т. д.

¹⁹ Там же, стр. 133.

Царизм преследовал колонизаторские цели, укрепляя феодализм.

Надо учесть и оговорки декабристов в отношении «права благоудобства». В понимании декабристов оно должно служить не захватническим целям и не для притеснения малых народов, но «для действий праведных и согласных с чистою справедливостью»²⁰.

Планы декабристов объективно расчищали путь новому капиталистическому способу производства и утверждали на Кавказе исторически прогрессивный политический строй.

Но если историческая пропасть разделяла проекты декабристов от целей самодержавия, то сами члены тайных обществ в 1818—1819 гг. это расхождение глубоко не сознавали и субъективно воспринимали войну на Кавказе, как борьбу европейского просвещения «с дикой вольностью» и осуществление великого призвания России в ее движении на Восток».

Это была иллюзия.

Большое значение для правильного понимания идейного смысла «Письма к издателю» и его идеологического единства имеет образ автора, самого рассказчика.

На самом деле, кто же такой автор и какова идейно-композиционная функциональная роль его образа?

Образ носителя рассказа, автора письма возносится над всем повествованием, и самая объективная реальность подается через авторское восприятие.

Характерную стилистическую особенность «Письма» составляет культ «я», субъекта повествования, культ свободной творческой личности объединяющей свои впечатления, свободно и легко переходящей от объективного повествования к субъективным оценкам и лирическим излияниям. Личный тон, манера беседы с воображаемым другом, адресатом — традиция широко распространенная в романтизме. Восходя к старозаветной традиции XVIII в. романов в письмах Ричардсона и Ф. Эмина, она выражала принцип субъективной индивидуализации мировосприятия.

Различные тональности авторской речи, смена манеры, стиля повествования создает признаки социально-культурного определения рассказчика как реального лица.

Автор «Письма» — интеллигент, широко, поистине, энциклопедически образованный. Он мыслит на уровне государственных задач.

Начало «Письма» — это рассказ о поездке на Кавказ и по Кавказу: («Вот уже полгода, как я расстался с Петербургом; в несколько дней от севера перенесся к полуденным краям, прилежащим к Кавказу...»). Повествование о путешествии

²⁰ Там же, стр. 122.

вии продолжается («вдоль по гремучему Тереку вступил в скопище громад, на которые по словам Ломоносова, Россия локтем возлегла...»). И затем одна за другой возникают картины кавказской природы то грозной («округ меня неплодные скалы...»), то цветущей («крутой спуск с Кашаура ведет прямо к весенним берегам Арагвы»). Эти сбитые в кучу, идущие один за одним глаголы: расстался, перенесся, вступил вдоль по гремучему Тереку, и эта быстрая смена картин (сначала земли прилежащие к Кавказу, потом суровые горы, Терек, и, наконец, весенние берега Арагвы) хорошо передают фантастически быструю езду на перекладных. Вначале этого перечисления, мелькания путевых картин стоит образ Петербурга («я расстался с Петербургом»). В данном случае Петербург не только исходный пункт путешествия, но и символический образ. Автор-романтик, он не уехал из Петербурга, а именно расстался с ним, расстался без сожаления, с чувством облегчения и радостного ощущения предстоящей дороги, смены впечатлений, новой жизни. Он вырвался из душного города, и вот уже по сторонам дороги замелькали поля, леса, деревни. И кругом такой вольный простор!

Так в самом начале «Письма» возникает романтическая тема душного города, средоточия страны, управления, с его пышными дворцами, безумного и фантастического средоточия богатства, роскоши, города зла, города ложных чувств, искусственных страстей и такой же искусственной цивилизации.

Переход к описанию Кавказа осуществляется с помощью аллегории, заимствованной из оды Ломоносова, в которой Россия изображена в виде гиганта, возлегшего локтем на Кавказ.

Это обращение к образу поэзии Ломоносова указывало на знакомство и близость автора к традициям русской гражданской поэзии.

Описание Кавказа также дается стилистическими элементами, выявляющими ориентацию автора на использование стилистики гражданской лирики XVIII в. с ее торжественно патриотической патетикой, а также стиля формирующейся реалистической прозы.

Лаконичное перечисление существительных без эпитетов или с одним, но выразительным и точным определением в духе рационалистической прозы (например: ястреба, сугробы, стужа, признаки, суровость, или, например, с одним определением: неплодные скалы, снежные верхи, глубокая зима, крутой спуск, весенние берега, или такие распространенные определения: ястреба, потомки Прометеева терзателя, царь-птица (орел) и т. д.) — говорит о том, что носителем речи оказывается поэт-романтик, чей облик решительно противостоит

как сентиментализму Карамзина, так и романтической поэзии Жуковского. Видимо, автор близок к «дружине славян», той группе литераторов, куда входили сам Грибоедов, Кюхельбекер, Катенин и, литературную позицию которой ошибочно сближали с Шишковым и Шихматовым. Тяготение к суровой простоте слога, борьба с романтизмом Жуковского, использование образов античности (образ Прометея) и образов высокой гражданской поэзии (ода Ломоносова) — и то, и другое в одинаковой степени характерно для романтизма декабристов.

Описание картин Кавказа круто обрывается лирическим пассажем, в котором автор сетует на столичных друзей, здесь звучит типичная для романтической лирики и жанра дружеских посланий тема неверности друзей, дружбы, и преданности ей поэта-романтика («...уже четвертый месяц как засел в нем, и никто из моих коротких знакомых обо мне не хватится, всеми забыт, ни от кого ни строчки! Стало быть стоит только заехать за три тысячи верст, чтобы быть как мертвым для прежних друзей! Я не плачу им таким же равнодушием, тем, которых любил, бывши с ними в одном городе...»).

Рассказ автора о своей жизни в Тбилиси, о том, как жадно он ловит вести из Петербурга, из официальных газет (много ли можно оттуда узнать!) незаметно переходит в рассуждения на политические темы. Теперь говорит уже не автор, романтик, художник, а **политик, мыслитель**, видно, много размышлявший о характере народного восстания, его значении для страны, о политических движениях в Европе. Он — патриот, обеспокоенный легкомыслием столичной прессы, заимствующей такие важные известия о восстании в подвластной Грузии — из иностранной печати. («Скажите, не печально ли видеть, как у нас ю том, что полагают происшедшим в народе, нам подвластном, и о происшествии столько значущем... — он-то, автор много думал, он хорошо знает, что такое восстание народа, и как это важно, в каком бы уголке России оно ни произошло, для всей страны, для общества в целом! — ...не затрудняются заимствовать известия из иностранных ведомостей?»). Следующая фразеологическая серия подтверждает мысль автора, подводит итог его раздумьям. («Возмущение народа — не то, что возмущение в театре против дирекции, — когда она дает дурной спектакль... — и продолжение фразы звучало как вывод о природе народного восстания, — ...оно отзывается во всех концах империи, сколько впрочем ни обширна наша Россия»). Сравнение с театром, говорило о близости автора к столичному театру, он — театральный, переносит нас в обстановку театральной жизни Петербурга времен Онегина, Катенина, Грибоедова.

Художественные зарисовки автором жизни Тбилиси, сопровождаемые порой легкой иронией («иные брадатые политики, окутанные бурками в меховых шапках под вечер сообщают друг другу рабавии (новости)... здешние красавицы... лениво греются на солнышке, нисколько не подозревая, что отцы их и мужья бунтуют в «Инвалиде»), смеются романтической исторической прозой рассказа о событиях в Дагестане. Сухость и сжатость сообщения военных донесений («заложена крепость на Сунже, с намерением пресечь шатания чеченцев») перемежается размышлениями историка, способного к большим обобщениям и осмысливающего события с точки зрения огромных исторических сдвигов века.

Сюда же вкрапливаются фразы (дань необходимости!), выдержанные в стиле пышной риторики официальной идеологии («одним словом никогда в тамошних странах державная власть нашего государя не опиралась столь надежно на покорстве народов, как ныне...»).

Величаявая риторика официоза неожиданно обрывается иронически-вопросительными сентенциями с низкой обыденной стилистикой речи служащего, привыкшего к большой точности и тщательности («на что же нам даны ландкарты, коли в них никогда не заглядывать?»... «События с Кавказской линии так же не годится переносить в Грузию, как в Литву то, что случится в Финляндии»).

Здесь звучит и голос служащего коллегии иностранных дел, занимающего важный пост и пекущегося об интересах русской политики («Российская империя охватила пространство земли в трех частях света. Что не сделает никакого впечатления на германских соседей, легко может взволновать сопредельную с нею восточную область»).

Читателю ясно, что рассказчик принадлежит к самым передовым кругам русского общества. Он занимает какой-то важный официальный пост в коллегии иностранных дел.

Но автор — и «поэт», художник-романтик, мыслитель и историк, политик, личность, обладающая очень высокой культурой чувств.

Мысли автора о народном восстании, о движении истории, преобразованиях России в горах Кавказа предваряет картина величавого и могучего Кавказа.

Но это Кавказ легенды, родины древнейших преданий, это Кавказ поэтической думы, «пейзаж души», как у романтиков, как у Жуковского, и задача его не столько воссоздать объективную картину, сколько быть эмоциональным, сложно-симфоническим введением к дальнейшему рассказу. Автор скапливает величавые образы, создающие настроение торжественности и немного мрачного величия.

Словно окаменевшие титаны в угрюмом безмолвии застыло «скопище громад». «Бурный Терек», «неплодные скалы», «снежные верхи гор» напоминают автору о подвиге Прометея.

Образ Прометея, великого богоборца, похитившего с небес огонь для людей, венчает образ Кавказа. Так вступали в переключку образы героической античности, с ее героем восставшим против бога, образы гражданской поэзии, у истоков которой стоял Ломоносов и автор «Путешествия из Петербурга в Москву» и образ могучего Кавказа — символы высоких помыслов декабристов, овеянные ассоциациями политического свободомыслия и освободительной патетики: «Вот уже полгода, как я расстался с Петербургом... вдоль по гремучему Тереку вступил в скопище громад, на которые, по словам Ломоносова, Россия локтем возлегла, но теперь его подвинула уже гораздо далее... Округ меня неплодные скалы, над головою царь птица и ястреба, потомки Прометеева терзателя: впереди светлелись снежные верхи гор, куда и я вскоре потом взобрался, и нашел сугробы, стужу, все признаки глубокой зимы, но на расстоянии нескольких верст суровость ее миновалась...»²¹.

И это была не случайная ассоциация или свободный полет разыгравшегося воображения художника. Наваянная передовым сознанием эпохи картина Грибоедова оформляла в сознании современника образ величественного и непокорного Кавказа. Основные типологические черты этой картины входят в художественное сознание эпохи.

В очерке «Кавказская дорога», напечатанном в «Отечественных записках» (1821 г.), эти же места описывал выдающийся русский естествоиспытатель профессор И. Эйхфельд. Описание Эйхфельда, несмотря на сухой прозаический стиль изложения, переключается с поэтическими образами Грибоедова: у него было то же стремление передать грандиозность Кавказа, повторялись черты грибоедовского образа.

«Здесь какое-то необыкновенное царствует безмолвие. Исчезает все, что видеть привыкли. Теряются растения, теряется все, что дышет. Редко, редко уединенная перелетает птица, ища с беспокойством приюта родного, которого не находит. Здесь можно сказать земность сближается с тою горною областью...»²².

И может быть не без влияния Грибоедова возникали исторические ассоциации, воспоминание о древних мифах и образ Прометея:

²¹ А. С. Грибоедов. Указ. соч., стр. 26.

²² «Отечественные записки», 1821, № 14, стр. 275—276.

«Швейцария для пастушков со свирелями, а Кавказ для воннов с мечами булатными. Здесь колыбель Прометеева и рода нашего».

24 мая 1825 г. поэт-романтик В. Вердеревский, наблюдая Бештау, также весь погружается в исторические воспоминания. Величественные горы напоминали поэту рассказы о воинственных черкесах, о смелых набегах и «дикой свободе» горцев, и в ряду этих образов возникает образ Прометей, прикованного к утесу Кавказа²³.

В конце «Письма к издателю» появляется авторское пояснение причин, побудивших откликнуться на сообщение «Военных ведомостей». Грибоедов ссылается на «обстоятельства», важные для него «собственно по месту» службы, на интересы восточной политики России. Но передовой читатель 20 гг., хорошо умевший читать между строк, остро воспринимал именно те места «Письма», которые представляли интерес для современника, опускал неизбежные официальные «издержки», легко восполнял «грибоедовские формулы».

Итак, думы человека, идейно-творчески связанного с декабристами, пафос истории, пафос, утверждающий активное преобразование объективной реальности общественной жизни народов Кавказа, — эти мотивы звучали как мысли о народе — составляют подлинную внутреннюю тему «Письма к издателю».

Тема Дагестана как бы включена в этот живой поток исторических мыслей, впечатлений и философских раздумий. Углубленный интерес к истории особенно характерен для Грибоедова, впервые приехавшего на Кавказ.

Представшая перед взором седая древность, (ведь в сознании поколения Кавказ — колыбель человечества), ее памятники архитектуры — каменные башни, замки, заросшие развалины, поэзия древних мифов напоминают писателю о тысячелетиях человеческой истории.

Интерес к истории ярко запечатлен в «Путевых записках»²⁴. Этот интерес Грибоедова к историческому и культурному прошлому народов Кавказа по своему содержанию резко противостоял официальной идеологии.

К главной внутренней теме «Письма к издателю» идейно примыкает и запись, хронологически относящаяся, по-видимому, к несколько более раннему времени. В полном собрании

²³ В. Вердеревский. Отрывки из писем о Кавказе «Литературные прибавления к Русскому инвалиду». 1823, № 28.

²⁴ Замечательную характеристику исторических размышлений А. С. Грибоедова на Кавказе дает М. В. Нечкина в работе «Грибоедов и декабристы». М., 1951. См. также Н. К. Пиксанов. А. С. Грибоедов. Биографический очерк. Полн. собр. соч., т. 1, СПб, 1911, стр. XXXVII. Вл. Орлов. Грибоедов. М., 1954.

сочинений Грибоедова она датирована концом 1818 года. В «Заметках» 1818 г. мы находим следующий набросок:

«Даданиурт, Андреевская, окруженная лесом. Кумычка. Жиды, армяне, чеченцы. Там, на базаре, прежде Ермолова, выводили на продажу захваченных людей, — нынче самих продавцов вешают»²⁵.

Первая часть записи — картина Андрей-аула, нарисованная с острой художественной пронизательностью. И этническая пестрота его жителей («жиды, армяне, чеченцы»), и центральная фигура кумычки — представительницы основной массы жителей, и оживленная торговля, и лесистые окрестности аула — все это необыкновенно точно, исторически достоверно передает неповторимо своеобразный облик этого дагестанского аула.

В начале XIX века Андрей-аул был еще крупным центром работорговли не только в Дагестане, но и на всем Северном Кавказе. Сюда со всех концов свозили на продажу рабов и пленных, отсюда они растекались по всему Кавказу.

Последние строки записи придают законченное смысловое единство всему наброску. Ее главная тема — это мысль о прогрессивном значении движения России на Восток: утверждение ее владычества на Кавказе приносит в горы европейский правопорядок, старая восточная деспотия с торговлей рабами и пленными терпит крах, суд истории в лице Ермолова карает работорговцев и в Андрей-ауле.

Последующие отклики Грибоедова на события в Дагестане показывают как быстро совершалась идейная эволюция писателя.

При остром напряжении общественных отношений в 20-х годах XIX в. известия о восстании горских народов вливались в бурно кипящий поток размышлений передового общества над узловыми проблемами века — о движении народных масс в Европе и волнениях крепостных в России.

Дагестанские события в 1818—1819 гг. сыграли важную роль в формировании образа вольного, гордого, могучего и непокорного Кавказа, который слагался в сознании передового русского общества.

Не случайно в 20-е годы близкий декабристам А. А. Шишков, участник походов в Дагестан, обращается к дагестанской теме, и в его поэме «Дагестанская узница» слышны отголоски восстания 1818—1819 гг.

Волнения в Дагестане и жестокость их подавления получили широкий отклик в русском обществе. О распространенных слухах упоминает и сам Грибоедов. На это намекал

²⁵ А. С. Грибоедов. Указ. соч., стр. 34.

в приписке к «Письму» Грибоедова издатель «Сына Отечества» Н. И. Греч.

Вот что он писал: «Благодарим любезного нашего корреспондента за сие известие... Без него не имели бы наши читатели удовольствия получить сие любопытное письмо о крае весьма мало известном»²⁶.

События, развернувшиеся в Дагестане, глубоко взволновали Грибоедова. 29 января 1819 г., через несколько дней после написания «Письма к издателю Сына Отечества», мысль Грибоедова вновь прикована к Дагестану.

В «Путевых записках» появляется, со свойственной писателю по отношению к самому себе иронией, запись от 29 января 1819 г., начинающаяся словами: «О бунте писали в «Инвалиде» вздор, на который и я в «С. О.» отвечал таким же вздором»²⁷.

Первые строки записи убеждают нас в том, как интенсивно продолжает Грибоедов раздумывать над природой движений народных масс, насколько закономерен его интерес к дагестанским событиям: писателю, конечно, не давала покоя мысль о бунте народов. Грибоедов видел, что горцы оказывают отчаянное сопротивление.

Рассмотрим вторую часть записи о «бунте» в Дагестане: «Нет, не при нем здесь быть бунту. Надо видеть и слышать, когда он (Ермолов — Р. Ю.) собирает здешних или по ту сторону Кавказа кабардинских и прочих князей: при помощи наметанных драгоманов, которые слова его не смеют проронить, как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием ослушников, вешает, жжет их села — что же делать?»²⁸.

Грибоедов убеждает не столько своего воображаемого собеседника, сколько самого себя. Значит, он уже в этом нуждается, (пока самим писателем это до конца не осознается), у него нет абсолютной уверенности в действенности политики Ермолова, его методов покорения Кавказа.

Грибоедов с трудом соглашается с войной (понадобился дополнительный аргумент, а именно, мысль о том, что это трагическая, жестокая необходимость, с которой тяжело, но все же приходится мириться («что же делать?»)), ибо другого выхода, кажется, нет.

Эта запись весьма интересна и в другом отношении. Она существенно дополняет картину идейной позиции Грибоедова в начале 1819 г. В словах Грибоедова о Ермолове, о

²⁶ А. С. Грибоедов. Указ. соч., стр. 142.

²⁷ Там же, стр. 36.

²⁸ Там же, стр. 36—37.

кавказской действительности («смиряет оружием слушников, вешает, жжет их села») звучит тема жестокой реальности войны. И если в «Письме к издателю» он не мог говорить о ней полным голосом, то в «Записках» не предназначенных для печати, объективная реальность войны заявляет о себе громко, неприкрытая никаким словесным жеманством. Грибоедов находит мужественные, беспощадные в своей жестокости слова: «смиряет оружием», вешает, жжет села.

Так рядом с мыслями о прогрессивных последствиях покорения Кавказа, в пафос и поэзию преобразования общественной жизни горских народов вторгается — с тем, чтобы уже никогда не исчезать — другая тема, тема войны, ее бесчеловечного и жестокого безумия.

Это позволяет нам уточнить наш первый тезис о том, что Грибоедов как бы не замечает жестокостей колониальной политики, что перед движением истории они отодвигаются на второй план. Нет, писатель очень хорошо видит жестокость войны, он видит действительность в ее реальных противоречиях! Однако сущность этой войны, точнее — методов покорения — еще не осознана им как колониальная. Тема жестокости войны движется не параллельно с мыслями о прогрессе Кавказа, а именно вторгается в идейное настроение, временами скрыто, тогда она звучит подспудно, порою слишком явно, и писателю приходится делать усилия, чтобы соотнести, согласовать свои впечатления с общей системой взглядов.

Тема жестокости войны разрушает эту систему как бы изнутри, она вносит в нее диссонанс. Жестокость колониаторской политики Ермолова было очень трудно оправдать. Приведем последнюю часть анализируемой записки. Размышления Грибоедова о действиях Ермолова продолжают: «По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, — здесь и ребенок хватается за нож! А, право, добр; сколько мне кажется прелегких чувств, или я уже совсем сделался панегиристом, а, кажется, меня в этом нельзя прекнуть»²⁹.

К доводу о неизбежности жестокости на войне (война есть война, — «что же делать?»; война может быть справедливой, но убивать — ее сущность) Грибоедов прибавляет последний и самый существенный довод, оставшийся в его распоряжении, и способный еще как-то противостоять критической силе его ума — следует ссылка на особые исторические условия Азии.

Когда Грибоедов говорил об Азии, где каждый «хватается за нож», он по существу выражал излюбленную мысль фило-

²⁹ Там же, стр. 37.

софов и «идеологов» конца XVIII и начала XIX вв. о «естественном состоянии», о борьбе необузданных, диких страстей в естественном человеке и необходимости бороться со злом феодализма такими же беспощадными методами. Просветительская мысль Грибоедова здесь как бы негативно, внутренне, исторически сопоставляла конституционную Европу и деспотический Восток.

Это историческое противопоставление передовой Европы застою Востоку заключено и в картинах иранской действительности, которые Грибоедов набрасывает в «Путевых записках». Современный Иран как нельзя лучше подтверждал развращающее влияние деспотизма на нравы народа. Грибоедов, наблюдая управление государством, отмечал в «Путевых записках»:

«Рабы мой любезный! И поделом им! Смеют ли они осуждать верховного их обладателя? Кто их боится? У них и историки панегиристы!»³⁰.

Но именно эта ссылка на исторические условия Азии указывает на едва прикрытое аргументом в духе философии просветителей расхождение с колонизаторскими целями царизма.

Находясь в Ереване, писатель снова возвращался к событиям в Дагестане. 5 февраля 1819 г. на приеме у Гусейн-хана разговор шел о походе русских войск в Дагестан. «Между тем, — пишет Грибоедов, — разговор происходил о походе Алексея Петровича в Чечню и в Дагестан»³¹.

Если мы вспомним, что 1818—1819 годы — время напряженнейшей работы Грибоедова над «Горем от ума», то, быть может, нам станет понятным тот особый и устойчивый интерес, какой писатель проявляет к известиям о бунте в Дагестане. Значит мысли о восстании горских народов вместе с раздумиями о восточном деспотизме и горской свободе, русском крепостничестве и самовластии сопровождали работу над «Горем от ума» и, кто знает, может быть со своей стороны помогали интенсивной работе над претворением замысла великой комедии.

Для полноты картины обратимся еще к одному факту. С иллюзиями о миссионерской роли официальной России связана и попытка Грибоедова внести свою лепту в преобразование Кавказа, в просвещение его народов. Эта попытка была предпринята в Дагестане.

Царская служба тяготила Грибоедова, и тем сильнее давала знать жажда активной гражданской деятельности. Поиски смысла жизни, «призвания», презрение к карьере,

³⁰ Там же, стр. 50—51.

³¹ А. С. Грибоедов. Указ. соч., стр. 49.

были общим настроением для декабристской среды эпохи Союза благоденствия³².

В 1819 г., приведя из Персии в Тбилиси отряд русских беглых и пленных, Грибоедов не застал там Ермолова и отправился к нему с докладом в Андреевскую. Здесь в Андрей-ауле, Грибоедов подал на имя Ермолова рапорт с просьбой назначить его судьей или учителем в Тбилиси.

Об этой своей просьбе вспоминает Грибоедов в письме Н. А. Каховскому из Тавриза от 25 июня 1820 года.

«...было время, обольстил меня добрейший Роман Иванович и я в Андреевской просил у главнокомандующего быть переведенным в Тифлис судьей, или учителем»³³.

Год спустя Грибоедов иронически, с грустным разочарованием называет свои мечты «отчаянной просьбой». Он умоляет друга взять обратно рапорт. Конечно, не только боязнь остаться в Грузии и не вернуться в Россию, как думают некоторые исследователи, заставляла его отказаться от этого намерения. Просто в 1820 г. Грибоедову стала слишком ясна вся безнадежность этой мечты.

Жестокость военно-колонизаторской политики самодержавия на Кавказе сталкивалась с гуманизмом декабристов. Это столкновение обнаружило противоречие послужило толчком к процессу постепенного осознания дворянскими революционерами пропасти между целями самодержавия и их собственными стремлениями, пропасти, которая объективно существовала с самого начала, но субъективно не всегда осознавалась многими дворянскими революционерами даже на более позднем этапе.

Гуманизм Грибоедова не может согласиться с военно-колонизаторскими методами царизма. Виселицы и пожары плохо согласовывались с просветительским призванием России. А перед глазами писателя разворачивалась неприглядная картина бессмысленных, варварских жестокостей, именуемых замирением горских народов. Эту трагическую картину как нельзя лучше дополняли лицемерие, тупость и потрясающая бездарность царской администрации. Беспокойная мысль Грибоедова мучительно ищет ответа. Но он пришел не сразу. Сначала разрозненные впечатления поражали воображение художника и мыслителя.

Вот первая помета в «Записках» 1819 г. — трагическая в своей лаконичности: «Светлый день. Верхи снежных гор иногда просвечивают из-за туч; цвет их светлооблачный, переме-

³² См. М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы, стр. 273, 587; В. К. Кюхельбекер. Дневник. 1829, стр. 339. Соч., т. 1, стр. XV, Е. Оболенский. Записки, стр. 235.

³³ Грибоедов. Указ. соч., стр. 141—142.

шанный с лазурью»³⁴. И на фоне этой вечной, торжественной и спокойной красоты — иная картина: «Кусты. Убитый в виду главнокомандующего». Так сталкиваются поэзия, музыка, красота природы и нелепая, безобразная бессмыслица войны: здесь же, в этом противопоставлении возникает и другая нота, характерная для романтизма декабристов — противопоставление зла красоте природы.

1820—1824 гг. — годы существенных сдвигов в понимании Грибоедовым кавказской действительности.

Это понимание углублялось, с одной стороны, по мере того как борьба горских народов против царизма принимала все более широкий размах и организованный характер, с другой, оно обуславливалось идейной эволюцией самого декабризма. У писателя возникает потребность ближе познакомиться с действительностью. Возвращаясь из отпуска, Грибоедов проехал по Кавказской линии. Начало октября 1825 г. застало его в крепости Константиногорской, в отряде начальника штаба Кавказского корпуса Вельяминова. Целый месяц Грибоедов принимал участие в походе Вельяминова в верхнюю Кабарду. Месяц спустя он сообщал Кюхельбекеру, что с Вельяминовым «до сих пор слонялся по верхней Кабарде»³⁵. «Глаз на глаз, судьба завела меня с ним (Вельяминовым — Р. Ю.) на Малку, и отсюда к разным укреплениям новой линии»³⁶. Писатель побывал в ущельях реки Чегем, в укреплении Каменный мост, затем проехал в Нальчикскую крепость. 27 октября 1825 г. Грибоедов уже в станице Екатериноградской.

В 1824—1825 гг. в среде декабристов, наряду с признанием покорения Кавказа исторической необходимостью, нарастает сочувствие борьбе горцев. Они восхищаются вольнолюбием горцев, их смелостью, мужеством, бесстрашием, героизмом, с которыми они отстаивают свою свободу.

Грибоедов также восхищается героизмом горцев, защищающих независимость. Так восставших кабардинцев он называет «вольным благородным народом». В письме В. К. Кюхельбекеру 27 ноября 1825 г. Грибоедов писал:

³⁴ Там же, стр. 30.

³⁵ Там же, стр. 183.

³⁶ Там же, стр. 186. Е. Г. Вейденбаум пишет: «В сентябре 1825 г. Д. А. Вельяминов, действовавший против закубанцев, прибыл в Усть-Лабинскую станицу на Кубани. Здесь мог свидеться с ним Грибоедов и выпросить разрешение участвовать в походе против возмущившихся кабардинцев. Таким образом, попал он с Вельяминовым и на Чегем, и в Нальчик». Е. Г. Вейденбаум. Кавказские этюды. Тифлис, 1901, стр. 263.

«Дела здешние были довольно плохи, и теперь горизонт едва проясняется. Кабарду Вельяминов усмирил, одним ударом свалил двух столпов вольного, благородного народа. Надолго ли это подействует?»³⁷.

Ход творческой мысли привел автора «Горе от ума» к непоколебимому убеждению, что историю творит не воля индивидуальной личности, а народ. Правда и раньше, в 1818 г., Грибоедов говорил о народе, но тогда это была скорее романтическая абстракция. Теперь Грибоедов отказывается от идеализации «героя» Кавказа Ермолова, и мы видим как отдельные личности, в том числе и фигура Ермолова, все больше отодвигается на задний план, в отдаленную перспективу, а на авансцену выходят большие человеческие коллективы.

В 1824—1825 гг. действительность Кавказа разворачивается перед Грибоедовым как движение целых народов, столкновение различных цивилизаций и исторических сил, как огромная драма, в которой сменяются вожди, имамы, генералы, военные руководители, поражения следуют за победами, но весь смысл событий заключается в массах. В письмах друзьям Грибоедов рисует целые картины — сцены из Кавказской войны. Подлинным героем этой драмы становятся горцы, народ, чей коллективный образ возносится своей духовной мощью над индивидуальной личностью.

Теперь народ для Грибоедова не умозрительная категория, не просто абстрактная романтически воображаемая некая сумма индивидуумов, он имеет свое национальное лицо, национальный характер. Так естественно вступает у Грибоедова в свои права этнография, пристальное внимание к национальной культуре и быту. Эти тенденции обнаруживаются у Грибоедова еще в 1819 г.

Так интерес к этнографической детали как средству художественного воссоздания национального быта и исторического колорита появляется у Грибоедова во время первого путешествия по Кавказу и Ирану.

От иранских впечатлений мысль писателя переходила к русской истории, в воображении проносились минувшие столетия, XVII век, великая смута, оживали образы Дмитрия Самозванца, царя Михаила Федоровича. В «Путевых записках» 1819 г. Грибоедов отмечал:

«Беседа наша продолжалась далеко за полночь. Разгоряченный тем, что видел и проглотил, я перенесся за двести лет назад в нашу родину. Хозяин представился мне в виде добродушного москвитянина, угощающего приезжих из немцев, фараши его домочадцами, сам я — Олеарий. Крепкие

³⁷ А. С. Грибоедов. Указ. соч., стр. 183.

напитки, сырые овощи и блюда с сахарными брашнами, все это способствовало к переселению мыслей в нашу седую старину, и даже увертливый красный человечек, который хотя и называется Англичанином, а право, нельзя ручаться — из каких он, этот аноним, только рассыпался в нелепых рассказах о том, что делается за морем, — я видел в нем Маржерета, выходца при Дмитрие, прозванном Самозванцем, и всякого другого бродячего иностранца того времени, который в наших теремах пил, ел, разживался и, возвратясь к своим, ругательством платил русским за русское хлебо-сольство»³⁸.

Декабристы-романтики выдвинули требование «местного колорита», но субъективизм понимания истории мешал романтизму декабристов выявить все возможности, открываемые перед искусством принципом «местного колорита». Герои «Дум» Рылеева и «Аргивян» Кюхельбекера оказывались без признаков времени, национальности и по существу современниками³⁹.

Иное дело у Грибоедова. В его записи удивляет полнота художественного перевоплощения, небывалая острота ощущения неповторимых черт исторической эпохи. Создается полная иллюзия реальности. Автор очень умело пользуется бытовыми деталями, с помощью которых он воссоздает колорит исторической эпохи. Сам автор уходит со сцены, как бы скрывается за действующими лицами.

Грибоедов выводы из анализа прошлого применял к настоящему. Излюбленная романтическая традиция сближения прошлого и настоящего оставалась, но менялось ее содержание.

В 1818—1819 гг. Грибоедов еще далек от объективно-закономерного понимания истории, но во всех этих принципах уже были заложены элементы реалистического понимания истории. Он ощущал противоречие между субъективным историзмом декабристов и теми задачами, которые они призваны были решать ходом общественного развития в России.

Отказываясь от субъективности, ставя своей целью воспроизведение духа изображаемой эпохи и психологии ее людей, Грибоедов поднимался на вершины исторических идей своего века.

Именно эти же принципы романтической историографии провозглашали в 1819 г. и Абель-Франсуа Вильмен в своей книге «История Кромвеля», и Тьерри в своих статьях 1817—1820 гг. на основе принятой им теории завоевания.

³⁸ А. С. Грибоедов. Указ. соч., стр. 47.

³⁹ См. Г. А. Гукровский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957.

Исторический колорит, но с других позиций воспроизводили символические картины «Мучеников» Шатобриана (1810). Но особенно очаровывал романтиков исторический колорит в романах Вальтера Скотта «Роб-Рой» (1817), «Легенда Монтроза» (1819) и в знаменитом «Айвенго» (1819).

Идейная эволюция Грибоедова — художника и мыслителя приводила его к пониманию истории как объективной реальности: это открыло ему новые существенные стороны кавказской действительности; надежды и иллюзии сменила трезвая оценка политики самодержавия. Грибоедов обличает колониальную войну царизма.

В письме 7 декабря 1825 г. Грибоедов сообщал другу С. Н. Бегичеву об изменении своих взглядов на кавказские события: «Многое я нынче переверил, во многом я сам ошибался»⁴⁰. Приходит и более глубокое знание действительности Кавказа. Грибоедов теперь понимает — народ — потенциальная сила движения; местные феодалы ищут опоры в русском штыке, и самодержавие поддерживает их.

27 ноября 1825 г. Грибоедов сообщал Кюхельбекеру: «Кучук Джанхотов в здешнем феодализме самый значительный владелец, от Чечни до Абазехов никто не коснется ни табунов его, ни подвластных ему ясырей, и нами поддержан; сам тоже считается из преданных русским»⁴¹.

Все это приближало к правильному пониманию исторических процессов, протекавших в кавказской действительности. Но все же у Грибоедова не было понимания антифеодальной природы движения горских народов.

Война на Кавказе осмысливается им как «борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением».

Грибоедов произносит беспощадный приговор цивилизаторской миссии крепостников. И как олицетворение этой миссии перед писателем вставала сатирически описанная в одном из писем фигура давнего сослуживца Мазаровича с латинским молитвенником и дипломатическими замыслами.

Ханжество и иезуитское лицемерие колонизаторов обличает и другой найденный сатирический образ. Грибоедовская гневная ирония звучит в словах писателя, когда он политику самодержавия на Кавказе по существу называет варварской пасмешкой над «Историей», движение которой на деле обрачивалось бесконечными виселицами и в роли единственного аргумента выступало действие снарядов артиллерии. В упомянутом письме С. Н. Бегичеву Грибоедов писал:

«Чтобы долгие не иовничать, пускаюсь в Чечню, А. П. не хотел, но я сам ему навязался. Теперь это меня несколько

⁴⁰ А. С. Грибоедов. Указ. соч., стр. 186.

⁴¹ Там же, стр. 184.

занимает, борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением, действие конгресов; будем вешать и прощать и плюем на Историю»⁴².

Примером глубокого сочувствия Грибоедова борьбе горцев Кавказа является стихотворение «Дележ добычи», написанное во время пребывания на реке Малке в отряде Вельяминова. Центральным героем стихотворения является горец, героически обороняющий «вольный край родимых гор» от русского самодержавия⁴³.

Вместе с тем Грибоедов не идеализировал уклад жизни горских народов. Он трезво смотрел на горскую действительность. Писатель осуждал в ней все, что было связано с феодальными порядками; работоторговлю, набеги и многие другие стороны. Об этом хорошо говорит советский литературовед Вл. Орлов, отметивший стремление Грибоедова реалистически объяснять характер горцев, их поведение условиями быта, национальными традициями и историческим развитием народа⁴⁴.

В письме к Кюхельбекеру 27 ноября 1825 г. Грибоедов с потрясающей силой реализма рисует один из трагических эпизодов борьбы «горной свободы» за свою независимость. Симпатии художника, гуманиста на стороне горцев. Он восхищается их вольным героизмом, их мужеством и смелостью. Поэзия, воспевающая свободу человека, его вольность и активность, видящая красоту человека в цельности его природы, окружает образы горцев. Это как раз именно те черты, которые так импонировали в горах декабристам-романтикам. Таков Джембот — «храбрый из всех молодых князей, первый стрелок и наездник, смельчак», предпочитающий смерть плену, таков его друг Каномат.

В коллективном образе горцев, который вырастает из отдельных образов, Грибоедов замечательно уловил и такую особенность как слитность с народным, эпическим началом. Отсюда близость этих образов к народной горской поэзии. Девушки воспевают их подвиги по аулам.

Культуры народов Кавказа Грибоедов постигал исторически. Острое чувство художника позволяло ему вживаться в их индивидуальный облик. Слияние было почти полным. И они раскрывались перед ним как удивительно самобытные.

Вместе с восхищением героическими чертами горского уклада приходило уважение к этой своеобразной цивилизации,

⁴² Там же, стр. 185.

⁴³ См. В л. О р л о в. Художественная проблематика Грибоедова. Литературное наследство. 47—48. М., 1946.

⁴⁴ См. В л. О р л о в. Грибоедов. Очерк жизни и творчества, М., 1954, стр. 228.

к ее памятникам и быту, который казалось сам собой вырастал из прекрасной дикой природы Кавказа.

Гуманизм оберегал Грибоедова от «монодийности», в которую впадали многие члены тайных обществ, и он приходил к выводу, что уничтожение культур малых народов Кавказа является злом, наносящим вред духовной целостности человечества. Будущую культуру Грибоедов мыслил как органический синтез культур многих народов, населяющих необъятные просторы России.

Осуждение самодержавия, сочувствие борьбе горцев наглядно проявляется и в изображении героической гибели Джамбота и Каномата, и в стремлении передать национальный дух и своеобразный колорит горской культуры*. Грибоедов рассказывает Кюхельбекеру: «Я стоял у окна, когда они въезжали в крепость, старик Кучук, обвитый чалмою в знак того, что посетил святые места, Мекку и Медину, другие не столько знатные владельцы ехали поодаль, впереди уздени и рабы пешие; Джамбот в великолепном убранстве, цветной тишлой сверх панцыря, кинжал, шашка, богатое седло и за плечами лук с колчаном. Спешились, вошли в приемную. Тут объявлена им воля главнокомандующего. Здесь арест не то, что у нас, не скоро дает себя лишить оружия человек, который в нем всю честь полагает. Джамбот решительно отказался повиноваться. Отец убеждал его не губить себя и всех, но он был непреклонен; начались переговоры: старик и некоторые с ним пришли к Вельяминову с просьбою не употреблять насилия против несчастного смельчака, но уступить в сем случае было бы несогласно с пользою правительства. Солдатам велено окружить ту комнату, где засел слушник; с ним был друг его Канамат..., при малейшем покушении к побегу отдал приказ, чтобы стрелять. Я, зная это, заслонил собою окно, в которое старик отец мог бы все видеть, что происходило в другом доме, где был сын его»⁴⁵.

Сцена «славной» гибели Джамбота и Каномата Касаева потрясает своим драматизмом. Силы были слишком неравны, и борьба была недолгой. Но храбрые, отчаянные смельчаки мужественно встретили смерть, и погибли как подобает вольным горцам:

«Вдруг раздался выстрел. Кучук вздрогнул и поднял глаза к небу. Я оглянулся. Выстрелил Джамбот, из окна, которое вышиб ногою, потом высунул руку с кинжалом, чтобы отклонить окружающих, выставил голову и грудь, но в ту же ми-

* Еще раньше в 1824 г., эту же задачу обоснования психического склада личности культурно-историческими и национальными условиями решал Пушкин в «Подражаниях корану», и в 1825 г., работая в Михайловском над трагедией «Борис Годунов».

⁴⁵ Там же, стр. 184.

нугу ружейный выстрел и штык прямо в шею повергли его на землю, вслед за этим еще несколько пуль не дали ему долго бороться со смертью»⁴⁶. Так же героически встречает смерть Каномат, предпочитая гибель позорному плену. «Товарищ его прыгнул за ним, среди двора также был встречен в упор несколькими выстрелами, пал на колени, но они были раздроблены, оперся на левую руку и правую успел еще взвести курок пистолета, дал промах и тут же лишился жизни»⁴⁷.

Впечатления были сильными, западали в душу. Кровавые эпизоды целыми месяцами не выходили из головы писателя. Скорбно звучали последние строки письма: «Мне было жаль не тех, — пишет Грибоедов Кюхельбекеру, — которые так славно пали, но старца отца»⁴⁸.

С описанием Грибоедова геройской гибели Джамбота и Каномата Касаева перекликается отзыв декабриста В. Вранлицкого о горцах, убивших генералов Лисаневича и Грекова: «Тех ли называть разбойниками, которые сражаются и защищают свою вольность?»⁴⁹.

И опять в сознание писателя входили новые сцены, снова он встречался лицом к лицу с действительностью войны. 7 декабря 1825 г. из станицы Екатериноградской Грибоедов пишет С. Н. Бегичеву:

«Я теперь лично знаю многих князей и узденей. Двух при мне застрелили, других заключили в колодки, загнали сквозь строй; на одного я третьего дня набрел за рекою, висит, и ветер его медленно качает»⁵⁰.

В свете этих размышлений внимание Грибоедова вновь привлечено к событиям в Дагестане и Чечне. В горах Дагестана и Чечни борьба горцев за свободу родных гор приобрела новый характер и масштабы. От локальных, разрозненных выступлений горцы переходили к более организованным действиям. В 1824 г. в Дагестане и Чечне восстание вспыхнуло с новой силой. В 1825 г. горцы захватили русское укрепление Амир-Аджи-Юрт и вскоре осадили гарнизон Герзель-аула, расположенного по соседству с Аксаем.

Месяц спустя, после возвращения из похода с отрядом Вельяминова в Большую Кабарду, в письме Кюхельбекеру 27 ноября 1825 г. Грибоедов писал:

«... еще несколько дней и, кажется, пущусь с Алексеем Петровичем в Чечню; если там скоро утишатся военные смуты, перейдем в Дагестан»⁵¹.

⁴⁶ Там же, стр. 185—185.

⁴⁷ Там же, стр. 184—185.

⁴⁸ Там же, стр. 185.

⁴⁹ «Записки декабриста Н. И. Лорера». М., 1931, стр. 25. Цитируется по книге «Литературное наследство», № 47—48, стр. 76.

⁵⁰ А. С. Грибоедов. Указ. соч., стр. 186.

⁵¹ Там же, стр. 182—183.

Итак, Грибоедов хочет поехать в Дагестан, значит он хорошо представлял, как много может дать для понимания обстановки непосредственное знакомство с событиями.

К впечатлениям, вынесенным во время пребывания в Кабарде, присоединялись раздумья над событиями в Дагестане и Чечне. Письмо другу С. Н. Бегичеву от 7 декабря 1825 г. вновь возвращает нас к обстановке в Дагестане. Грибоедов пишет в нем о происшедших летом 1825 г. событиях в Чечне, о действиях Грекова в северном Дагестане и его гибели в Герзель-ауле.

«Но действовать страхом и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы со знаменами победителей. Посмотрим, чем кончится поход против чеченцев; их взволновал не столько Имам, пророк недавно вдохновенный, как покойный Греков, способный человек, но грабитель. Войска точно мало, но хороших начальников вовсе нет»⁵².

Что же произошло в Герзель-ауле? 18 июля 1825 г., на следующий день после того, как горцы отступили от Герзель-аула, в укрепление было собрано 318 кумыков, жителей аула Аксай. Их построили. Генералы Лисаневич и Греков, прибывшие на помощь осажденному гарнизону, потребовали выдачи виновных. Мулла Учар-Хаджи, выскочив из строя, нанес удары кинжалом Лисаневичу и Грекову. Тотчас ворота укрепления были заперты, солдаты бросились в штыки, началась поголовное истребление всех, кто был в укреплении⁵³.

Но нас в данном случае интересует не фактическая сторона этого эпизода, получившего широкую огласку во всей кавказской армии, а связанные с ним мысли Грибоедова. Прежде всего в анализируемом нами отрывке высказывается несогласие и прямое осуждение колонизаторской политики самодержавия в Дагестане («действовать страхом и щедротами можно только до времени»). Затем мы можем констатировать, что Грибоедов по-прежнему остается убежденным сторонником мирных средств. Слово «правосудие» здесь, несомненно, нужно понимать в широком смысле: Грибоедов имеет в виду необходимость установления строгих, но справедливых законов и порядков, отвечающих национальному характеру.

Наконец, последняя фраза («их взволновал не столько имам... как покойный Греков, способный человек, но грабитель») говорит о том, как решительно отвергает писатель широко, настойчиво распространяемую официальными круга-

⁵² А. С. Грибоедов. Указ. соч., стр. 186—187.

⁵³ С. М. В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т II, вып. 1, 1887, стр. 153—167.

ми версию о природе движения горцев, якобы не имеющего глубоких корней и всецело обязанного влиянию отдельных фанатичных личностей, возмущающих народ.

Мысль Грибоедова не только отвергает идеалистическое, сугубо классовое объяснение, но и подводит к выводу, что движение горцев имеет объективные причины. Самое замечательное то, что Грибоедов истоки восстания горцев видит в самой колониальной политике самодержавия: Греков, а следовательно, и самодержавие — грабители, их действия подняли народ на борьбу. Накануне восстания 14 декабря 1825 г. Грибоедов открыто критикует официальную политику царизма на Кавказе. Привычную, считавшуюся единственно правильной и нормальной политику, с которой уже свыклись все, Грибоедов расценивает как дикую, безумную и жестокую, какой она и являлась на самом деле.

Заключительная часть письма к Бегичеву содержит убийственную характеристику царской администрации на Кавказе. Грибоедов называет имена генералов Сталя, Лисаневича, Горчакова, Шульгина. Все они — царские военачальники, известные как незадачливые, жестокие усмирители Кавказа. Многие из них печально прославились своими действиями и в Дагестане. Только имена Ермолова и Вельяминова по-прежнему окружены в духе декабристской традиции ореолом уважительного отношения:

«Сталь был бескорыстен, а кроме того дурак. Лисаневич храбрейший человек, но опрометчив, умер геройски, жил без толку. Горчаков картонный генерал, Шульгин и не более»⁵⁴.

Но и в этот период взгляды Грибоедова на проблему Кавказа не свободны от противоречий и просветительских иллюзий. Горячо осуждая самодержавие, сочувствуя горцам, признавая за горскими народами право на оборону «родимых гор», Грибоедов с другой стороны, не исключал целиком военные методы покорения Кавказа.

В том же письме Бегичеву Грибоедов писал: «С успехами в Чечне сопряжена тишина здесь между кабардинцев и закубанцы не посмеют так часто вторгаться в наши границы, как прошлой осенью. Имя Е. еще ужасает; дай Бог, чтобы это очарование не разрушилось»⁵⁵. С другой стороны, писатель считал, что образованные, талантливые руководители, способные проводить самостоятельную политику, независимую от бездарных распоряжений Петербурга и учитывающую местные условия, могли бы воцарить мир на Кавказе, в том числе и Дагестане. Отсюда заявление об отсутствии на Кавказе «хороших начальников». «Здесь пужен военный

⁵⁴ Там же, стр. 186.

⁵⁵ А. С. Грибоедов. Указ. соч. стр. 187.

человек, решительный и умный, не только исполнитель чужих предначертаний, сам творец своего поведения, недремлющий наблюдатель всего, что угрожает порядку и спокойствию от Усть-Лабы до Андреевской»⁵⁶.

Мысли Грибоедова, высказанные еще в 1818 г. в связи с экспедицией в Дагестан, о разработке богатств природы, устройстве дорог не были случайной фразой. Грибоедов не только обличал самодержавие и сочувствовал борьбе горцев. Все эти годы подспудно, как противовес политике самодержавия, в уме писателя созревал грандиозный замысел преобразования Кавказского края. В новых исторических условиях, наступивших после поражения дворянских революционеров, Грибоедов не сдался, не сложил оружия. Поиски действенной программы продолжались. Три года спустя, в 1828 г., родился проект учреждения Российской Закавказской кампании. Закавказская кампания была тем, что еще можно было противопоставить самодержавию в новых исторических условиях. По единодушному признанию исследователей, это был «проект капиталистического развития окраины», призванный содействовать развитию производительных сил Кавказа⁵⁷.

В «Путевых записках» Грибоедова с Дагестаном также связана одна из чудесных зарисовок кавказского пейзажа, где «далеким горы» — устойчивый образ. В первых пейзажных набросках Грибоедов-художник еще только ищет образ. Вот одна из таких картин. В октябре 1818 г. в «Путевых записках» читаем: «Светлый день. Верхи снежных гор иногда просвечивают из-за туч; цвет их светлооблачный, перемешанный с лазурью»⁵⁸.

Затем этот основной образ начинает приобретать все более ясные черты. Дагестанские горы помогли четко оформить главный образ картины. Грибоедов записал в «Путевых записках»: «Не доезжая до первого поста, Саганлука, где только третья доля была предлежавшего нам переезда, солнце светило очень ярко, снег слепил еще более, по левую руку, со стороны Дагестанские горы, перемешанные с облаками, образовали прекрасную даль, притом же не суховидную»⁵⁹.

Эта замечательная зарисовка прекрасно передает типичные черты дагестанского пейзажа. Она — легкая, воздушная, словно написана акварельными красками. Она передает и

⁵⁶ Там же, стр. 186.

⁵⁷ М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы, стр. 539. О. П. Маркова. Новые материалы о проекте Российской Закавказской кампании А. С. Грибоедова и П. Д. Завелейского. Исторический архив. Т. VI (1951); И. К. Ениколопов, А. С. Грибоедов в Грузии. Тбилиси, 1954; см. также Н. Х. Кальма. Коммерческие замыслы Грибоедова. «Литературное наследство», 19—21.

⁵⁸ Грибоедов. Указ. соч., стр. 30.

⁵⁹ Там же, стр. 38.

ощущение хрустальной прозрачности воздуха и простора, и той поразительной четкости и чистоты линий, которыми любуешься всякий раз, когда смотришь на далекие снежные горы, вырисовывающиеся на голубом небе, и на синие тени, лежащие на соседние хребты, и когда чувствуешь, как тебя охватывает удивительная ясность и спокойствие. Найденный образ закрепляется в поэтическом сознании художника.

Постепенно горы выступают в пейзажах Грибоедова, как символ величавой природы Кавказа, как идеал недосыгаемой красоты и гармонии. Красота далеких гор настраивает душу Грибоедова на высокий и торжественный лад, она манит его, захватывает целиком. Горы вызывают у писателя философские размышления о высоком и прекрасном, перед их величием исчезает ощущение душевного распутия, и остается человек прекрасный и свободный.

В пейзаже Грибоедова, так же как и у Пушкина в «Кавказском пленнике» с образом красивых и величественных гор соединяется характерное для социально-романтического мышления декабристов противопоставление в духе Руссо — гармонии природы и моральной и социальной несостоятельности «европейского человека». 22 ноября 1925 г. в письме А. А. Бестужеву Грибоедов создает замечательный образ далеких, снежных гор на фоне ясного бирюзового неба. «Кавказская цепь ни откуда, от Тамани до Каспийского моря, не представляется так (величественно) как здесь; не свожу глаз с нея; при ясной, солнечной погоде туда, за снежные вершины, в глубь этих ущелий погружаюсь воображением и выхожу из забвения, покуда облака или мрак вечерний не скроют совершенно чудесного, единственного вида; тогда только возвращаюсь домой к друзьям и скоморохам»⁶⁰.

Действительность Дагестана 20-х г. XIX века помогла Грибоедову глубже осознать характер и сущность исторических процессов, происходивших на Кавказе.

Сурово осуждая колонизаторскую политику самодержавия, Грибоедов и в 1818—19 гг., и в канун восстания 14 декабря 1925 г. отстаивал историческую необходимость присоединения Кавказа, говорил о его прогрессивных культурно-исторических последствиях. В этом прежде всего выразилось единство его идейной позиции, единство, которое он пронес через всю свою жизнь.

Нелепо представлять себе эволюцию взглядов Грибоедова на проблемы Кавказа как постоянное улучшение и исправление прежних ошибок. Уже на самом раннем этапе развития исторически прогрессивное во взглядах Грибоедова проявляет себя подчас в оболочке просветительских иллюзий.

⁶⁰ Там же, стр. 182.

Позиции дворянской революционности позволяют Грибоедову глубоко заглянуть в сущность многих сторон общественной реальности Кавказа, но они же обуславливают и слабые стороны его взглядов.

Грибоедов приближается к пониманию народного характера борьбы горцев. Он поднимает свой голос в защиту самобытной культуры горских народов. Во всем этом мы слышим биение большого человеческого сердца великой русской культуры.

В произведениях Грибоедова тема Дагестана с ее историческими сведениями, этнографическими зарисовками, образами природы, впервые определилась в своих типологических чертах. Идеи декабристов включают Дагестан в сложную духовную жизнь русского общества, связывают его неразрывными нитями с великой культурой русского народа. Через декабристов Дагестан вступает в своеобразную переключку с идеями европейских просветителей. Эти традиции декабристов сохраняют свое определяющее воздействие и в историческую эпоху 30-х годов, наступившую после поражения дворянских революционеров.

С высоты передовых идей своего века Грибоедову как крупнейшему представителю декабризма открывалась даль времен. Он видел далеко вперед. Писатель понимал, что только вхождение Кавказа в состав русской государственности проложит кавказским народам путь к прогрессу, к великой культуре русского народа, а через нее выведет на большую дорогу современной истории. В этом состояло исторически-прогрессивное значение взглядов Грибоедова на судьбы Кавказа.

instituteofhistory.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАННЕГО ТВОРЧЕСТВА ЦАДАСЫ

Изучение дореволюционного периода творчества Гамзата Цадасы представляет большой интерес для понимания его поэзии. Произведениям, написанным Гамзатом Цадасой в дореволюционный период, посвящены следующие работы.

В книге Н. Капиевой¹ отведен самостоятельный раздел дореволюционным сатирическим стихотворениям Г. Цадасы. На дореволюционном творчестве поэта останавливаются А. Ф. Назаревич² в предисловии к книге «Избранные стихи Гамзата» и К. Ю. Зелинский³ в предисловии к книге «Горные вершины». М. С. Саидов⁴ в своей работе о творчестве поэта касается и дореволюционных произведений Гамзата. Большой раздел посвящен дореволюционному творчеству Цадасы в диссертации Л. М. Соколовой. Несмотря на содержательность этих работ, вопрос о раннем творчестве Гамзата нельзя считать исчерпывающе изученным.

Данная статья является попыткой пополнить некоторые пробелы в изучении дореволюционной поэзии Гамзата Цадасы, в частности, показать исторические условия, подготовившие почву для раннего творчества поэта, вольнодумие и социальные мотивы в его дооктябрьских стихах.

Дагестан и в конце XIX века оставался отсталой колонией царской России. Население в основном занималось земледелием и скотоводством. В экономике преобладал феодально-патриархальный уклад. Несмотря на это в жизни края начали происходить большие изменения. Это объясняется тем, что в России в конце XIX века капитализм, достигший высшей

¹ Н. Капиева. Творческий путь Гамзата Цадасы. М., 1954.

² Гамзат Цадаса. Избранное. Махачкала, 1947.

³ Гамзат Цадаса. Горные вершины. М., «Советский писатель», 1947.

⁴ М. С. Саидов. Гамзат Цадаса и его творчество. Махачкала, 1944.

стадии своего развития — империализма, стал оказывать влияние на окраины, в том числе и на Дагестан. В 1890 году через Порт-Петровск в Дагестан было доставлено 1092828, а через Дербент 263276 пудов товаров⁵. В Дагестан привозили железные, чугунные, стеклянные изделия, мануфактурные, бакалейные и другие товары.

Элементы капиталистических отношений, проникшие в Дагестан, не прошли и мимо родины будущего поэта Гамзата Цадасы.

По сведениям старожиллов в начале 90-х годов прошлого столетия в большинстве аулов Аварского округа было не менее 2—3 лавочников, торговавших промышленными товарами. В Хунзахе торговали 4 лавочника, в Батлаиче — 4, в Итле — 2, в Танусе — 2, в Ахалчи — 4, в Гонох — 4, в Обода — 4. Особенно большой интерес представлял собой поселок Арани, расположенный по соседству с аулом, где жил поэт. В этом небольшом новообразованном поселке, построенном около Хунзахской крепости, поселились торговцы, ювелиры, шапочники и другие ремесленники. Здесь было 6 магазинов, торговавших промышленными товарами. Хозяевами магазинов были русские, армяне, евреи и местные жители. К тому же каждое воскресенье здесь устраивался базар. Хунзахский базар в начале 90-х годов давал приблизительно 4500—6000 рублей сбора в год⁶.

Здесь будущий поэт встречался с барановодами, муллами, хаджиями, муталимами, арабистами, богатыми купцами, а также с землепашцами, чабанами, батраками и другими обиженными жизнью, забитыми людьми. В Арани можно было наблюдать типичную картину отношений людей в Дагестане 90-х годов. Гамзат Цадаса был хорошо знаком с этим миром, в котором многое привлекало внимание будущего поэта.

В первых произведениях Гамзата Цадасы немало фактов из жизни поселка Арани. В 1893 году поэт пишет сатирическое стихотворение «Харчевня», в котором разоблачает хозяина харчевни Хаджиява из аула Ацалух.

Приехав в аул Арани, Хаджияв построил себе домик, а потом и харчевню. Харчевня, если судить по рассказам очевидцев, правдиво воспроизведена Гамзатом Цадасой. В стихотворении «Собака Исина», написанном в 1895 году, использованы факты из жизни того же аула Арани. В этом произведении обрисованы образы купцов, мелких торговцев, ремесленников 90-х годов, живших в Арани. Среди них и сам

⁵ Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892 г., Темир-Хан-Шура, стр. 10.

⁶ См. Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892 г., Темир-Хан-Шура, стр. 48.

Исин — хозяин собаки. Исин — житель аула Итла, находящегося в километре от Арани. Он был мясником, скупал овец, рогатый скот в аулах Аварии, продавал мясо в Арани, жителям соседних аулов, а также сдавал его гарнизону Хунзахской крепости. В произведении упоминается и другой богатый купец Шейх-Али из аула Батлаич, поселившийся в Арани. Ему принадлежал большой мануфактурный магазин.

В произведениях Цадасы получили отражение и образы мелких торговцев фруктами. Среди них Барти — Магома из аула Батлаич. Он был одним из самых бедных людей, обремененных большой семьей. Нужда заставляла его менять одно занятие на другое. Он был каменщиком, слесарем и некоторое время торговал в Арани фруктами. Упоминает поэт и купцов иных национальностей, поселившихся в Арани. Это Педро (Петро), Василий, Тимофей, Муса и другие. Все они имели лавки и магазины.

Правда, эти образы недостаточно раскрыты. Некоторые из них только упоминаются в произведениях, в отношении других автор делает попытку конкретизации и индивидуализации.

Одним из ведущих мотивов дореволюционной поэзии Цадасы является мотив вольнодумства, получивший отражение в первом произведении Гамзата «Собака Алибега».

Как известно, аварцы находились под большим влиянием религиозных предрассудков.

Особенно вредную роль играл тарикат, который получил большое распространение в 80—90-е годы в Дагестане. Руководители тариката находились и в тогдашней Аварии: в Кахибе, Кикуне, Ободе, Согратле и в других местах. Они оказывали немалое влияние на массы. Однако не следует преувеличивать роли тариката.

В конце XIX века влияние духовенства стало ослабевать. Тарикат проповедовал отказ от радостной жизни, от мирских забот. Такая проповедь могла найти подходящую почву лишь в феодально-патриархальных условиях, но в период распространения капиталистических отношений, когда растут производительные силы, повышается заинтересованность в труде, влияние реакционного тариката ослабевает. Это во многом способствовало появлению в творчестве Гамзата Цадасы мотивов вольнодумства.

Характерно отметить, что к этому времени сыграла свою роль любовная лирика, вызванная к жизни новыми обстоятельствами. В произведениях Тажудина Эльдарилава она звучала как утверждение жизни, ее красоты и была направлена против проповеди отрицания земных забот; она явилась серьезным ударом по тарикату. Это обстоятельство также в

определенной мере подготовило условия для вольнодумных мотивов Гамзата.

Необходимо отметить, что не все слои общества были одинаково охвачены влиянием духовенства. В частности, в 90-е годы много трудящихся стало освобождаться от влияния тариката. Они плохо исполняли не только его каноны, но и вообще каноны шариата.

Когда одну аварку спросили, почему она не молится, она ответила: «Лъимал угъингун бала» («Когда дети станут взрослыми и женятся, тогда буду молиться»). Среди этой части аварцев вероятно и зародилось такое стихотворение:

Гъаб бекад къватИ босе
Гъал къотIадал чуризе
ЧIунтадалъуй рачIаян
ЧIван хвад ахIтIелев вугин.

А ну-ка принеси тот (кувшин), да пусть он разобьется,
Чтобы мыть эти (ноги), да пусть их отрежут:
Слышу кричит тот (мулла), да пусть он будет убит до смерти,
Чтобы пришли туда (в мечеть), да пусть она превратится в
развалины.

Меньше всех религиозным тарикатским влиянием были охвачены бедняцкие слои трудящихся. Им было не до тариката, не до исполнения канонів ислама. Сама жизнь требовала от них равнодушного отношения к канонам религии. Большая часть бедняков была отходниками. Работая на промыслах, знакомясь с людьми разных вероисповеданий, они постепенно отходили от религиозных предрассудков. Например, фанатики, последователи тариката, считали несчастьем даже случайно встретиться с иноверцем. Эта встреча, по их мнению, должна нанести вред чистоте их души. Осуждались те, кто носил русскую одежду. Одеть шинель, фуражку, с точки зрения представителей духовенства, было грехом и позором. Такие взгляды существовали в отдельных аулах даже в первые годы революции. Жизнь же требовала от горца-труженика, чтобы он отступил от этих норм.

Бедняк у себя на родине не только встречался с кяфиром-иноверцем, но даже вынужден был наниматься к нему на работу. Ему приходилось носить и кяфирскую одежду. Она стоила ему дешевле и была удобнее.

Такая ломка происходила в сознании аварцев в конце XIX века.

Выражая настроения трудовой массы, особенно бедняцкой части аварцев, поэт вносит в свои произведения вольнодумные мотивы, направленные против религии, они находят отражение в первых произведениях Гамзата.

«Собака Алибега» создает с первого взгляда впечатление, что это произведение не задевает престижа религии, что это только шуточное стихотворение о собаке. Но стоит глубже вдуматься в его содержание, как становится ясно, что эти шутки перерастают в насмешки над религиозными обрядами, в силу того, что они совершаются над трупом подошедшей собаки. В стихотворении мы читаем такие строки:

Бегиларо, гьудулзай
Гьаб хIалалда рукIине
РачIа нилъ данделъизин
Дагъаб зикро бачинзин.

Дольие пайдаялъе
Гьабизин дагъаб дугIа
Гьардезин алагъасде
Гьелъул мунагъ чуреян⁷.

Нельзя, друзья,
Сидеть так спокойно.
Давайте споем немного зикро (религиозная песня).
Исполним молитву
Для того, чтобы ей полезно было.
Будем просить бога,
Чтобы он отпустил ее грехи.

А в другом месте о похоронах собаки говорится:

ДагIница тIалкъен цIалун
Цанаца Амин абун
Удаман жанив лъугъун
Лъуна лахIдуялъуб гъвей⁸.

Козел прочел панихиду,
Козы кричали аминь,
Удаман положил
В могилу собаку.

В этом произведении Гамзат Цадаса развенчивает религиозные каноны, используя в качестве художественного приема перенесение торжественного обряда, производимого во время похорон человека, в несоответствующую ему обстановку. Речь идет о животном, которое рассматривается религией как одно из существ, отвергнутых богом, после прикосновения к нему рукой или одеждой нельзя молиться не

⁷ Гамзат Цадаса. Сочинение. Т. 1, Махачкала, 1953, стр. 7.

⁸ Там же, стр. 12.

очистившись. В силу несоответствия торжественного духа обряда и обстановки, где его применяют, эти стихи звучат как насмешка над религией.

Как бы пародией на религиозные песни, насмешкой над верованием мусульман о светопреставлении звучат и следующие слова стихотворения:

Хварал бахIарзабазул
ХIисаб гъабун кIвеларо
ХIайваназул умумул
Эл рикIIун лъугIиларо.

Элги нужги ахIила
ХIакимас махIшаралде
ХIисаб суал гъечIого
РитIила жужахIалде⁹.

Считать погибших мужей
Нет никакой возможности
Нет конца родословию животных
Настанет день, когда их и Вас
Владыка позовет стать перед собою
Без суда и следствия
Пошлет вас в ад.

Такие же вольнодумные мотивы в отношении религии звучат и в стихотворении «Собака Исина», написанном в 1895 году, т. е. спустя четыре года после «Собаки Алибега».

У мусульман первые 10—15 дней могилу покойника посещают его родственники и читают там молитвы. Кроме того, в эти же дни на могиле круглосуточно дежурит человек, умеющий хорошо читать коран. И в этом стихотворении поэт пользуется приемом несоответствия серьезной завязки и комической развязки:

Хабада вукIине щивдай вачIина
ВачIунарев щамат щураса рокъой.
Гъев дур инсухъа чи ВасилигIаги
Вахъунарев шайдай дият бахъизе¹⁰.

Кто же будет читать коран и сторожить могилу?
И Щамат не приезжает из Шуры домой,
Хотя бы по утрам и вечерам читать молитвы.
Почему не приходит хотя бы твой родственник Василий,
Чтобы произвести отпущение грехов.

(Подстрочный перевод).

⁹ Там же, стр. 11.

¹⁰ Там же, стр. 21.

Как видно эта, на первый взгляд, шутка над собакой и здесь перерастает в насмешку над канонами ислама. Она звучит, как проявление непочтительного отношения со стороны поэта к религии.

Интересно отметить, что эти мотивы вольнодумства встречаются и в устном народном творчестве, особенно в аварском фольклоре. Ими, например, богаты анекдоты о Мулле Насредине: «Мулла Насредин с вьюком глиняной посуды на осле и бог», «Как Мулла Насредин и бог пахали участок», «Кадий и Мулла Насредин». Эти произведения, несомненно, противопоставлены тарикатской проповеди, фанатизму, распространяемому реакционными кругами горского, в том числе и аварского, общества.

Мотив вольнодумства появляется и у Саида Араканского, известного ученого арабиста, написавшего в 20-х годах XIX века на арабском языке произведение «Осел». Саид, как и Гамзат Цадасы, проявляет необычные вольности в отношении религиозных обрядов. Несомненно, стихотворение «Осел» Саида Араканского, как и «Собака Алибега» и «Собака Исина» Гамзата Цадасы, написано под непосредственным влиянием аварского устного творчества.

Условия жизни 90-х годов способствовали возникновению и социальных мотивов в дореволюционных произведениях Гамзата Цадасы.

В Дагестане, в том числе и в Аварии, разделение общества на два лагеря, беспощадная борьба между ними началась еще в глубокой древности.

Правда, в поэтических произведениях до 90-х годов эта тема не занимала значительного места. Причина этой особенности аварской поэзии пока еще не изучена. Однако, в порядке гипотезы хочу высказать следующее мнение.

Дело в том, что в Аварии, в старину, отношение отдельных слоев общества к поэтическим жанрам было неодинаковым. Различные социальные группы выражали свою идеологию в разных жанрах. Любимым жанром феодальных слоев общества был феодальный эпос. До нас дошло много песен, принадлежавших этой среде. Среди них песни о набегах в Грузию, получившие большое распространение в Аварии. Что же касается любовной лирики, то она пользовалась одинаковым успехом среди разных слоев населения. Одним из любимых жанров аварского народа были сказки. Трудящиеся массы отразили в них все свои думы, мечты, чаяния.

Но это не значит, что в аварской поэзии отсутствовали мотивы социального неравенства. Иногда они ярко проявлялись в произведениях отдельных аварских поэтов.

Так, например, у Магомед-бега из Гергебиля в произведении «Мышь» мы находим проникнутые глубоким юмором строки, рисующие его жалкую бедняцкую безрадостную жизнь.

«МугІрузул харица гІорцІарал гІуикІал
Дир анкыл кьолоде тІаделъун руго
Хурисан могоца цульарал буртуз
Таманал рукъана лъугъинчІел къучІби
Рокъосан рацІарал хъарсарал боххдул
ТІад бугеб беэнлъи хъарсун бихьула¹¹.

Вскормленные горной травой мыши
На мою недельную мерку муки нападают.
Ставшие могучими, кормившись полевым зерном, жеребцы
Часто раскусывали мои сумки из невыделанной овчины.
Они не оставили даже ни одного куса жира на
обглоданных костях,
Принесенных мне из дому.

(Подстрочный перевод).

Здесь поэт противопоставляет свое полуголодное существование положению сытых, сильных мышей, напоминающих жеребцов, т. е. ему, забитому, подавленному не только люди, но и мыши не дают покоя. Они съедают мерку муки, присланную ему хозяином на строго указанный срок, и уничтожают мясо, присланное ему из дома, оставив обглоданную кость.

В поэзии Кебедасулава, современника Магомед-бега, также уделено место изображению беспросветной жизни бедняка.

Поэт с юмором говорит о своей жизни и жизни родного брата, полной лишений и нужды.

Бесдалавги къвалакъ къан
Къваридго дун вукІаго,
КъобухІадги кодо ккун кутна оци ваккана

Когда я печально сидел, обнимая сирот,
Появился и бык¹², тянувший плуг с беднягой на руках.

К концу XIX века мотив социального неравенства зазвучал с наибольшей полнотой в поэзии Цадасы. И это не слу-

¹¹ Магомед-бег. Рукоп. фонд Института истории, языка и литературы д. № 161, л. 18.

¹² Здесь подразумевается брат.

чайно. В этот период целые аулы были обречены на голод и нищету. В Аварии существовала такая шуточная поговорка:

— Мун киса?

— Къваниса къо бухIараб росульа.

— Ты откуда?

— Из Квани, из бедного, жалкого аула.

К такому роду населения Аварии относились кахибцы и карахцы.

Известна была и поговорка, красноречиво говорящая о бедности этой части Аварии, «Хераб хIама къарахъе хвараб партал къахIибе» «Дряхлый осел в Карах, а рваная одежда в Кахиб». Большая часть таких аулов, как Гоори, Маъли, Тунзи занимались нищенством. Это имело разлагающие последствия. Люди, которые могли заниматься честным трудом, стали привыкать к легкому образу жизни. Говоря о собаке, поэт задевает и это явление.

Чан гьардухъан къокъарав
Къаваридаб хIалалъ нухда
КъвачIа гьелъ тIун, тIил бахъун
Хъабарча бихъ-бихъун бан¹³.

Сколько собирателей подаяний
Отправились печально по пути.
Он сделал куски из их сумок, вырвал у них палки,
Разорвал им на куски шубы.

(Подстрочный перевод).

Расслоение общества на два лагеря, в связи с проникновением капиталистических отношений в Аварии, особенно ярко отражено в произведении «Харчевня», написанном поэтом через два года после «Собаки Алибега». Здесь Гамзат нарисовал образ эксплуататора-обирателя и образ лирического героя-бедняка, эксплуатируемого им. Хаджи, хозяин харчевни, типичный для Дагестана 90-х годов буржуа со всеми характерными для него чертами. Он глуп, темен. Это вчерашний аульный мужик, который сегодня перешел на путь капиталистического хозяйствования. Его патриархально-крестьянское прошлое отражается в его облике, во всех предметах обихода, которые применяются в его харчевне.

Рукъалда бан бугеб къоно бихъулиц
Къо бухIараб буго гьабулеб хIалтIи
Къадада чIван бугеб хIаршух балагъи
ХIебдалузул буго рацIа-ракъалти.

¹³ Гамзат Цадаса. Сочинения, т. 1, Махачкала, 1953, стр. 8.

Гада-Гадамазул цОрол рукІунин
Щулал руго ан дур стакан-налбик
ЧухІарал чачІазул гини букІунин
ЩагІил руго гьудрул гьол киса щварал.¹⁴

Ему противопоставлен образ бедняка—лирического героя. Бедняк в произведении мыслится не как случайная единица, а как представитель определенной социальной группы, противопоставленной другой социальной группе в лице Хаджияв.

Пониманием антагонистичности, противоречивости этих классов проникнуто все произведение. В этом отношении показательны следующие строки:

«ГьедигІан инжитго данде гьабураб
Дунялальул боцІици бакъанго гурго
Мискинзаби гуккун, кодобе щвараб
Шагьи-параялда дун урхъиларо».¹⁵

«Нет, не хотел бы я богатства,
Собранного столь низким путем,
Нет, не завидую я деньгам,
Что накоплены на обмане бедняка.

(Подстрочный перевод.)

Бедняцкая часть населения была угнетена, забита, лишена всяких прав. Особенно это заметно в отдельных аулах Аварии.

Выходцы из богатых семей, в особенности те, кто принадлежал к сильным родам, пытались подчинить себе низы общества. Не было границы их произволу и бесчинству. Любое преступление со стороны этих людей оставалось безнаказанным. В произведении Гамзата Цадасы «Собака Исина» острейшая сатира задевает эту часть господствующего слоя аульского общества. Поэт достигает этого путем пародирования. У аварцев существовали причитания, в которых говорилось о бесстрашии этих насильников. Они изображались всемогущими, а их ровесники из аульского джамаата показаны дрожащими перед ними от страха. Обычно в причитаниях говорится «Пусть трусы радуются смерти героя, и пусть спокойно сидят в тюдеканах». Пародируя эти произведения и тем самым высмеивая их героев в «Собаке Исина», Цадаса писал:

Дур гьаракь рагІани версталь тІурулел
Гьабазул къавм буго къватІал сверуллел

¹⁴ Там же, стр. 15

¹⁵ Там же, стр. 17.

Цо мун гьуулгъудани гьорлъго тIерхьунeб
 Гьванил умат буго базар тирулеб
 Мун чIаго букIаго кьватIиб бахъинчIеб
 Мусал гьвещин буго гьанже женжелеб
 Жодое бокьухъе тулпарги кьаншун
 Темагьил гьабазул гьанже чIухIун теи¹⁶.

Собаки, которые дрожали перед тобою от страха,
 Теперь свободно гуляют по базару:
 И даже пес Муса, не посмевший выйти на улицу,
 хоть бы раз,
 Когда ты был в живых,
 Теперь шныряет тут. И собаки Тимофея,
 как довольны теперь,
 Когда ты, тулпар, закрыл глаза.

Обычно герои этих причитаний изображались как опора своего рода, всего аульского общества. Как бы высмеивая и эту мысль, Цадаса писал о собаке:

Чунтун буго хъала, хун буго хIэлтIи
 ХIал кIиларищ, Гороч, тIаде борхизе
 Биххун бутин низам базар кьватIалъул
 Кьанал нахъе разе хъат рекIунарищ¹⁷.

Крепость разрушена, порядка нет.
 Не можешь ли ты Гороч, подняться из могилы
 Вне порядка и базарные улицы
 Не можешь ли ты слвинуть с себя могильные плиты.

Вся симпатия поэта была на стороне труженика-бедняка. Его образ становится неотъемлемым для поэзии Цадасы следующих лет.

В 1905 году, когда им было написано стихотворение «Собака Исина»; появляется стихотворение «Осел Квенха». Новым в этом стихотворении следует считать умение поэта глубоко проникать в психологию героя. Содержание произведения таково: бедняк имел дряхлого осла, которого он берег как собственный глаз, ибо это единственное его богатство. Осел издыхает. Бедняком овладевает глубокое горе, какие только мысли ни приходят ему в голову. Поэт показывает яркую картину переживаний забитого бедняка-труженика.

Написав произведение «Осел Квенха», Цадаса надолго бросает творческую деятельность. Революция 1905—1907 годов проходит мимо его внимания. В последующие годы

¹⁶ Там же, стр. 21.

¹⁷ Там же, стр. 22.

подъема революционного движения намечается расширение кругозора поэта, революционизирование его взглядов. Многие, что раньше им не совсем было осознано, по настоянию жизни вторгается в его поэзию, приобретает более осмысленный характер. 10-е годы XX в. характеризуются пробуждением сознания трудящихся масс в Дагестане, появлением своей дагестанской интеллигенции.

В эти годы разворачивается революционная деятельность Махача Дахадаева, Гаруна Саидова, Батырмурзаева, Габиева.

Габиев издает свою газету «Заря Дагестана» в Петербурге и распространяет ее среди народов Дагестана. С ее страниц он обращается ко всем народам Дагестана с призывом бороться против колониального гнета. Общий рост культуры в этот период заметно поднимается.

В Темир-Хан-Шуре издателем Мавраевым выпускается ежедневная газета на арабском языке, которая называется «Дагестанская газета» («Жаридат Дагестан»). Эта газета пользовалась большой популярностью среди народов Дагестана. По своему политическому облику газета не отличалась однородностью. В газете можно было встретить статьи реакционного и демократического характера. Народ принимал в первую очередь материал демократический.

Появление в этой газете статей демократического направления в определенной мере способствовало росту сознания поэта.

В этот период Гамзат Цадаса выступает со своим замечательным произведением «Поход по тревоге», в котором он обращается к тому же образу труженика-бедняка. Характерны следующие строки:

ТалихI къарав гъарин кьо бухIарав дун
ХIажи-ЙсхIакъ гIадин вахъана цадахъ
Хунзахъе шун гIаги нахъ вусинилан
Расги бокъичIого лъугъана нухтIа¹⁸

И я несчастный бедняк, горемыка
Выступил вслед за всеми, точно Хаджи-Иса,
Раздумывая, как бы вернуться хотя бы с Хунзаха,
Вышел в дорогу без всякого желанья.

В произведении рядом с образом труженика-бедняка поэт дает образы, с которыми труженик-бедняк находится в противоречии, хотя они еще плохо очерчены. Он показывает собственников, владельцев отар.

¹⁸ Там же, стр. 59

Хундирит магъиле нижрахинадде,
Гъвалдатаса гаде тёрхана ахӀн
Тад вусун вилъине хиял гъабидал
Гъалмагъзабаз гъуна гъаримасда яхӀ¹⁹

Пока мы поднялись к хунзахским полям,
Виновники тревоги скрылись уже за Гвалдата
Подумал было я обратно пойти,
Но другие призвали к мужеству меня, бедняка, —

пишет поэт, отражая противоречия между представителями двух слоев общества — бедняками и владельцами отар, богачами.

В произведении «Корова», написанном поэтом через год, в центре внимания опять-таки бедняк. В иносказательной форме поэт рисует безвыходное положение бедняка Али. Здесь отражаются те же социальные противоречия между бедняком и аульскими властями. Для коровы бедняка Али нет места на аульском общественном пастбище. Такова мысль произведения, хотя она выражена не совсем полно.

Социальные противоречия, классовая борьба отражены и в произведении «Мулла и хомяк». Противоречия между хомяком и муллой изображены как противоречия между низами и верхами общества. В этом свете данное произведение отличается от предыдущих тем, что противоречия даны здесь сложнее, чем в упомянутых произведениях. Тут мулла старается представить себя в качестве истинного труженика и страдальца, а хомяка показать паразитом и угнетателем. Поэт саркастически высмеивает лже-труженика. В этом аллегорическом произведении в роли истинного бедняка-труженика выступает хомяк. Социальный конфликт носит острый характер. Одному из них место на земле—или мулле, или хомяку. Их столкновение—это прямая борьба не на жизнь, а на смерть. В аллегоричной форме в этом произведении отражается наличие сложных классовых противоречий и обострение классовой борьбы в обществе.

Радал бахъарабго кето батула
Картил кӀалтӀа кӀусун, дие чанги къан.
Канлъи къотарабго бачӀун цараца
Цо ссвери бахъула ссанул ракъанда²⁰.

Утром лишь встану я застаю kota,
Замершего у входа в нору в охоте на меня

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 71

Лишь померкнет свет—приходит лиса
И делает обход по краю межн.
А кто, подобно тебе, безжалостен и немилосерден,
Тот, смотришь, капканы расставил там, где и не ожидаешь.

О широте показа жизни человека труда в этом произведении, по сравнению с предыдущим, говорит и появление семейной картины. Поэт в аллегорической форме показывает цельную картину жизни труженика, жизни его семьи в образе хомяка и его семейства.

Так социальные мотивы становятся в центре внимания Гамзата Цадасы в дореволюционный период.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАСТЕРСТВА АБУТАЛИБА ГАФУРОВА

Народный поэт Дагестана Абуталиб Гафуров—один из ярких представителей дагестанской советской литературы.

Он пришел в литературу, имея большой жизненный опыт, глубоко знающим быт и нравы, устную поэзию своего народа. На 51 году жизни поэта выходит первый сборник его стихов¹. В 1939 году Абуталиб Гафуров удостоивается высокого звания народного поэта Дагестана. В 1940 году выходит второй сборник его стихов «Счастливая жизнь». Всего было издано 13 сборников произведений А. Гафурова, из них два—на русском языке.

Некоторые сборники сопровождались вступительными статьями, посвященными творчеству поэта². В связи с семидесятилетием поэта вышли: критико-биографический очерк А. Ф. Назаревича о Гафурове, статья Н. Юсупова «Горский певец» в журнале «Душиву» (1953, № 7).

Объем и задачи вступительных и юбилейных статей не позволяли их авторам подробно осветить вопросы мастерства Абуталиба Гафурова. Из опубликованных материалов заслуживают внимания: статья Н. В. Капиевой и критико-биографический очерк А. Ф. Назаревича. Н. В. Капиева обстоятельно описывает жизненный и творческий путь поэта, показывает некоторые, удачно подмеченные особенности произведений Абуталиба Гафурова. А. Ф. Назаревич, сопоставляя творчество

¹ Абу т а л и б Г а ф у р о в. Цу дунял. Дагъгиз. 1934 (лат. шрифт).

² Сб. «Счастливая жизнь», 1940; «Избранные произведения», 1948, (вступ. статьи Ю. Хаппалаева): сб. «Родные горы», 1948 (вступ. статья Н. Капиевой); сб. «Избранное», 1953 (вступ. статья Х. Халилова).

поэта с творчеством дореволюционного дагестанского поэта Батырая, народных поэтов Дагестана Сулеймана Стальского, Гамзата Цадасы указывает на своеобразие сравнений и метафор Абуталиба Гафурова.

Однако в этих работах подвергнуты анализу лишь некоторые поэтические переводы и подстрочники отдельных стихов Абуталиба Гафурова и не нашли должного отражения вопросы художественного мастерства поэта.

По характеру своего творчества Гафуров—лирик. Широта лирической тематики, глубина переживаний—характерные черты лирики Гафурова. Его волнует судьба простого горца-труженика, он с восхищением говорит о строителях социализма, о защитниках родных рубежей, славит поэзию и любовь, с гордостью отзывается об исторических победах советского народа, критикует наши недостатки, клеймит поджигателей войны.

Эти разнообразные чувства и глубокие мысли поэт передает пользуясь множеством художественных приемов: контраста, противопоставления образов, одушевления неживых предметов, показа действительности через восприятие ее человеком-тружеником, посредством диалога, конкретизации, обращения к читателю от имени героя и т. д.

Абуталиб Гафуров — певец новой жизни, обновленного быта горцев. Тема социалистического преобразования жизни в аулах тесно связана в его творчестве с темой труда, являющейся основной и ведущей в произведениях поэта.

Дореволюционная лакская литература обращалась лишь к теме труда подмастерьев—несчастливых детей, судьба которых доверялась родителями иногда даже неизвестным мастерам. В 1909 году С. Габиевым было написано стихотворение «Чагурт» («Подмастерья»), в 1914 году Г. Саидовым драма «Къалайчитал» («Лудильщики»).

В советской лакской литературе к этой теме обратились А. Омаршаев «ХьхьичВасса къумасса чагурт» («Печальный подмастерье»), Курбаналиев Ибрагим-Халил («Жабраил»).

Авторы этих произведений реалистически показывают тяжелую жизнь подмастерьев. «Чагурты» в произведениях Габиева, Омаршаева, Курбаналиева—забитые, придавленные гнетом люди. Г. Саидов создал образ подмастерья Камилля, бросившего смелый вызов затхлой обстановке лудильной мастерской Ахмеда. Но Камилль находит лишь временное избавление от тягот трудной жизни. Этой ужасной действительности авторы не противопоставляют другую—свободную, радостную жизнь, они констатируют только существующее положение.

Приемом контраста Абуталиб Гафуров раскрывает образ Биалал Базы из одноименного произведения. Биалал База познал трудную и бесправную долю бедняка в прошлом и ра-

дость новой жизни в советское время. Он в произведении Гафурова—активное лицо. Смело вторгаясь в жизнь подмастерьев и их хозяев, Билал База вскрывает несправедливое и грубое отношение хозяев к подчиненным. Он требует свободы для «чагуртов», смело борется за новый строй и его законность.

Абуталиб Гафуров показал нового человека—человека борца, с его новым отношением к труду.

В стихотворении «Ттякь ва ттякь» (1932 г.) поэт, противопоставляя старую и новую жизнь, пользуется контрастными образами дня и ночи, весны и зимы, равнины и пропасти. Новая жизнь олицетворена в образах дня, весны, равнины, старый мир—в образах ночи, зимы, пропасти.

Радость труда при новой жизни показана не через описание внешности лудильщика, а через звуки, доносящиеся с улицы и из мастерской. Такой прием позволяет поэту обходиться без показа портрета героя. Произведение начинается с вопроса героя, обращенного к самому себе:

Ва макI дурвав, чИхь дурвав?
(Это сон или явь?)

На вопрос сразу же дается ответ:

МакI дакъар ва чИхь дури.
(Это не сон, а явь).

Обращаясь к себе с вопросами и отвечая на них, герой Гафурова констатирует, что это не скрип арбы, а шум дышащего паром поезда, то не одиночные шаркающие шаги во мраке ночи, а стройный ритм шагающих в ногу людей, это не скрип снега зимой, а радостное звучание жизнеутверждающей весны, шум дневной кипучей жизни. Трудолюбивый кустарь чувствует рядом новую жизнь и его усталость проходит. Он вдохновляется на новый труд—труд почетный и нужный для народа. Молоток вновь стучит в его руках («ттякьба ттякь»), железо стонет под молотком («зикьба зикь»), только об одном сожалеет он, что молодость ушла безвозвратно:

ДахIалай бакъарив тти
Махъ нани оърчIан!
Зикьба зикь!
Щу оърму дузал буллан
ТалихI бур мискинтуран!
Ттякьба ттякь!

Завидую теперь
Подрастающему поколению!
Зикьба зикь!

Бедняки строят новую жизнь,
Это их счастье!

Тякьба тьякь!

(Подстрочный перевод)

Гафуров — человек труда. Его судьба неразрывно связана с судьбой трудового народа. Он в своих произведениях подчеркивает огромное облагораживающее значение труда, как основы жизни человека. У трудолюбивого лакского народа существует пословица: труд создает все блага. Гафуров, призывая в своих стихах к коллективному труду, говорит: «Всеобщий труд плодотворен, ибо одна капля воды не делает песок влажным» (стих. «КарчI кьадити»).

Гафуров ценит человека по его труду, по тому, какую пользу приносит человек обществу. Вместе с тем он осуждает человека бездеятельного, уподобляя его мельнице без воды.

В тридцатые годы в лакской литературе появляется тема колхозного труда. В 1930 году в период коллективизации сельского хозяйства в Дагестане было напечатано стихотворение Мугутдина Чаринова «Къуругьиял неххай» («На кюринской реке»), в 1932 году — стихотворение Сеид-Гусейновой Султанат «Инт дуркIунни» («Весна пришла»). Труд колхозников находится в центре внимания и Абуталиба Гафурова. Этой теме посвящены многие стихи поэта в довоенные и послевоенные годы. Абуталиб Гафуров воссоздает образ положительного человека. Основная характерная черта этого героя — трудолюбие. Поэт раскрывает его характер через отношение к труду. Герои его произведений — трудолюбивый Муса из одноименного стихотворения, Ханум Магомедова — Герой Социалистического Труда из стихотворения «Ханум», Гажар из стихотворения «Доярка Гажар» и т. д.

Радость свободного труда ощущаешь в стихах Гафурова при описании им рабского подневольного труда в старое время. Мрачными красками рисует поэт дореволюционное время в произведении «Ттуц ккавкри оьсса замана» («Я перенес плохое время») и в других стихах автобиографического цикла.

Изображая счастливое настоящее, Гафуров прибегает к приему контрастного описания бесправной жизни в прошлом. Социалистическая действительность утверждается в стихах поэта через восприятие старого человека, изведавшего ужасы эксплуатации в царское время. Таковы произведения «Я перенес плохое время», «Прошло полвека», «Автобиография» и другие.

Стихотворение «Я перенес плохое время» построено в форме обращения старого поэта к молодому поколению с горьким воспоминанием о пережитом. Описывая рабскую жизнь трудящегося человека в прошлом, Гафуров воссоздает карти-

ну счастливой советской действительности. Прошлое «время Николая», как говорят в народе, рисуется поэтом в контрастных образах бесправного труженика и всесильного богача. Бедняк не имеет права даже «на кровь, текущую по сосудам своего тела», он задавлен и принижен порядками, установленными эксплуататорами. Глубоко реальны и контрастны образы: чагурта-подмастерья, работающего на жадного и скупого хозяина с девяти лет, жестокого мастера, вечно грозного, любящего по поводу и без повода прибить подчиненного, бесправного бедняка-горца, гнущего спину на богачей. Эпитет «плененные» точно подчеркивает бесправную, лишенную радости и независимости жизнь неимущих слоев населения.

Гафуров обращается к показу прошлой жизни не для декларативных утверждений, а для утверждения счастливой жизни настоящего горца, человека сегодняшнего дня.

В своей «Автобиографии» старый горский поэт говорит:

Я как слепой, что до конца прозрел,
На все вокруг иначе посмотрел,
Ведь смысл прежних горьких лет и дней
Мне стал с вершин достигнутых видней.

А счастье жизни нынешнего дня
Теперь еще дороже для меня»³.

(Пер. М. Грунина).

Радость новой жизни, изменения в жизни народа наглядно видны людям, познавшим тяжесть старого быта, старых времен. В стихотворении Абуталиба Гафурова «На учаре» — на облюбованных стариками местах посиделок, сходок, ведут беседу два старика — Амир и Исмаил. Эти восьмидесятилетние старики познали ужасы прошлой жизни и вкусили счастье нового мира. Устами старика Исмаила поэт говорит о многочисленных изменениях, происшедших в жизни горца за годы Советской власти, о его трудовом настоящем:

Между скал, где лишь осел убогий
Мог пробраться узкою тропой,
Пролегли широкие дороги,
На машинах ездим мы с тобой.
Там, где горцы до седьмого пога
Ковыряли землю долгий век,
Трактор богатырскою работой
Заменяет сотню человек.

³ А б у т а л и б Г а ф у р о в. «Светлый путь», Даггиз, Махачкала 1952, стр. 30.

В школах знания получают дети
Радио московское поет.
Лампочки под потолками светят.
В горы почту возит самолет ⁴.

(Пер. М. Грунина).

Амир «сердечно рад, что время это все же увидеть довелось ему и другим».

Несмотря на то, что большую часть своей жизни старики прожили в дореволюционное время, Исмаил и Амир не склонны восхвалять старинные обычаи и старый уклад жизни. Эти люди лишь на старости лет извели, что такое свобода и равноправие. Вот почему они восторженно включились в строительство новой жизни и провозглашают лозунг—без труда не растут и хлеба. С радостью отзываются они о прекрасных делах советских людей, о покорителях природы, о новаторах-колхозниках.

Жизнеутверждающий характер советский литературы находит свое отражение и в этом небольшом произведении Абу-талиба Гафурова. Оптимизм народного поэта проявляется в утверждении счастливой социалистической действительности через описание деяния советского человека, строящего свое благополучие на основе мирного труда.

Исмаил и Амир выражают восхищение и радость результатами богатырского труда советских людей. Диалогический прием, употребляемый Гафуровым, позволяет ему показать мысли советских людей, их характер и действия.

Этот же прием использован аварским поэтом Гамзатом Цадасой и лаком Абдурахманом Омаршаевым для высмеивания и осуждения людей, придерживающихся старых обычаев и пережитков.

У Гамзата Цадасы старики Иса и Сурхай в одноименном произведении в своей беседе на учаре выражают негодование по поводу всего нового, что появилось в ауле в сравнении со старым. Они с восторгом вспоминают нелепые дикие обычаи старины.

У Абдурахмана Омаршаева старики Абакаргаджи и Мухамад напоминают героев произведения Г. Цадасы «Иса и Сурхай». Они с раннего утра занимаются склочными разговорами. Омаршаев показал злопыхателей, недовольных новыми проявлениями жизни — новой модой в одежде горянки, успехами тружеников, обеспеченной жизнью бывших беднейших слоев населения.

Советская действительность в произведениях Гамзата Цадасы и Абдурахмана Омаршаева показана через восприятие

⁴ Там же, стр. 45.

бессильных злоязычников, брюзжащих по поводу любого новшества в жизни горцев. Критика по адресу нового, исходящая из уст этих рутинеров, нелепа.

У Гафурова старики Исмаил и Амир восторженно встречают все изменения, происходящие в жизни страны гор. Прием диалога помогает Гафурову показать социалистическую явь через восприятия простых советских людей, народных поэтов, тружеников полей.

В стихотворении «Разговор с Гамзатом Цадасой» Гафуров раскрывает отношения народных поэтов к нашей действительности, передает мысли и раздумья певцов народной жизни. В этом произведении беседуют два человека преклонных лет. Они познали и старую жизнь и новый мир. В своей беседе старые поэты не противопоставляют новое старому. Гамзат Цадаса и Абуталиб Гафуров высказывают свои мысли о настоящем.

Прием диалога позволяет поэту обрисовать советского человека, его жизнелюбие и отношение к труду. Стихотворение Гафурова—это восторженный гимн человеку и природе.

Природа во многих произведениях Гафурова выступает как живое существо. Прием оживления неодушевленных предметов не является новым в лакской литературе. Еще в до-революционной лакской поэзии было известно стихотворение Мохаммада Гаджиева «Чугур», получившее широкое распространение в народе. Произведение построено в форме жалобы чугура на свою тяжелую жизнь и несчастную долю. Стихотворение начинается с воспоминания чугура о своем прошлом:

Перед тем, как погибнуть,
Как мне стать чаганою⁵,
Я росла на предгорье
И листвою шумела.
Горный ветер, качая
Стан мой белый и тонкий,
Гнул меня, и я пела
Мной любимые песни.
Но меня поломали,
Ободрали мою кожу,
Иссушив мне жилы,
Дали жилы мне бычьи⁶.

(Пер. Н. Гребнева)

⁵ Стихотворение «Чугур» в переводе названо «Песней чаганов». Чагана и чугура—старинные музыкальные инструменты.

⁶ «Из дагестанской народной лирики. Даггиз, Махачкала, 1956, стр. 156.

Прием одушевления неживых предметов позволил Гаджи-еву через «страдания» чугура показать бездушие, ханжество и бесчеловечность богачей, господствующих слоев населения дореволюционного горского аула:

Я пою, нет я плачу,
А кругом веселятся,
И хохочут, и пляшут,
Плач мой песней считая ⁷.

(Пер. Н. Гребнева)

Этот прием использован и советским поэтом Абдурахманом Омаршаевым в его поэме «Мне от роду 15 лет» (1935 г.). Это произведение является своего рода летописью событий, происшедших в годы гражданской войны и в период восстановления и развития народного хозяйства республики. Обо всех переменах в горах за 15 лет своего существования ярко повествует Дагестан, уподобленный живому существу.

И в творчестве Абуталиба Гафурова неодушевленные предметы действуют как живые—река вступает в спор с человеком, музыкальный инструмент кумуз высказывает свое мнение о назначении поэзии, весна и лето шагают, неся человеку свои богатые дары, «доски и железо» летят по воздуху, удивляя весь птичий мир.

Прием оживления неодушевленных предметов использован Гафуровым для выражения своего отношения к труду человека, к его деяниям, к природе. Этот прием находит в творчестве Гафурова новое звучание. Он поэтически воспринимает все, что растет, цветет, все, что существует в природе и показывает облагораживающее влияние природы на человека.

В стихотворении «Разговор с Гамзатом Цадасой» цветы на лугах, солнечное тепло, наливающиеся соком колосья, плодоносящий сад, свежая прохлада под ветвистыми деревьями просветляют душу, радуют сердце поэта.

Природа в произведениях Гафурова неотделима от человека. Поэт показывает советского человека как преобразователя природы. Советские люди укрощают буйные нравы рек, заставляют их служить народу. В произведении «Спор» труженик Абдулла выходит победителем в споре с рекою. Устами этого героя поэт говорит, «что живущих без труда нет в моей стране».

Радостный труд колхозника и покоренная человеком природа наглядно показаны Гафуровым в стихотворениях «Стрижка овец», «Песня чабана», «Аул Кули», «Утро в Махачкале», «Избербаш» и т. д.

⁷ Там же, стр. 157.

Связь природы и человека показаны поэтом на картинах природы родного края и новой социалистической действительности в горах.

Образы людей и окружающей действительности в произведениях Гафурова глубоко конкретны и реальны. Их видишь, слышишь и живо ощущаешь.

Прием конкретизации образов одна из особенностей поэзии Гафурова. Прототипами его героев являются живые люди. Он указывает место действия, время действия и называет точное имя даже в тех случаях, когда это не является необходимым для развития темы. Омар—из произведения «Советы отца», инженер Юнус—из «Избербаша», ударница Салихат—из «Колхозной свадьбы», садовод Абдулла, доярка Гажар из одноименных произведений являются живыми реальными людьми.

Абуталиб Гафуров мог бы, скажем, вместо Омара (стих. «Советы отца») назвать своего героя Ахмедом, Ибрагимом или как угодно. Но он этого не делает. Героями своих произведений он подтверждает реальность, действительность факта.

Приему конкретизации подчинены и немногочисленные, но выразительные детали, раскрывающие поэтический образ. Произведения Гафурова наполнены множеством мелочей, составляющих круг забот, впечатлений жителя горного аула. Но вместе с тем он скупно пользуется этими мелочами. Гафуров стремится к лаконичности. Каждую мелочь, каждую деталь поэт подчиняет основному образу. В стихотворении «Поездка в Москву» Гафуров выражает свое восхищение величием Москвы и все зримые детали подчиняет этой идее. Приехавшему впервые в столицу нашей Родины горцу бросаются в глаза высотные дома, многолюдные потоки, снующие машины, прямые улицы, зеленые бульвары, «зеркальные» тротуары. Он восхищен московским метро, где не люди, а сама лестница спускается вниз, где светло, как наверху, и где стрелой мчатся электропоезда.

Поэт не просто называет эти видимые ему детали, он подчеркивает их необычайность, величие:

А этажи высотных зданий
Достигли неба синевы.
Я глянул вверх—и в наказание—
Скатилась шапка с головы⁸.

(Пер. М. Грунина).

⁸ А б у т а л и б Г а ф у р о в. Светлый путь. Даггиз, Махачкала, 1952, стр. 11.

Образ скатившейся с головы шапки создает понятное любому горцу представление о высоких зданиях⁹.

Абуталиб Гафуров во многих произведениях указывает точное время действия. В стихотворении «Сочи» поэт говорит:

Извиваются вагоны,
Вправо, влево, вверх и вниз,
Так играет на гармонии
Залихватский гармонист...
В полдвенадцатого ночи
Проводник сказал нам «Сочи».

(Пер. Н. Гребнева).

Прибытие поезда в Сочи в полдвенадцатого ночи—реальный факт, достоверность которого не вызывает сомнения.

Поэзия Абуталиба Гафурова лишена внешнего блеска. В его произведениях отсутствуют цветистые словесные узоры, витиеватые, изысканные фразы, сложные синтаксические построения. В них все просто, естественно и предельно ясно.

Как художник Гафуров стремится к лаконичной выразительности. Через скупые, немногочисленные, но резко очерченные детали поэт и раскрывает образ.

Изменения, происшедшие за годы Советской власти в горах, Гафуров показывает в стихотворении «На учаре» через описание зримых деталей. Там, где были узкие тропы, сейчас пролегли широкие автомобильные дороги, «там, где горцы до седьмого пота ковыряли землю долгий век, трактор — заменяет сотню человек». Картину тяжкого непроизводительного труда горца в прошлом поэт изображает словами «до седьмого пота ковыряли землю».

Сопоставляя старую и новую жизнь, поэт показывает современный транспорт горцев и вьючное животное, на котором перевозили грузы в прошлом, сравнивает производительность трактора с человеческим трудом.

В стихотворении «Пожелание», построенном на народных пожеланиях, поэт через своеобразные и близкие горцу детали показывает счастливую колхозную жизнь горцев. Он желает, чтобы никогда не переводились в домах мышинные норы¹⁰, на мельнице кружение жерновов, на пастбищах бляение ягнят, на девушках узорные платки, на конях наборные уздечки.

Одним из средств создания реально осязаемых, конкретных образов у Гафурова являются и сравнения.

⁹ В народе существует поговорка: «Когда крепость высока, глянешь— папаха скатывается с головы».

¹⁰ У лаков существует пословица: «В бедных домах мышинных нор не водится».

Образные выражения Гафурова всегда предметны. Объекты сравнения у него уподобляются конкретным действиям или материальным предметам. Так, в стихотворении «Сочи» поезд, скрывающийся в тоннель, сравнивается с шилом, которым можно без труда пронзить ткань; снеговые вершины гор поэту напоминают белую яичную скорлупу; реку, по которой сплавляют лес, он уподобляет грузчику; извивающиеся вправо и влево вагоны кажутся мехами гармошки. Стройные кипарисы Черноморского побережья напоминают поэту чабанов в бурках.

Понятие идеальной чистоты и блеска обстановки санатория Гафуров создает гиперболизированным уподоблением ворсинки — щепке, спички — столбу:

Полданийи чIара дагьарча,
Гания шайва нурша.
Анма спичка дагьарча,
Ххалшайва утгусаксса¹¹.

(Если на пол упадет ворсинка,
Кажется она щепкой.
Если спичка упадет,
Вижу ее в столб величиной).

(Подстрочный перевод).

Он создает оригинальные сравнения, связанные с представлениями, кругозором горца, постоянно живущего в родном ауле. Так, в стихотворении «Поездка в Москву» белые клубы дыма, поднимающиеся над паровозом, напоминают поэту папаху, надетую набекрень горделивым джигитом, сплошной поток людей на улицах Москвы вызывает у поэта мысль о речках, бесконечно текущих с гор. Быстро снующие машины поэт уподобляет быстроногим горным джейранам, от уличного шума в голове поэта постоянный гул, как будто он находится на мельнице.

Самобытен поэт в сравнениях, взятых из жизни народа, из природы своей горной страны. Снеговые горы, освещенные восходящим солнцем, Гафуров в стихотворении «Горы» сравнивает с оловом, расплавленным на меди:

Зари пурпурные шелка
И выси гор в багряном свете,
Как будто плавятся снега
Подобно олову на меди¹².

(Пер. М. Грунина).

¹¹ Абу тIалиб Гъапу ров. Язими, Дагкнигоиздат, 1953, стр. 191.

¹² Абу талиб Гафуров. Светлый путь, Даггиз, Махачкала, 1952, стр. 43.

Перед нами яркое описание утренней зари, восходящего солнца в горах. Горы, покрытые местами снегом, освещаются красными лучами, восходящего солнца. Поэту на ум приходит сопоставление с оловом, растекшемся по меди, что очень хорошо знакомо поэту с детства.

Огромное влияние на лакскую советскую литературу оказывали и оказывают традиции как письменной литературы, так и родного фольклора. Абуталиб Гафуров находится под сильным влиянием традиций своего фольклора.

В своем творчестве Гафуров прочно связан с устным творчеством родного народа. Он часто использует сокровищницу народного творчества, черпает оттуда много прекрасного. Гафуров постоянно обращается к образам, темам, художественным приемам устного народного творчества. Но поэт не подражает слепо фольклорным образам. Старые фольклорные образы в поэзии приобретают новое качество. Сохраняя в своих стихах приемы и стиль народных произведений, он наполняет их новым содержанием.

Гафуровым переработаны народные песни: «Казамил Али», «Халкьуннал балай» (Народная песня), «Хьхьичивасса душварал кьумасса балай» (Старинная печальная песня девушек), «Дуаь» (Пожелание) и т. д.

В старинной песне «Казамил Али» народ осуждает братьев, погубивших своего младшего брата Али. Али — основной герой песни, носитель кротости и добродетели. Он не смеет перечить своим старшим братьям. По их совету Али спускается со скалы. Братья режут веревку и оставляют его на уступе скалы над пропастью.

Гафуров вводит в это произведение образ старшей сестры Али, наделяя ее положительными качествами — преданностью брату и любовью к добру. Прием контраста Гафуров подчеркивает поведение старших братьев по отношению к младшему. Образом старшей сестры поэт усиливает идейное значение произведения — осуждение народом поступка братьев.

В произведении «Пожелание» поэт сохранил жизнерадостный и мягкий юмор народной песни, несколько сократил бытовые подробности и подчеркнул те детали, которые говорят о счастливой новой жизни. Народная песня выражала мечту о счастливой и обеспеченной жизни. В песне народ говорил о желании увеличить добро и богатство. Это подчеркивалось постоянно повторяющимся рефреном «чIяву хьуннав» (пусть увеличатся).

Абуталиб Гафуров взял лишь те народные пожелания, которые были связаны с зажиточной жизнью горного аула. Он говорит о седлах, быках, узорных платках, ягнятах, меде, о

мужских папах (в народе было поверье: дом без мужчины беднеет).

Поэт целиком сохранил манеру и стиль народной песни. Но введением рефрена «чан къахьуннав» (пусть никогда не переводятся) Гафуров подчеркивает, что народ достиг желанной жизни. Он хочет, чтобы народное богатство никогда не переводилось.

Газулуву
Бугьлул бав,
Шагьрулуву
Дачул дав —
Чан къахьуннав!..

Къалмул путру
Сурдаву,
Кчуллул ккутчуру
Къатраву —
Чан къахьуннав!..¹³.

В стаде
Мычанье быка,
В городе
Звуки барабана —
Пусть никогда не переводятся!..

Пуды хлеба
В закромах,
Мышиные норы
В домах —
Пусть никогда не переводятся!..

(Подстрочный перевод).

Поэт смело вводит в поэзию незначительные на вид, но частые в повседневном быту образы мышиных нор, узорных платков, кусков овчинки и т. д.

Абуталиб Гафуров прекрасно владеет всеми особенностями родной речи. В его творчестве живая устная речь приобретает всю широту и глубину стилистических и лексических возможностей. Он вводит в строй литературного повествования синтаксис устной речи с ее выразительным лаконизмом. Глубокое знание родного языка помогло ему ввести в свои произведения много удачных оборотов и метких выражений, ставших народными пословицами. К ним относятся выражения: Инсан кчул а даврийхчин, мазрайхчин кчул маара» (Не по словам, а по труду суди о человеке), «Къумасса авлахьнир, дакI гьартасса ратI хьинссар» (Душевно открытая

¹³ А бут а ли б Г ъ а п у р о в. Язими, Дагкигоиздат, 1953, стр. 79.

долина лучше замкнутой равнины), «На хъинссара таврил хъинсса хъашайссар» (Оттого, что хвалишь себя, лучшим не станешь), «Хъунил къуллугъ цуксса буврив, кларттул ччатIгу ганзну булай» (Какой уход за полем, таков и хлеб от печки), «Хъурунний бакъасса ччатIгу къашайссар» (Хлеб растет лишь на полях), «Къуллугъран лавхъхъунур бучайсса буллугъ» (Каков уход, таков и доход), «ЯтIюл дукни марцI дуркун муси кунна цIай учай» (Очищенная медь блестит как золото) и т. д.

В поэзии Абугалиба Гафурова стилевые традиции устно-поэтического творчества народа выступают с новой силой. Они приобретают новое качество, новое содержание. В устной поэзии крепости великанов украшены алмазами, драгоценными камнями, в творчестве Гафурова (стихотворение «Моя крепость») образ алмазной крепости приобретает иное значение. Наша страна — алмазная крепость, т. е. она крепка, тверда, как алмаз.

В фольклоре лаков мужественного, сильного и красивого человека сравнивают со светильником. В творчестве Гафурова этот образ приобретает иное звучание. В стихотворении «Ленин» светильник — это гений Ленина. В стихотворении «Капиев» светильник — творчество поэта, являющееся отражением светлого настоящего. В народной поэзии красивого человека сопоставляют с многоцветной радугой. В стихотворении Гафурова «Красная Армия» радуга — это революция, приведшая трудящихся к свободе. Фольклор лаков отражает представление народа о молнии, как о могущественной силе. Гафуров в своем творчестве образом молнии подчеркивает огромную движущую силу учения Ленина.

Некритическое, слепое использование застывших форм старой образности приводит к появлению штампов. Механическое применение обязательных атрибутов старой поэзии, традиционных «звезд», «роз», «львов», «бутонов» при изображении колхозников и современных воинов лишают образ его реалистической основы. Не избежал и Гафуров этих эпитетов и сравнений, уводящих читателя от действительности. Они встречаются в произведениях: «Дочь Дагестана», «Москва» «Моя крепость» и т. д.

Поэтическое мастерство Абугалиба Гафурова проявилось и в ритмической организации стиха.

Гафуров выступает как новатор в области ритмики стиха. Ритмы его стихов подсказаны жизнью, подслушаны в родных ушах. В них слышатся мягкие лирические песни лаков, задорные припевки девушек, плясовой вихрь песен, исполняемых с танцем.

Подобно семейно-бытовым лакским народным песням поэт применяет плавный, размеренный ритм в стихотворении «Ташама бакъар» (Не удивительно):

Ттул вих эшки шаву
Тамаша бакъар,
Тамаша бур, ххуй душ,
Вил чурххал гъайбат.

Вин шурчан щинал я
Зана бан къашай,
Тамаша буллайра
Вил ххуй сипатрай¹⁴.

Я не тому дивлюсь,
Что без памяти влюблен.
Красоте твоей поверь,
Я сильнее удивлен.

С той поры, как тебя
Я увидел в первый раз,
Не могу, не в силах я
Отвести влюбленных глаз.

*Чудо дивил
не в любви к тебе:
Восторглась я
стала красотой.
не убежит от
на тебя смотришь
Восторглась я
лишь от саагога*

(Пер. М. Грунина).

Ритм задорных и бойких частушек горянок, высмеивающих парней за лень, трусость, слышится в стихотворении «О лени». Здесь лукаво, озорно высмеян «зловредный человек».

Хъхувай утту бивхукун,
Къатта гъивурдал буцай.
КЮрххил лавай бивзукун,
Буца куччух гъанбагъай.

Когда ложимся ночью спать,
Полны зерном чувалы,
Когда приходится вставать
Зерна как не бывало.

Чявусса на бувсаврил
КъюкI чунан чу къабаяй.
Варакъух шин рутIаврил
Урдакрайн шин къалзIаI¹⁵

Что толку в том
Что кричу глухому?
Оттого, что лью воду,
Утка не станет мокрою.

(Подстрочный перевод)

Гафуров пользуется маршевым ритмом при описании воинов, идущих на фронт. В ритме песни «Вирттаварал марш»

¹⁴ А бут I али б Гъ а пуров. Бувчусса произведенияртту. Даг-гиз, МахIачкъала, 1948, стр. 123.

¹⁵ Там же, стр. 129.

(Марш героев) слышится топот шагающих в ногу людей, звуки барабана. Взрывные и губные согласные звуки речи явно передают этот ритм:

ЗахІмат кьини дучІайсса
Вирттаврал бакІрачІанни,
Вирттаврал балай чайсса
Укунсса кьинирдайди.

Трудные дни приходят лишь
К бесстрашным героям,
Герои песни поют
В такие дни.

Хъинсса вирттал кІулшайсса
ЗахІматсса кІанттавури,
Къадарминнал ябача
ЦІурихъул муриу къатри ¹⁶

Бесстрашных людей узнаем
В трудных условиях.
Пусть трусы не отходят
От теплого очага.

(Подстрочный перевод)

Величаво, эпически плавно и в то же время грозно, призывно звучит ритм песни-призыва «Гъаз хъияра» (Поднимайтесь). Чередованием гласных широких (нижнего подъема) с гласными узкими (верхнего подъема) поэт передает ощущение грозной опасности, нависшей над просторами нашей отчизны.

Ва тархъансса оърму бан
Зузалтраща бювхъуссар,
Тархъаншиву ядуван
Хъинну цІакъну бюхъайссар.

Если свободу добыть мы сумели,
Как же ее нам не отстоять?
Помните, горцы, о доблестной цели!
В бой выходи, рабочая рать!

Гъазхъи, бачи, Дагъусттан,
Байлсса ярагъ кІунттихъну!
Оьккисса ур та душман,
КъутІин танал дакІницІун!

Горцы, оружие в руки берите
Да отточите клинки острей,
В сердце врага-изувера колите,
Сталью разите проклятых зверей.

Тимар бара, оърчІ вирттал,
Хъяллай оьдатсса дучри,
Ккуччу уван зулмукар
Уруслай, увну парчри ¹⁷.

Юноши, хольте коней своих гордых
Быстрых, как буря в ночных горах!
Пусть они топчут немецкие орды
И разнесут по ветру их прах.

(Пер. В. Звягинцевой)

Подобно силлабическим лакским народным песням Абу-талиб Гафуров свои стихи строит на ритмическом повторении одинакового количества слогов в каждой строке строфы. Поэты-лаки пользуются 7-сложными и 11-сложными размерами. Абуталиб Гафуров, наряду с этими размерами, вводит

¹⁶ Там же, стр. 139.

¹⁷ Там же, стр. 139.

и 8-ми сложный размер. Этот размер был характерен и для творчества народного поэта Дагестана, лезгинского ашуга Сулеймана Стальского. Мы не склонны думать, что Гафуров использовал 8-сложный размер под непосредственным влиянием поэзии С. Стальского. Однако Абуталиб Гафуров не мог не обратить внимания на удачно использованный Сулейманом Стальским новый размер стихосложения. Семисложный стих народной песни состоит из сочетаний внутри строки парных и непарных слогов, которые образуют такую схему: каждое слово имеет определенное количество слогов, закономерно повторяющихся и в следующих строках:

Дяркъу щинал шараши	2—2—3
Шагъра ххуллий къабивтун,	2—2—3
Ххуллий дарцІу зувилщин	2—2—3
Гъарай цукун хІачІави?	2—2—3

Порядок чередования парных слогов порою меняется в таких формах, что первые 4 слога произносятся одним дыханием, а последующие 3 слога вторым дыханием. Между 4 и 3 слогами создается пауза. Иногда непарные слоги могут быть в начале строки.

Для одиннадцатисложного размера характерна следующая схема:

Ина, ина гІурча,	2—2—2
Бавал батгара.	2 — 3
Янна лухІи дарча,	2—2—2
Уссил бивчІара	2 — 3

Когда 11-сложный размер не разбивается на строки по 6 и 5 слогов, а представлен в одной строке, появляется такая форма:

4 — 4 — 3
4 — 4 — 3
4 — 4 — 3
4 — 4 — 3

Нужно сказать, что у поэтов часты случаи нарушения этих схем.

Абуталиб Гафуров к 8-сложному размеру пришел не сразу. В ранний период творчества у него были попытки создать произведения по этому принципу. В этих случаях он в одном произведении допускал и 7-сложный и 8-сложный размеры. Характерно в этом отношении произведение «Дуаь», написанное по народным мотивам. Начало песни написано семисложным размером:

Чунал кьяпри кьатлуву,	4—3
Чал аликри кьатталу,	4—3
Газулуву бугьлул бав,	4—3
Шагьрулуву дачул дав	4—3
Чан кьахьуннав ¹⁸	4

Затем в ткань произведения поэтом вставляются строфы 8-сложного размера.

Чанкьатраву дуккай варшив,	4—4
Буттукьраву дичай каршив,	4—4
Гьарахьату, хаятраву	4—4
Ххурхху, пуркту чан кьахьуннав ¹⁹ .	4—4

Стих приобретает стройную систему при использовании парных слогов 4—4, причем после каждых четырех слогов соблюдается пауза. Закономерное чередование определенно-го количества слогов (4) и паузы между ними создает четкий ритм. Это и позволяет Гафурову писать свои стихи не только 8-сложным, но и 4-сложным размером:

Ттул канихь бур	4
Щадну чугур,	4
Ттул дакнииймур	4
Буслай бумур	4
Чаннамрал бур	4
Вил маз чугур,	4
Най бур кумур	4
Макьан хьинмур ²⁰	4

Это тот же самый 8-сложный размер, разбитый на две строки.

Переход на восьмисложный размер изменяет и традиционную функцию лакских стихов. Стихи лакских поэтов можно было петь. Они создавались для музыкального исполнения.

Стихи же Гафурова предназначены для чтения. Они являются не песнями, а стихами. Правда, стихи Абуталиба можно переложить на музыку, но по народным мелодиям их невозможно петь. Стихи Гафурова напевны, мелодичны. Напевный стих тяготеет к правильным размерам, к симметрии. Таковы и произведения Гафурова.

¹⁸ Там же, стр. 190

¹⁹ Там же, стр. 191.

²⁰ Там же, стр. 84.

Народные песни лаков не знают рифмы. Для ритмического созвучия стиха Гафуров вводит рифму. Успехи его в этой области значительны.

Некоторые произведения Гафурова раннего периода отличаются характерной и для последующего периода рифмой вторых и конечных строк строф. Это большей частью глагольная рифма. Вторые и четвертые строки каждой строфы рифмуются между собой. Например:

Эшьилул хьхьирирдая
Шавкьирал марч бивщукун,
Цинярда ургту-пугти
Икрам бувну гъаз хьури.

Когда подул ветер
С любимого моря,
Все травы и цветы
Стали подниматься.

Ссавнил гьаваллавату
Цу гтурлу сукку хьукун,
Лухти хьхьирил кьуртмарду
Циняв ялун ливчури...²¹

Когда с небесных вершин
Двинулись белые облака,
Киты черного моря
Всплыли все наверх.

(Подстрочный перевод)

Здесь же встречаются и строфы, где рифмуются две последние строки или все четыре строки:

Низамрал политика
Куртину чалан диркIукун,
ОьIачIай хьуни шатри
Даварттул хьанан бивкIри,

Когда увидели, что
Политика порядка крепка,
Кровососущие большие змеи
Стали бесноваться...

Глава хьунициун бавкьри,
Гьарахьлу щинай даркьри,
Хьузалт колхозрав бавкьри,
Завод зузултрахь бавкьри ²².

Погода стала хорошей для полей
Вода—хорошей для мельницы,
Крестьяне — хороши стали в
колхозе,
Заводы в руках рабочих хороши
стали.

(Подстрочный перевод)

Во второй строфе рифма образуется путем повторения одного и того же глагола «бавкьри», который во второй строке согласован с существительным «щин»—вода в женской группе (даркьри—д—р показатели женской группы).

Гафуров постепенно обогащает свои стихи не только глагольной рифмой. В его произведениях рифмуются также и наречия, прилагательные, существительные, причем поэт стремится рифмовать уже все 4 строки строфы:

²¹ Там же, стр. 29.

²² Там же.

Ттул канихь бур (глаго.)
Щадну чугур (суш.)
Ттул дакИниймур (сущ.)
Буслай бумур²³ (сущ.)

В моих руках есть
Веселый чугур.
Что в моей душе есть
Передает он.

Поэт рифмует не только лакские слова, но и слова русско-го происхождения, вошедшие в лексикон лакского языка:

Ттигу ина жун ура хьун учитель
Вил аклугу жун бур руководитель.²⁴
Еще ты нам большой учитель,
Твои мысли нам руководитель.

Иногда первые две строки строфы Гафуров рифмует русскими словами, вторые две—лакскими:

На, АбуТалиб, ца усттар, лудильщик,
ТалихИрайн увксса вил ххуллул ученик,
Ниттил увну щавай дур ххюцАлла шин
Дунияллийн увккун хьунни кьура шин²⁵.

Я, Абуталиб, кустарь, лудильщик,
Нашедший счастье, твоего дела ученик,
От рождения исполнилось пятьдесят лет,
Но рожденным чувствую лишь двадцать лет.

Порою поэт тяготеет к рифмам типа аааб. Здесь сказывается влияние восточной поэзии, где в конце строфы встречается рефрен. Абуталиб Гафуров применяет этот рефрен не во всех строках стихотворения, а лишь в нескольких. Абуталиб Гафуров употребляет рефрен в тех произведениях, в которых восхваляет или приветствует кого-либо, что-либо. Таковы его произведения о Советской Армии, о легчиках, о Мае, Октябрьской революции, о московских писателях, о Женском дне, о родине, о героях.

Но иногда в погоне за рифмой поэт в ущерб идейному замыслу произведения употребляет такие слова, которые не имеют отношения к идее произведения.

В стихотворении «Душманнайн кьаршину» («Против врага») поэт применяет последовательную рифму и все строки строфы рифмует одинаково. Но в третьей строфе Гафуров, гонясь за рифмой (кьяпа—хьяпа—хьяма—пьякья) забывает о смысловом содержании строфы:

²³ Там же, стр. 84

²⁴ Там же, стр. 33

²⁵ Там же.

Чув хьуннав бивхьусса кьяпа,
Чил захІматрайн бищлан хъапа.
Ягу бивтрив хьхьичІмур хъама,
Мукуннал чай лякьри пIякъа ²⁶

Пусть будет мужчиной, кто носит папаху,
Чтоб загребать чужой труд,
Или забыл, что раньше было,
У таких животы разорвутся.

Поэт достиг больших успехов в области малого жанра поэзии. Многие его произведения вошли в сокровищницу дагестанской литературы. Его лирические стихи «Я не знала», «Не удивляйся», «О летчике», «Призывник» и др. стали народными.

Гафуров мастер краткого сюжета, небольшого произведения; он слаб, когда берется за крупный жанр, например, за поэму. Первая его поэма о садоводах-мичуринцах «Садовод Абдулла» оказалась неудачной, композиционно недоработанной и поэтически неяркой. Стихи же, за небольшим исключением, композиционно очень просты и ясны. Это порою переживания героя, изложенные в монологической форме или горячий спор двух тружеников, изложенный в диалогической форме. В ряде случаев — это повествование о трудовых буднях колхозников и рабочих.

Композиционно сложное произведение с вытекающими отсюда требованиями пока поэту не удастся. К этой цели он идет упорно и настойчиво. Об этом говорит его вторая поэма «Хадижат» — о дореволюционном прошлом горцев, созданная по мотивам народных преданий. Но и в этой поэме тоже много недостатков (неяркие характеры, излишние длинноты, слабые описания и т. д.)

Со времени опубликования первого произведения Гафурова прошло много лет. Поэту сейчас более 75 лет, но он полон энергии и настойчивости. Он всегда с народом. Ему он отдает весь жар своего сердца, свое яркое дарование. Книги его стихов — свидетельство неустанной и кропотливой работы поэта на благо народа.

²⁶ А б у т І а л и б Г њ а п у р о в. Интнил кІюрх, Дагкнигоиздат, 1955, стр. 47.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

МЕСТО ХИНАЛУГСКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВ ЛЕЗГИНСКОЙ ГРУППЫ¹

Хиналугский язык—это одноаульный бесписьменный язык, на котором говорят жители с. Хиналуг Конахкендского района Азербайджанской ССР. Изучен этот язык до сего времени сравнительно слабо.

В определении места, занимаемого хиналугским языком в кругу других дагестанских языков, у некоторых исследователей языков Кавказа наблюдаются колебания, в частности, в вопросе о правомерности отнесения этого языка к языкам лезгинской группы, эти колебания наблюдаются как в среде отечественных языковедов, так и зарубежных.

Так, например, R. Erckert в своей работе² приводит некоторые сведения по хиналугскому языку, но он не пытается поставить вопрос о характере и месте, занимаемом этим языком в кругу других родственных дагестанских языков. В его классификационной таблице дагестанских языков, составленной по географическому принципу, хиналугский язык оказался под той же самой рубрикой, что и остальные языки лезгинской группы. По этому вопросу мы не находим ясности также в работах А. М. Дирра. Приводя классификационную таблицу дагестанских языков Р. Эркерта, А. М. Дирр в своих работах³ указывает, что ее «придется переделать», иными слова-

¹ Доложено на заседании сектора кавказских языков Института языкознания АН СССР. Материал для настоящей статьи собран автором на месте во время командировки в Хачмасский район Азербайджанской ССР. Кроме того, некоторые примеры заимствованы нами из картотеки хиналугского словаря. За предоставленную возможность пользоваться данной картотекой автор считает своим долгом выразить свою благодарность доктору филологических наук Ю. Д. Дешериеву.

² R. Erckert. Die Sprache des kaukasischen Stamme, Wien, 1895, 5—69—68.

³ А. М. Дирр. Рутульский язык; его же. Цахурский язык. СМОМПК XLIII, Тифлис, 1913.

ми, для него не совсем ясно было, куда следовало бы отнести данный язык (наравне с арчинским и удинским языками). В своей классификационной таблице⁴ языков и народностей Кавказа Н. Я. Марр помещает хиналугский язык в один ряд с остальными языками лезгинской группы. Однако следующий исследователь шахдагских языков Р. М. Шаумян склонен был исключить хиналугский язык из группы лезгинских языков, так как по мнению Р. М. Шаумяна этот язык занимает такое же самостоятельное место, как и другие дагестанские языки.

По этому поводу Р. М. Шаумян писал, что «будухский и крызский языки настолько близки к лезгинскому, что их можно считать равноправными языками лезгинской группы наравне с рутульским, цахурским, агульским и др., что же касается хиналугского языка, то по своим грамматическим особенностям и лексике он занимает самостоятельное место среди яфетических языков Дагестана, как аварский, лакский, даргинский и лезгинский. Таким образом, термин «шах-дагская подгруппа» можно считать неправильным, так как он не может объединять в одно целое языки, столь различные по своим грамматическим и лексическим особенностям, как будухский и крызский, с одной стороны, и хиналугский — с другой»⁵.

Хиналугским языком занимался также Ю. Д. Дешериев. Им написана большая и обстоятельная работа по всем разделам фонетики и грамматики данного языка.

Автор указанной работы считает, что хиналугский язык занимает особое положение в кругу лезгинских языков, и он настолько разошелся с близкородственными языками, что его можно поставить рядом с другими горскими кавказскими языками*.

Из современных зарубежных исследователей кавказских языков Rene Lafon, вслед за Н. Трубецким, оставляет хиналугский язык вне определенной группы языков, а это, в свою очередь, приводит к тому, что при классификации кавказских языков указанный язык (а также удинский и арчинский) оказывается изолированным. Как видно, по данному вопросу нет единой точки зрения, единого взгляда ни у советских, ни у зарубежных лингвистов. Отсутствие единой точки зрения по этому вопросу не случайно, оно вызвано тем, что хиналугский язык в своем развитии настолько разошелся с близ-

⁴ Н. Я. Марр. Племенной состав населения Кавказа. Петроград. 1920, стр. 44; его же. Яфетические языки. Избр. раб. Т. 1, стр. 304.

⁵ Р. М. Шаумян. Языки «шах-дагской группы». Язык и мышление. Т. 10. М.-Л. 1940, стр. 163—164.

* Данная статья написана до выхода в свет работы Ю. Д. Дешериева «Грамматика хиналугского языка». В связи с этим мы не смогли отразить ряд интересных положений, данных в указанной работе (авт.).

кородственными языками, до того он изменился с формальной стороны, что порой исследователь оказывается в затруднительном положении при составлении классификационной таблицы горских кавказских языков.

Разногласия по данному вопросу вызваны еще тем существенным обстоятельством, что хиналугский язык, по сравнению с другими языками лезгинской группы, до последнего времени оставался еще слабо изученным. В частности, не изучены в должной мере его лексика и фонетика, без изучения которых трудно определить родственные связи между языками.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы по хиналугскому языку показывают, что в области фонетики состав хиналугских звуков аналогичен составу звуков других языков лезгинской группы, за исключением системы гласных фонем, где широко представлены назализованные гласные. Назализованные гласные можно встретить в лезгинском, рутульском и цахурском языках, однако там они не имеют такого фонематического значения, как в хиналугском языке.

Встречаются общие сходные черты также в области грамматики, как-то: в показателях падежных окончаний, в показателях временных форм, в показателях грамматических классов и т. д. и т. п.

По известным причинам мы не имеем возможности показать родство хиналугского языка с языками лезгинской группы в широком плане, а постараемся показать это родство только на анализе структуры слова и на фактах закономерных звуковых соответствий.

Из всех языков лезгинской группы лишь хиналугский язык сохранил в той или иной мере древнейшие элементы, выявляющиеся только при сравнительном сопоставлении с данными родственных языков. К этим древнейшим элементам языка можно отнести окаменелые именные классные показатели, выступающие в подавляющем большинстве случаев в виде префиксов, но встречаются и такие, которые выступают в качестве суффиксов.

Перейдем к рассмотрению этих омертвелых именных классных показателей.

Многие хиналугские имена существительные сохранили в своей структуре классные показатели в окаменелой форме, выявление которых удастся только при сравнительном сопоставлении с аналогичными именами родственных языков, причем эти классные показатели бывают как суффиксальные, так и префиксальные.

К префиксальным классным показателям относятся показатели **п/ы/**, **м/и/**, **ву//ви**.

медведь — хин. псы (<пы-сы), ср. лез. сев., таб. швеь, рут. си, цах сё, (с'о) буд. сор, крыз. сар, уд. шuve, шве (ниж) ⁶.

лиса — хин. пшлаь (<пышлаь<шлаь<*шаьл), ср. таб., аг. сул. цах. сивваь (конечному л других лезгинских языков в цахурском соответствует в), арч. сал., уд. шул., лез., рут. сикI, буд., крыз. сакул.

собака — хин. пхра (<пы-хра<хра<*хар), ср. таб., буд., хор., крыз. хвар, арч. бахIри (<ба-хIри<хIри<*хIри), аг. гъуй, таб. ху // хуй, цах. хваь, уд. хаь.

лошадь — хин. пши (<пы-ши<*ши), ср. лез. шив (ретивый конь — употребляется чаще в фольклоре), арч. нош.

хлеб — хин. пшаь (<пы-шаь<*шаь), ср. лез., буд., крыз. фу, уд. шум, рут. хьыв.

толокно — хин. псы (пы-сы), ср. цах. су (мик.), лез. сав, аг. сав, мусу (<му-су тп.), рут сув, су (шин), крыз. сув.

звезда — хин. пхунцI (<пы-хунцI), ср. цах. хаьне, рут. хаьдей, аг. хаьд, таб. хар (хаьдж), лез. гьед.

бок — хин. буггру, лез., таб. кьвал, аг. кьвал, мургул (ус.), цах. мугул.

Вполне допустимо, что в хиналугских числительных пшва «три» и пхью «пять» начальный согласный можно возвести к окаменелому классному показателю пы, о чем свидетельствуют аналогичные корни в других языках, где не представлены начальные классные показатели, ср. таб. шиббур, аг., рут. хьибуд, цах. хьед, буд. шибуд, крыз. шибыд, арч. лъибаву «три»; таб. хьур, рут. хьуд, цах. хьод, буд., крыз. фуд, аг. гIуфуд, лез. вад «пять».

В слове пшилд (пы-шил-д) «коса» начальный п также, видимо, можно отнести к классному показателю. В других родственных языках этого корня мы не наблюдаем; можно было бы сравнить конечно с лезг. киф, таб. куш, буд. куч, однако эти слова — разные варианты (одного и того же) персидского гис в том же значении.

Отметим один примечательный факт, а именно то, что показатель грамматического класса п (ы) сочетается с такими корнями, в которых начальный согласный является по своему характеру спирантом, это нам дает основание считать, что п в слове пил «глаз» не является показателем грамматического класса. Там, где начальный корневой выступает как смычный,

⁶ Сокращения: лез. — лезгинский, таб. — табасаранский, аг. — агульский, рут. — рутульский, цах. — цахурский, буд. — будухский, крыз. — крызский, хин. — хиналугский, арч. — арчинский, уд. — удинский, ахт. — ахтынский диалект лезгинского языка, мик. — микикский говор цахурского языка, ус. — усугский диалект агульского языка, ниж. — нижский диалект удинского языка, тп. — тпигский диалект агульского языка, ярк. — яркинский диалект лезгинского языка.

мы в качестве классного показателя имеем ми/ма/ или ви//ву, о чем см. ниже.

б) Показатель м (му//ми//ма//мы).

голова — хин. миклир (<ми-клир), ср. лез. кыл, аг. кыл, таб. клул, рут. кбул, буд. кьаьл, крыз. кбыл, цах. вуклул (<ву-клул).

грудь — хин. махар (<ма-хар (только женская), ср. лез. хур; с этим классным показателем данное слово встречается и в остальных лезгинских языках: таб., аг. мухур (<му-хур), рут. мыхыр (<мы-хыр), цах. муху (<му-ху употребляется только в значении «женская грудь»), буд., крыз. махар (<ма-хар), арч. мухор (<му-хор).

борода — хин. мичеш (<ми-чеш <чеш <чез <*чер), ср. лез. ччуру, крыз. ччири (джири); этот же окаменелый классный показатель мы видим и в других языках лезгинской группы: таб. муччври (<му-ччври), аг. му-джур (<му-джур), рут. мичри (<ми-чри), цах. мучру (<му-чру), буд. мичлер (<ми-члер), арч. мучлор (<му-члор).

метла — хин. муккур, таб. мургул (<му-р-гул), аг., рут., уд. мугул (<му-гул), буд. могул (<мо-гул), крыз. магул (<ма-гул), арч. муккул (<му-ккул), однако в лезгинском языке данный корень (ккул) встречается без окаменелого классного показателя.

крапива — хин. мычл (<мы-чл), крыз., уд. медж (<ме-дж), цах. магъа (<ма-гъа), рут. макъвол (<ма-къвол), лез. мидж (съедобная трава), таб. варджи (ва-р-джи).

яблоко — хин. мыч., лез. ич, таб. веч, аг. хлеч, рут. эч., цах. эч., буд. крыз. йэч, арч. анш. уд. глэш.

скалка — хин. мыкар (<мы-кар), лезг. клар, таб., аг. клар, рут. клар.

грязь — хин. макъал (<ма-къал), лез. кьар, таб. кьар, крыз. тигъел (<ти-гъел).

близко — хин. микьел (<ми-кьел), лез. мукъвал (<му-къвал), уд. ттоьгъоьл (<ттоь-гъоьл «около»).

Данный классный показатель зафиксирован нами также в некоторых прилагательных: хин. мицл «кислый», ср. с лез. ццуру, таб. учлру, аг. члуьчлеф, рут. члырчлымды, цах. члырчлыман, а в буд. и крыз. языках этот корень имеет тот же самый показатель: эмзир, аьмзураьдж (крыз.); хин. миси (<ми-си) «маленький», ср. лезг. бицли (<би-цли), таб. бицли (<би-цли), аг. бицлиф (<би-цлиф), буд. микли (<ми-кли), арч. тли, уд. мицлик (<ми-цли-к ниж.).

В хиналугском языке встречается всего несколько слов, корень которых содержит также разнообразные окаменелые классные показатели. В структуре слова диликл «печень» (<ди-ликл) ди без сомнения можно отнести к омертвелому

классному показателю, что подтверждается лез. **лэкь**, таб. **ликI**, аг. **лекI**, рут. **лакь**, цах. **кIылкIам** (метатеза), буд. **лэкь**, крыз. **лаьгьяьлаьхIкаьн** (метатеза).

К омертвелому классному показателю можно отнести и префикс **ну** в слове **нуклур** (<ну-клур) «мышь»; аналогичный корень в других языках не имеет данного префикса: лез. **кьиф**, **кьюш** (ахт. д.), таб. **кьюьл**, аг. **кьюьл**, **гул** (тп), рут. **кьюль**, цах. **кьюьв**, буд., крыз. **кьал**; с тем же классным показателем мы встречаемся в арчинском языке: **нокьон** (<но-кьон) «мышь».

Можно допустить, что к окаменелому классному префиксу относится также показатель **л** в словах **лыкка** 'мясо', ср. лез. **йак**, таб. **йикк**, аг. **йакк**, рут. **йак**, буд. **йэк**, крыз. **йаьк**, арч. **акьь**, уд. **эхъ**; хин. **лыгылд** (лы-гыл-д) «муж», рут. **выгыл** (<вы-гыл), цах. **выгыл** (<вы-гыл (только «самец»), лез. **ругул аял** «ребенок муж. пола», таб. **жилир** (<жил-ир), аг. **шуй**, уд. **ишу**, буд. **фури**, крыз. **фирни**, арч. **бушор** (<бушор); хин. **лагьанд** (<ла-гьан-д) — параллелей в других языках нет.

Префикс **ву** в слове **вукьар** (<ву-кьар) «двухлетний баран» бесспорно можно также квалифицировать как омертвевший классный префикс, что подтверждает аналогичный корень в других языках: лез. **кьар**, аг. **укьар**, уд. **эгьел**, цах. **ваькьяь** (<ваь-кьяь) в том же значении.

в) Показатели **-ж**, **-д**, **-р**, **-з**, **-цI**.

В именах в качестве суффиксальных классных показателей мы встречаемся с показателями **з//из//ез**, **чI**, **ж**, **д**, **р**. Эти бывшие, но ныне омертвевшие классные показатели встречаются в современном хиалугском языке в окаменелом виде.

козленок — хин. **бацIыз** (<бацIы-з), ср. лез. **бацIи**.

зуб (передний) — хин. **цулоз** (<цул-оз), ср. цах. **сили**, буд. **сили**, крыз. **сил**, таб. **селев** (<сел-ев), аг. **силеб** (<сил-еб), рут. **сылаб** (<сыл-аб). Как видно, в таб., аг., рут. также сохранились классные показатели в окаменелом виде.

осень — хин. **цуваж** (<цув-аж<цул-аж<*цул), ср. аг. **чул**, цах. **цывыль** (<цыв-ыль) **сувуль** (мик.), лез. **гуьл** (ярк д.), **зул** (лит.), **жул** (ахт.), таб. **чвул**.

теленок — хин. **лехъез** // **лехъер** (<лехъ-ер //ез), ср. буд. **лаьгь**, крыз. **лаьгь**.

зима — хин. **кIинаж** (<кIин-аж), ср. лез. **кьюьд**, таб. **кьюьрд**, аг. **кьюьрд**, рут. **кьюьд**, крыз. **кьуд**, цах. **кьюьдильм**, буд. **кьаджраьдж** (<кьадж-р-аьдж), арч. **кьаттикь**.

звезда — хин. **пхунцI** (<пы-хун-цI), ср. цах. **хаьн**, рут. **хаьдей**, аг. **хаьд**, таб. **хар**, лез. **гьед**.

муж — хин. лыгылд (<лы-гыл-д), ср. рут. выггыл (<вы-ггыл), цах. выггыл (<вы-ггыл (только самец), таб. жи-лир (<жил-ир), лез. гъуьл, арч. бушор (<бу-шор), буд. фури, крыз. фири, аг. шуй, хъуьй, уд. ушу.

Суффиксальные классные показатели содержат еще такие хиналугские слова, как лихьиз (<лихь-из) «бык», луц//луцоз (<луц-оз) «корова», къонз «глист, волчок», лагъанд (<ла-гъан-д) «колыбель» и др.

Приведенные нами омертвелые показатели грамматических классов вполне соответствуют ныне функционирующим классным показателям хиналугского языка. Так, показатель п//ы/ соответствует современному показателю третьего грамматического класса п, который является вариантом б в определенных фонетических условиях. Показатель б в ед. ч. характеризует имена, обозначающие названия предметов, явлений и существа неразумного одушевленного мира, а во мн. ч. б выступает как показатель имен, относящихся ко всем классам. Фонетическими вариантами показателя б являются, по-видимому, также показатели м и в с последующими гласными.

Омертвелые показатели з//цл//ж//р/д можно свести к классным показателям, функционирующим в хиналугском языке на современном этапе его развития. Показатели з//цл//ж//р, видимо, вторичного происхождения, они являются вариантами показателя д в определенных фонетических условиях.

Следует отметить, что и в адыгских языках встречается группа слов, корень которых на современном этапе развития языка содержит разнообразные звуковые комплексы (бл, бж, пс, пх, тх, сп, ст, шт), причем предполагают, что «эти элементы исторически были носителями каких-то грамматических значений и не входили в состав корня. Впоследствии, утратив свое грамматическое значение, они слились с корневыми согласными и образовали звуковые комплексы»⁷. Так, например, в словах типа псы «вода», щхъэ «голова» и в других начальный компонент относят к омертвелым классным показателям. Встречаются в этих языках и такие слова, где омертвелый компонент выступает как целый слог, например, в словах дамэ «крыло», бадзэ «муха», мажьэ «гребешок», маццэ «саранча» и др. «Первый слог являлся в прошлом показателем грамматического класса, а ныне вошел в состав корня, как мертвый аффикс»⁸. По данному вопросу

⁷ «Грамматика кабардино-черкесского литературного языка». 1957, стр. 39.

⁸ Там же, стр. 37.

проф. Н. Ф. Яковлев пишет, что «первоначально первый согласный в этих сочетаниях представлял собою префикс, позднее слившийся с первичным корнем»⁹.

По этому вопросу см. также более обстоятельную статью Г. В. Рогова «О пережитках экспонентов грамматических классов в адыгейских языках»¹⁰. Все это говорит о том, что именные основы в горских кавказских языках содержали в своей структуре изменяемые классные показатели, но по мере развития языков эти изменяемые экспоненты грамматических классов стали постепенно исчезать, а в ряде случаев они срослись с первичными корнями слова. Эти сросшиеся экспоненты на данной стадии развития языков воспринимаются как первичные корневые элементы, а не как элементы, исторически имевшие свое грамматическое значение.

* * *

*

Родство хиналугского языка с другими языками лезгинской группы доказывается не только наличием в нем древних отложений, анализ которых раскрывает запутанную картину структуры слова, но также фактом наличия звуковых соответствий между ним и другими языками этой группы.

Выявление и установление фонетических соответствий между хиналугским языком, с одной стороны, и остальными языками лезгинской группы, с другой, в некоторых случаях затрудняются тем, что лексика хиналугского языка пока что изучена очень слабо; не изучена также в должной мере фонетика хиналугского языка с ее многочисленными фонетическими процессами.

Однако, несмотря на это, в некоторых случаях удается установить закономерные звуковые соответствия между хиналугским языком и другими языками лезгинской группы.

1. Хиналугское кІ.

хин.	лез.	таб.	аг.	рут.	цах.	буд.	крыз.	арч.	уд.
кІ	кь	кь, кІ	кь	кь	кь	кь	кь	кь	
	гь	хьхь	кь	хь	хь	хь	хь	кь	хь
	кь	кь	хь	гь		х	х		гь
	хь		гь		кь	кь	гь		

а) Начальному и срединному хиналугскому кІ в остальных языках соответствует смычногортанный увулярный кь:

⁹ Н. Ф. Яковлев. Грамматика адыгейского литературного языка. М.-Л., 1941, стр. 429.

¹⁰ Сообщения АН Грузинской ССР, Тбилиси, 1950, т. X, № 1.

мышь — хин. нуклур, лез. кьиф, таб., аг. кьуьл, рут. кьыль, буд., крыз. кьал, арч. нокьон;

два — хин. клу, лез. кьвед, таб. кьоьр, аг. кьуд, рут. кьваьд, цах. кьоьд, буд. кьад, крыз. кьвад, арч. кьеву;

зима — хин. клинаж, лез. кьуьд, таб., аг. кьуьрд, рут. кьийд, цах. кьийдиьм, буд. кьаджраьдж, крыз. кьуд;

жевать — хин. ченклуй, лез. жакьун (ахт. д. ччукьун);

говорить — хин. чыкьыри, ср. в лез. чукьун (редко употребляемое слово).

б) В следующих словах хиналугскому кI в лез., буд., крыз. и частично в рутульском будет соответствовать тот же кь, а в таб., аг., рут., цах. — заднеязычный смычногортанный кI:

умереть — хин. кьылый, лез. кьин, рут. айкьын, таб. йиклуз, аг. кьес, цах. хьиклас, буд. сакланджи (он умер), арч. кьис;

голова — хин. микир, лез. кьил, буд. кьаьл, крыз. кьыл, таб., рут. кьул, аг. кьил, цах. вуклуьл;

колос — хин. кьил, лез. кьил (и голова);

печень — хин. диликI, лез. лекь, таб. ликI, аг. лекI, рут. лакь, цах. кьылкIам.

Особняком стоит слово **дно**: хин. кIан, лез., таб., цах., арч. кIан, аг. кIен, а в рут. и крыз. языках оно имеет подгортанный кь: рут. кьан, крыз. кьаьн.

в) В ряде случаев конечному, а также переставленному с конца в начало (метатеза) хиналугскому кI в лез., таб., аг., рут., цах., буд., крыз., уд. соответствует увулярный придыхательный хь, а в арчинском языке — непридыхательный увулярный кь:

зола, пепел — хин. заькI, лез. руьхь, таб. руьхьхь, аг. рухь, рут. рийхь, цах. йийхь, буд. рехь, крыз. раьхь, уд. ихь, арч. дикь;

дорога — хин. кIвар, лез. рехь, таб. рахь (ракь), аг. раьхь (ракь), рут. раьхь, цах. йаьхь, буд. рих, крыз. рих, уд. йахь, арч. декь.

г) Начальному хиналугскому кI в других языках соответствует или непридыхательный увулярный кь, или звонкий увулярный гь(х):

заяц — хин. кIизаь, лез., таб., аг. кьуьр, рут. гьийр, цах. кьийьэ, буд., крыз. кьур, уд. гьу;

рука — хин. кьыл, лез., аг. гьил, таб. хил, рут. хыл, цах. хыль, арч. хол. В буд. (кел), крыз. (кел), уд. (кул) мы имеем придыхательный к:

найти — хин. унклури, лез. жугьун (ахт. = гькьын).

д) В ряде слов хиналугскому кI во всех языках соответствует кI, а в удинском непридыхательное кк:

горох — хин. **клах**, лез., аг. **клах**, крыз. **клаьх**, буд. **аджи клах**;

кончик — хин. **кли**, лез. **кIвенкIв**, таб. **клакI**, аг. **кIекIв**, рут. **клеъ**, буд. **кIекI**;

мука — хин. **кIун**, арч. **кIун**;

тонкий — хин. **локI**, **кIыр**, лез. **шуйкIуь**, аг. **икIеф**;

сердце — хин. **ункI**, лез. **рикI**, таб. **йукI**, аг. **йиркIв**, рут., цах., буд., крыз. **йикI**, арч. **икIв**, уд. **укк**.

щека — хин. **тIукIун**, буд. **кIутIун**, крыз. **кIватIин**, ср. лез. **дуркIун** почка (анат).

осленок — хин. **шункIор**, лез. **шаркIунт**, крыз. **шекIвай**.

Встречаются примеры, где хиналугское **кI** в некоторых языках соответствует совершенно разным на первый взгляд, однако, закономерным звукам: хин. **инкI** «канат», лез. **цIил**, **чIил**, таб. **чIил**, аг. **тIил**, **гатIил**, рут., цах. **тIоьъ**; хин. **кIу** «ягненок», лез. **кIел** (ккел — ахт.), таб. **ччил**, **ччал**, аг. **кIел**, рут. **гел**, цах. **гев**, буд., крыз. **кел**, арч. **кьбал**, уд. **кьал**.

В первом случае мы имеем рефлексы хиналугского **кI**, а во втором случае этот рефлекс сохраняется только в табасаранском языке. Из второго примера можно также сделать вывод, что хиналугское **кI** не первичного порядка, а рефлекс **кк**, восходящего к аффрикату **кь** (**кьь**), о чем свидетельствуют следующие слова:

Хин. **микI** «лед», лез. **мурк.**, таб. **меркк**, аг. **меркI**, рут., цах. **мык**, буд. **мук**, крыз. **мэк**, арч. **мукььякьь**.

Хин. **инкI** «кость», лез. **кIараб**, таб. **кIураб**, аг. **иркк**, рут. **кIыраб**, цах. **баркIв**, буд. **кIерепI**, крыз. **кIарапI**, арч. **лекки** и т. д.

2. Хиналугское кь.

хин.	лез.	таб.	аг.	рут.	цах.	буд.	крыз.	арч.	уд.
	кь	кь (хь)	кь	кь (гь)	кь (кь)	кь, хь	кь	кь	кь
кь	кь (ахт)	кь	кь	кь	гь	—	гь	х	гь
	гь	гь	гь			гь		хь	

Хиналугскому **кь** во всех положениях в лезгинском языке соответствуют: в начале и середине — **кь**, а в конечном положении — **гь**; в табасаранском: в начале **кь**, **кь**, в середине — **кь**, в конце — **гь**; в агульском: в начале — **кь**, в середине — **гь**, **кь** (видимо по диалектам), в конце **гь**; в рутульском: в начале **кь**, **кь**, в середине — **кь**, **гь** (не удалось установить, в каких случаях), в конце — **гь**; в цахурском:

в начале **кь къ**, в середине и на конце **гъ**; в будухском: в начале — **кь, хъ**, в конце — **гъ**; в крызском: в начале — **кь**, в середине и на конце — **гъ**; в арчинском: в начале — **кь** (в двусложных словах) и **х<гъ** (в односложных словах), на конце — **хъ**; в удинском: в начале **гъ, къ**, а на конце — **гъ**.

Приведем примеры:

горький — хин. **квал**, лез. **туькьуьл**, аг. **кьулкьунф**, рут. **диькьил**, крыз. **кьаткьулаьдж**, арч. **кьала**;

солнце — хин. **ынкъ**, лез., аг. **рагъ**, таб. **регъ**, рут. **вирегъ** (**<ви-регъ**), цах. **виригъ** (**<ви-ригъ**), буд., крыз. **вирагъ** (**<ви-рагъ**), арч. **бархъ** (**<ба-рхъ<б-рахъ**), уд. **быгъ**;

грязь — хин. **макьал**, лез. **кьар**, таб. **кьар**, крыз. **тигьел**;

близко — хин. **микьел**, лез. **мукьвал**, крыз. **моькьев**;

соль — хин. **кьаь**, лез., буд., крыз. **кьел**, таб. **кьил**, аг. **кьаьл**, рут. **кьаьль**, цах. **кьев**;

сухой — хин. **кьи**, лез. **кьурай**, таб. **кьирци**, аг. **рукьуф**, рут. **кьуруд**, уд. **кьари**;

двадцать — **кьа**, лез., аг., рут., цах. **кьад**, таб. **кьар**, буд. **хьад**, арч. **кьейву**, уд. **кьа**;

дождь — хин. **кьула**, лез. **кьвал**, аг. **угьал**, рут. **гьугьал**, цах. **гёгьуй**, арч. **хел**, уд. **агьала**;

день — хин. **кьаь**, лез. **югъ**, таб. **йигъ**, аг. **йагъ**, рут., цах. **йигъ**, крыз., буд. **йигъ**, арч. **ихъ**, уд. **гьи**.

В виде исключения встречается несколько слов, в которых хиналугскому **кь** в конечном положении, вместо ожидаемого **гъ** (в арчинском — **хъ**) соответствует **кь**: хин. **кьакьал**, лез. **йукъ**, рут. **йыкъ**, цах. **йиькь**, крыз. **йикъ**. Исторически в указанных языках, по-видимому, корень, обозначающий понятие «спина», встречался без начального **й** с последующим гласным, что подтверждается табасаранской формой слова «спина»: **кьал**.

3. Хиналугское з

хин.	лез.	таб.	аг.	рут.	цах.	буд.	крыз.	арч.	уд.
------	------	------	-----	------	------	------	-------	------	-----

з р р р р й р р д —

Хиналугское **з**, исторически восходящее к классному показателю, соответствует следующим звукам в других языках: лезгинскому **р**, табасаранскому **р**, агульскому **р**, рутульскому **р**, цахурскому **й**, будухскому **р**, крызскому **р**, арчинскому **д**, а в удинских словах данный согласный звук утрачен:

бульон — хин. **зегъ**, аг. **ракъ**, рут. **рикъ**, цах. **йыкь**, арч. **дикъ**;

зола, пепел — хин. **закI**, лез. **руьхъ**, таб. **рухъхъ**, аг. **руьхъ**, рут. **риьхъ**, цах. **йиьхъ**, буд. **рехъ**, крыз. **раьхъ**, арч. **дикъ**, ср. уд. **икъ**;

мельница — хин. **зох**, лез. **регъв**, таб. **раьх**, аг. **раьхв**, рут. **риьх**, цах. **йоьххваь**, арч. **духат (дух-ат)**;

шесть — хин. **зек**, лез. **ругуд**, таб. **йирхъур**, аг. **йэрхид**, рут. **рыхъыд**, цах. **йихъыд**, буд. **руьхъуьд**, арч. **дилъаву**, ср. уд. **ухъ**;

заяц — хин. **кIизаь**, лез. **къуьр**, таб. **къуьр**, аг. **гъуьр**, рут. **гъиьр**, цах. **къиьйэ**, буд., крыз. **къур**, ср. уд. **гъу**;

гребешок, расческа — хин. **чагъыз (ча-гъыз)**, лезг. **регъ**, таб. **рягъ**, аг. **раьгъ**, рут. **раьгъ**, буд. **дарагъ (да-рагъ)**, крыз. **рагъ**, арч. **дахъ**, ср. цах. **аьгъаь** и уд. **ох**, где классные показатели, видимо, выпали;

гореть — хин. **ккизи**, таб. **ургуз**, рут. **вурхъвас**, буд. **йуга-ри**; в лезгинском языке слово **ккун** «гореть» утратило согласный **р**;

сохнуть — хин. **къизи**, лез. **къурун**, таб. **уркъуз**, аг. **ру-къас**, рут. **къуру йишин**; не поддается объяснению цах. **къуру хъихъес** и арч. **къурас**. Здесь вместо **й** в цахурском и **д** в арчинском имеем везде **р**.

В одном примере хиналугскому **з** в лезгинском соответствует **й**: хин. **ккизаь** «молотьба», ср. лез. **йуг**. Следовало бы ожидать, что в хиналугском слове **кIвар** «дорога» конечный **р** перейдет в **з**, однако этого мы не наблюдаем, видимо, по причине метатезы хиналугской формы, на что указывают остальные языки: лез. **рехъ**, таб. **раькъ**, аг. **раьхъ**, **ракъ**, рут. **раьхъ**, цах. **йаьхъ**, буд. **рих**, крыз. **рих**, арч. **декъ**, уд. **йакъ** (единственное слово в данной группе, где классный элемент сохранился).

4. Хиналугское **цI**(дз).

хин.	лез	таб.	аг.	рут.	цах.	буд.	крыз.	арч.	уд.
цI(дз)	тI	ччв	тI	д	д	д	д	цI	цц
	т	цц	тт	т	т	т	т		чч
	цц								
	з				тт				

а) Хиналугская смычно-гортанная аффриката **цI** соответствует следующим звукам: лезгинскому начальному **тI** и конечному **т**, агульскому **тI** и **т**, рутульскому начальному **д** и конечному **т**, цахурскому **д** в начале слова и **т** в остальных

позициях, будухскому и крызскому д и т (трудно объяснить, в каких фонетических условиях), а в табасаранском, арчинском и удинском соответствуют те же аффрикаты свистящей или шипящей группы: таб. ччв или цц, арч. цц, уд. цц или чч:

имя — хин. ццу, лез. ттвар, ттвар (ахт. д.), таб. ччвур, аг. ттур, рут. дур, цах. до, буд. тур, крыз. тыр, арч. ццор, уд. цци; мед — хин. нуцц, лез. вирт, таб. йичвв, аг. уьттв, уьт, рут. ит, цах. ить, буд. йит, крыз. йит, арч. имцц, уд. учч; ток, гумно — хин. роцц, лез. рат, таб. рацц, аг. ратт, ратц (по диалектам), рут. рэт, цах. атта; вошь — хин. нимцц, лез. нет, таб. ницц, аг. нетт, нет, арч. нацц, уд. нецц;

дерево — хин. дзыл, лез. ттар, аг. дар (только лес), буд. даьр, крыз. дар;

сладкий — хин. ццин, рут. итды, цах. иттун, уд. мглуща, лез. верци, верччи (куб.).

б) Хиналугскому цц в других языках соответствуют: в лезгинском в начале и середине цц, а в конце з, в табасаранском в начале и середине з, а в конце дз, в аг., рут., цах., буд., крыз., в арчинском цц, в удинском в середине цц и з в конце слова:

луна, месяц — хин. вацц, лез. варз, таб. варз, аг., рут., цах. ваз, буд. воз, крыз. баьз, ваьз, арч. бацц;

язык — хин. мицц, лез., аг., буд., крыз. мез, таб. мелуз, рут., цах. миз, арч. мацц, уд. муз;

пахота — хин. ццили, лез. ццан, таб. изан, аг. йэзан, цах. эзий, буд. йизан, крыз. йизалы, уд. эзбун;

белый — хин. хьырыцц (хь-рыцц), лез. лаццу, таб. лизи, буд. лузу, крыз. лази, уд. мацци;

кислый — хин. мицц, лез. ццуру, буд. эмзир, крыз. аьмзураьдж; таб., аг., рут. и цах. языки имеют совершенно другое соответствие, которое не поддается объяснению: таб. учцру, аг. глущцф, рут. чьырчымды, цах. чьырчыман.

в) В следующих словах хиналугское цц идентично цц в других языках:

пуп — хин. ццум, а в ахт. д. лезгинского языка произошло переосмысление; данное слово ццум означает голень. Ср. лакское ццун «пуп»;

коза — хин. ццал, лез., таб., крыз. ццегь, аг. ццехц, рут. ццигь, цах. ццель, буд. цца, арч. ццей;

козленок — хин. баццыз, лез. бацци;

крик, стон — хин. ццар, лез., крыз. ццугь, таб. ццигь;

голубой — хин. ццар, а в лез. и буд. данный корень означает только «серый»: лез. ццару, буд. ццору;

полный — хин. цци, лез. аццай, таб. аццайнай, аг. аццу, рут. аццыд, цах. гаьцциин, буд. сеццири, крыз. глаьццедж; ср. лакский дурццу.

Можно было бы указать еще на ряд звукосоответствий, которые обнаруживаются между хиналугским языком и остальными языками лезгинской группы, так, например, яркинскому заднеязычному непридыхательному **кк**, а также звонкому **з** (лезгинский язык) в хиналугском языке соответствует непридыхательный **цц** и соответственный звонкий **зз**: хин. **ццал** «сноп», ср. лез. **ккуьл** (ярк.), **ццуьл** (лит.), **ччул** (ахт.), таб. **шал**, аг. **шел**, **хьел**, рут., цах. **джобл**, крыз. **кунджаьл** (кун-джаьл), буд. **кунджал**, уд. **качча** (ка-чча < ччал); хин. **ццуваж** «осень», ср. лез. **гуьл** < **ггуьл** (ярк.), **зул** (лит.), **жул** (ахт.), таб. **чвул**, аг. **цул**, цах. **цывыль**, **сувуль**; хин. **зар** «крутка», ср. лез. **гвер** < **ггвер** (ярк.), **звар** (лит.), **жвар** (ахт.), таб. **жвар**, буд. **зар**, уд. **ччур**. Можно допустить, что сюда относится также рут. **руклур** (ру-клур), цах. **нуклур** (ну-клур) и др. Можно указать также на такое звукосоответствие, как соответствие хиналугского **чл** свистящему **цл** в других языках: хин. **члаь** «огонь», ср. лез., рут. **цлай**, таб., аг., цах., буд., крыз. **цла**, арч. **оцл**; хин. **члилгъам** «искра», ср. лез. **цлилхем**; хин. **бичли** «толстый, полный», ср. лез. **яцлу** (йацлу); хин. **члипилкуй** «ущипнуть», ср. лез. **цлиб** гун и др.

Можно указать также еще на соответствия **к** (< **кк**): г:хь:ш; г:гг:гъ:ж, ш:хь:лъ:й и т. д. Все это, конечно, убедительно доказывает близкородственные связи, существующие между хиналугским языком и другими языками лезгинской группы.

* *
*

Родство хиналугского языка с другими языками лезгинской группы доказывается также общностью многих корневых слов, как-то: термины родства, названия частей тела и т. д.

Приведем список этих общих корневых слов.

Термины родства:

отец — хин. **бий**, лез. **буба** (ба), крыз. **баьй**;

мать — хин. **деде**, лез. **диде**, таб. **дудай**, **дада** цах. **йэд**, буд. **дидаь**, крыз. **даьй**;

дочь, девушка — хин. **риши**, лез. **руш**, таб. **риш**, аг. **руш** (руж), рут. **рыш**, цах. **йиш**, буд. **риж**, крыз. **риш**, арч. **дошдур** (дош-дур), ср. ав. **яс**, дарг. **рурси**;

невестка, невеста — хин. **цлынас** (< **цлы-нас**), лез. **свас**, **шваш**, **хъвехь**, таб. **сус**, **швшув**, аг., рут. **сус**, цах. **сос**, буд. **суз**, крыз. **сыс**, арч. **нустур** (< **нус-тур**);

внук — хин. хыдыл, лез. хуттул, таб. худул, хттул, аг. хуттул, рут., цах. хыдыл, крыз. хэдэл, хыдыл.

сестра — хин. рыцы, аг., таб. чи, цах. йичи, рут. риши, буд. шидир, крыз. шидер, арч. дошдур (<дош-дур), уд. хунчи (<хун-чи);

жена, (женщина)—хин. хинимкIир (<хиним-кIир), крыз. хыныб, лез. хунуб (диалект);

муж — хин. лыгылд (<лы-гыл-д), рут. выггыл (<вы-ггыл), цах. вугъел (только самец), лез. гъуьл (вполне допустимо, что сюда можно отнести и табасаранский жилир (<жил-ир<жил<гъил) в том же значении);

правнук — хин. гыдыл, лез. гыттыл (ахт.), таб. гудул, крыз. гыдыл;

название жен многоженца в отношении друг к другу — хин. гуьнуь, буд. гуьнуь, уд. гуьнуьх;

близнецы — хин. кьэтхи, лез. кьуьтхер, таб. кьюдюхер;
бог — хин. гъуцар, лез. гъуцар (курахский — редко употребляется);

вдова — хин. хиндед, лез. хендеда.

Названия частей тела:

голова — хин. микIир (<ми-кIир), лез. кыл, таб. кIул, аг. кIил, рут. кьул, цах. вукIуль (<ву-кIуль), буд. кьаьл, крыз. кьыл, уд. бул;

язык — хин. мицI, лез., аг., буд., крыз. мез, таб. мелдз, рут., цах. миз, арч. мацI, уд. муз;

зуб — хин. цулоз (<цул-оз<цул<сул), таб. селев, слиб, аг. силеб, силев, рут. сылаб, цах., буд. сили, крыз. сил, уд. улух (<ул-ух);

ухо — хин. тIоп, тIап (<тI-ап<аб), лез. яб (<йаб), таб. эв, иб, эб, ив, аг. ибур, рут. убур, буд. ибир, крыз. ибер, арч. ой, уд. имух (<им-ух);

сердце — хин. ункI, лез. рикI, таб. йукI, аг. йиркIв, иркIв, рут., цах. буд., крыз. йикI, арч. икIв, уд. укк;

живот — хин. шэхь, лез. руфун, таб., аг. фун, рут. ухьун, цах. вухьун, крыз. фаьн, буд. тапан, уд. букун;

рука — хин. кIыл, лез., аг. гъил, таб. хил, рут. хыл, цах. хыль, буд. кел, крыз. кал, арч. хол, уд. кул;

кость — хин. инкI, лез. кIараб, таб. кIураб, йиркк, аг. иркк, рут. кIырыб, цах. баркIв, буд. кIерепI, крыз. кIарапI, арч. лекки;

кровь — хин. пIи, пIе, лез. иви, ви, таб. фи, ифи, аг. иь, рут. аьбир, цах. эб., арч. би, уд. пIи;

плечо — хин. чигин (<чи-гин), лез. къуьн, таб. гъюн, аг. гъун, рут. гъоьн, крыз. хына, арч. хъун;

шерсть — хин. кхъа (<кы-хъа), таб. хъай, хъа, аг. хъей, цах. хъа, арч. олъ, уд. ха;

глаз — хин. пил, лез. вил, ул, таб., аг., рут., ул, цах. уль, буд., крыз. гъуьл, арч. лур, уд. пул;

палец — хин. сттал, рут. тили, буд., крыз. тил;

спина — хин. къакъал, лез. йуьк, таб. къал, йуьк, рут. йыьк, цах. йиьк, буд. йикидж, крыз. йиьк;

бок — хин. буггры, рут., крыз. бег;

грудь — хин. махар (женская), лез. хур, таб., аг. мухур, рут. мыхыр, цах. муху (женская), буд., крыз. махар, арч. мухор;

щека — хин. туклун, буд. клутлун, крыз. кватин, ср. также хин. эх, арч. эх в том же значении; ср. лез. дурклун, туклун (ахт.) почка (анат.);

печень — хин. дилик, лез. лекъ, таб. лик, аг. лек, рут. лакъ, цах. кылык; ам;

борода — хин. мечеш, мечез (<мечер, лез. ччуру, таб. мужъри, аг. муджур, рут. мичри, цах. мучру, буд. мичер, крыз. ччири, джири, арч. мучор.

лицо — хин. ижэ, ижи, лез. ччин, таб. маш, крыз. иджин, арч. мамурччи (<мамур-ччи), уд. ччо, ходжил;

слюна (слизистая) — хин. гъергъ, лез. гъер, крыз. регъ, арч. херх, уд. хе;

рог — хин. веч, лез. карч, таб., аг. кларч, рут., крыз. кач, цах. гач, буд. каьрч;

волос — хин. члар, лез., таб., аг., рут. члар, цах. члаьр, буд., крыз. члер, арч. члари;

сосок — хин. меме, лез., буд., арч. мам, крыз. маьм;

ресница — хин. нини, ср. лез. нини «зрачок»;

пуп — хин. цлум, в ахт. д. лез. яз. цлум употребляется только в значении «голень»;

хрящ — хин. члахчлаха, лез. члахчлах.

Названия диких животных, птиц, насекомых и т. п.:

медведь — хин. псэ, (<пы-сэ), лез. сев, таб. швеь, рут. си, цах. сё, буд. сор, крыз. сар, уд. шуе;

лиса — хин. пшлаь (<пы-шлаь (<шлаь (<шаьл), лез., рут. сик, таб., аг. сул, цах. сивваь, буд. сакул, крыз. саккул, сакул, арч. сол, уд. шул;

мышь — хин. нуклур, лез. къиф, къуш, таб., аг. къуьл, рут. къыль, цах. къоьв, буд., крыз. къал, арч. нокьон;

блоха — хин. члут, лез. члут, члит, таб. члуд, члур, аг. члид, члир, рут. члит, цах. члин, буд., крыз. члид, арч. члин, уд. ин;

заяц — хин. кIизаь, лез. къуьр, таб., аг. къуьр, гъуьр, рут. гъиьр, цах. къийьэ, буд., крыз. къур, уд. гъу;
вошь — хин. нимцI, лез. нет, таб. ницц, аг. нетт, арч. нацI, уд. ницI;
ворона — хин. чIаь, ср. лез. чIагъ «галка»;
червяк — хин. мок, уд. мехъ.

Названия домашних животных:

собака — хин. пхра (<пы-хра<хар), таб. ху, хуй, аг. гъуй, хуй, цах. хваь, буд. хор, крыз. хвар, арч. бахIри (<ба-хIри<хIри);

лошадь — хин. пши (<пы-ши), лез. шив, арч. нош;

коза — хин. цIел, лез., таб., крыз. цIегъ, аг. цIехI, рут. цIигъ, цах. цIеь, буд. циа, арч. цIей;

корова — хин. хоно, таб. хини, хюни, аг. хвуни, хIуни, арч. хон;

козленок — хин. бацIыз (<бацIы-з), лез. бацIи, бицIи;

ягненок — хин. кIу (с отсечением конечного согласного л), лез. кIел, таб. ччил, ччал, аг. кIел, рут. гэл, цах. гев, буд., крыз. кел, арч. къбал, уд. къал;

баран — хин. чувал, рут. чIабал, буд. чувал, крыз. вул;

курица — хин. кукацI, уд. ккоккоц;

осленок — хин. шункIор, лез. шаркIунт, крыз. шекIвай;

баран 2-х лет — хин. вукъар (<ву-къар), лез. къар, аг. укъар, цах. ваькъаь (<ваь-къаь).

Названия домашней утвари, одежды, орудий труда и т. п.

скалка — мыкар (<мы-кар), лез., таб. кIар, рут. кIар;

бурдюк — хин. мултал, лез. ццел, цах. мыртел;

канат — хин. инкI, лез. цIил, чIил, таб. чIил, аг. тIил, гатIил, рут., цах. тIоьъ;

метла — хин. муккур, лез. ккул, таб. мургул, аг., рут. мугул, буд. могул, крыз. магул, арч. муккул;

подушка — хин. хиччикен, лез. хъуьцуьген, рут. гъоьдиген;

бешмет — хин. валчах, лез. валчагъ, таб. валжагъ, аг. валджагъ;

горшок (гончарный, маленький) — хин. къатIыл (<къатI-ыл), лез. гегIе, кIетIе (ахт., куб.);

гребешок, расческа — хин. чагъыз (<ча-гъыз), лез. регъ, таб. рягъ, аг. раьгъ, рут. ракъ, цах. аьгъаь, буд. дарагъ (<да-рагъ), крыз., рагъ, арч. дах, уд. ох.

Природные явления:

вода — хин. хьу, лез. яд (< йад), таб. шар, шид, аг. хьид, шер, шед, рут. хьер, цах. хьаьн, буд. хьад, крыз. хьаьд, арч. льян, уд. хе;

грязь — хин. макьал (< ма-кьал), лез. кьар, таб. кьар, крыз. тигьел (< ти-гьел);

дождь — хин. кьула, лез. кьвал, аг. агьал, рут. гьугьал, йугьал, цах. гёгьый, арч. хел, уд. угьала;

дым — хин. хьими, лез. гум, таб. кум, аг. кум, рут. хьум, цах. кума, буд. хьум, крыз. фирми, уд. ккуин;

зола, пепел — хин. заькI, лез. руьхь, таб. руьхьхь, аг. руьхь. рут. рихь, цах. йиьхь, буд. рехь, крыз. раьхь, арч. дикь, уд. икь;

зима — хин. кIинаж, лез. кьуьд, таб. кьуьрд, аг. кьурд, рут. кьиьд, цах. кьиьдиьм, буд. кьаьджраьдж, крыз. кьуд;

лед — хин. микI, лез. мурк, таб. меркк, аг. меркI, рут. цах. мык, буд. мук, крыз. мэк, арч. мукьаькь;

осень — хин. ццуваж, лез. зул, таб. чвул, аг. цул, цах. сувуль, цывуль;

огонь — хин. чIаь, лез., рут. цIай, таб., аг., цах., буд., крыз. цIа, арч. оцI;

искра — хин. чIилгьам, лез. цIилхем;

капля дождя, протекшая в дом — хин. тIынг, лез. тIинкI (употребляется только в значении звукоподражания для передачи процесса капания) и тIили, таб. кIантI, аг. тинкI, цах. тIаьнкI, крыз. тыкIын и витил, арч. кIентI, уд. ккаттеха;

Время дня, месяц, год:

вчера — хин. лагьын, лез. накь, таб. накь, аг. накь, рут. наьгьа, буд. накьа, крыз. накь, уд. наьйне;

год — хин. уьс, лез. йис, таб. йис, аг. ис, йиз;

день — хин. кьаь, лез. югь (< йугь), таб. йигь, аг. йагь, рут. йыгь, цах. йыгь, буд. йыгь, крыз. йигь, арч. ихь, уд. гьи;

завтра — хин. пага, лез. пака (< ппакка), аг. багагь, рут. быга, буд. пага;

сегодня — хин. кирагь, лез., буд., крыз. кье, таб. гьн, кьн, аг. йагIа, рут. гьигьа, цах. кьина, гьина, арч. йасхьи.

Растительность, злаки, фрукты:

дерево — хин. дзыл, лез. ттар, аг. дар., буд. даьр, крыз. дар;

крапива — хин. мычI, лез. верг, таб. варджи, буд. медж, крыз. медж;

полова — хин. нук, лез. нагъв, таб. нехъ, аг. нахъв, рут., арч. нахв, цах. наьхъв, буд. нох, крыз. нохв, уд. некъ;
сноп — хин. ццал, лез. ццуьл, ччул, таб. шал, аг. шел, хьел, рут., цах. джобъл, крыз. кунджаъл;
трава — хин. инк, лез. ваькъ, таб. укл, аг. гьуькл, рут. укь, цах. окл,
ячень — хин. махъ, лез., таб., аг., буд. мух, крыз. мых, арч. маха, уд. му,
яблоко — хин. мыч, лез. ич, таб. веч. аг. хлеч, рут., цах. эч, буд., крыз. йэч, арч. анш, уд. эш,
айва — хин. джум, лез., аг. жум, таб. кумиш, кушим (<ку-миш<ку-шим), цах. шим, уд. п(у)ша.
горох (местный) — хин. клах, лез., аг. клах. крыз. клаьх, буд. аджи клах,
лук — хин. члечек, лез., крыз. члечек, аг. члечекк, буд. члечек.
морковь — хин. газар, лез., буд. газар, крыз. клазар, уд. ккэзаьр;
рожь — хин. сылг, лез. сил, таб. сурсул, аг. суьл, рут. сыкъл, цах. сыкъль, буд. сыл-сыл, крыз. силсилэ;
сено — хин. инк, лез. векъ, таб. укл, вукл, аг. гьуькл, рут. укь, цах. окл;
солома — хин. сам, лез. сам, таб. швум, аг., рут., крыз. сум, цах. сам;
колос — хин. клил, лез. кьил (къуьлуьн, мухан и т. д.).

Сооружения:

дорога — хин. клвар, лез. ряхъ, таб. раькъ, аг. раьхъ, ракъ, рут. раьхъ, цах. йаьхъ, буд. рих, крыз. рах, арч. декъ, уд. йакъ;
дом — хин. цлва, лез. клвал, таб. хал, аг. хал, рут. хал, цах. хав, буд. клул, крыз. клул, уд. клудж;
мельница — хин. зох, лез. регъв, таб. раьх, аг. раьхв, рут. рьих, цах. йоьххваь, арч. духат;
ток — хин. роцл, лез. рат, таб. рацц, аг. ратл, рут. рэт, цах. атта;
конюшня — хин. йухъа, таб. аьхъ (хив.), ахъ (куми).

Планеты

звезда — хин. пыхунцл, лез. гьед, таб. хар, хаьдж, аг. хаьд, хаьр, рут. хаьдей, цах. хаьне, арч. холошкан, уд. хьабун;
земля — хин. инччэ (сыпуч.), лез. ччил, таб. джил, аг. джил, рут. ччил, цах. члие;

луна, месяц — хин. вацI, лез. варз, таб. вадз, аг., рут., цах. ваз, буд. воз, крыз. баъз, ваъз, арч. бацI;

небо — хин. цва, лез. ццав, таб. дзав, зав, аг. зав, крыз. зов;

солнце — хин. ынкъ, лез., аг. рагъ, таб. регъ, рут. вирегъ, цах. виригъ, буд., крыз. вирагъ, арч. бархъ, уд. быгъ;

Другие имена:

имя — хин. цIу, лез. тIвар, ттвар, таб. ччвур, аг. ттур, рут. дур, цах. до, буд. тур, крыз. тыр, арч. ццор;

место — хин. джигав, лез. чка, рут., аг. джига, уд. га;

обида — хин. хъол, лез. хъел, цах. хъааль;

дно — хин. кIан, лез., таб., цах., арч. кIан, аг. кIен, рут. кьан, крыз. кьаьн;

крутка — хин. зар, лез. гвер, звар, жвар, таб. жвар, рут. рукIур (метатеза), цах. нукIар, буд. зар, уд. ччур;

крик, стон — хин. цIар, лез. цIыгъ, таб. чIигъ, крыз. цIыгъ; кончик — хин. кIи, лез. кIвенкIв, таб. кIакI, аг. кIекIв, рут. кIеъ, буд. кIекI;

ломоть — хин. чIык, лез. чIук, таб. чIукI, рут. чIык, цах., крыз. чIик;

молотьба — хин. ккизаъ (метатеза), лез. йуг;

соль — хин. кьаъ, лез., буд., крыз. кьел, таб. кьил, аг. кьаьл, рут. кьаьл, цах. кьев, уд. эл;

куриный помет — хин. кукацIы кIыч (букв.: куриный помет), буд. кIичIаьч, ср. ахт. диалект лезгинского языка ккырккычI «засохший кизяк»;

пахота — хин. цIили, лез. ццан, таб. изан, аг. йэзан, цах. эзий, буд. йизан, крыз. йизаьн, уд. эзбун.

Продукты питания и блюда:

бульон — хин. зегъ, аг. ракъ, рут. рикъ, цах. йыкъ, арч. дикъ;

жир, сало — хин. ми, маъ, лез. маъ, макъ, аг. мав, рут. маъ, цах. маъ, буд. маъ, крыз. маъ;

мясо — хин. лыкка, лез. як (<йак), таб. йикк, аг. йакI, рут. йак, буд. йэк, крыз. йаьк, арч. акъь, уд. экъ;

мед — хин. нуьцI, лез. вирт, уьрт, таб. йиччв, аг. уьт, рут. ит, цах. итв, ут, крыз. йит, арч. имцI, имцц, уд. учч;

хлеб — хин. пышаъ, лез., буд., крыз. фу, рут. хьыв, уд. шум;

пирог из съедобных трав — хин. алфар, лез., таб. афар, аг. гIферар, буд., крыз. алфар;

мука из жареного ячменя, толокно — хин. псы (<пысы<
<бы-сы), лез., аг. сав, рут. сыв, цах. су, крыз. сув;
крупа — хин. чхар, лез. члахар, таб., рут. чихер, крыз.
чIхер;
мука — хин. кIун, арч. кIун.

Прилагательные и наречия:

большой — хин. чхи, лез. чIехъи/чIихи, таб. ахъю, рут.
чIехи, цах. хаьды;

близко — хин. микъел, лез. муквал, крыз. мькъев, уд.
ттоьгъьол;

горький — хин. кьал, лез. т(уь)кьюьл, ттуькьюьл, аг.
кьюлкьунф, рут. дькьиьл, крыз. кьатIкьюлаьдж, арч. кьала;

длинный — хин. вуьхаь, лез. яргъи (йаргъи), таб. йархи,
аг. ирхеф, рут. хьляьхды, цах. хылин;

кислый — хин. мицI, лез. цуру, таб. учIру, рут.
чIырчIымды, цах. чIирчIиман, крыз. аьмзураьдж;

острый — хин. итти, лез. хици, аг. хIиьттеф;

тонкий — хин. локI, кIыр, лез. шувкIуь, аг. иклеф;

другой, чужой — хин. джурьеаьгъой, лез. ччара, таб. джа-
ра, аг. джурер;

голубой — хин. цIар, а в лез. и буд. данный корень озна-
чает только «серый»: лез. цIару, буд. цIору;

седой — хин. инхъер, лез. рехи, таб. рихи, крыз. рехидж;

сухой — хин. кьи. лез. кьюрай, таб. кьирцци (кум.), аг.
рукъуф, рут. кьюруд, уд. кьари;

темный — хин. мичлаь, лез., буд. мичIи, таб. мучIу, аг.
мучлеф, рут. мычлахтты, цах. мычлах, крыз. мичIе, арч. мачIа;

толстый — хин. бичIи, лез. яцIу (<йацIу);

тухлый — хин. лахъа, лез., таб. лахъу, рут. лахътты,
крыз. лахъаьдж;

твердый — хин. кIаьви, лез. клеви, крыз. кIаву;

холодный — хин. къи, лез. къайи;

маленький — хин. миси, лез., таб. бици, аг. бициф, буд.
микIи, уд. мицик;

полный — хин. цIи, лез. ацIай, таб. ацIнайи, аг. ацIу, рут.
ацIыд, цах. гаьцIыин (<гаь-цIыин), буд. сецIри (се-цIри),
крыз. глаьцIедж;

сладкий — хин. цин, лез. верци (лит.), верччи (куб.),
рут. итды, цах. иттун, уд. мгIучча.

Местоимения:

кто — хин. кишу, лез. вуж, таб. фуж, аг. фуш, рут. вуш,
цах. гьишуна, уд. шу;

вы — хин. зур, лез. куьн, чун, таб. ичу, аг. чун, рут. жу,
цах. шу, арч. жвен.

ты — хин. ву, лез., аг., буд. вун, таб. иву, рут., цах. ву, гъу, уд. ун., арч. аус;

я — хин. зы, лез., аг. зун, таб. изу, рут., цах. зы, буд. зын, арч. зон, уд. зу.

Числительные:

один — хин. са, лез. са, сад, таб. са-р, аг. сад, рут. са-д, цах. са-д, буд. са-д, арч. ос, уд. са;

два — хин. кӀу, лез. кьвед, таб., цах. кьоьр, аг. кьуд, рут. кьваьд, буд. кьад, арч. кьеву;

три — хин. пшва (<пышва), лез. пуд (<йиппуд), таб. шиббур, аг., рут. хьибуд, цах. хьеб, буд. шибурд, арч. лъиба-ву, уд. хиб;

четыре — хин. онгъ, лез. кьуд, таб. йакӀур, аг. йакьуд, рут. йукьуд, цах. йокьуд, буд. йукьур, арч. эбкьаву;

пять — хин. пхьу (<пы-хьу), лез. вад, таб. хьур, аг. гӀуфур, рут. хьуд, цах. хьод, буд. фуд, уд. хьо;

шесть — хин. зек, лез. ругуд, таб. йирхьур, аг. йэрхьид, рут. рыхьид, цах. йыхьид, буд. руьхьуьд, арч. дилъаву, уд. ъухъ;

двадцать — хин. къа, лез., аг., рут., цах. къад, таб. къар, буд. хъад, арч. кьейву, уд. къа.

Глаголы:

быть, становиться — хин. ккуй (гъар), лез. хьун (жез), таб. хьуз (шуз), аг. хьос, ваьс, йишин (йикис), цах. ихьес, буд. йихьар, крыз. хьийидж, уд. баксун;

вязать, ткать — хин. хъиливал, лез. хурун, хырхын, таб. урхуз, вухуз, аг. ругъас, рут. хырхаггьыын, цах. хьохас, крыз. хыридж;

зарезать, резать — хин. йукӀури, лез. тукӀун, таб. урккуз, аг. руккас, рут. гьургун, цах. гикӀас, буд. сорку, крыз. куридж;

любить, хотеть — хин. йуккуй, лез. кӀан хьун, таб. ккун хьуз, аг. кӀан хьас, рут. йигын, цах. ыкканас (йыкканас), крыз. икаьдж, арч. къанквес;

найти — хин. ункӀури, лез. жугьун, таб. быхьуз, аг. джиккес, крыз. вокьудж, арч. хус;

пахать — хин. цӀили, лез. ццун, таб. урдзуз, цах. эзас, буд. сузу, крыз. йизаьдж;

принести — хин. гӀугьад, лез. гьун, таб. хуз, аг. хас, буд. гӀугьадж, крыз. кьугьадж;

слезть — хин. чӀири, лез. эвичӀун, аг. алайчӀваьс, рут. саьсачӀун, цах. гечӀес;

сохнуть — хин. кьизи, лез. кьурун, таб. уркьуз, аг. рукъас, рут. кьуру йишин, цах. кьуру хьихьес, арч. кьурас;

умереть, убить — хин. кылыый, лез. кын, таб. йиклуз, аг. клес, рут. йиккыын, цах. хыклас, буд. сакланджи (он умер), арч. клис;

кипеть — хин. йахыри (пов. н. йэхье//йэхь), лез. ругун, таб. урхьуз, аг. руьхвас, рут. вухьун (только варить), цах. хьохьарас, буд. саргьу;

говорить — хин. чыкыри (чыкь//чыкьа), ср. в лез. чукьун (редко употребляемое диалектное слово);

гореть — хин. ккизи (< ккири), лез. ккун, таб. ургуз, аг. угас, рут. вурхьвас, цах. гехьанас (< ге-хь—ан-ас), буд. йугари, крыз. угас, арч. оккас, уд. боксун;

копать — хин. йэйгыри, лез. эгьуьн, таб. ригьуз, уьдубхьюз, рут. лаьтхьыьн, арч. йахас;

лить, налить — хин. ложири, лез. ццун, таб. удзуз, аг. узас, буд. ацурьи, крыз. глаьцынаьридж. В хиналугском лозыступает в качестве местного элемента, ср. с табасаранским улудзуз «лить сверху», гьурзуз «лить между» и др.;

наполнить — хин. йэцьыры, лез. ацурьун, таб. ацурь, аг. ацлас, рут. ацла гьас, цах. гаьцлаас, буд. серцьири, крыз. глацлаьридж, арч. ацлас;

надеть — хин. нишири, буд. кьушури, крыз. кьихьедж;

разбить, сломать — хин. зогьи, зобугь (инф. кьули, ср. цах. гьакьварас) лез. хун, аг. арглас (тп.), аьргьаьс (ус.), клатис (худ.), рут. йаха гьыын, буд. согьуджи, крыз. хвалхьийидж, уд. хаьхаьпсун;

рвать — хин. заьхыри, лез. члудгьун (ахт.), таб. члаьргьюз, аг. члургьвас, крыз. члуткуридж, уд. зыгьбесун;

пропасть — хин. дугун ккуй, таб. дургуз, лез. квахьун, аг. гулас, рут. сугас, цах. агвалес, буд. глагуьлджи, крыз. йулгунидж;

сесть — хин. гьури (на животное), ччувури (на стул), ср. цах. гьуарас «сесть вообще»;

ставить, класть — хин. чешири, лез. эццигун, таб. дивуз, диггуз, аг. ихьас, рут. лихьис, цах. гихьес;

трогать, касаться — хин. лышкири, цах. хьихьарас;

целовать — хин. пла кири, лез. плах гун;

жевать — хин. ченкьуй, лез. жакьун (ччакьун);

дать — хин. лаькьуй//таькьуй, (< лаь//таь-кь-уй), лез. гун, вугун, таб. кьуз, рут. вун, цах. гьелес, ср. прош. вр. гьуву < гьу-в-у, арч. льус;

щипнуть — хин. чипилкуй, лез. цциб гун (ахт.) и др.

Из всего издѣженного видно, что многие корневые слова в хиналугском языке сохранили свои древние черты, утра-

ченые другими языками лезгинской группы. Выявление этих древних отложений, а также интерпретация этих фактов в свете сравнительного изучения всей группы языков бесспорно показывает, что хиналугский язык — это один из языков лезгинской группы, который отошел от языка-основы несколько тысячелетий тому назад и развивался самостоятельно, вне связи с родственными языками; в данной группе языков он занимает особое место.

ГОВОР АУЛА ЧУНИ

(Кутишинская группа аварских говоров).

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АУЛЕ ЧУНИ

§ 1. По существующему в настоящее время административному делению аул Чуни относится к Левашинскому району Дагестанской АССР. В нем около ста хозяйств. В то время, как другие аулы кутишинской группы говоров составляют компактную полосу аварских населенных пунктов, непосредственно связанных между собой и другими аварскими селениями, аул Чуни находится на отшибе, в окружении даргинских населенных пунктов: Эбдал-Ая, Карлабко, Аметерк-Махи, Тебек-Махи, Верхний Убеки-Махи, Наскент,

Чуни находится также недалеко от крупного даргинского населенного пункта Уллу-Ая, в котором раз в неделю собирается крупнейший на этой территории даргинский колхозный рынок; почти все чунинцы еженедельно отправляются на этот рынок для сбыта своей сельскохозяйственной продукции, а также за покупками. Это обстоятельство приводит к тому, что постоянная речевая связь чунинцев с жителями других населенных пунктов осуществляется не на родном — аварском, а на даргинском языке.

Подобное общение наложило свою печать и на семейный быт, культуру и говор чунинцев. Внеаульные брачные связи чунинцев осуществляются в основном с представителями вокруг лежащих аулов. Любопытно то, что чунинцы чаще женятся на даргинках, чем даргинцы на аварках из Чуни. Обучение в чунинской начальной школе ведется на аварском языке. Однако у школьников и у читателей населения аула можно найти книги на обоих языках. Все эти обстоятельства привели к тому, что жители аула Чуни наряду с родным аварским, владеют и даргинским языком.

Какие именно черты даргинского языка оставили следы в речи жителей аула Чуни будет выяснено из нижеописанных наблюдений.

Некоторые данные этнографического характера, а также отдельные предания и легенды, которые нам удалось услышать, говорят о том, что жители Чуни являются выходцами из Хунзаха, бывшей столицы аварского ханства. Следовательно, можно предположить, что чунинцы были носителями хунзахского диалекта со всеми присущими ему чертами. Эту нашу мысль надо принять условно, ибо особенности хунзахского диалекта того периода нам неизвестны, а современные отличительные черты собственно хунзахского диалекта в говоре не существуют, если не говорить о преобладании в нем гласных высокого подъема (у и и) в ущерб гласным среднего подъема (о — е). Но эта черта присуща многим и другим (не только хунзахскому) аварским диалектам.

Сведения, сообщенные нами во вводной части данной статьи, имеют важное значение потому, что в этом и некоторых других говорах кутишинской группы происходили и происходят такие процессы, которые, несомненно, являются результатом влияния даргинского языка. Но это не означает, что в чунинском говоре нет лингвистических фактов, общих с другими аварскими говорами. В связи с этим следует отметить, что чунинский говор носит черты общие с некоторыми южными и северными говорами аварского языка. Возможно, что лингвистические факты, характерные для чунинского говора, прольют свет на ряд явлений других диалектов.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ГОВОРА

Фонетические процессы в системе гласных (вокализм)

§ 2. Главной характерной чертой в вокализме чунинского говора является существование в определенных позициях узких гласных вместо их широких коррелятов, паличных в литературном языке. Наиболее последовательно этот закон действует, когда речь идет о гласных в аудлауте. Говоря конкретно, речь идет о преобладании гласных у, и над о, е¹.

Соотношение гласных переднего ряда и, е

§ 3. Как известно, в аварских диалектах гласные е или и в аудлауте чаще всего выступают в составе формантов опре-

¹ Об аналогичных фактах см. И. И. Церцвадзе «Анцухский диалект аварского языка» Ибер-кавказ. языковедение Т. II. Тбилиси 1948, стр. 148; Джапаридзе З. «Некоторые фонетические особенности речи селений Манас-аул и Аркас». Ученые записки Т. 3. Махачкала. 1957, стр. 251.

деленных грамматических категорий, а именно: в конце инфинитивной формы глагола, в конце форм дательного падежа и направительных падежей всех серий, а также в конце некоторых форм повелительного наклонения и причастий.

Примеры:

Форма инфинитива

В говоре

бати́зи	находить
кье́зи	давать
бикье́зи	разделять
гья́бизи	делать
кья́пизи	бить
кквези	поймать
балагьизи	смотреть
члалгине́	скучать
виччази	отпустить
ччле́зи	стоять
кьурдизи	тащевать
хлнкьизавизи	напугать
гьяри́зи	просить
руххизи	обрадоваться
бахьизи	отнимать

В лит. языке

бати́зе
кье́зе
бикье́зе
гья́бизе
кья́бизе
кквезе
балагьизе
члалгине́
виччазе
ччле́зе
кьурдизе
хлнкьизавизе
гьяри́зе
роххизе
бахьизе

Форма дательного падежа

васасси	парню	васассе
ханасси	хану	ханассе
начаникасси	начальнику	начальникассе
йасази	девушкам	йасазе
чуязи	лошадям	чуязе
цугасси	другому	цогияссе

Форма направительных падежей всех серий

В говоре

васассухьи	к парню
нартазухьи	к нартам
ханассухьи	к хану
шагьаралди	в город
жинихьи	к себе
эссухьи	к нему

В лит. языке

васассухье
нартазухье
ханассухье
шагьаралде
жиндихье
гьессухье

Аналогичное явление наблюдается и в повелительной форме глагола (аби! «говори!» вместо абе!).

Гласный компонент формант причастий и прилагательных также является узким. Примеры:

В говоре		В лит. языке
кьулариб	не дающий	кьолареб
кьолиб	даваемый	кьолеб
кколиб	должный	кколеб
абулиб	называемый	абулеб
гьоркьоссив	средний	гьоркьоссев
абилибали	сказать (что ли)	абилебали
инив	идущий	инев
рицунил	рассказываю- щие	рицунел
баччулиб	таскающий	баччулеб
гюццебессиб	первый	гюццебессеб
клябилиб	второй	клябилеб

Звук **-и-** вместо **-е-** встречается также в инлауте.

Примеры:

В говоре		В лит. языке
кьвиркь	лягушка	кьверкь
гьичилан	сказав, что нет	гьечилан
цлехханила	спросил	цлехханила

Соотношение гласных заднего ряда о, у.

§ 4. Как известно, в аварском языке весьма часто употребляется частица =го с весьма различными значениями. С ее помощью образуются различные грамматические категории, например, деепричастие настоящего времени (**гьабулаго** «делая»), деепричастие прошедшего времени (**гьабурабго** «как только сделано»), количественные числительные (**клинго** — «два» **льябго** — «три» и т. д.), некоторые местоимения (**гьебго** — «этот же», **добго** — «тот же»), некоторые наречия (**кинго** — «никак») и другие.

В одних аварских говорах эта частица содержит =о (=го) в других — у(гу). Ввиду частого употребления этой частицы ее гласный компонент усиливает впечатление оканья или укания говора. В исследуемом нами говоре эта частица огласована через у. Приведем примеры:

Формы деепричастий настоящего и прошедшего времени

В говоре		В лит. языке
кьечлугу	не дав	кьечлого
клевчлугу	не мог	клевчлого

вахъинчлугу	не встав	вахъинчлого
течлугу	не оставив	течлого
чламичлугу	не жуя	чламичлого
инагу	идя	инаго
гъабурабгу	как только сделал	гъабурабго
гъабулагу	делая	гъабулаго

Числительные

В говоре

клигу	два
хъабгу	три
ункъу	четыре
шшугу	пять

В лит. языке.

клиго
лъабго
ункъго
шшуго

Местоимения

В говоре

гъебгу	этот же
добгу	тот же

В лит. языке.

гъебго
добго

Наречия

В говоре

цлакъгу	очень
жакъагу	сегодня же
башадгу	поровну

В лит. языке.

цлакъго
жакъаго
башадго

Гласные **о** или **у** являются также составной частью частиц **=ро(=ру)** и **=чло(=члу)**; **=ро(=ру)** — показатель отрицательной формы глагола и деепричастия настоящего времени, а **=чло(=члу)** — показатель отрицательной формы глагола прошедшего времени, а также отрицательной формы деепричастий настоящего времени.

Отрицательная форма глагола настоящего времени

В говоре

гъабулару	не делаю
босулару	не беру
абулару	не говорю
къотлулару	не режу

В лит. языке.

гъабуларо
босуларо
абуларо
къотлуларо

Отрицательная форма глагола прошедшего времени

В говоре		В лит. языке.
гьечлү	нет	гьечло
бихьичлү	не видел	бихьичло
гьабичлү	не сделал	гьабичло

В исходных формах некоторых имен существительных также имеем **у** вместо литературного **о** в безударном ауслауте.

В говоре		В лит. языке
росу	аул	росо
гланкү	кураца	гланкло
гьеду	ворона	гьедо

В говоре вместо литературного **о** иногда выступает **у** также и в инслауте:

В говоре		В лит. языке
тлүбан	исполнив	тлүбан
цуцада	друг с другом	цоцада
цугав	еще	цогияв
бусен	постель	бусен
мух-мух	курдюк	мох-мох
жубази	смешивать	жобазе

Наблюдаются, хотя и очень редко, и обратные явления, когда в говоре вместо литературного **у** выступает **о**: **гьодол** вместо **гьудул** — «друг».

§ 5. Одной из наиболее характерных особенностей чунинского гьовора является замена дифтонгов монофтонгами. Это явление обычно наблюдается в субстантивах, когда они в дательном падеже, особенно в местоимениях.

Местоимения

В говоре		В лит. языке
де	мне	дийе
э	она	гьей
гьехьхь	ей	гьельгьийе
жини	себе	жиндийе
гьези	им	гьезийе
нуже	вам	нужейе

Звуковой облик меняют в результате этого вопросительные и возвратные местоимения.

В литературном языке **шшив?** — «кто?», **жив** «сам», а в чунинском говоре **шшу?**, **жу** (=ив>=у); в литературном языке **шший?** — «кто?» (о женщине), **жий** — «сама», в говоре будет **шши**, **жи** (=ий->и).

Фонетические процессы в системе согласных (консонантизм)

§ 6. Наиболее ярко бросающейся в глаза, особой характерной чертой консонантизма чунинского говора является отсутствие в ряде случаев латеральных спирантов как твердого (иначе геминированного или долгого **лъ**), так и мягкого (иначе негеминированного или краткого **ль**).

В говоре вместо них выступают соответственно заднеязычные: твердый **хьхь** и мягкий **хь**.

Замена латерального **лъ** заднеязычным **хь** наблюдается как в анлауте, так и в инлауте и ауслауте.

Примеры имен существительных с заменой в анлауте:

В говоре		В лит. языке
хьалкI	след	лъаркI
хьимер	дитя	лъимер
хьен	вилы	лъен
хьай	знание	лъай
хьарагIав	кумык	лъарагIав

Глаголы:

В говоре		В лит. языке
хьалхъизи	отдыхать	лъалхъизе
хьазабунила	объявил	лъазабунила
хьези	класть	лъезе
хьази	знать	лъазе
хьала	знаю	лъала
хьаларугу	не зная	лъаларого

Прилагательные, числительные, местоимения.

В говоре		В лит. языке
хьебергу	тридцать	лъеберго
хьабгу	три	лъабго
хьабабиллсс	третий (эрг)	лъабабиллсс
хьяяб	хороший	лъьяяб
гьахьяб	тот (наверху)	гьяльаб

Примеры замен в инлауте:

Глаголы

В говоре		В лит. языке
кIахъази	разговаривать	кIалъазе
хъихъизи	жать	лъилъизе
разихъанила	согласились	разилъанила
йатIахъанила	разделились	йатIалъанила

Имена существительные

В говоре		В лит. языке
кухъун	тряпка	кулъун
бухъун	свинья	болъон
бухъу	лестница	болъо

Примеры, в которых хъ выступает вместо лъ в ауслауте: **нихъ** — «серп» вместо **нилъ**, **бахъ** — «часть пашни» вместо **балъ** и др.

§ 7. Замена долгого латерального спиранта лълъ долгим заднеязычным спирантом хъхъ наблюдается в анлауте и ауслауте.

Примеры с заменой в анлауте

В говоре		В лит. языке
хъхъикI	хорошо	лълъикI
хъхъин	вода	лълъим
хъхъетIи	за водой	лълъетIи
хъхицца (эрг)	кто	лълъицца
хъхъил	чей	лълъил

Как известно, в так называемом живом склонении аварских субстантивов II и III грамматических классов в качестве компонента формантов косвенных падежей выступает латеральный геминат лълъ (**ясалълъ** — «девушкой», **ясалълъул** — «девушки», **ясалълъе** — «девушке»). **Чуялълъ** — «лошадью», **чуялълъул** — «лошади» (род. п.), **чуялълъе** — «лошади» (дат. и др.). Это очень часто употребляемые формы живой речи. Поэтому замена таких литературных формантов, как **-алълъ**, **-алълъул**, **-алълъе** и других в чунинском говоре формантами **-ахъхъ**, **-ахъхъул**, **ахъхъе** усугубляет частоту употребления хъхъ вместо лълъ. Приведем примеры:

В говоре		В лит. языке
йасахъхъ (эрг.)	девушка	йасалълъ
йасахъхъи (дат.)	девушке	йасалълъе

йасахьхьухи (н2)	к девушке	йасальльухье
эбеллахьхь (эрг)	мать	эбелалль
ч1ч1ужуяхьхьухи (дат.)	к жене	ч1ч1ужуальльухье
ч1ч1ужуяхьхь (эрг)	жена	ч1ч1ужуяльль
бокьахьхьул (род.)	хлева	бокьяльльул
гьехьхьул (род)	ее	гьельльул
искаладахьхьи (дат)	складу	искалаладалльье
глаябахьхьул (род)	вины	глайибалльул
мажгитахьхьуб (м. 5)	в мечеть	мажгиталльуб
калхозахьхьул (род)	колхоза	калхозалльул
рушбатахьхь (эрг)	взятка	рушбаталль
цояхьхь (эрг)	одна	цояльль
гьехьхьи (дат)	ей	гьельльие

Но любопытно, что если **льль** не подвергся превращению в **хьхь** в конце эргативного падежа, то он выпадает вовсе.

Это свидетельствует о том, что в чунинской речи **льль** никак не удерживается.

В говоре

буцули меха	время, когда месили
ара меха	ушедшее время
цо заманая	одно время
сона	год
сордоя	ночь
кьоя	день
замана	время
глахьуш мац1ца	акушин. яз.

В лит. языке

буцулеб мехалль
араб мехалль
цо заманаяльль
сональль
сордояльль
кьояльль
заманалль
глахьуш мац1цал1ль.

Выпадение **льль** в конце слова **мехалль** при словосочетаниях **гье меха** (лит. **гьеб мехалль**) — «тогда» также наблюдается в хунзахском диалекте (отмечено М. С. Саидовым).

§ 8. После сказанного выше может получиться впечатление, что твердого (геминированного) **льль** в говоре нет совсем. На самом же деле он есть, но любопытно, что он выступает только вместо глухой латеральной аффрикаты **л1**, которой вовсе нет в говоре. Как видно, первичный **льль** в речи аула Чуни переходит в **хьхь**, а вторичный **льль**, полученный от аффрикаты **л1** путем ее спирантизации, такого изменения (**льль** > **хьхь**) не претерпевает. Это обстоятельство, по-видимому, указывает на то, что переход латерального спиранта **льль** в заднеязычный спирант **хьхь** предшествовал процессу спирантизации аффрикаты **л1** (**л1** > **льль**).

Итак исходные **л1** и **льль** в речи аула Чуни дают разные рефлексy. Это представляет определенный интерес для истории латеральных звуков в аварском языке.

Примеры:

В говоре		В лит. языке
лълъгъанила	начал	лъгъанила
лълъгутун	убежав	лъгутун
лълъгъун	начав	лъгъун
вилълъанила	отправился	виланила и т.

Краткие абруптивные аффрикаты ц|, ч|.

§ 9. В говоре вместо кратких абруптивных аффрикат ц|, ч| выступают долгие абруптивные аффрикаты ц|ц|, ч|ч|.

В говоре		В лит. языке
ц ц ул	дрова	ц ул
ц ц улакьу	орех	ц улакьо
ц ц акъаб	очень	ц акъаб
ц ц а	огонь	ц а
ц ц ину	пуповина	ц ину
ц ц адари	топливо	ц адари
ч ч ах	сорная трава	ч ах
ч ч ик улдан	свекла	ч ак улдан
ч ч абат	сера	ч абат

§ 10. Однако надо сказать, что эти соответствия до конца не выдерживаются; есть ряд случаев, где ц| и ч| сохраняются так же, как в литературном языке.

Примеры:

В говоре		В лит. языке
ц ези	наполнить	ц езе
ц ияб	новый	ц ияб
ц унизи	беречь	ц унизе
ч амизи	жевать	ч амизе
ч вази	убивать	ч вазе
ч ор	стрела	ч ор.

Не трудно заметить, что ц| и ч| сохраняются большей частью в глагольных формах, в других они, как видим, произносятся напряженно.

§ 11. Для литературного языка характерна спирантизация аффрикаты дж > ж. Можно предположить, что дж является исконным звуком аварского языка, аффриката еще сохраняется во многих его говорах. Например: как отмечает М. С. Саидов, аффриката дж налична и в унцукульском го-

воре хунзахского диалекта². Она там выступает вместо ж, существующего в литературном языке.

Большую частью аффриката **дж** встречается в говорах южного наречия аварского языка. Об этом в своей монографии «Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов» Ш. И. Микаилов пишет следующее: «**дж** встречается в основном в заимствованных из арабского и тюркского языков словах в закатальском диалекте, в риссибском говоре карахского диалекта в кахибском диалекте и салтинском говоре андалальского диалекта (только в сел. Салта), например: **джуджахI** — «ад», **джингъар** — «бубен», **джахIта** — «вражда», **джинджра** — «клоп» вместо **жужахI**, **жергъен**, **жахIта**, **жинжра** и др»³.

Чунинский говор также относится к тем, в которых налична аффриката **дж**. Причем, она имеется как в заимствованных, так и в некоторых исконно аварских словах, например:

В говоре		В лит. языке
джаваб	ответ	жаваб
Джабраил	собств. имя	Жабраил
ханджу	мука	ханжу
гъанджи	теперь	гъанжи
гваджи	сука	гважи

Спирант **ж** в исконно аварских словах, в основном сохраняется и в говоре:

В говоре		В лит. языке
жа	виноградный сок	жа
жиб	сам	жиб
жобазы	смешивать	жобазе

§ 12. В форманте местных падежей первой серии выступает **тI** вместо литературного **д**.

В говоре		В лит. языке
варанитIа	на верблюда	варанида
дутIа	на тебя	дуда
базаралтIа	на базар	базаралда
бихьинатIа	на мужчине	бихьинада
бусатIа	на постели	бусада

² М. С. Саидов. Хунзахский диалект северного наречия. Рук. фонд Института ИЯЛ, № 1950, стр. 9, 71.

³ Ш. И. Микаилов. Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов. Махачкала, 1958, стр.

жалазтIасса	из вещей	жалаздасса
tIotIotIa	на троне	тахида
тахитIa	на мухе	tIotIoda
бертIa	на глазе	берда
ДжунгуталтIa	в Дженгутае	Жунгуталда
tIuxtIe	на крышу	tIoxde
шшумеритIa	на карнизе	шумерида
васасстIи	на парня	васассде
макьитIи	на сие	макьиде
дутIи	на тебе	дуде
ваццатIи	к братьям	ваццаде

§ 13. Там, где в литературном языке мы имеем сонорный звук л, в говоре иногда выступает вибрант р.

В говоре		В лит. языке
кириш	палец	килиш
чихьхьир	ноша	чихьхьил (в Чохе)

Наблюдаются и обратные явления, когда в говоре вместо вибранта р выступает сонорный л.

В говоре		В лит. языке
хьалкI	след	лъаркI

В отдельных случаях происходит наращение вибранта р.

В говоре		В лит. языке
чIурхь	обыск	чIухь
къандархью	воробей	къандальо

§ 14. В говоре наблюдается лабиализация отдельных согласных.

В говоре		В лит. языке
гIанквлал	куры	гIанкIаби
цIцIвер	лед	цIцIер

§ 15. В говоре в редких случаях происходит озвончение глухих смычных литературного языка, например, вместо пурчIун — «косточка», тIуманкI — «ружье» произносят бурчIун, тубанг.

§ 16. В сочетании двух слов, когда в конце первого и в начале второго слова выступают губные, что характерно и хунзахскому диалекту, происходит выпадение одного из них. Обычно эти звуки являются классными показателями.

В говоре

хвара меха
вуги заманалда

гье масъала
ккара меха

цоя бохх
мисскина вассги
пулана вас

рокъо йачини
гъавули вукланила

толи бакI

гье йас
йачини йикланила
гьитина ваццасс

(эрг)

аскIу йигун

вуги заманалда

ворчIара меха

кIуда ваццасс

кварана бертIа

кутака макъу
баллая пурмаги

цIцIалара меха

кIуда ваццасс

умершее время
б-жв. в сущес
время

эта задача
случившееся
время

одна нога
бедный брат
такой-то па-
рень

домой привести
делающий был
говорят

оставляемое
место

эта девушка
шедшая была

младший брат
рядом находясь

имеющееся
время

проснувшееся
время
старший брат
(эрг.)

на правый
глаз

сильный сон
и разная фор-
ма

читавшее вре-
мя

старший брат
(эрг)

В лит. языке

хвараб мехалъль
вугеб заманалда

гьеб масъала
ккараб мехалъль

цояб бохх
мисскинав вассги
пуланав вас

рокъой йачини
гъавулев вукланила

толеб бак

гьей йас
йачиней йикланила
гьитинав ваццасс

аскIой ийгун

вугеб заманалда

ворчIараб мехалъль

кIудияв ваццасс

кваранаб берда

кутакаб макъо

батIаяб пурмаги
цIцIалараб мехалъль

кIудава ваццасс

§ 17. Однако наблюдаются случаи выпадения согласных звуков с конца слов при стечении и неоднородных звуков, например:

В говоре

ххутIара квербацIу-
тIаги

хвара къоялълъу
цIцIорора хасуладул

оставшееся на
полотенце
умерший день
холодной зимы

В лит. языке

ххутараб квербацI-
цIудаги

хвараб къоялълъго
цIцIорораб хасуладул

Прогрессивно-регрессивная ассимиляция согласных

§ 18. В говоре комплекс **нб** произносится, как твердый (гемипированный) **мм**. Это происходит от того, что составные части комплекса взаимно влияют друг на друга.

В говоре		В лит. языке
букл ^н ум мугу	находился	букл ^н ун буго
бицум мугу	рассказывал	бицун буго
бикъум мугу	украл	бикъун буго

Назальный согласный **н** частично ассимилирует **б** и превращает его в **м**. В свою очередь **б** тоже частично ассимилирует **н**, превращая его в губо-губное **м**. Происходит взаимная ассимиляция.

Здесь же отметим, что деепричастие прошедшего времени в чунинском говоре оканчивается на **н**, а не на **м**.

Например, — **бицун, бикъун, гъабун** и т. д.

Комплекс **нб** переходит в **мм** не только в формах деепричастий, но и в других случаях.

Например, **рокл^нклем мугу** — **рокл^нклен буго** «иголка есть».

Наблюдаются и другие случаи ассимиляции. Например, вместо литературного **босизе** — «братъ» в говоре имеем **босси**.

Здесь произошла редукция гласного **и**, а также прогрессивная ассимиляция.

(**босизе** > **босизи** > **босзи** > **босси**).

Как нам кажется, в живой речи форму **боссе** употребляют чаще, чем **босизе** и не только чунинцы.

§ 19. В говоре в результате редукции гласного согласные компоненты основы и окончания условного наклонения глаголов сливаются и получается усиленный **нн**: примеры:

В говоре		В лит. языке
банни	если добавил	банани
цлцлаланни	если читал	цлцлаланани
гъабунни	если сделает	гъабунани
клванни	если смог	клванани
ккунни	если держал	ккунани

Фонетический состав чунинского говора

§ 20. Все вышесказанное дает нам возможность сделать соответствующие выводы о звуковом составе говора.

Система гласных состоит из тех же звуков — **е, и, а, о, у**, которые имеются в литературном языке.

В системе согласных в сравнении с литературным языком нет краткого латерального спиранта **лъ**, который в говоре заменяется кратким заднеязычным спирантом **хь** (см. § 6).

Нет также латеральной аффрикаты **лп**, которой соответствует твердый спирант **лъль**. Но **лъль**, который имеет место в литературном языке, отсутствует в говоре, вместо него выступает твердый заднеязычный спирант **хьхь**.

В говоре существует переднеязычная звонкая шипящая аффрикага **дж**, которая бытует вместо литературного **ж**, но в ряде слов говора **ж** сохраняется (см. § 11).

Морфологические особенности

§ 21. Особенности, которые мы наблюдаем в морфологии, обусловлены фонетическими процессами.

Нет почти ни одного морфологического отличия, которое бы не зависело от фонетики. Это видно будет из нижеследующих фактов.

Выпадение гласного в ауслaute привело к слиянию двух падежных форм в одну, как-то: функцию направительного падежа в говоре выполняет форма местного падежа пятой серии:

В говоре

В лит. языке

хурив	в поле	хуриве
бокьой	в конюшню	бокьойе
рокьов	домой	рокьове
рокьой	домой (II кл.)	рокьойе

§ 22. В говоре, при склонении отдельных имен, основа остается неизменной, тогда как в литературном языке она изменяется:

В говоре

В лит. языке

им. чу	лошадь	чу
эрг. чуца	лошадь	чоцца
дат. чуди	лошади	чоде или чое.

Этот факт, на наш взгляд можно бы расценивать как явление морфологическое, ибо он обнаруживается при склонении имен, но вероятнее всего у сохраняется потому, что говор склонен к уканию.

§ 23. Дательный падеж, имеет формант **и**, тогда как в литературном языке =**е**. И здесь фонетический процесс привел к изменению грамматических форм (см. § 4).
Примеры:

чуди	лошади	чуде
гадамази	людям	гадамазе
росубази	аулам	рособазе

§ 24. В местных падежах первой серии имеем формант =tla в литературном. = да; (результат фонетического процесса, см. § 12).

В говоре

В лит. языке :

чутla	на лошади	чода
чутli	на лошадь	чоде
чутlасса	с лошади	чодасса
чутlассан	через лошадь	чодассан

§ 25. Наблюдаются изменения в результате фонетических процессов и в системе склонения местоимений.

Например, показателем дательного падежа личных местоимений служит =е вместо литературного =ийе: де — «мне» вместо дийе (=ийе > -е); дассе — «ему» вместо доссийе. Вместо дуйе в говоре будет дой (=уйе > -ой).

§ 26. Вследствие замены латерального спиранта лъль заднеязычным спирантом хъхъ изменился почти весь облик парадигмы склонения местоимения.

Возникновение новых форм в результате звуковых изменений произошло и не только из-за соответствия лъль, хъхъ. Это не трудно заметить, просмотрев гласные на исходе формантов.

Для наглядности приведем парадигму.

	I кл.	II и III кл.	мн. ч.
Им.	дав	дай	дал
Эрг.	дасс	дахъхъ	даз
Род.	дассул	дахъхъул	дазул
Дат.	дасси(е)	дахъхъе	дазе
	I кл.	II и III кл.	мн. ч.
Им.	хъав	хъай, хъаб	хъал
Эрг.	хъасс	хъахъхъ	хъаз
Род.	хъассул	хъахъхъул	хъазул
Дат.	хъасси	хъахъхъе	хъазе
	I кл.	II и III кл.	мн. ч.
Им.	гъагъав	гъагъай	гъагъал
Эрг.	гъагъасс	гъагъахъхъ	гъагъаз
Род.	гъагъассул	гъагъахъхъул	гъагъазул
Дат.	гъагъасси	гъагъахъхъи	гъагъази

§ 27. Приведем парадигму склонения вопросительных местоимений:

	В говоре	В лит. языке.
Им.	шшу	шшиь
Эрг.	хъхъицца	лъльицца
Род.	хъхъил	лъльил
Дат.	хъхъе	лъльие

У вопросительных местоимений в результате звуковых превращений изменен облик корня, а в именительном падеже утрачен классный показатель (**шшив** > **шшу** — первый грамматический класс; **шший** > **шши** — второй грамматический класс).

То же самое (утрата I и II классного показателя) произошло и в именительном падеже возвратного местоимения (**жив** — «сам» — **жу** — первый грамматический класс; **жий** — «сама» — **жи** второй грамматический класс).

§ 28. В родительном и дательном падежах вместо литературных форм **жин-дир**, **жиндие** выступают **жинил**, **жене** (опять-таки результат звуковых изменений).

Приведем парадигму склонения возвратного местоимения **жиб** — «сам»:

Им.	жу	жи	жиб	жал
Эрг.	жинцца	жинцца	жинцца	жудецца
Род.	жинил	жинил	жинил	жудер
Дат.	жене	жене	жене	жуде

Лексика

§ 29. Даргинский язык оказал влияние не только на фонетику и морфологию чунинского говора, но и на лексику. В говоре очень много заимствованных даргинских слов.

В разговорной речи чунинцев сплошь и рядом встречаются заимствования:

В даргин.	В говоре	В лит. языке	
къянари	хъунари	глереті	кувшин
тлашкъяна	тлашкъана		распорядитель
къачлабахI	къвачлабахъ	чагъана	скрипка
шавхъа	шавхъа	сургу	рубанок
буркъунза	буркъунза	сухIбат	вечеринка
къапIа	къапIа	тIагъур	шапка
къаркъала	къаркъала	черх	тело
сулкъа	сулхъа	гурга	лепешка

§ 30. Интересные изменения претерпевают заимствованные даргинские глаголы: к основе этих глаголов присоединяются окончания аварских глагольных форм с соответствующим значениями. Например:

В даргин.	В говоре	В лит. языке	
валкъаес	валкъайизи	хIадурлъизе	готовиться
гъаргбарес	гъаргабизи	рагъизе	открывать
ахтардибарес	ахтардизи	цIехезе	спросить

§ 31. В говоре очень много и таких слов, которые, в свою очередь, заимствованы даргинским языком из кумыкского языка, а чунинцы эти слова заимствовали у даргинцев, например:

В даргин.	В говоре	В лит. языке	
гъум	гъум	сали	песок
гъар	гъар	шшибаб	каждый
зад	зат	жо, шшиб	состояние
къаркъала	къаркъала	черх	тело.

§ 32. В говоре имеются и такие слова, которые не заимствованы из даргинского языка, но корни их отличаются от слов с таким же значением литературного языка, например:

В говоре		В лит. языке
гъагъу	суп	чурпа
кълукъи	ячмень (болезнь)	пурчина
чагъана	гармонь	аргъан
къвали ⁴	картофель	кълартушка
журази	бороться	гугаризе
кълулай	щенок	тарашш

Выводы

§ 33. После проделанного анализа фонетики, морфологии и лексики чунинского говора перед нами встает вопрос: к какому именно наречию аварского языка надлежит причислить данный говор?

При анализе фонетических процессов мы обнаружили значительное отличие их от процессов литературного языка. При сравнении их с данными южного и северного наречий оказывается, что преобладающее большинство фонетических явлений такое же, какое встречается в северном наречии. Фонетическими элементами южных диалектов оказываются следующие:

1) Замена краткого латерального спиранта **лъ** кратким заднеязычным спирантом **хъ** и замена долгого латерального спиранта **лълъ** долгим заднеязычным **хъхъ** характерна для закатальского (чарского) диалекта южного наречия⁵.

⁴ В литературном языке **къвали** один из видов дикого корнеплода.

⁵ Об изменении латеральных согласных см. А. С. Чикобава. Отчет о работе над чарским диалектом аварского языка в Закатальском районе Азерб. ССР (1—14.VIII.1938). Известия ИЯИМК, т. 4, вып. 3. Тбилиси, 1939; См. также А. И. Махмудов. Закатальский диалект аварского языка. Рукоп. фонд Ин-та ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, д. № 56, стр. 22.

2) Замена дифтонгов монофтонгами (ик—е; ийе—и) также характерна для диалектов южного наречия.

3) Выпадение одного из двух однородных звуков на стыке слов — черта северного наречия, но оно распространено и в южных диалектах, так что это явление носит как бы всеобщий характер.

Следует напомнить о том, что кроме фонетических отличий между северным и южным наречиями есть резкие отличия и морфологического порядка. Если в чунинском говоре смешались фонетические черты южного и северного наречий, то все морфологические особенности в нем являются северными.

Назовем наиболее часто употребляемые из них: в северном наречии форма долженствовательного наклонения имеет окончание **-изи (-изе)**, в чунинском говоре мы имеем то же окончание, в то время как в южных диалектах бытуют **-зи, -ди (-де), -ле**. Настоящее время глагола в южном наречии имеет окончание **-на (гыбина, гьабина)**, а в северном **-ла (гьабула)**; такое же окончание имеется в чунинском говоре и т. д. Иначе говоря, вся парадигма спряжения исследуемого говора совпадает с таковой северного наречия.

То же самое наблюдается и в системе склонения чунинского говора: вся она сходна с системой склонения северного наречия, тогда как в южном наречии имеются значительные отличия.

Такое положение дает нам полное основание отнести чунинский говор к северному наречию.

Однако говор несет на себе некоторые черты и переходности, но они носят сугубо условный характер, ибо южные черты, которые обнаруживаются там, не есть продолжение фонетических особенностей близлежащих южных диалектов, а есть результат влияния соседнего даргинского языка, который вытеснил латеральные чунинского говора, что проливает некоторый свет на факт отсутствия латеральных звуков в закатальском (чарском) диалекте. Иначе говоря, можно предположить, что из закатальского диалекта латеральные исчезли в результате влияния азербайджанского языка, в непосредственном окружении которого находится закатальский диалект.

Таким образом, чунинский говор, сходный особыми чертами с системой говоров кутишинской группы, вместе с нею относится к северному наречию. Однако надо отметить, что этот говор, хотя и причисляется к северному (литературному) наречию, по своим фонетическим чертам от литературного языка отличается резко.

Тексты записаны со слов гражданина сел. Чуни Левашинского района Рамазанова Магомеда, 34 лет, образование неполное среднее.

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ ЧУНИНСКОГО ГОВОРА

Архиласси хъат-хъат

1. Чуниб росулъль вукланила цо Архилав абулив клудияв чи. 2. Гъев вукланила калхозахъхъул искаладахъхъи хъараулхъун. 3. Гъев жинилъу хъараулхъиялда вуги заманалда гъесда макъилъль рихъулаанила батИи-батИиял жал.

4. Цо сордоя Архилъав къижун ккара меха ццебегу адин гъесста макъилъль щцере цо батIа-батIаял гIаламатал щцере тIамун ругу. 5. Макъидасса ворчIара меха жинда макъилъль щцере тIамурал жалазтIасса хIинкъара чиясс къулгъуалхIам щцIализи лълъугъун вугу ва рокъов ун жинилгу чIчIужу Залиххада гъеб жинил лълъугъа-бахъин бицум вугу.

6. Гъе меха Залиххацца Архилассда абун бугу. 7. ДутIи рачIарал шайтIаби ратилилан. 8. Архилав нахъ вуссун жинилгу хъараулхъи гъабизи ун вугу.

9. Гъессул чIчIужу Залихха рокъой ххутIун йигу.

10. Нахъияб къоя Залиххацца жинилгу росс. Архилассул лълъугъа-бахъин мадугъал Бузларида бицун бугу.

11. Залиххаццаги, Бузлариццаги ургъун бугу. 12. Гъеб сордоя батIияб пурмаги ретIун Архилав хIинкъизавизы ини. 13. Залиххаццаги Бузлариццаги балагъун бугу батIая нурма ва рекарал шшугIдул. 14. Гъел шшугIдузул маххалги гъарун габуни ран жинилгу хъараулхъуда вугив Архилассухъи ун ругу. 15. Архилассда щцереги чIчIун цояхъхъ хъат къапIун цояй Архиласси хъат-хъатан абун къурдизи лълъугъун ругу. 16. Гъе меха Архилав ворчIун вугу ва гъезул гъаракъ рагIарав чи виххун ххутIун вугу. 17. Архилав къулгъу — алхIан щцIализи лълъугъун вугу. 18. Архиласс къулгъу-алхIан щцIалара меха Залихаги Бузларги рокъор ун ругу. 19. Цудагъаб замана бараб меха Архиваги рокъов ун вугу ва чIчIужуялда жинил ккараб жо бицун бугу.

20. Валлагъ къасси дун цIакъ хIинкъизи гъавунила. 21. КIигу шайтIан бачIун. — Архиласси хъат-хъат абун дида щцере къурдизи кIанцIанила. 22. Гъе меха дицца къулгъу — алхIан щцIалара мехалълъутун анилан. 23. Залиххацца Архилассда бицун гъечIу жал эссухъи ун рукIин.

24. Архилав гъеб сордоя тIуркIарав чи унтун вугу ва тIокIав тIади вахъинчIугу гъеб унтудассан хун вугу.

Фонетический и грамматический анализ слов, отобранных из текста «Архиласси хъат-хъат»

1. **искаладахъхь** (искаладахъхь) — складу; суц, знг, дат п; **лъль** > **хъхь**; -и < -е.
2. **хъараулхъун** (хъараулхъун) — сторожем став; **лъ** > **хь**.
3. **вуги заманалда** (вугев заманалда) — имеющееся на времени; произошло выпадение показателя класса -в.
5. **ворчлара меха** (ворчлараб мехалхъль) — проснувшееся время; выпал кл. показатель определения и показатель эрг. с конца определяемого.
5. **лъльгъгун** (лъльгъгун) — начав; дпч пр; **л** > **лъль**.
6. **гъе меха** (гъеб мехалхъль) — в это время; (см. **ворчлара меха**).
6. **жалазтласса** (жалаздасса) — из вещей; суц, пл; эл 1; -тл- > -д-.
7. **дугли** (дуде) — на тебе; мст 2 л; знг, алл 1; **тл** > =де.
14. **хъараулхъуда** (хъараулхъуда) — охрана на; **л**; **лъ** > **хь**.
22. **лъльгутун** (лъльгутун) — убежав; дпч пр; **л** > **лъль**.
24. **унтудассан** (унтудассан) — через болезнь; суц, знг; трансл. 1.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД ТЕКСТА «АРХИЛАССИ ХЪАТ-ХЪАТ»

Архилаву хъат-хъат¹

1. В ауле Чуни был старый человек, которого звали Архилав. 2. Он был сторожем колхозного склада. 3. Во время схраны он спал и видел разные сны. 4. Однажды вечером, когда Архилав спал, ему приснились разные кошмары. 5. Проснувшись, он очень испугался, начал читать молитву— алхам — и, придя домой, рассказал все своей жене. 6. В это время Залиха Архилаву сказала: 7. — К тебе, наверно, приходят черти.

8. Архилав опять вернулся назад, к месту своей охраны. 9. Его жена Залиха осталась дома. 10. На следующий день Залиха этот случай, происшедший с ее мужем Архилавом, рассказала соседке Бузлар. 11. Залиха и Бузлар подумали. 12. Они решили вечером переодеться и напугать его. 13. Залиха и Бузлар разыскали различную одежду и разбитые черепки. 14. Сделав бусы из этих черепков, и надев их на шею, они отправились к месту нахождения Архилава. 15. Одна, став перед Архилавом, другая, приговаривая «хъат-хъат», начали танцевать. 16. В это время Архилав проснулся, услышал их голоса и остолбенел. 17. Архилав начал читать молитву —

¹ Звукоподражание для выражения хлопанья в ладони.

алхам. 18. Когда Архилав начал читать молитвы, Залиха и Бузлар ушли домой. 19. Через некоторое время вернулся домой и Архилав, дома он рассказал все своей жене:

20. — Ей-богу, я вечером очень испугался. 21. Пришли два чёрта и, приговаривая Архилаву «хъат-хъат», танцевали передо мной и кричали. 22. Когда я начал читать молитвы, они убежали. 23. Залиха не рассказала Архилаву, что это были они. 24. Архилав в этот вечер заболел, слёг и, больше не поднявшись, умер.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Чунисса Гисагур

1. Вукланила, вукланила Чуни росултълъ цо Гисагуран абулив херав чи ва гьессул члчужу Патлинаги.
2. Гисагур хурив хьвадулаанила.
3. Патлинацца рокъоб хлалти гьабуланила.
4. Букланила ридалил бухлараб, боркъараб къо.
5. Гисагур бакъиглан хуривги вуклун рокъо вакъун ва ссукан къечон шшун вукланила. 6. Патлинацца кванази богъл хинклалги цадахъ ххузи ридиги тун букланила.
7. Рокъов жанив лълъугъаравгу Гисагурицца кванази жоталаб гьабунила Гисагурицца Патлинадиххун абунила: — Де кванази жо къе хламаян.
8. Патлинацца Гисагури кванази босун бачланила богъл хинклалги гъорлълъа нах ва нису бахъараб ридиги.
9. Гисагурицца ххапа-шапун богъл хинклалги рехханила цониги течлугу, хадуб Патлинацца къураб риди цо гортоссурклинбги тлун гортоссуркла тлхтле босун анила, хадуь хъирхъадили Патлинаги ххутланила.
10. Тлхтлеги вахун Гисагурицца кодоб гортоссурклагун халкъалтиххунги балагъун ахлун абунила:
11. Леее, глдамал, йасал! васал! ва херал, бахларал де диргу Патлинацца къуна гьаб риди.
12. Ва, Патлина!
13. Дун цлакъ къочонги вугу, дур гьалдасса тлоклаб бахъизи шшибниги жо ххутларабишали бици, дун гьаб риди гьекъезихъини вугин.
14. Патлинатласса хинкларав Гисагур хьабгу къоя рокъов вачини клвечлугу мадугъалихъа Шапицца вачун вачланила маслигатги гьабун.

Фонетический и грамматический анализ текста «Чунисса Гисагур» («Исагур из Чуни»)

2. хурив (хуриве) — в поле; суц, знг, алл 5. Вместо формы направительного падежа употреблена форма местного.
7. де (дие) — мне; мст I л, знг; дат. п; Произошло сжатие форманта: -ие > е.
9. течлугу (течлого) — не оставив; дпр н; -угу > -ого.
9. тлхтле (тлохде) — на крышу; суц, знг, алл I; о > у; -tle > -де.
9. гортоссурклинбги — деревянная чашка; лок 5 + ги;

10. халкълалтиххунги (халкълалдеххунги) — к народу; алт I + ххун + ги; -те : -де.

11. Папи — собств. имя; в нем наличен абруптив пI.

РУССКИЙ ПОДСТРОЧНЫЙ ПЕРЕВОД ЧУНИНСКОГО ТЕКСТА («ЧУНИССА ГИСАГУР») «ИСАГУР ИЗ ЧУНИ»

1. Жили в Чуни один старый человек, которого звали Исагур, и его жена Пати́на. 2. Исагур всегда уходил в поле. 3. Пати́на занималась домашней работой.

4. Был жаркий летний день. 5. Исагур, пробыв в поле целый день до захода солнца, домой вернулся голодный и усталый. 6. Пати́на приготовила ему ячменный хинкал и сыворотку. 7. Придя домой, он потребовал у Пати́ны кушать, сказав ей: «Дай мне поесть чего-нибудь».

8. Пати́на принесла Исагуру покушать ячменные галушки и сыворотку. 9. Исагур схватил, говорят, ячменные галушки и выбросил все, не оставив ни одной, затем, налив в деревянную чашку сыворотку, поднялся на крышу, оставив внизу разозлившуюся Пати́ну. 10. Взобравшись на крышу и держа в руках деревянную чашку, Исагур начал кричать: 11. — Эй, люди! Девушки! Парни! Старые и молодые! Мне моя Пати́на дала эту сыворотку! 12. — Эй, Пати́на! 13. Меня мучает жажда, скажи, можно отсюда снять еще чего-нибудь или нет? Я хочу пить.

14. Испугавшись Пати́ны, Исагур не приходил домой целых три дня. 15. Домой его привел сосед Папи.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЧУНИБ БЕТАДУЛ ИН.

1. Тшощебе чшчшжу йачини гшра васасс жини гшдина йас йокшун'йигилан жинилгу бетшргшбабада загширабула. 2. Йасахшхшл бетшргшбаби йасалда хадур чшчшла. 3. Йас разихшхшнни васасси э абизи хшдуршбула.

4. Васассул эбелашхш ва инсуца гшгарал чагшги ракла-рун йасахшхш сайигшаталги росун йас абизи уна.

5. Гшр абизи инив чшсс йасахшхш гурде йашшунни гшда-чш босула.

Гшб сордоя йас высасси абула.

6. Гшб сордоя йас васасси абула.

7. Абаралтшсса нахш васги йасги гшдамалда щере цу-цада клшхшзи нечшла, амма буркшунза аскшр хшвадула.

8. Цш заманалдасса беташи хшдуршбула.

9. Бетин гшбизи щебе васассул бетшргшбаби ини кшкола йасахшхшхш хшрсотш¹ абун. 10. Хшрсотш инагу сайигшат тун батшяб васассул бетшргшбаз йасахшхшхш гшн ва чшгшги босула. 11. Гшнал батш куй бачиниги бегшла. 12. Бетин гшбулиб сордоя гштш хинклал абун хинклалги росунги уна. 13. Хадуссан васасси йасахшхшун магшари хшла ва сельсоветалда регистрацияги гшбула.

14. Хашу васассул бакшхш кинналгу руччаби, йасал уна йсахшхшл аргал росси: «аргатш» абун инагу нухассан йасаз кеш ашшла.

15. Нижер бахшаралда хшм-хшл махш буго. 16. Нижер бахшарахшхшл билил тшбкшнниб вехшун гшль бугу, гшлун рахш бугу... 16. Васассул рокшсса хшбгу у(ш)кш чи витшла йас йачини.

17. Сагш анцшгуалди йас рокшй васассухш йачуна.

18. Сагш анцилацшялди руччаба ва херал бихшналги рокшори уна, гшлохшбаби ххутшн. 19. Гшб сордоя васасс гшлохшбазии чшуттукшутшб рехшла (щшшшлакш). 20. Хш-бшгу кшя гшбула сшхшбат. 21. Кшибшнлиб сордоя йасахшхшл бетшргшбаби ашшала, васассухш хшбшбшнлиб сордоя васассул бетин ашшла йасахшхшл бакшлшн. 22. Беталшль рашшна ашшарал чагш. 23. Кшибшнлиб сордоя бахшарахшхш васассул гшгарал чагшгш бихшнатш дарайдул ршчел, ршччабатш гурдал ретшла.

24. Бахшарай хашуй чшчшла гурдал гшммер гшризш. 25. Анцила ай(ш)лшялди гшгарун гурдал ршкшна.

Фонетический и грамматический анализ слов, отобранных из текста «Бетадул ин»

1. жини (жиндие) — себе; возвр. мст; дат. п.; =дие>=и (сжатие).

3. разихъанни (разилъанани) — если согласиться; усл. н.; =нани>=нни.

5. гъар (шшибав) — каждый.

5. йасахъхъи (йасалълъе) — девушки; сущ., знг.; дат. п. 2 кл.; =лълъ>=хъхъ; =и<=е.

5. йахъуни (йалъуни) — или; лъ>хъ.

6. цуада (цоада) — друг другу.

6. клахъази (кIалъазе) — разговаривать; инф.; лъ>хъ; =и<=е.

8. хIадурхъула (хIадурлъула) — готовятся; гл. г.; лъ>хъ.

9. йасахъхъухъи (йасалълъухъе) — к девушке; сущ., знг.; алл. 2; лълъ>хъхъ; и<=е.

15. хъола (лъола) — кладут; гл. н; лъ>хъ.

16. хъабгу=у(н)къу (лъабго-ункъо) — три—четыре; лъ>хъ.

23. бихъинатIа (бихъинада) — на мужчинах; сущ. пл.; лI; =тIи=>=д=.

РУССКИЙ ПОДСТРОЧНЫЙ ПЕРЕВОД ТЕКСТА «ЧУНИБ БЕТАДУЛ ИН». «КАК ПРОХОДИТ СВАДЬБА В ЧУНИ».

1. Прежде чем жениться, парень дает знать своим родителям, что он полюбил такую-то девушку.

2. «Владельцы (хозяева)» девушки настораживаются и следят за нею. 3. Если девушка выразит согласие выйти замуж, то ее готовят сватать.

4. Родители жениха и близкие родственники, взяв подарки, идут сватать девушку. 5. Каждый идущий к девушке берет с собой платье или платок. 6. В этот вечер девушка выражает согласие выйти замуж.

7. С момента сватовства парень и девушка воздерживаются разговаривать при людях, но на вечеринках всегда бывают вместе.

8. Через некоторое время начинают готовиться к свадьбе.

9. Перед свадьбой родители парня идут на «хъорсо».

10. Отправляясь на «хъорсо», родители берут с собой подарки, а также мясо и бузу. 11. Вместо мяса можно взять с собой барана. 12. В ночь свадьбы тоже идут, приготовив галушки (хинкал), взяв эти галушки с собой. 13. Через некоторое время молодых венчают и регистрируют в сельсовете. На место, где находится жених, идут женщины, девушки, захватив с собой постели, идя по дороге, они поют такую песню.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Стр.

Г. А. Аликберов. Ревкомы и их деятельность по упрочению Советской власти в Дагестане	5 ✓
А.-Г. С. Гаджиев. Борьба рабочих Порт-Петровска и Дербента за установление советской власти в Дагестане	40 ✓
М. В. Вагабов. Партизанское движение в Дагестане против деникинщины	85 ✓
М. А. Казанбиев. Административно-территориальное устройство Дагестанской АССР	114 .
Г. Османов. О социальном строе Дагестана в конце XVIII—нач. XIX вв.	133
Р. Г. Маршаев, А. С. Омаров. «Постановления» Рустем-хана как источник по истории Кайтага XVII в.	168 ✓

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Д. М. Атаев. Археологические исследования у главного Кавказского хребта	185
---	-----

ЛИТЕРАТУРА

Р. Ф. Юсуфов. Грибоедов и Дагестан	207
Б. М. Магомедов. Некоторые вопросы творчества Гамзата Цадасы	243
Х. М. Халилов. Некоторые особенности художественного мастерства Абуталиба Гафурова	257

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Б. Б. Талибов. Место хиналугского языка в системе языков лезгинской группы	281
Э. Ш. Микаилов. Говор аула Чуни	305

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ ИИЯЛ
Том VII

Редактор Г. А. Аликберов

Техн. редакторы И. А. Клейзмер и Э. С. Геллер

СО1719 Сдано в набор — 28/IX-1959 г. Подписано к печати 9/II-1960 г.
Формат 60x92/16. Объем — 21,0 п. л. Тираж — 1000.
Цена — 12 руб. Заказ № 1264.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
г. Махачкала, 5 жилгородок, корпус 10.